ТАЙНЫ СПЕЦСЛУЖБ

И. Г. АТАМАНЕНКО

ИЗМЕНА ПО КУРСУ ДОЛЛАРА

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Измена родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство, и следует со шпионажем след в след, плечо к плечу. Прочитав книгу, читатель, кроме прочего, удовлетворит свое естественное любопытство и побывает в штаб-квартирах сильнейших спецслужб мира — КГБ и ЦРУ, — где готовились самые дерзкие операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому.

- И. Г. АТАМАНЕНКО
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Часть первая
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
  - Часть третья
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
  - Часть четвертая САГА РОБЕРТА ХАНСЕНА
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая

        - Глава пятая
    - Часть пятая
        - Глава первая
        - Глава вторая
        - Глава третья
        - Глава четвертая
        - Глава пятая
        - Глава шестая
        - Глава седьмая
        - Глава восьмая
        - Глава девятая
        - Глава десятая
        - Глава одиннадцатая
        - Глава двенадцатая
        - Глава тринадцатая
        - Глава четырнадцатая ВСТРЕЧИ «В ОДНО КАСАНИЕ»
        - Глава пятнадцатая
        - Глава шестнадцатая
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

И. Г. АТАМАНЕНКО
Измена по курсу доллара

Ad Anghelina Fomina, lamorepiu brúcente ed appassionato per tutta la mia vita, lo dedico…

ПРЕДИСЛОВИЕ

В спорах о том, какая из двух древнейших профессий — проституция или шпионаж — появилась раньше, историки оставили без внимания еще один вид деятельности, также претендующий на статус древнейшего, — предательство.

Предательство в форме измены родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство, и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу.

В истории земной цивилизации бессчетно много примеров, когда предатели пренебрегли долгом чести и морали, попрали законы человеческого общежития, вероломно нарушили воинскую присягу.

Например, 300 спартанцев во главе с царем Леонидом во время греко-персидской войны стойко обороняли Фермопилы и устояли бы, но все пали смертью храбрых в результате предательства, когда двурушник провел воинов Ксеркса им в тыл.

Афинский стратег Алквиад покинул войско в переломный момент Пелопоннесской войны и перешел на сторону Спарты.

Гетман Мазепа предал Петра Великого и переметнулся к шведскому королю Карлу XII…

Примеры измены военачальников далекого прошлого можно множить бесконечно, но в книге рассматриваются случаи, которые имели место в среде научно-технической интеллигенции и элиты офицерского корпуса — сотрудников спецслужб — Советского Союза, Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки во второй половине XX — начале XXI в.

Более того, автор пытается осмыслить именно те казусы, которые, с одной стороны, поражают воображение уровнем причиненного финансово-материального ущерба, с другой — необъяснимы с точки зрения ординарной людской логики и психологии.

Анализируя преступные деяния указанных категорий лиц, автор делает вывод, что не всегда в основе оглушительно громких случаев измены родине лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подверглось не только само событие предательства, но причины и мотивы, способствовавшие его совершению.

В этой связи показательными представляются случаи измены родине высокопоставленным сотрудником Федерального бюро расследований США Робертом Хансеном и генерал-майором Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР (ГРУ) Дмитрием Поляковым.

Неудовлетворенность своим положением в системе координат родной спецслужбы заставила Хансена обратиться с предложением своих услуг КГБ. Но более денег Хансена увлекала возможность водить за нос начальство, обладать большей, чем оно, информацией, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег.

Его поступки были обусловлены еще одним обстоятельством. Будучи интеллектуально выше своих сослуживцев и начальства, Хансен критично оценивал их умственные способности и культурный уровень, втайне презирая их. Сотрудничая сначала с советской и затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил этому сладостное подтверждение.

Казус Дмитрия Полякова уникален по многим признакам.

Во-первых, потому, что в системе военной разведки он сумел так высоко подняться и приобрести охранную грамоту в виде генеральского звания. Во-вторых, по сроку — 25 лет, — что предатель «таскал из огня каштаны» для ФБР и ЦРУ. В-третьих, по объему и ценности переданной им противнику информации. В-четвертых, потому, что Поляков за все время работы на США не попал в поле зрения нашей контрразведки, а был разоблачен лишь благодаря нашим «кротам» в американских спецслужбах. Наконец, потому, что руководство ГРУ, однажды проигнорировав сигнал о его шпионском промысле, не провело надлежащего расследования, поскольку не желало выносить сор из избы.

На следствии выяснилось, что генерал был предателем по убеждению. Отвергая политические ориентиры советского правительства времен хрущевской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предает забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Но основным побудительным мотивом, толкнувшим его в объятия спецслужб противника, была месть за младенца-сына, которого можно было спасти, но из-за равнодушия руководства ГРУ он безвременно погиб.

Безусловный интерес для читателя представляют рассекреченные материалы о сотрудничестве московской резидентуры ЦРУ и сверхприбыльного агента «Сфиэ» — ведущего конструктора Всесоюзного НИИ Министерства радиопромышленности СССР «Фазотрон» Адольфа Толкачева. Он, нанеся своей маниакальнопреступной деятельностью *многомиллиардные* убытки СССР, преподнес США на блюдечке с голубой каемочкой всю нашу военную авиарадиоэлектронику.

Казус Толкачева — доказательство тому, что не только в основе отдельных быстро нажитых состояний XX века лежит

преступление, порой своим процветанием ему обязано и такое государство, как Соединенные Штаты Америки…

О том, как ЦРУ и Министерство обороны США высоко оценивали своего агента и как щедро оплачивали его услуги, можно судить по одному факту. Пытаясь уничтожить улики своей преступной деятельности, «Сфиэ» сжег более 400 000 рублей (на эти деньги в 1985 г. можно было приобрести более 70 (!) автомобилей «жигули» ВАЗ-2101), но даже после этого у него дома при обыске было изъято около полутора миллионов рублей. Кроме того, два с половиной миллиона долларов были депонированы на банковских счетах Толкачева в Соединенных Штатах Америки.

Прочитав книгу, вы, кроме прочего, удовлетворите свое естественное любопытство и побываете «на кухнях» — в штаб-квартирах — самых сильных спецслужб мира — КГБ и ЦРУ, — где готовились самые «пикантные блюда» — операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому…

Часть первая
ОХОТА НА «КРОТОВ»

Все семьдесят лет своего существования СССР являлся государством тотального дефицита, однако никогда не испытывал нехватки в одном. В перебежчиках.

Если не считать исхода евреев из Древнего Египта, ни из одной другой страны мира не бежало столько ее граждан, как из Советского Союза.

Бежали все: помощники вождей и балерины, писатели и спортсмены, министры и рабочие. Но то были физические перебежчики. А сколько было духовных, кто по ночам, прильнув к радиоприемникам, с жадностью внимал «вражьим голосам» — радиостанциям «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна», «Голос Израиля», чтобы хоть на час, хоть мысленно, но оторваться, убежать от советской действительности!

И дело не в особенностях менталитета граждан страны Советов. Примерно та же картина наблюдалась и в других странах социалистического лагеря.

Кстати, вы никогда не задумывались, почему мы говорили «лагерь социализма», но «мир капитализма»? Может потому-то и бежали, что социализм *был лагерем?*..

В начале 1980-х гг. в среде сотрудников советских спецслужб широкое распространение получила тенденция уходить внаем к противнику. Уходить в шпионы. На профессиональном арго спецслужбистов это называется стать «кротом».

Продолжая занимать престижные должности в силовых синекурах, они фактически работали в пользу США, исправно поставляя своим заокеанским хозяевам сверхценную информацию.

Продавая противнику наши стратегические секреты, «кроты» исподтишка готовились к «мягкой посадке» на Западе. Это была самая опасная и убыточная для СССР разновидность перебежчиков.

Став «кротом», имярек исправно, а иногда с еще большим рвением, чем прежде, продолжал исполнять функциональные обязанности на своем рабочем месте, а всю конфиденциальную, секретную и особой важности информацию аккуратно «сливал» своим закордонным работодателям. Разумеется, за приличное вознаграждение, во много раз превышавшее его должностной оклад в родном учреждении.

Через некоторое время тенденция ухода в «кроты» приобрела

такое распространение в среде офицеров нашей разведки, что их коллеги из западных спецслужб уже захлебывались от наплыва этих «инициативников» и брали на иждивение только самых-самых выдающихся секретоносителей. Хотя и таких к ним являлось немало с предложением своих услуг…

Да, в 1980-х — середине 1990-х гг. в СССР наблюдалось просто перепроизводство шпионов. Опять мы были впереди планеты всей. И как знать, не назовут ли исследователи последующих столетий то время «пиком шпионской революции» в России? И, возможно, будут правы. Тогда-то мы и узнаем, сколь велико было число «кротов» тех времен. Хотя о них и сейчас уже известно достаточно…

Впрочем, чего греха таить, тому были и объективные причины.

Разрушение разведки и контрразведки, замена Крючковых на Бакатиных, Баранниковых на Барсуковых, разбазаривание высококлассных профессионалов, обнищание научно-технической интеллигенции и наших офицеров, имевших доступ к гос-секретам, не могло не сказаться на нашей обороноспособности.

«Рокировки», проводимые Горбачевым, а в последующем Ельциным, создавали благоприятные условия для успешной деятельности в нашей стране всем западным спецслужбам. В то время они чувствовали себя в России, как микробы в питательном бульоне…

Правда, не все было разрушено по инициативе и недоумию российских руководителей-временщиков КГБ, кое в чем им помогала злая воля нашего традиционного противника — экспертов ЦРУ и других американских спецслужб, — которая-то, в конце концов, и двигала руками наших предержащих властей.

Нисколько не обеляя измены, автор, опираясь на конкретные факты, прослеживает, как и почему сотрудники советских спецслужб инициативно предлагали свои услуги ЦРУ, то есть становились «кротами». Справедливости ради следует добавить, что они составляли лишь ничтожно малую часть от многотысячного корпуса разведчиков, действовавших в мире искусительных миражей западной действительности…

Глава первая
СУПРУГИ-ШПИОНЫ

В конце августа 1985 г. заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Николаевич Зайцев был срочно отозван из отпуска и получил приказ подобрать и подготовить бойцов для «съема» (на профессиональном жаргоне — негласное задержание) полковника Геннадия Сметанина, помощника резидента ГРУ в Лиссабоне.

От нашего особо ценного агента Олдрича Эймса, возглавлявшего контрразведывательное отделение в одном из подразделений ЦРУ, стало известно, что Сметанин и его жена Светлана занимаются шпионажем в пользу США с 1983 г.

Полковник инициативно предложил свои услуги ЦРУ. Вызвавшись сотрудничать, он на первой же встрече за свои услуги запросил миллион долларов, за что получил оперативный псевдоним «Миллион», под которым и проходил в секретных платежных ведомостях ЦРУ.

Получив решительный отпор, Сметанин умерил свои аппетиты до 360 тысяч долларов. Пояснил, что именно такая сумма ему нужна, чтобы покрыть растрату казенных денег.

ЦРУ заплатило ему, но к его истории отнеслось с подозрением, решив, что полковник просто хочет продать себя подороже. Действительно, верилось с трудом, что в такой крошечной оперативной точке, каким являлся Лиссабон, могли крутиться такие огромные деньги. Однако псевдоним агенту оставили прежний — «Миллион».

* * *

В конце августа Сметанин получил очередной отпуск и вместе с женой-подельницей прибыл в Москву.

Силами «наружки» и «слухачами» из 12-го отдела КГБ СССР (прослушивание телефонов и внедрение микрофонов) за супругами велось круглосуточное наблюдение.

Тотальный контроль принес результаты: были получены данные, прямо указывавшие на сбор ими дополнительных сведений для американских работодателей, а также о намерении супругов остаться за границей навсегда.

К примеру, полковник, неожиданно воспылав любовью ко всем своим однокашникам по службе в ГРУ, стал активно

посещать их на дому и во время застолий делать «фотографии на память».

Ясно, что эти снимки значительно пополнили бы картотеки американских спецслужб, затруднив впоследствии работу наших военных разведчиков при выезде в заграничные командировки.

Пробыв в Москве около трех недель, супруги-шпионы отправились в Казань, чтобы навестить и, как небезосновательно считали в КГБ, попрощаться с родителями и близкими.

«Лучшего места для негласного задержания шпионской парочки не придумать!» — решил Зайцев и с группой захвата немедленно вылетел в Татарию.

Через три дня он понял, что скрытно «снять» супругов не удастся: они все время были окружены многочисленными родственниками и друзьями. Тем не менее, Зайцев не отказался от мысли провести «съем» именно в Казани, на вокзале или в аэропорту — в зависимости от того, какую обратную дорогу предпочтут Сметанины.

Свои соображения «альфовец» доложил в Центр и получил добро.

* * *

12 сентября местные сыщики наружного наблюдения, на которых возлагался визуальный контроль за передвижениями шпионов, доложили Зайцеву, что объекты взяли билеты на самолет и 14 сентября должны вылететь в Москву. Одновременно слуховым контролем телефонных разговоров брата Сметанина удалось установить, что объект конспиративно, с помощью своих родственников приобрел два билета на скорый поезд № 37 Казань — Москва.

Эти маневры «подопечного» насторожили Зайцева. На память пришли события пятилетней давности — обстоятельства побега за границу начальника отдела Восьмого главного управления КГБ (связь и шифровальная служба) Виктора Шеймова, который вместе с семьей был вывезен американцами на самолете прямо из аэропорта Внуково. Накануне побега Шеймов, чтобы иметь выигрыш во времени, в пятницу сообщил начальству, что на выходные дни уезжает на дачу приятеля в Подмосковье. Поэтому его хватились лишь в понедельник, когда он уже был недосягаем.

«Уж не хотят ли американцы повторить шеймовский вариант с Сметаниными? Если да, то становится понятным демонстративное приобретение супругами билетов на самолет — это отвлекающий маневр. Значит, — продолжал анализировать

ситуацию Зайцев, — в аэропорту они не появятся, там же надо проходить регистрацию, то есть «светиться»!»

Как назло, утром того дня, когда супруги-шпионы должны были покинуть Казань, местная «наружка» их потеряла! Не веря до конца в возможность побега Сметаниных, Зайцев начал лихорадочно листать сводки наружного наблюдения и слухового контроля, пытаясь найти в них какую-нибудь зацепку, ранее незамеченную деталь, которая могла бы указать на возможное место пребывания объектов…

Нашел!

В день приезда Сметаниных в Казань им кто-то позвонил по межгороду. Услышав голос звонившего, Геннадий не стал с ним разговаривать, ограничился короткой репликой:

«Я тебе перезвоню позже, извини, мы только что с дороги».

Казанские технари быстро установили, что звонок поступил от двоюродного брата объекта, проживавшего в поселке Козловка. Однако в дальнейшем Сметанин попыток связаться с ним не предпринимал. Но полной уверенности в этом не было, так как шпион мог позвонить брату с телефона своих многочисленных родственников и друзей.

Зайцев развернул карту Татарии. Так и есть! Козловка находится в непосредственной близости от железнодорожной магистрали Казань — Москва.

* * *

До вылета самолета в Москву оставалось два часа, до отправления поезда — три, когда Зайцеву удалось убедить свое руководство в Центре, что ему с группой захвата необходимо выехать в Козловку.

Действительно, что оставалось делать? Ясно было, что приобретение билетов на самолет — блеф, причины которого еще предстояло выяснить.

Билеты на поезд? Но Сметаниным не обязательно погружаться в поезд именно в пункте отправления — Казани, они спокойно могут сесть и в Козловке, что всего в сорока километрах. Если, конечно, они еще там!

На всякий случай Зайцев решил выждать один час, оставаясь в Казани. В Козловку он выслал разведдозор во главе со своим заместителем Виталием Демидкиным. Учитывая скорость, с которой привыкли передвигаться «альфовцы» в ходе выполнения боевых заданий, нет ничего удивительного, что уже через сорок минут Демидкин вышел на связь и доложил, что супруги-шпионы

гуляют «по-черному» в обществе двоюродного брата Геннадия и его приятелей.

У Зайцева отлегло от сердца — «крот» найден!

Обнаружение «крота» отнюдь не решало проблем — брать шпионскую парочку на станции все равно нельзя: их наверняка будут провожать родственники и собутыльники. Может завариться такая каша!

Значит, «съем» придется проводить непосредственно в поезде, во время движения. Легко сказать! А если объект начнет отстреливаться? Да при этом, не дай Бог, кого-то из пассажиров ранит или убьет?! Ведь до конца службы не отпишешься…

И все-таки другого выхода нет — надо брать только в поезде…

* * *

После задержания Сметаниных от их имени казанским родственникам была послана телеграмма, что они досрочно улетели за границу — отозвали из отпуска.

Столичные знакомые шпионской парочки пребывали в неведении, думая, что они задержались в Казани.

Разумеется, истинное место пребывания супругов скрыть нужно было не столько от их родственников и знакомых, сколько от заокеанских операторов. Чем позднее они узнают о провале своих агентов, тем лучше для нас. И для безопасности человека, который вывел Комитет на шпионскую парочку.

* * *

Геннадия и Светлану «сняли» через пятнадцать минут после того, как поезд отошел от перрона Козловки.

Задержание произошло бы гораздо позже, если бы отступник ехал без жены. Надев парик и очки, он настолько изменил внешность, что идентифицировать его по имевшимся фотографиям категорически не представлялось возможным.

Тут же в купе предателя переодели в заранее приготовленный спортивный костюм и отобрали личные вещи — правило, которому неукоснительно следовали группы захвата. Делалось это исключительно с одной целью: обнаружить предметы, в которых могли находиться капсулы со смертельным ядом.

Во время осмотра вещей Сметанина «альфовцев» насторожило то, как он настойчиво пытался вернуть себе

отобранные очки. Странно, тем более что стекла в очках были без диоптрий.

Как выяснилось в дальнейшем, в дужках очков находились ампулы с сильнейшим ядом из семейства курареподобных. Сметанину достаточно было сжать пальцами дужки, чтобы из микрорезервуаров вытекла смертоносная жидкость. Ее даже глотать не надо было! Попав на кожу, капля яда гарантировала уход в мир иной в течение 20 секунд. Единственное, что могли бы при вскрытии констатировать патологоанатомы — смерть от острой сердечной недостаточности.

…Личный обыск Светланы Сметаниной не проводили до самой Москвы — в группе захвата отсутствовали женщины. Исходя из мер предосторожности, ей надели наручники, а отдельные части туалета и аксессуары тщательно осмотрели и даже прощупали.

В богато расшитом поясе, инкрустированном черненым серебром, были обнаружены сорок четыре ячейки с… крупными алмазами] В ходе допросов выяснилось, что алмазы были переданы супругам двоюродным братом Геннадия, ранее работавшим на алмазных приисках Якутии.

После продажи их за границей Мистер «Миллион» вплотную приблизился бы к своей мечте состояться миллионером…

Глава вторая
ЗАМИНИРОВАННЫЕ БОРДЕЛИ

Похищать секреты — все равно что тайком, ложка за ложкой таскать бабушкино варенье из начатой банки.

Это только кажется, что бабушка не замечает, как уменьшается уровень медового варева. Приходит день, когда ты, забравшись в комод к вожделенной банке, вдруг получаешь крепкую затрещину: «Попался, негодник!»

Оказывается, бабушка давно уже наблюдала за тобой в ожидании, когда ты, наконец, сделаешь свой роковой шаг, чтобы схватить тебя с поличным…

…Геннадий Вареник, офицер КГБ, находившийся в служебной командировке под прикрытием сотрудника корпункта АПН в Бонне, работал в пользу США чуть более полугода.

Он предложил свои услуги в качестве шпиона сотруднику ЦРУ Чарльзу Левену в апреле 1985 г. после того, как растратил полученные им на оперативные расходы семь тысяч марок. Эти деньги ушли на развлечения, на приобретение новой мебели, платья для жены и одежды для дочерей.

Вареник заблуждался, считая, что по собственной инициативе установил контакт с сотрудником ЦРУ. Первый шаг для сближения был сделан все-таки Левеном, разумеется, не без помощи других сотрудников американской резидентуры в Бонне. Ими были созданы условия, вынудившие советского разведчика искать материальную помощь у могущественного ведомства, каким является ЦРУ.

* * *

Чарльз Левен, человек неопределенного возраста, от тридцати до сорока пяти лет, находился в Бонне в качестве журналиста, якобы представлявшего сразу несколько американских изданий. Какие темы он освещал, на полосах каких изданий, этого никто не знал, однако поговаривали, что из-за своих снайперски метких публикаций он приобрел немало недоброжелателей, поэтому в последнее время вынужден печататься исключительно под псевдонимами.

Принадлежность американца к миру журналистики ни у кого не вызывала сомнения, потому что он всегда был в курсе самых последних сенсаций и скандалов, касались ли они великосветских

тусовок или правительственных кругов Германии. Он был вхож в самые закрытые клубы по интересам, панибратски мог похлопать по плечу многих членов кабинета министров, не говоря уж о парламентариях, над которыми он любил откровенно поиздеваться.

В журналистских кругах его звали «душкой Чарли», и многие иностранные репортеры, аккредитованные в Бонне, считали за честь провести с ним часок-другой за кружкой пива, пытаясь выведать мнение всезнайки об очередном скандале или сенсации.

* * *

Идея «Фитнеса» — псевдоним, присвоенный Варенику американцами — добровольно «таскать каштаны из огня» была щедро проавансирована ЦРУ: денег дали столько, что хватило не только покрыть недостачу, но и приобрести много других красивых вещей.

Умело манипулируя страхом руководства ЦРУ перед вездесущим КГБ, Вареник на очередной явке сообщил своему оператору, что Комитетом разработана операция, призванная создать видимость, что немцы не приемлют присутствия американских войск на территории Германии. Для этого он, якобы, получил задание подобрать рестораны и бордели, посещаемые американскими военнослужащими, где можно было бы заложить мини-бомбы.

Со слов Вареника, КГБ, взорвав там бомбы, рассчитывал не только вызвать протест американского командования в адрес немецких властей, но и создать стену отчуждения между США и Германией. Ну а чтобы новые хозяева охотнее поверили в этот бред, Вареник представил им подробнейшую информацию об операциях КГБ в Германии, в частности, «сдал» трех наших информаторов из числа высокопоставленных чиновников западногерманскою правительства.

Как впоследствии на допросах признался Вареник, нелепица о мини-бомбах пришла ему в голову, когда он дома наслаждался просмотром кинобоевиков американского производства.

Однако досужий вымысел вызвал в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли невероятный ажиотаж. Еще бы! Ведь сведения получены от секретного агента, который является сотрудником советской спецслужбы! Когда информация — плод больного воображения «Фитнеса» — достигла Белого дома, она пришлась как нельзя кстати. Незадолго до этого Рейган назвал СССР «империей зла». Таким образом, данные, представленные Вареником, были

восприняты в администрации президента как подтверждение тезиса о жестокости Советов. Спешно ЦРУ дало задание своим офицерам ознакомиться с обстановкой в указанных предателем злачных местах.

«Да, — телеграфировали они в Лэнгли, — информация «Фитнеса» подтверждается!»

* * *

Если врага нет — его надо выдумать. Не беда, если это произойдет даже в горячечном бреду.

Этим постулатом пользовались цэрэушники, направленные на рекогносцировку в кабаки и бордели, посещаемые американскими военнослужащими.

На протяжении десятилетий смыслом существования Центрального разведывательною управления была борьба с СССР, с коммунизмом. И если бы кадровые сотрудники не подтвердили бредового вымысла Вареника, то ЦРУ становилось «голым королем». И как тогда прикажете оправдать перед налогоплательщиками годовой бюджет этого монстра, достигший к тому времени более пяти *миллиардов* долларов?!

Не найди цэрэушники подтверждения информации, представленной «Фитнесом», руководству ведомства было бы гораздо труднее морочить головы и американским законодателям, и налогоплательщикам, запугивая их советской угрозой.

Все силы руководителей ЦРУ были направлены на создание видимости, что Советский Союз — мощный агрессивный противник. Хотя на самом деле в Управлении прекрасно знали, что это далеко не так — ни по потенциалу, ни по стратегическим устремлениям СССР…

Однажды сумев ввести своим новым хозяевам возбуждающий воображение наркотик, Вареник пошел дальше.

4 ноября он по экстренному каналу связался с Чарльзом Левеном и заявил, что со дня на день КГБ установит минибомбы, а его для дополнительного инструктажа вызывают в Восточный Берлин. В этой связи предложил свою помощь: он дезертирует и сделает публичное заявление-признание. Однако в Лэнгли среди ветеранов разведки нашлись трезвые головы, которые охладили пыл зарвавшегося агента. «Фитнесу» было объявлено, что ЦРУ держит ситуацию под контролем и просит его повременить с переходом на Запад. Вместе с тем «кроту» за проявленное рвение

было выплачено дополнительное вознаграждение.

А он только этого и добивался. Привыкнув к легко достающимся деньгам, Вареник «добывал» интересующие его «работодателей» сведения, не вставая с кушетки. Удобно, черт возьми! Смотришь дома по телевизору американские боевики, а затем их содержание пересказываешь на явке своему американскому оператору — он все равно проглотит, ведь информация исходит от сотрудника советской спецслужбы!

Какой резонанс в мировой прессе могут придать его бреду «ястребы» из ЦРУ, какие политические выгоды для себя извлечь, — это Вареника нисколько не интересовало, главное — платили бы исправно! Справедливости ради следует добавить, что одними только «сочинениями на вольную тему» работа Вареника в пользу США не ограничивалась.

Характеристики на вновь прибывших сотрудников ТАСС и АПН, которых американцы подозревали в принадлежности к КГБ; копии со служебных документов, попадавших в руки изменника по роду основной деятельности; сведения о намечаемых советской резидентурой в Бонне мероприятиях — вот неполный перечень информации, переданной Вареником своему оператору Чарльзу Левену.

Кроме того, советские эксперты по делам спецслужб в Бонне полагают, что Вареник «сдал» противнику около 200 кадровых сотрудников КГБ и ГРУ и их информаторов.

Пример с Вареником — это еще и свидетельство тому, как быстро может возникнуть у агента и его кураторов взаимозависимость, имеющая, правда, разную природу.

Хозяевам нужна информация, какой бы бредовой она ни казалась на первый взгляд, «кроту» — легкие деньги.

* * *

В 1997 г. в российской периодической печати появились высказывания родственников Вареника: дескать, за что же его расстреляли, если ничего плохого он своей отчизне не сделал, а только Комитету госбезопасности. Да и вообще, был он образцовым семьянином, не пил, не курил, интимных подружек не имел, был добрым и отзывчивым, даже помогал своим коллегам по корпункту.

На этот посыл можно ответить коротко: Вареник — предатель, а товарищеские отношения по работе и благополучие в семье не исключают предательства.

Понятна озабоченность его близких окружить его

романтическим ореолом. Однако у всех тех, кто имел отношение к расследованию обстоятельств его измены, ни на мгновение не возникло никаких сомнений, что продался он противнику исключительно по меркантильным соображениям. В полной мере к нему подходит классическое определение «идейный борец за денежные знаки».

Что же касается утверждений, что Родине своей он ничего плохого не сделал, но только Комитету госбезопасности, этому недремлющему оку и всеслышащему уху государства, то такая позиция по меньшей мере выглядит вызывающей.

Злоумышленник отрежет вам ухо, выколет глаз, а затем его защитники примутся убеждать вас, что намерений причинить ущерб лично *вам* он не имел. Вы поверите?

Глава третья
ОБМЕН: $2 МИЛЛИОНА НА 18 ЛЕТ ТЮРЬМЫ

Измена — пропуск в ЦРУ

Когда арестовали полковника ФСБ Александра Запорожского и предъявили ему обвинение в шпионаже в пользу США, многие его коллеги были в шоке. Чего не хватало обвиняемому?

Две новеньких «Волги», две кооперативные квартиры в центре Москвы, две дачи, приличная полковничья пенсия. Дети пристроены в престижные столичные вузы. Ему только 52 года — наслаждайся жизнью, путешествуй, занимайся детьми и дачами! Ан, нет же, все мало, захотелось прилива адреналина в кровь или денег в карман?!

Но нет, не знали коллеги, кто таков на самом деле Александр Запорожский.

* * *

Личность незаурядная. Трудоголик. Здорового честолюбия — через край, блестящий аналитик с сильным характером и склонностью к авантюризму (а кто из разведчиков или контрразведчиков лишен этого качества, — бросьте первым в меня камень!). Он умело скрывал эти свои достоинства от окружающих. Свободно владел одним из труднейших языков мира — ахмарским, государственным языком Эфиопии, где в начале своей оперативной карьеры ему довелось работать в качестве «охотника за головами» — вербовщика.

Но какая карьера в Эфиопии, даже если ты свободно изъясняешься на ахмарском? Да у любого чиновника из Министерства вооружений Эфиопии можно было купить за десять-двадцать американских долларов контракт на поставку советского вооружения. Правда, те же чиновники, что брали деньги, впоследствии под разными предлогами отказывались от закупок советского оружия. Но от секретного сотрудничества не отказывались — исправно писали подписки о готовности сотрудничать с КГБ и расписки в получении денег.

Запорожскому от надежной и проверенной агентуры стало известно, что Эфиопия никогда не пойдет на закупки вооружений

в СССР, так как все стрелковое и тяжелое оружие в течение десятилетий закупалось только в США. Что же ему здесь делать? Совершенствовать свои знания в ахмарском, если он не может продать ни одной установки «Град»?!

Нет, это — тупик. Денежный, спокойный, но тупик! «Бежать отсюда надо, и как можно скорее — годы-то идут, оперативный нюх притупляется. Нет-нет, бежать, и не откладывая это на завтра. Сегодня же надо написать первый рапорт. Затем второй. Если надо, то и десятый! После этого в Центре поймут, что меня отсюда надо переводить. А куда? Да хоть в Нигерию! Все, решено, сегодня же кладу рапорт на стол резиденту! И будь что будет! Хватит, надоело! Пусть присылают сюда какого-нибудь стажера, а я ведь, как-никак, в подполковниках хожу! Пусть подыщут мне какой-нибудь англоговорящий отдел. А почему бы и нет?!»

* * *

Ко многим из написанных Запорожским рапортов о переводе в другое место, а также к вербовке десятков эфиопов — не простых бомжей в лохмотьях, но высокопоставленных чиновников военного ведомства Эфиопии, от которых зависела закупка американского или советского вооружения, Центр проявил должное внимание, и он, Запорожский, к своему ошеломлению получил назначение… в самое сердце, алтарь СВР — американский отдел! Ну и пусть заместителем начальника отдела — главное впереди!

Запорожскому присвоили звание полковника, но саднило душу, что не дали генерала. Да и держава вдруг поскакала галопом в криминальный капитализм. А в нем, в капитализме, столько возможностей! Теперь на свои четырехкомнатные кооперативные квартиры в центре Москвы он смотрел как на лачуги, а на две новенькие «Волги» — как на изношенные самокаты…

И полковнику захотелось много денег.

Свое желание он реализовал в 1994 г. в Аргентине — очень кстати подвернулась короткая командировка. Заглянул с мерами предосторожности в посольство США и вызвал местного резидента ЦРУ Вильяма Ортмана. Обалдевший от такого сюрприза американец выскочил в фойе посольства в пижаме и тапочках на босу ногу…

ЦРУ превращает «Скифа» в артезианскую скважину

Запорожский отдавал себе отчет, какой царский подарок он преподносит своим новым друзьям, как и знал цену своей информации, тем более что американцам для ее добычи пришлось бы приложить ох как много сил и времени. Да и увенчались бы их потуги успехом?!

Запорожского взял на связь сам Стивен Каннес — начальник контрразведки ЦРУ, присвоив «новобранцу» псевдоним «Скиф».

«Кроту» предложили вполне приемлемые условия: в случае опасности защиту в лице администрации президента США и много денег, а взамен потребовали сведения, которые день за днем, в течение *трех* лет с усердием водонасоса выкачивали из нового друга Соединенных Штатов.

И новоявленный замнач американского отдела, «крот» по кличке «Скиф», не подвел своих новых работодателей. Он «слил» им информацию обо всех известных ему разведчиках российских резидентур в США, Канаде, Латинской Америке и Западной Европе, агентуру и намечавшиеся операции.

К счастью, в СВР умеют хранить свои секреты — Запорожский, несмотря на свой высокий пост во внешней разведке, знал далеко не все.

ЦРУ приобрело ему на территории США два коттеджа. Один за 407 тысяч долларов в «зеленом поясе» пригорода Вашингтона, второй — за 890 тысяч в штате Мэриленд, в местечке Кокисвилл, и целый парк авто самых престижных марок. Общая стоимость подарков превышала два миллиона «зеленых» — свидетельство того, что «Скиф» «сдал» своим цэрэушным работодателям горы секретной информации…

Первые подозрения ФСБ и СВР

В 1997 г. Запорожский подал рапорт об увольнении. Но к этому времени у управления «К» (внешняя контрразведка ФСБ), да и у Отдела собственной безопасности СВР накопились некоторые подозрения, что новоиспеченный замнач американского отдела — двурушник. За год до этого ФБР арестовало некоего американского дипломата, которого усиленно разрабатывали в вербовочном плане управление «К» ФСБ и СВР. Со стороны внешней разведки этот проект продвигал именно Запорожский.

Но какие, товарищи, могут быть подозрения в отношении такого мастодонта разведки, орденоносца, почетного чекиста, аса вербовок, каким считался Запорожский?!

Поскольку весомой доказательной базы о причастности

Запорожского к аресту американского дипломата не было, активную разработку его прекратили, но внимательно отслеживали его намерения и шаги.

Отсутствие прямых доказательств

В 1997 г. Запорожский ушел на пенсию. В это же время его старший сын Павел, не объясняя причин, подает рапорт и увольняется с третьего курса Академии СВР. Галина, жена полковника, в своем окружении стала рассказывать, что ее мужу предстоит длительная командировка в Западную Европу, вот только дождаться бы окончания средней школы Максимом, младшим сыном…

Все полученные от конфиденциальных источников сведения накапливались и анализировались в ФСБ.

Находится много расхождений в словах и поступках родственников Запорожского и его самого, который сразу же после увольнения оформил загранпаспорта и долгосрочные визы для всего своего семейства на отдых… в Болгарию.

Что это? Перевалочный пункт для более длительного путешествия? Или просто отвлекающий маневр матерого аса разведки? Вопросы, вопросы, вопросы…

Как выманить зверя из логова?

В отделении ФСБ, продолжавшем разрабатывать Запорожского, появлялись все новые данные, свидетельствовавшие о том, что он — бывший «крот» и, занимая должность заместителя начальника американского отдела СВР, работал на ЦРУ.

Но в это время — о удача для Запорожского! — на Запад сбежали два его сослуживца, сотрудники СВР Третьяков и Торопов. Перебежали, даже не пытаясь изображать из себя лиц, преследуемых по политическим мотивам.

Для Запорожского это был подарок: вот они — предатели, а я — хороший!

Хороший, да, ты хороший, сделали вид в отделении ФСБ, продолжавшем заниматься его разработкой. И Запорожский ничего не заподозрил, когда в 1999 г. посетил Россию, прибыв из Соединенных Штатов…

Визит был с дальним прицелом.

Во-первых, надо было убедить всех в своей незапятнанности:

если б он был виновен в чем-то, то разве решился на поездку?

А во-вторых, ЦРУ затеяло с ФСБ многоходовую игру, где главная роль отводилась Запорожскому.

«Скиф» должен был выполнять роль наводчика на действующих и готовящихся к вступлению в должность и выезду за границу выпускников Академии СВР. Для этого требовалось поддерживать старые связи, заводить новые знакомства. Из заокеанского далека это сделать было невозможно.

По заданию своих шефов из ЦРУ Запорожский и рискнул сделать такой пристрелочный визит в Россию летом 1999 г.

* * *

Все сложилось замечательно: бывшие коллеги его облобызали и отпустили обратно. А спустя два года, когда ФСБ собрала основательную доказательную базу о его работе в пользу ЦРУ, Запорожского пригласили в Москву. И повод нашелся подходящий — 30-летие образования одного из управлений СВР.

«Приезжай, Саша, — сказали ему бывшие соратники. — Посидим за столом, выпьем, вспомним былое. А если проспонсируешь праздник, то честь тебе и хвала!»

Именно этот тонко просчитанный контрразведкой призыв стать спонсором и убедил окончательно «Скифа» в том, что он вне подозрений. Запорожский не стал мелочиться и деньги привез, причем не только на праздник — у него был целый список сотрудников, которых он собирался премировать индивидуально. Для затравки, с дальним прицелом…

…В «Шереметьево-2» Запорожский прилетел 9 ноября 2001 г. Из самолета вышел последним. И страшно оскорбился, когда на его «щедро дающих» руках защелкнулись наручники…

Следствие длилось 18 месяцев. Коллегия Военного суда приговорила Запорожского к 18 годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии строгого режима. Трудно сказать, встретил бы «крот» свой 70-летний юбилей на нарах — ведь в тюрьме уголовники к шпионам относятся еще хуже, чем к педофилам и насильникам несовершеннолетних девочек. Однако на его удачу в июле 2010 г. он в числе других предателей был обменян на группу наших разведчиков-нелегалов, проваленных изменником, отставным полковником СВР Потеевым.

Глава четвертая
АГЕНТ ФБР «СТОЛИЧНОГО» РОЗЛИВА

Вашингтонская резидентура

В начале 1980-х гг. резидентура КГБ в прямом смысле слова находилась под крышей посольства СССР в Вашингтоне, а ее глава руководил операциями с верхнего этажа каменного посольского особняка, который построила в начале века, хотя никогда там и не жила, г-жа Джордж М. Пульман, вдова магната, занимавшегося производством спальных вагонов для железных дорог. Это прямоугольное четырехэтажное здание было приобретено у нее под посольство последним царским правительством и по наследству перешло к советским дипломатам.

Все окна особняка были наглухо задраены. Фотография посольства в доме № 1125 на 16-й улице — всего в трех кварталах от Белого дома — неизменно появлялась в качестве иллюстрации к статьям в прессе о работе КГБ в Вашингтоне в частности и в США вообще. Под снимком — дежурная подпись: «Шпионское гнездо».

Это весьма помогало направить мыслительный процесс американского налогоплательщика в нужное спецслужбам русло.

Для обывателя это было заколдованное место. На крыше небольшого посольского особняка, зажатого с двух сторон высокими зданиями, действительно устрашающе смотрелись многочисленные пауки антенн, в том числе и спутниковой связи.

Нередко сотрудникам посольства, как «чистым» дипломатам, так и «сидящим под корягой» — действующим под дипломатическим прикрытием разведчикам, — доводилось слышать от вашингтонских аборигенов, что с соседних крыш американские контрразведчики — сотрудники ФБР — бомбардируют наше здание электромагнитными импульсами, чтобы прослушивать разговоры в помещениях и по стуку пишущих машинок считывать документы.

Кроме того, внутри здания работали наши собственные электронные системы защиты. К примеру, кабинет резидента, как и положено, представлял собой бронированную комнату (на оперативном арго «подлодку») в комнате обычной, вокруг которой действовало электромагнитное поле. Разумеется, с точки зрения здоровья, особенно мужской потенции, все это было

далеко не безопасно.

На четвертом этаже в четырех тесных комнатушках трудились около 40 офицеров резидентуры КГБ.

Каждый отдел — политическая разведка, внешняя контрразведка, научно-техническая, а также оперативно-техническая разведка — решал свои конкретные задачи.

На секретный этаж вел один вход, и его защищала прочная стальная дверь, имевшая цифровой код.

В помещение запрещалось входить в пиджаке или пальто. Эта мера безопасности была направлена против попыток возможных «кротов» тайком пронести миниатюрную фотокамеру.

Все кабинеты были экранированы, чтобы исключить прослушивание ведущихся внутри разговоров.

Что касается автомобилей, принадлежавших нашим дипломатам, как «чистым», так и «подснежникам», то их багажники взламывались с неизменной регулярностью. Хотя справедливости ради надо признать, что при этом ничего не похищалось. Сам по себе этот факт свидетельствовал, что взломщики были «ведомственными».

Массу неудобств для наших разведчиков создавала и планировка Вашингтона, который представляет собой прямоугольник, поделенный на квадраты. Машинам ФБР очень удобно следовать за наблюдаемым объектом по параллельным улицам…

…Объектом особого внимания местной контрразведки был престижный многоквартирный дом в богатом вашингтонском пригороде Чеви-Чейс, где проживали служащие советского посольства и сотрудники резидентуры.

Дом, он же жилой комплекс под названием «Айрин», был государством в государстве. Видеокамеры и швейцары денно и нощно несли охрану у входных дверей.

Репортеры бульварной газеты «Нэшнл инквайерер», да и респектабельной «Вашингтон пост» в поисках сенсационных документов неоднократно проверяли содержимое мусорных пакетов, которые выставлялись по утрам у «Айрин».

Идея покопаться в чужой помойке не была оригинальной, так как изучением советского мусора не гнушалась и американская контрразведка. С практической точки зрения делать это сотрудникам ФБР было очень удобно, так как советские дипломаты, журналисты и разведчики свои полиэтиленовые мешки выносили во двор, где стояли контейнеры, откуда их регулярно изымал спецгрузовичок… разумеется, состоявший на балансе ФБР.

В «Айрин» не сдавали квартиры жильцам с собаками,

кошками и малолетними детьми. Жильцы были обязаны застелить три четверти квартиры коврами, чтобы не беспокоить соседей с нижнего этажа. Все прегрешения жильцов фиксировались в отдельной карточке, которая хранилась в управлении домом вместе со второй связкой ключей.

Строгий порядок соблюдался и во многом другом. На Рождество, например, жильцам присылали список обслуживающего персонала дома с указанием счета, на который надо было перевести деньги в качестве вознаграждения.

Однако этот строгий порядок не мешал сотрудникам американских спецслужб в любое время проникать в облюбованную ими квартиру. «Домушники» по должности, они беспардонно оставляли следы своей любознательности в отсутствие временных хозяев: окурки в пепельнице, сдвинутые с привычных мест вещи, пятна на ковре.

Однажды жена резидента Станислава Андросова, войдя в свою квартиру, обнаружила клубы сигарного дыма, плотно застилавшие все пять комнат. Очевидно, те, кто посетил апартаменты, ретировались так поспешно, что не успели проветрить помещение.

Вызванный комендант дома невозмутимо заметил, что впредь сигарного дыма не останется. Что ж, и на том спасибо!

Советские граждане — обитатели «Айрин» постоянно ощущали на себе присутствие «кокона» — наружного наблюдения, не покидавшего их ни днем, ни ночью. Настоящая война нервов.

Всем нашим гражданам было рекомендовано при выходе из дома никогда не возвращаться, ибо это могло быть расценено «топтунами» как проверка их бдительности, что, в свою очередь, могло бы вывести их из равновесия, а это уже было чревато изрезанными покрышками на арендованном автомобиле и еще Бог весть чем!

…Как-то утром, на третий месяц проживания в «Айрин», жена Андросова, спустившись в гараж, вдруг вспомнила, что ключи от машины оставила на прикроватной тумбочке. Не медля ни секунды, поспешила к лифту.

Первое, что она увидела, войдя в спальню… башмаки как минимум сорок восьмого размера, торчавшие из-под кровати. Лежавший там «Гулливер» пыхтел и чертыхался. Работал он с таким усердием, что даже не услышал, как за нею захлопнулась входная дверь…

Мгновенно оценив ситуацию, женщина рискнула и бесшумно — благо, напольный ковер скрадывал шаги — подкралась к тумбочке, схватила ключи и исчезла, как призрак.

Только в лифте она вспомнила наставления мужа. Возникли и вопросы: фэбээровец что-то искал под кроватью, или же устанавливал там какую-то спецаппаратуру?!

Из майора КГБ — в агенты ФБР

Объектами особого внимания ФБР всегда были вновь прибывшие из СССР сотрудники посольства. Основная задача Бюро на первом этапе — выяснить, кто они, — «чистые» дипломаты или же «подснежники» — те, для кого дипломатический статус был прикрытием для отправления своих основных, читай: разведывательных обязанностей.

Майор КГБ Сергей Моторин (сын секретаря Томского обкома КПСС) исключением для вашингтонского отделения ФБР не стал. Не прошло и шести месяцев с тех пор, как он приступил к исполнению служебных обязанностей в резидентуре, и американцы решили «потрогать его за вымя» — выяснить его ценностные ориентиры, уровень профессиональной подготовки, опыт работы и т. д. Попали в «десятку». Став жертвой шантажа со стороны фэбээровцев, Моторин был завербован ими, на… водке.

Американские контрразведчики проследили за Мотриным, когда тот, явившись в магазин, торгующий электроникой в пригороде Вашингтона, попытался приобрести в кредит дорогущий теле-видео моноблок.

Хозяин магазина, агент американской контрразведки, просьбу Моторина отклонил, но о визите молодого русского дипломата и его затруднительном финансовом положении немедленно сообщил своему оператору.

Фэбээровцы на скорую руку сверстали план ловушки.

Было так.

Владелец магазина позвонил Моторину и предложил бартер: часть стоимости электроники (950 долларов) он согласен получить натурой — водкой «Столичная», которую дипломат приобретет через посольство по 4,5 доллара за бутылку (цена водки в американских магазинах равнялась 12 долларам).

Моторин предложение принял. Когда он, обменяв (!) дюжину ящиков «Столичной» на вожделенный моноблок, погружал его в машину, появились фэбээровцы с видеокамерами в руках. Они вежливо, но жестко напомнили ему, что он является нарушителем американского и советского законодательства, и если делу будет придан ход, то его попросту выдворят из страны.

Казус предложили замять в ответ на согласие выполнить парочку конфиденциальных поручений. Уезжать ох как не

хотелось, и Моторин согласился…

Особенности «съема» шпиона-супермена

На ФБР «Гоз» — под этим псевдонимом Моторин проходил в секретных платежных ведомостях американской контр разведки — проработал около года.

В конце 1984 г. он вернулся в Союз и приступил к работе в управлении «А» (активные мероприятия) ПГУ. Установленное за ним наблюдение результатов не дало, так как еще в США он условился со своими кураторами из ФБР, что в Москве на связь выйдет только в экстраординарном случае. Чтобы взять изменника с поличным, была разработана операция, согласно которой ему поручили подготовить активное мероприятие против сотрудников московской резидентуры ЦРУ. Для этого ему вручили документы, якобы полученные в Вашингтоне агентурным путем. Когда Моторин попытался выйти на контакт с американским разведчиком на проспекте Мира, его «сняли» бойцы «Альфы».

В момент «съема» у Моторина обнаружили контейнер с секретными материалами, который он собирался передать американцу.

* * *

При подготовке «съема» Моторина ответственный за проведение мероприятия заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Зайцев прежде всего учитывал психологию объекта. Психологию супермена, коим тот себя считал. Самомнение небезосновательное: рост 192 см, атлетическое телосложение, каждое утро забавлялся, как теннисным мячиком, двухпудовой гирей, к тому же владел приемами карате. Вылитый Шварценеггер! Уж он-то с полным основанием мог сказать о себе: *«Я — здоров, чего скрывать, пятаки могу ломать…»*

Вместе с тем Зайцев не мог сбрасывать со счетов моральное состояние Моторина. Двигаясь на встречу с американским разведчиком, он наверняка будет начеку, в каждую секунду готовый к отражению возможной атаки. У него же, что называется, «все импульсы наружу»!

Поэтому прежде всего надо было усыпить бдительность объекта. Подойди к нему гренадеры сродни ему, он, учуяв

опасность, мог бы свалку устроить, глупостей наделать. А вот этого «Альфа» позволить себе не могла ни при каком раскладе!

Изюминка «съема» Моторина состояла в том, что к нему должны были приблизиться не Шварценеггеры, а тщедушные прохожие. Разумеется, только внешне тщедушные.

…Когда Зайцев представил отобранных для «съема» бойцов генералу из руководства Управления «К» ПГУ, тот возмутился: «И что, — завопил чин, указывая пальцем на одного из бойцов, — вот этот мальчишка справится с гренадером Моториным?! Да он — культурист, разметает вас всех, как котят!»

Еще как справились — пикнуть не успел, как его спеленали!

Принцип бойцов «Альфы»: «порхать, как бабочка, и жалить, как пчела». Но при этом сначала работает голова, а руки и ноги вступают в бой потом. Хотя и голова при этом не дремлет.

«Снять» объект — это еще не все, это лишь начало. Мало провести задержание без шума и без пыли, главное — усадить перевертыша лицом к лицу со следователем еще до того, как он успеет опомниться и прийти в себя от шока. Лишь в этом случае он без промедления начнет давать правдивые показания.

Вот где профессионализм высшей — 9999-й — пробы! «Шоковая терапия», которой в совершенстве владеют бойцы «Альфы», — искусство, а не конвульсивное подергивание руками и ногами.

Кстати, приемы «шоковой терапии» до сих пор строго засекречены. Оно и понятно: шпионаж, он ведь еще не упразднен, ну и «съемы» продолжаются.

…Как заметил следователь Добровольский, который вел дело Моторина, в его практике не было случая, чтобы обвиняемый в шпионаже перевертыш в качестве своего оправдания привел какие-то другие, кроме идеологического, мотивы. Лишь один — Сергей Моторин сказал, как на духу: «Ну, что поделаешь, дал слабину, польстился на классную аппаратуру… За это и ответ держу…»

Следствие доказало факт сотрудничества Моторина со спецслужбой США, а военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его за измену Родине к расстрелу.

Глава пятая
ГОРЬКИЙ АРОМАТ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Триедин в одном лице

Командировка подполковника Мартынова Валерия Федоровича в Вашингтон по линии НТР (техническая разведка) считалась очень престижной и давала шанс сделать в разведке блестящую карьеру.

На восточном побережье США расположено множество исследовательских лаборатории, промышленных фирм, информационных центров и библиотек, используя которые молодой и предприимчивый офицер мог получить интересующие нас научно-технические материалы. Здесь часто проводились конференции и презентации, их посещение или участие в них открывали широкие возможности по установлению полезных с точки зрения разведки контактов.

Имея такие перспективы, амбициозный подполковник не сомневался в своем светлом будущем. Тем более что был он, в отличие от Моторина, готового поволочиться за любой приглянувшейся барышней, трудягой и усердно «пахал» вашингтонские просторы. Вместе с тем был он неопытен, что проявилось в 1982 г. на научной конференции при установлении им контакта с американским «ученым». Мартынов не заметил, как попал в расставленные сети, — стал фигурантом совместной операции ФБР и ЦРУ «Courtship», целью которой являлась вербовка советских граждан, работавших в Вашингтоне.

Считая своего нового знакомого перспективной оперативной связью, Мартынов стал развивать с ним отношения.

Активную разработку Мартынова американцами не заметили и в московском Центре, скорее всего, потому, что молодой разведчик был весьма убедителен в своих отчетах, умело преподносил прогресс в развитии отношений со своим новым «другом». Тем временем отношения Мартынова с «ученым» углубились настолько, что американцы решили — пора, и перешли в наступление, в результате которого подполковник был завербован.

ФБР приобрело в его лице агента под псевдонимом «Pimenta», ЦРУ — «Gentile», а если учесть еще и рабочий позывной подполковника — «Павел» — то выходит, Мартынов стал триедин в одном лице.

…Американцы, чтобы подсластить пилюлю, предложили «новобранцу» увенчать знакомство с «ученым» его «вербовкой», сделав его своим «агентом», через которого они смогли бы «гнать дезу» советской стороне. Передаваемая через «ученого» информация будет достаточно привлекательна и сумеет убедить московский Центр, что Мартынов добился безусловного оперативного успеха. Тот не возражал и в течение следующих трех лет исправно, каждые две недели встречался с сотрудником ЦРУ Родом Карлсоном и специальным агентом ФБР Джимом Холтом. Встречи проводились на различных конспиративных квартирах, всего их было более пятидесяти, в основном в той части штата Вирджиния, которая носит название «Кристалл-сити».

Действительно, по прошествии года усилия ФБР по дезинформации Центра с помощью «ученого» увенчались успехом: вскоре Мартынов был назначен руководителем линии «Х» резидентуры.

Мартынов отчитывался перед американскими работодателями о деятельности резидентуры за истекший период, включая результаты операций и их оценку Центром, сообщал о полученных из Москвы указаниях, не забывая сдабривать их сплетнями и байками, циркулировавшими в Ясенево. Он также давал ФБР наводки на возможных кандидатов вербовочных подходов и разработок.

Часть передаваемой противнику информации Мартынов черпал из висящей на стене у кабинета резидента Андросова карты Вашингтона, где отслеживалась текущая оперативная обстановка, в частности результаты перехватов переговоров бригад наружного наблюдения ФБР и места их рассредоточения.

Судьба резидентуры поставлена на карту

Станислав Андреевич Андросов на пост главы вашингтонской резидентуры был назначен в 1982 г. главным образом благодаря своим дружеским связям с Владимиром Крючковым, в то время начальником Первого главного управления КГБ (внешняя разведка).

Крючков руководил ПГУ уже одиннадцать лет и за это время значительно политизировал его. Двигаясь к этой цели, он вынудил уйти в отставку нескольких заслуженных ветеранов разведки, таких, например, как Борис Соломатин, заменив их преданными ему бывшими партийными функционерами,

пришедшими в органы госбезопасности в результате так называемого «партийного набора». Именно эти «варяги», исходя из опыта прежней работы, способствовали тому, что вскоре была предана забвению одна из основополагающих заповедей разведки: «Шпион — не бюрократ. Его дело — добывать документы, а не красиво составлять их».

Бывшие партийные чинуши, возомнив себя Лоуренсами Аравийскими и Рихардами Зорге, переставили все с ног на голову, и, надо сказать, многие из них преуспели и возвысились, имея бойкое перо вместо оперативного дара.

Андросова считали клевретом Крючкова, и многие находившиеся под его началом профессионалы, истоптавшие десятки пар башмаков на крысиных тропах разведки, смотрели на него с презрением, отчасти из-за нелепого инцидента, продемонстрировавшего всему личному составу резидентуры профессиональную несостоятельность их руководителя.

В конце 1983 г. Андросову взбрело в голову установить возле своего кабинета огромную карту Вашингтона. Каждому сотруднику, покидающему посольство, предписывалось отмечать булавкой на карте то место, куда он направлялся. Теперь резидент, окинув карту беглым взглядом, мог в любой момент установить, где находятся его бойцы. Эту заведомо негодную инициативу Андросов реализовал без согласования и в отсутствие полковника Виктора Ивановича Черкашина, который отвечал за контрразведывательное обеспечение деятельности резидентуры.

В марте 1984 г. Черкашин вернулся из отпуска и при виде карты пришел в ужас. «Если среди наших сотрудников заведется «крот», то ему достаточно будет каждое утро смотреть на карту, и ФБР будет абсолютно точно знать, где в этот день работают наши люди!» — возмутился Черкашин.

Однако после пятнадцатиминутной перебранки он понял, что резидент не в силах расстаться со своей идеей и будет носиться с нею до полного изнеможения, как обезумевшая от горя мать с мертворожденным ребенком.

Слова Черкашина оказались пророческими, и очень скоро он сумел доказать резиденту собственную правоту.

Дело в том, что полковнику были известны радиочастоты, которыми пользовались в вашингтонском отделении ФБР для поддержания связи с «топтунами», находящимися на «маршруте», то есть ведущими слежку за офицерами резидентуры.

Слушая переговоры по радио центральной диспетчерской службы Бюро со своими «топтунами», подчиненные Черкашина — сотрудники отдела собственной безопасности — всегда знали, за кем есть «хвост», а за кем его нет.

Проанализировав все сводки радиопереговоров более чем за год, Виктор Иванович пришел к заключению, что до мая 1982 г. ФБР не знало точно, кто именно из служащих посольства является сотрудником КГБ, кто офицером ГРУ, а кто «чистым» дипломатом. Когда в какой-либо из дней ФБР устанавливало слежку за десятью нашими дипломатами, только четверо из них оказывались разведчиками.

Однако с мая процент попадания в «десятку» у ФБР резко увеличился. Самое худшее было то, что нередко «наружка» объявлялась в условленном месте даже раньше нашего разведчика!

Объяснение складывающейся ситуации для Черкашина было очевидно: противнику удалось осуществить агентурное проникновение в резидентуру. И главным свидетельством тому была адресная организация слежки ФБР за нашими разведчиками.

Своими соображениями полковник немедленно поделился с резидентом, но понимания не встретил. Андросов с порога отверг гипотезу, что среди сотрудников действует «крот», и тогда Виктор Иванович провел эксперимент.

На следующее утро на общем совещании он объявил, что к булавкам на карте будет добавлена еще одна. Ею будет обозначен некий «особо законспирированный» разведчик, в настоящее время работающий в посольстве под надежнейшим прикрытием и выполняющий чрезвычайно ответственное задание Центра. Никто, кроме посла, резидента и его заместителя по контрразведке якобы не знает, кто из сотрудников является этим «суперразведчиком».

Черкашин также оповестил всех, что каждый день будет лично отмечать его местонахождение, чтобы другие сотрудники невзначай не привели фэбээровских ищеек туда, где он работает.

В течение следующей недели Виктор Иванович усердно перемещал спецбулавку по карте. Разумеется, на самом деле никакого «секретного человека из Центра» не было и в помине, ибо делалось все исключительно в проверочных целях.

Через три дня после начала эксперимента по радио был перехвачен разговор между бригадой фэбээровской «наружки» с центральной диспетчерской. «Топтуны» ожидали «спецсотрудника» на том самом месте, которое Черкашин отметил булавкой. Туда они прибыли, получив задание сделать фотоснимки нового сотрудника резидентуры.

Теперь Черкашин имел на руках все козыри, чтобы убедить резидента, что его идея с картой в корне ошибочна и кроме вреда ничего не приносит. Бесспорной оказалась и гипотеза

полковника, что ФБР внедрило в резидентуру своего «крота». Но кто он? Черкашин составил перечень всех сотрудников, работавших в мае 1982 г., и сопоставил его со своим собственным рабочим списком. Имя Валерия Мартынова явно выделялось.

В апреле 1984 года Черкашин представил Андросову множество косвенных доказательств того, что «кротом» может быть Мартынов, а к концу месяца составил проект телеграммы на имя Крючкова о ситуации, сложившейся в резидентуре. В тексте отсутствовали какие-либо фамилии сотрудников, подозреваемых в принадлежности к агентуре ЦРУ и ФБР, не было и предложений по их выявлению. Просто излагались результаты проведенного изучения материалов перехватов радиообмена бригад наружного наблюдения ФБР (но без ссылки на эксперимент!) и найденных радиомаяков в машинах оперработников.

Выводы напрашивались сами — ФБР располагало информацией, которую не могло получать на основе исключительно слежки за нашими разведчиками, а лишь с помощью «крота», инфильтрованного в коллектив резидентуры.

Ознакомившись с телеграммой, Андросов тихо произнес: «Виктор Иванович, не обвинит ли нас Центр в шпиономании и разжигании атмосферы недоверия в разведке? Боюсь, что наши соображения не найдут понимания и поддержки… Мое предложение — не отправлять телеграмму, а подождать до мая, когда из Москвы прибудет с плановой проверкой один из заместителей Крючкова. Вы как, не против?»

На том и остановились.

Когда приехал проверяющий, Черкашин поначалу чувствовал себя окрыленным, полагая, что тот оценит сделанные им разоблачения, но вместо этого заместитель Крючкова схватился за голову и завопил: «Вы что, черт подери, не знаете, что сейчас творится в Москве?! Да если наружу хоть слово просочится о том, что в вашингтонской резидентуре действует американский шпион, карьере Крючкова тут же придет амбец, да и весь Первый главк будет опозорен! Вы забыли, что разведка никогда не выносит дерьмо из собственной избы?! Уж лучше пусть кто-то нагадит внутри, чем наружу!»

Черкашин понял, что паркетные генералы хорошо воюют только под ковром, но так как изменить что-либо было не в его силах, он, мысленно послав резидента и проверяющего в общероссийском направлении, внешне смирился и уступил.

Ларчик открывался просто: двумя месяцами ранее умер Юрий Владимирович Андропов, и Крючков остался без могущественного покровителя. Генеральным секретарем ЦК КПСС избрали давнего соперника Андропова — Константина Черненко, и Крючков был

очень обеспокоен тем, что ему придется оставить пост главы внешней разведки, так как знал, что Черненко готов избавиться от него при малейшем промахе.

В итоге посиделки в кабинете Андросова закончились тем, что заместитель Крючкова велел перевести Мартынова на участок работы, где бы он был лишен допуска к засекреченной информации (легко сказать, но ведь воплотить в реальность это указание невозможно!), и в конце концов отправить негодяя в Москву, чтобы там с ним разобрались по-тихому.

Таким образом, дворцовые интриги, которые плели Крючков и его приспешники, заставили всех офицеров вашингтонской резидентуры (только ли их одних?!) в течение последующих почти полутора лет ходить по острию лезвия, а изменнику позволили снабжать своих американских хозяев оперативно значимой информацией.

Отозвать предателя в Москву под благовидным предлогом не представлялось возможным, поэтому Виктору Ивановичу ничего не оставалось, как ждать удобного случая…

* * *

Спустя десятилетия полковник Черкашин дал свою оценку казусу с Мартыновым: «Допускаю, что Мартынов полностью не представлял себе возможных последствий своих действий. По мнению ФБР и ЦРУ, он пошел на сотрудничество с ними из-за идеологических расхождений с политикой СССР. Он также не был удовлетворен своей работой в разведке и вынужден был «терпеть» ее из-за привилегий, которые, как он считал, ему заслуженно полагались.

Американцы платили Мартынову 200–400 долларов в месяц, что дает основание предположить, что деньги не были основным мотивом его предательства. В действительности его главной целью было сделать карьеру в системе КГБ, в полной мере обеспечить свою семью, дать детям хорошее образование, чего, как он рассчитывал, можно добиться, сотрудничая с американцами. Говоря проще, он находил вполне приемлемой сделку по схеме: предательство Родины — благополучие семьи. Шпионаж для Мартынова был разновидностью бизнеса, который, полагал он, никогда не будет раскрыт. Он был уверен, что советская разведка просто не в состоянии вербовать в США агентов, способных выявить факт его связи с ЦРУ и ФБР.

Мартынова вряд ли можно характеризовать как особо ценного агента для американских спецслужб. Не считая сведений

общего характера и того, что он знал о работе линии «Х» в резидентуре (а она, линия, не была основным объектом внимания ЦРУ и ФБР), Мартынов имел весьма ограниченный доступ к интересующей американцев информации. Передаваемые им материалы не имели никакого отношения к вопросам национальной безопасности или международных отношений СССР. Разведывательная информация, которую он сообщал в ЦРУ и в ФБР, — расположение, структура, численный состав резидентуры, режим ее работы и т. п. — представляла интерес только разве что для действовавших против нас контрразведывательных подразделений ФБР.

И последнее: горькая ирония предательства Мартынова заключалась в том, что довольно жесткий и подчас эффективный контрразведывательный «прессинг» ФБР затрудняло ведение разведывательной работы в Вашингтоне, а это отражалось на положительных результатах резидентуры и, как следствие, ограничивало и его, «крота», собственную шпионскую деятельность, а значит, и размер его гонорара. Тем не менее американцы возлагали большие надежды на то, что Мартынов продолжит работать с ними и в будущем, когда займет более высокое место в иерархии советской разведки.

Когда Эймс в мае, а Хансен в октябре 1985 г. подтвердили мои догадки о предательстве Мартынова, я был потрясен, поняв, что он и является тем «кротом», поисками которого я занимался более года. Действительно, с мая 1982-го ФБР стало устанавливать слежку целевым порядком и только за сотрудниками резидентуры, оставив в покое «чистых» дипломатов. Стало ясно, что Бюро располагает точной информацией о ведомственной принадлежности служащих советского посольства.

Вместе с тем, сознание того, что я был прав в моих подозрениях относительно внедренного в резидентуру «крота» противника, не принесло мне никакого удовлетворения — только горечь и напряжение. Горечь оттого, что теперь мне придется жить и работать с мыслью, что мой товарищ по службе, который мне даже нравился, продавал меня и всех нас в резидентуре вот уже в течение трех лет.

Несколько месяцев я бился над проблемой, под каким предлогом отправить Мартынова в Москву.

Самый простой вариант — отпуск. Но он только недавно из него вернулся. Поэтому отправить его в отпуск снова было бы глупо, это вызвало бы у него обоснованное подозрение. Имелись и другие варианты, например, получение награды в Центре за хорошие показатели в работе либо необходимость присутствия в

Москве для решения каких-то неожиданно свалившихся семейно-бытовых проблем. Но дело все в том, что разведчик-профессионал Мартынов был прекрасно осведомлен о таких приемах нашей контрразведки. Он распознает малейшую фальшь или несуразность предложения вылететь в Москву и тут же рванет в ФБР.

Кроме того, затруднительно было контролировать действия членов его семьи, поскольку они все вместе проживали вне жилого комплекса «Айрин», арендуя квартиру в пригороде Вашингтона, и в случае опасности могли быстро исчезнуть.

Следовало также считаться с возможностями американского «хозяина» Мартынова — ФБР, которое постоянно отслеживало обстановку вокруг своего агента и незамедлительно приняло бы исчерпывающие меры по его спасению, появись на его горизонте что-либо подозрительное.

Вернувшийся из отпуска резидент присоединился к моим поискам вариантов надежной доставки Мартынова в Москву. Наши предложения мы направили в штаб-квартиру ПГУ, где тоже ломали голову над этой проблемой.

Одна из идей состояла в передаче Мартынову на связь агента, проживающего в Мексике, — там изменника было бы легче нейтрализовать и вывезти в СССР. Но в итоге мы отказались от этой идеи — все выглядело нелогично и искусственно, а значит подозрительно. Ибо если бы в самом деле речь шла о передаче на связь Мартынову нового источника, об этом, учитывая существующую практику, с ним должны были говорить во время его недавнего пребывания в Москве. С другой стороны, даже если бы мы смогли реализовать эту идею с Мексикой, ФБР, несомненно, организовало бы какую-нибудь схему защиты его там. Для начала, например, американцы держали бы его под постоянным наблюдением, предусмотрев для предателя сигналы в случае грозящей ему опасности.

Маскируя нашу осведомленность о двурушничестве Мартынова, мы, к сожалению, не имели права ограничить его доступ к секретной информации, а остальные сотрудники резидентуры не получили каких-либо указаний по соблюдению повышенных мер безопасности. Не произошло никаких изменений и в устоявшемся распорядке работы резидентуры. Все шло как обычно, и Мартынов, как всегда, получал всю оперативную почту, поступавшую в Вашингтон по линии «Х». Он также мог вести любые разговоры на темы, интересующие его американских боссов, со своими коллегами по резидентуре, которые, увы, не догадывались об истинных целях инициатора этих разговоров.

Опыт подсказывал мне продолжать придерживаться прежней линии поведения в отношении предателя, если я не хотел проиграть в этой схватке со спецслужбами противника.

В общем, резидент и я более чем на полгода замерли в ожидании удобного, а главное — оправданного повода, чтобы под убедительным для американцев предлогом отправить Мартынова в Москву.

Как вдруг у ворот жилого комплекса посольства возник Юрченко, и я почувствовал, что Фортуна не только повернулась ко мне лицом, но и схватила меня за руку, — ведь теперь я знал, как отправить в Москву предателя Мартынова! Да-да, негодяя и горе-перебежчика Юрченко будет этапировать в столицу нашей Родины не кто-нибудь, а разведчик резидентуры, пользующийся огромным доверием и наделенный большими полномочиями — Валерий Федорович Мартынов! Ну, уж вам, коллеги из ФБР и ЦРУ, никогда не догадаться о наших истинных планах — лишь бы, не дай Бог, самому себя на радостях не выдать!

Следующие два дня были самыми напряженными. Я должен был проследить, как Юрченко поднимется на борт специально за ним присланного самолета «Аэрофлота», и что рядом с ним будет находиться Мартынов.

Как вдруг 7 ноября, за два дня до запланированного возвращения Юрченко домой, Мартынов на несколько часов исчез из помещения резидентуры…

Меня пробила легкая дрожь. Успокоил я себя тем, что Мартынову необходимо получить напутствия от своих операторов, после чего он непременно вернется. Так и случилось. К концу рабочего дня Мартынов появился в посольстве и внешне казался невозмутимым. Тем не менее ночью я глаз не сомкнул. Имитировал Мартынов свое спокойствие? Для чего — чтобы поверили, что ничего необычного не происходит? Может быть, он планирует сбежать на следующий день?!

Разумеется, для меня было естественно предположить, что Мартынов размышляет о причинах, побудивших руководство резидентуры включить его в команду по сопровождению Юрченко. А может, его спокойствие объясняется тем, что он знает: он ни в коем случае не поднимется на борт, улетающий в Москву?!

Сомнения, сомнения, сомнения…

…Прибыв в аэропорт, автобус без каких-либо препятствий подъехал прямо к самолету. Уезжающие стали прощаться. Ко мне, улыбаясь, подошел Мартынов и протянул руку. Я, пожимая ему руку, по привычке воспитанного человека смотрел ему в глаза. Ни

один мускул не дрогнул на моем лице, впрочем, и на его тоже — он по-прежнему улыбался во весь рот…

Это был самый тяжелый случай за все время моей работы в разведке. Мартынов, этот милый, уравновешенный и улыбающийся человек, которого мы с женой любили как родного, — летит на смерть. Должен ли я был так поступать, притворяясь и разыгрывая добросердечие?!

«Хватит, Виктор, слюни пускать! Мартынов — враг, предатель. А ты должен исполнять свой воинский долг!» — прикрикнул я внутренне на самого себя.

…Во время полета Мартынов, изрядно выпив и захмелев, без конца донимал сидящего через проход пресс-секретаря посольства одним и тем же вопросом: «Олег Юрьевич, как вы думаете, за благополучную доставку в Москву перебежчика, с которым я вынужден сидеть рядом, мне положен орден или медаль?» — «Я совершенно не знаком с положениями, которыми руководствуется ваше начальство при награждении своих сотрудников, но полагаю, что поощрения вы заслуживаете…» — «Вы, Олег Юрьевич, ответили как настоящий дипломат, спасибо!»

…По пути в Москву самолет, как обычно, сделал посадку в аэропорту Шеннон в Ирландии для дозаправки. Обычно пассажиры ожидают окончания этой процедуры в здании аэропорта.

«Отставить! Только не в этот раз!» — приказал сотрудник резидентуры КГБ в Ирландии, одетый в форму пилота «Аэрофлота».

Спустя десять часов, 9 ноября самолет благополучно приземлился в «Шереметьво-2».

Мартынов, как только вышел из самолета, был «снят» бойцами группы «Альфа» и доставлен в Лефортовскую тюрьму.

Двумя неделями позже жене Мартынова сообщили, что ее муж сломал ногу и находится в больнице. Первым же рейсом вместе с детьми она вылетела в Москву.

«Черт! — подумал я. — Теперь штатники поймут, что их агент раскрыт и арестован».

Но как выяснится позже, ничего подобного им в голову не приходило.

ФБР узнало об аресте своего «крота» лишь год спустя. Джим Холт, у которого на связи и находился «Gentile», рассказал мне позже, что Бюро стало проявлять беспокойство в связи с его исчезновением лишь весной 1986 г. и наконец узнало о его аресте осенью от своего осведомителя. В ФБР была создана специальная комиссия из шести членов под кодовым названием «Anlace»,

чтобы разобраться в причинах провала Мартынова, Моторина и других своих агентов. Но в сентябре 1987 г., после десяти месяцев безрезультатных усилий обнаружить источник утечки информации, приведший к их аресту, комиссия была распущена.

Я находился уже в Москве, когда над Мартыновым шел суд, и был вызван в качестве свидетеля обвинения. Он признал себя виновным и дал исчерпывающие показания относительно своей шпионской деятельности.

После того как изменник был расстрелян, я вместе с рядом других офицеров ПГУ (исключая, разумеется, резидента Андросова) получил выговор за недостаточную бдительность, не позволившую своевременно разоблачить американского агента в вашингтонской резидентуре. Это — единственный выговор в моем личном деле за сорок лет службы в органах государственной безопасности СССР».

Глава шестая
РЕКОРДНЫЙ ЗАБЕГ «КРОТА»

Месть — холодное блюдо со сроком годности 25 лет

7 июля 1986 г. на одной из тихих московских улочек бойцами «Альфы» был «снят» генерал-майор в отставке Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР Дмитрий Федорович Поляков, когда он в парадном мундире при всех регалиях направлялся в Военно-дипломатическую академию, чтобы произнести напутственное слово очередным выпускникам, будущим военным разведчикам. Какой фарс! Нет, не фарс — трагедия. Ведь через некоторое время досье на всех этих выпускников генерал, в иночестве — агент «Топхэт» и «Бурбон», передал бы в США своим хозяевам. И участь цвета нашего офицерства была бы решена в ФБР или ЦРУ…

Дмитрий Поляков служил американцам не потому, что стал жертвой шантажа и собственного малодушия, отнюдь. Генерал был предателем по убеждению.

Отвергая политические ориентиры советского правительства времен хрущевской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предает забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Были и другие, более тривиальные причины, побудившие подполковника, а со временем — генерал-майора, служить сначала американской контрразведке — ФБР, а затем Центральному разведывательному управлению.

Тщеславие все двадцать пять лет, что он «таскал каштаны из огня» для американцев, подпитывало его рвение на шпионском поприще.

А основным побудительным мотивом, толкнувшим Дмитрия Полякова в объятия американских вербовщиков, была месть. Месть за погибшего младенца-сына…

* * *

В ноябре 1961 г., когда Поляков работал в нью-йоркской резидентуре ГРУ, в Соединенных Штатах свирепствовала эпидемия гриппа. Младший из его трех сыновей простудился,

получил осложнение на сердце, спасти его могла только срочная дорогостоящая операция. Поляков обратился к руководству резидентуры за материальной помощью, чтобы сына прооперировали в нью-йоркской клинике. Запросили штаб-квартиру ГРУ, оттуда ответили отказом, и младенец умер.

Буквально на следующий день после смерти ребенка Поляков, озверевший от несправедливости судьбы и начальства, утративший веру в ГРУ и СССР, предложил свои услуги высокопоставленному офицеру американской армии. Предложение было принято безоговорочно. Вскоре офицер помог Полякову установить контакт с «охотником за скальпами» — вербовщиком ФБР, ищущим потенциальных изменников из числа сотрудников КГБ и ГРУ.

Недолго длившееся сотрудничество с Бюро было прервано в 1962 г. Центральным разведывательным управлением США.

Руководство ЦРУ буквально не находило себе места от мысли, что такой ценный источник, каким был подполковник Поляков, используется ФБР не по назначению. Ведь он — кладезь ценнейшей информации!

Джон А. Маккоун, в то время директор ЦРУ, согласовав с президентом Джоном Кеннеди вопрос об использовании Полякова, немедленно позвонил Гуверу и предложил передать ему на личную связь перспективного офицера ГРУ. Шеф ФБР спорить с «соседом» не стал, понимая, что за его спиной стоит сам президент.

Сделка состоялась. Полякову был присвоен псевдоним «Бурбон», и он сразу попал в разряд особо засекреченных ценных агентов.

Что я натворил — подсчитают потомки…

За 25 лет, что Поляков состоял на службе у американцев, СССР понес ущерб в десятки миллионов долларов.

В ЦРУ обоснованно считали Полякова одним из самых продуктивных источников. В недрах Управления для анализа материалов, поступавших от Полякова, даже было создано специальное подразделение, едва успевавшее их обрабатывать.

«Топхэт» передал американцам более 100 копий секретных выпусков журнала «Военная мысль», который публиковался для советского руководства, и где излагались состояние, стратегия, тактика и планы Верховного командования СССР. Для своих заокеанских работодателей он выкрал тысячи страниц документов, в которых были даны технические характеристики

самого секретного советского оружия.

Работая в резидентурах ГРУ в Бирме, Индии, в Центральном аппарате Генштаба, в Военно-дипломатической академии Советской армии «крот» раскрыл своим американским хозяевам принадлежность к внешней и военной разведке около 1500 советских офицеров и около 200 агентов из числа иностранных граждан. Во время войны во Вьетнаме Поляков представил ЦРУ стратегическую информацию о численности, структуре и боеспособности северо-вьетнамских войск.

В начале 1970-х он передал в ЦРУ сведения, что Китай находится на грани прекращения военно-экономического сотрудничества с Советским Союзом. Это помогло Соединенным Штатам «прорубить окно» в КНР. Президент США Никсон и его помощник по безопасности Киссинджер немедленно вылетели в Китай с государственным визитом. И не прогадали! Информация «Топхэта» была с выгодой для США реализована в ходе встреч с китайскими руководителями.

Звание генерал-майора Полякову присвоили в 1974 г. Одним из его покровителей был начальник управления кадров ГРУ генерал-лейтенант Изотов, до этого назначения 15 лет проработавший в аппарате ЦК КПСС. В уголовном деле Полякова фигурируют дорогие подарки, сделанные им Изотову. За генеральское звание, к примеру, изменник своему благодетелю презентовал серебряный сервиз на 12 персон, специально для этой цели купленный ЦРУ…

Генеральский чин обеспечивал Полякову доступ к материалам, которые не были связаны с его прямыми служебными обязанностями. Например, к перечню военных технологий, которые закупались или добывались в ходе наших разведывательных усилий на Западе. По признанию помощника министра обороны США при президенте Рейгане Ричарда Перла, у него перехватило дыхание, когда он узнал о существовании 5000 советских программ, использовавших западную технологию для наращивания своего военного потенциала.

За годы службы у ЦРУ «мальчиком, подающим мячи», Поляков «сдал» семь наших «кротов» — шесть старших офицеров США и одного — Великобритании, работавших в пользу СССР.

До сих пор американцы гордятся так называемым «британским делом». И это несмотря на то, что оно было закрыто в конце 1960-х гг.

Поляков передал ЦРУ копии с фотографий, сделанных нашим британским «кротом», которые тот, в свою очередь, переснял с секретных документов, иллюстрирующих действие системы управляемых ракет, состоящих на вооружении армии США.

Изучив снимки, сделанные «Топхэтом», в Лэнгли проследили путь этих документов по инстанциям и выяснили, на каком этапе они попали в руки нашего агента. Таким образом ЦРУ вышло на отдел управляемых ракет Министерства авиации Великобритании. Там и работал наш человек — Фрэнк Боссарт. Его арестовали и приговорили к 21 году тюремного заключения.

В этой связи вызывает недоумение, почему в ГРУ так легко смирились с утратой в чрезвычайно сжатый срок — 5 лет — столь большого числа (семи!) своих особо ценных агентов и не провели надлежащего расследования причин их провала.

Ясно одно: пренебрегая кооперацией со Вторым главным управлением КГБ в плане поиска и возможного разоблачения инфильтрованного в свою среду агента противника, ГРУ не смогло самостоятельно установить источник утечки разведывательной информации.

Даже в 1991 г., когда Поляков был уже давно расстрелян, американцы во время войны в Персидском заливе с успехом использовали украденные им сведения, уничтожая иракские противотанковые ракеты советского производства. А они ведь считались недосягаемыми для средств подавления противника.

Выйдя в 1981 г. в отставку, Поляков помог американской контрразведке раскрыть нескольких наших разведчиков-нелегалов, заброшенных в США на оседание под видом иммигрантов и уже сумевших натурализоваться, устроиться на работу в американские госучреждения.

Этому способствовала не дьявольская всепроникаемость Полякова, а косность партийно-бюрократической советской системы.

Отставник Поляков продолжал работать в Главном разведывательном управлении освобожденным секретарем парткома. Убывшие в длительные загранкомандировки разведчики-нелегалы оставались на партийном учете по прежнему месту работы, то есть косвенно были подотчетны предателю: учетные карточки, партвзносы, вопросы отсутствия на партсобраниях и т. п. Так что вычислить их как нелегалов для изменника, имевшего к тому же опыт разведывательной работы, труда не составляло. Остальное — дело техники: сигнал «хозяевам» в Штаты, и наши парни, на подготовку которых были затрачены многие годы и мешки денег, «сгорали», как спички…

На одном из допросов «Топхэта» сотрудники Следственного управления КГБ Александр Духанин и Юрий Колесников поинтересовались, не жалко ли ему преданных им нелегалов, молодых русских парней, которых он сначала готовил на специальных курсах, а затем отправил на электрический стул?

Ответ был обескураживающим: «В этом и заключалась моя работа. Можно еще чашечку кофе?»

«Ах, стою я на краю, но никогда не упаду!..»

Поляков служил американцам уже 17 лет, как вдруг в 1978 г. попал под подозрение. В тот год сведения о его шпионской деятельности были умышленно слиты в средства массовой информации США начальником контрразведки ЦРУ Энглтоном, который считал, что «Топхэт» подставлен советской разведкой. Вскоре после этого американский журналист Эдвард Эпштейн опубликовал книгу о Ли Освальде, в которой подтверждалась информация Энглтона, полученная журналистами от его источников в ЦРУ и ФБР.

В 1979 г. подозрения относительно Полякова подтвердил Хансен, в то время еще сотрудник нью-йоркского отделения ФБР, когда он наведался в «Амторг».

Невзирая на эти сигналы, Поляков во второй половине 1979 г. был направлен в Индию в качестве военного атташе и одновременно резидента ГРУ(!). Он находился там до июня 1980 г., когда, наконец, руководство военной разведки обратило внимание на информацию Хансена и отозвало генерала в Москву. Но и после этого он бесконтрольно продолжал работать в штаб-квартире Управления на Хорошевском шоссе. Там отказывались верить, что один из самых заслуженных генералов военной разведки, к тому же участник ВОВ, с первого и до последнего дня проведший на фронте, может быть предателем.

Сведения на Полякова были косвенными, что давало возможность его защитникам утверждать: Хансен — двойной агент, по заданию ФБР пытающийся опорочить ГРУ и дискредитировать его сотрудников. Однако главная причина, почему в отношении Полякова не было предпринято никаких попыток провести расследование, заключается в нежелании руководства военной разведки выносить сор из избы. По этой же причине не был проинформирован и Комитет госбезопасности.

Поляков, узнав через свои связи в руководстве ГРУ, что находится под подозрением, немедленно «лег на дно» и временно прекратил контакты с ЦРУ. Но затем с помощью новейших средств связи продолжил снабжать американцев информацией о советских военных разведчиках, выезжавших в долгосрочные загранкомандировки.

«Радиовыстрелами» — в десятку!

Казус генерала Полякова во всех отношениях не имел прецедентов в истории отечественных спецслужб.

«Топхэт» не только поставил своеобразный рекорд по длительности работы в пользу противника и по объему переданной им секретной информации политического и разведывательного характера. Рекорд еще и в другом — все это время «кроту» удавалось не попасть в поле зрения нашей контрразведки. Впрочем, последнее обстоятельство вполне объяснимо.

Во-первых, Поляков долгие годы являлся кадровым офицером ГРУ Генштаба ВС СССР и хотя бы поэтому был досконально осведомлен о методах и приемах, используемых КГБ в своей деятельности по выявлению агентуры противника. Причем был он не рядовым оперативным сотрудником — старшим офицером, а затем и генералом. Отсюда — беспрерывный приток информации, который в итоге помогал «Топхэту» не совершать ошибок, а когда надо было, то и «лечь на дно». До лучших времен, разумеется.

Во-вторых, американцы тоже не благодушествовали, а оберегали своего сверхценного источника самыми изощренными способами, начиная от мероприятий по дезинформации, призванных отвести от «Топхэта» любые подозрения в проведении им враждебных СССР акций, и кончая применением самой совершенной радиоэлектронной аппаратуры.

С 1980 г., когда «Топхэт» после заграничных вояжей окончательно «стал на якорь» в Москве, американцы для поддержания с ним связи использовали только бесконтактные способы — тайники и радиосредства. Последним отводилась решающая роль, для чего агенту вручили устройство размером с пачку «Беломора», из которого он производил «радиовыстрел» — передачу сведений, — длившуюся не более 3–4 секунд.

Предварительно закодировав информацию — страницу машинописного текста, — «Топхэт» засовывал в карман плаща пачку «Беломора», садился в «букашку» или «червонец» — номера троллейбусных маршрутов, проходящих мимо американского посольства на Садовом кольце. Стоило троллейбусу поравняться со зданием дипломатической миссии США, агент нажимал нужную кнопку, и… игра сделана! Поди попробуй запеленговать — да никогда!

Лишь в редчайших случаях «Топхэт» производил тайниковые закладки. При этом магнитные контейнеры он не только изготавливал собственными руками, но и лично закладывал их на традиционных маршрутах передвижения своих операторов из ЦРУ.

Что касается выемки контейнеров, то эти операции никогда

не были для предателя в тягость. За контейнерами он не шел — летел на крыльях: деньги-то по радио не примешь! И хотя ох и не генеральское это дело — изымать тайники, но разве можно отречься от денег? Недаром сказано: «не отрекаются, любя». Впрочем, справедливости ради надо отметить, что вознаграждение Полякову (по его собственному требованию) американцы редко выдавали валютой или рублями. За 25 лет безупречной службы англосакским хозяевам Поляков в общей сложности получил около 90 тысяч рублей наличными (цены 1960-1970-х гг.). Вознаграждение, как правило, было в виде ювелирных изделий из драгоценных металлов с бриллиантами, уникальных столярных инструментов и рыболовных принадлежностей. К слову, все свободное от шпионажа время Поляков что-то строгал, пилил, мастерил либо ловил рыбу…

* * *

Свидетельствует полковник Черкашин: «Поляков — один из многих американских агентов, которые были раскрыты и осуждены после вербовки Эймса и Хансена в 1985-м — в «год шпиона». Однако его место особое в этом трагическом и страшном списке, поскольку никто другой из остальных не занимал столь высокого положения в иерархии советского разведывательного сообщества и никому так долго и так эффективно не удавалось шпионить в пользу нашего противника.

Случай с Поляковым уникален, поскольку ему удалось, сотрудничая с ФБР и ЦРУ, избегать ареста в течение двадцати пяти лет. Разумеется, это к вопросу о профессионализме работавших с ним сотрудников спецслужб США и неэффективности наших органов государственной безопасности».

* * *

Бывший американский спецслужбист Пит Эрли в одной своей публикации утверждал, что «Топхэт», будучи задержанным, попросил доставить его на прием к председателю КГБ СССР Виктору Михайловичу Чебрикову, которому якобы в беседе с глазу на глаз поставил условие: он чистосердечно рассказывает *все* о своих «деяниях», а Комитет не преследует его семью.

Можно смело утверждать, что версия Эрли — не более чем трогательная святочная сказочка, ибо в те времена изменнику путь был заказан везде, кроме, разумеется, следственного

изолятора в Лефортово и расстрельной камеры.

Да и сам ультиматум Полякова смахивает на торг, что тогда совершенно было исключено. Спецслужбы торговались, выручая своих кадровых сотрудников. Предателей никто не пытался выручить. Дорога у них была лишь в тюрьму или на эшафот. Правда, в XXI веке ситуация изменилась кардинальным образом, но это уже совсем другая история…

Глава седьмая
ШПИОНЫ, ИЗБЕЖАВШИЕ ВОЗМЕЗДИЯ

Бежать — так всей семьей!

Летом 1980 г. всем сотрудникам всесоюзных силовых структур были вручены фото супругов Шеймовых — Виктора, Ольги и их пятилетней дочери Леночки, якобы без вести пропавших. Чтобы стимулировать их поиск, через агентуру КГБ был распространен слух, будто глава семейства — ответственный сотрудник Комитета госбезопасности. В тоже время Следственным управлением КГБ СССР по факту исчезновения Шеймовых было возбуждено уголовное дело.

Удивительным образом поиски семьи пересеклись с другим уголовным делом.

28 декабря 1980 г. работники 5-го отделения (Таганско-Краснопресненская линия) отдела по охране метрополитена ГУВД Мосгорисполкома задержали на станции «Ждановская», а затем убили заместителя начальника Секретариата КГБ СССР майора Афанасьева.

14 января Прокуратурой СССР и сотрудниками Второго главка КГБ были проведены операции по задержанию и аресту подозреваемых, которые вскоре дали признательные показания. Вслед за этим Комитетом была выдвинута версия о причастности арестованных к исчезновению семьи Шеймовых.

Экс-милиционеры давали показания о совершенных ими многочисленных преступлениях, путаясь в подробностях, с трудом вспоминая детали содеянного. Однажды на допросе один из негодяев заговорил об убийстве какой-то семьи. Так в рамках уголовного дела «Убийство на «Ждановской» появилась версия об убийстве Шеймовых. Ее и стали проверять. Установить истину можно было, лишь отыскав трупы.

В распоряжение московской прокуратуры для поиска в лесном массиве возможных мест захоронения был выделен полк солдат-срочников (!). Специальными щупами они бурили скважины глубиной до полутора метров на расстоянии 2–3 метров друг от друга. Несмотря на все предпринятые попытки, версия об убийстве Шеймовых так и не нашла подтверждения. Но зато появились косвенные данные, что Шеймов находится в стане противника. Правда, тогда еще оставалась неизвестна судьба его жены и дочери…

* * *

В 1969 г. Виктор Иванович Шеймов закончил МВТУ им. Баумана и попал на работу в закрытый НИИ Министерства обороны, где занимался разработкой систем наведения ракет с космических спутников. Там на него положили глаз вербовщики из Комитета. Они-то и решили, что он по всем параметрам подходит для работы на более высоком уровне.

В 1971 г. он приступил к работе в одном из самых засекреченных подразделений КГБ — в Восьмом главке, который обеспечивал функционирование и безопасность всей шифровальной связи Советского Союза, а также отвечал за правительственные коммуникации внутри страны и за рубежом.

Лично Шеймов специализировался на защите шифровальной связи в условиях наших посольств и резидентур за границей. Там, как известно, местные спецслужбы из кожи вон лезут, чтобы насовать «жучков» в наши представительства и, если повезет, проникнуть в сердце посольства — в шифровальное помещение.

Работа в Восьмом главке высокооплачиваемая, престижная, не связана с вербовкой агентов, проведением обысков или просиживанием в засадах. Конечно, туда тянутся талантливые научно-технические кадры. Их фильтруют, проверяя до четырнадцатого колена и собирая отзывы и друзей, и недругов.

По прошествии периода адаптации сотрудники попадают в атмосферу важной для Союза работы, их щедро поощряют орденами за успехи, создают условия для приобретения ими научных степеней и званий — творчески состоятельные личности легко защищают кандидатские и докторские диссертации, многие становятся лауреатами государственных премий…

Вместе с тем, жизнь шифровальщика тяжела не только из-за кропотливого изнурительного труда — давит секретность, особенно за границей, где они находятся под особым присмотром собственной службы безопасности и вынуждены следовать жестким правилам поведения. Ведь чужие шифры — клад для любой разведки.

В Восьмом главке Шеймов дослужился до начальника отдела, курирующего шифровальную связь наших посольств. По партийной линии выбился в заместители секретаря партийной организации. Однако несмотря на все достижения по форме, его угнетало чувство неудовлетворенности по содержанию. И это чувство, как он признается в своих мемуарах, «превращалось в отрицание всего «совкового». Там же он обстоятельно расскажет о причинах и мотивах своего бегства. Масса всего! И встречи с московскими диссидентами, и чтение литературных трудов,

запрещенных в СССР авторов, и лицемерие начальства и вождей, и неудовлетворенность своим образом жизни, и пессимистический взгляд на будущее страны, и желание не просто возмущаться существующим строем, сидя, как многие, уставившись в стакан на кухне, нет — участвовать в полном его разгроме, да еще и в глобальном масштабе…

Как жить дальше? Приспосабливаться, делать свое дело и, закрыв глаза, ждать, когда все переменится само собой? Попроситься в отставку и распрощаться с КГБ? Открыто выступить против режима, как Сахаров? Создать антикоммунистическую организацию?

Зная из первых рук возможности КГБ и трезво оценивая свои силы, прагматик Шеймов выбрал самый рациональный, хотя и самый рискованный во всех отношениях вариант — бежать на Запад. Причем с женой и дочкой! Материальная сторона дела его нисколько не заботила — он знал наверняка, что и его семья, и даже его внуки будут обеспечены до конца дней своих после того, как он продаст американцам тот багаж сведений, которым располагал…

Вопрос был в том, как бежать? За границу, даже в Болгарию, всей семьей не выпускали. Оставалось только одно: связаться с сильной разведкой. С кем? С английской СИС или с ЦРУ? Англичане? Нет, с этими высокомерными тварями каши не сваришь! Лучше — американцы. Надо как-то изловчиться и выйти на них, а выйдя, заинтересовать своим положением и убедить, чтобы они организовали побег. Договориться по телефону о встрече? Исключено! Тут же заметут. Написать письмо? Перехватят и арестуют. Остается одно: лично войти в контакт с американцами!

И судьба предоставляет ему такой шанс во время его второй служебной командировки в Польшу.

31 октября 1979 г. в Варшаве он, обманув бдительного охранника, приставленного к нему, предпринял кинжальный бросок в американское посольство, где сотрудники резидентуры ЦРУ тотчас раскрыли объятия ему навстречу, едва он назвал свою должность. Что вполне объяснимо, ведь чужие шифры — клад для любой разведки. Возникни перед разведчиком альтернатива: вербовать резидента или шифровальщика, то даже стажер ткнет пальцем в последнего. Почему? Да потому, что шифровальщик может дать ключ к разгадке многих секретов, и не только сегодняшнего дня, но и тех, что накопились в архивных файлах за последние 5-10 лет. Это, прежде всего, обмен шифртелеграммами резидента и Центра, что сулит прямой выход на затаившихся в недрах родных спецслужб «кротов», и шифрованная переписка по

дипломатическому каналу, это и… Да мало ли, в какие тайны противника можно проникнуть еще с помощью шифровальщика-перебежчика!

В общем, при появлении Шеймова у встретивших его американских спецслужбистов возникло легкое головокружение — не многим выпадает кон принять такого гостя-дароносца. Тут ведь не какие-то кодовые таблицы, нет — шифровальщик во плоти и крови!

Но разум быстро возобладал над эмоциями. Несколько контрольных вопросов: кто начальник линии «Х» — научно-технической разведки? Ваш должностной оклад? Чем занимаетесь в Москве? Сколько лет состоите в системе КГБ?

Записав домашний адрес и телефон визитера, американцы предложили ему немедленно выехать в США.

Но Шеймова это не устраивало, он поставил свои условия: личная встреча со связником в бассейне «Москва» и подготовка вывоза всей его семьи в Штаты.

После достижения полного взаимопонимания все произошло согласно годами отработанному сценарию: вывоз «инициативника» из посольства на «чистой», то есть не принадлежащей разведчику машине, скоростное родео в течение получаса по пустынным варшавским улицам для проверки, нет ли «хвоста»…

* * *

По возвращении в Москву Шеймов несколько раз встречался с сотрудником ЦРУ, действовавшим с позиций посольства, и передавал ему некоторую информацию о своей работе. Но главные секреты выдавать в Москве отказался, так как опасался, что в этом случае американцы откажутся вывозить его из СССР.

Во время последней встречи цэрэушник-связник сообщил Шеймову, что руководство ЦРУ и администрация президента США санкционировали организацию побега. От Шеймова требовалось лишь передать фотографии для документов и сообщить полные антропологические данные, свои и членов семьи: точный рост, объем груди, вес, размер одежды и обуви. Заодно связник поинтересовался, как подопечный и его домочадцы переносят морскую качку. Шеймов решил, что за границу их будут нелегально транспортировать морским путем. Он тут же задал уточняющий вопрос. Однако связник, не подтвердив, но и не опровергнув догадок, потребовал одного: не суетиться и ждать сигнала.

Скорее всего, связник не знал, каким способом произойдет

перемещение беглецов. Что же касается Шеймова, то ему, по его собственному признанию, было абсолютно безразлично — пусть голова болит у американцев. Единственное, о чем он предупредил связника, что вылет из международного аэропорта Шереметьево-2 по фальшивым документам чреват провалом всего предприятия — в аэропорту могли оказаться сотрудники КГБ, знавшие его в лицо.

На прощание американец пообещал придумать нечто из ряда вон выходящее.

Получив заверения, Шеймов и его жена, которая к тому времени была посвящена в планы мужа, стали активно готовиться к побегу.

Так, Ольга незамедлительно сняла некоторые вещи с антресолей, чтобы не делать это накануне бегства — антресоли должны остаться пыльными.

Хотелось захватить с собой и семейные альбомы, и вещи, любимые с детства, но Шеймов был непреклонен: ничто не должно указывать на подготовку к убытию, все должно выглядеть как необъяснимое исчезновение всей семьи. Семейные фото скопировали в фотоателье…

Хитроумному Шеймову пришла в голову мысль представить исчезновение, как несчастный случай, как гибель всей семьи. В последующем это исключило бы преследование их родителей со стороны КГБ. Но главное — ничто не должно было вынудить начальство сразу предпринять решительные меры по замене или модификации всего объема технической информации, которую предатель собирался передать американцам.

Оставались родители. Как быть с ними? Они же умрут от горя, узнав о внезапном исчезновении и о смерти горячо любимого сына, невестки и внучки! Но в планы их посвящать нельзя. Отец — ортодоксальный коммунист, он ничего не поймет, а мать… Жалко мать. И тогда, в день своего рождения Виктор заехал к родителям и, походя, между прочим, сказал: «Мама, мне предстоит командировка… Сложная, в чем-то даже опасная. Прошу тебя, не верь, если услышишь, что я погиб. Не верь, пока не увидишь мой труп».

Мать очень удивилась, но спрашивать ни о чем не решилась — такая уж работа у сына. Абсолютно секретная…

Операцию решено было проводить в пятницу — на работе не хватятся до понедельника. Чтобы сбить с толку возможных преследователей и запутать следы, Ольга приобрела билеты на поезд Москва — Ужгород, а Виктор предупредил начальство, что уезжает в Подмосковье, на дачу к приятелю, где отсутствует телефонная связь.

Постарались и американцы. В целях создания отвлекающего маневра, а также для того, чтобы растащить силы нашей «наружки», все сотрудники резидентуры ЦРУ в Москве, действовавшие с посольских позиций, с 18 и до 23 часов без устали кружили по городу, имитируя выход на встречу со своей агентурой…

В пятницу в 22 часа 30 минут из Внукова стартовал военно-транспортный самолет НАТО, накануне прибывший в Москву, чтобы забрать из американского посольства отработавшую свой ресурс радиоаппаратуру. На место второго пилота сел загримированный и переодетый в военную форму Виктор Шеймов. Жену и дочь доставили к самолету в контейнерах…

* * *

Сегодня не представляется возможным определить, сколько времени руководство КГБ не имело представления о побеге Шеймова. Противоречивы и высказывания на этот счет бывших руководителей Комитета. В частности, Ф. Д. Бобков, бывший зампред КГБ, в книге «КГБ и власть» пишет: «К великому нашему стыду, вскоре было установлено: ни в Москве, ни в стране Шеймова и его семьи нет. Выехали. Сами они, конечно, этого сделать не смогли бы. Всех троих вывезли, очевидно, с их согласия…

Провели тщательное расследование. И снова нас ждал удар…

Итак, Шеймова с женой и дочерью вывезли. Каким образом? Контрразведка на этот вопрос ответить не могла, да, по-видимому, не очень и стремилась — трудно признавать свои провалы!»

По утверждению же В. А. Крючкова, экс-главы ПГУ, а затем и КГБ СССР, после назначения в мае 1982 г. председателем Комитета госбезопасности В. И. Федорчука было проведено повторное расследование дела об исчезновении Шеймова. Контрразведчики настаивали на версии убийства семьи Шеймовых и отрицали версию их вывоза из СССР американцами.

Логика подсказывает, что лишь после вербовки в апреле 1985 г. О. Эймса было точно установлено, что Шеймов был завербован ЦРУ и в мае 1980 г. вывезен с семьей в США.

После побега Шеймов с семьей проживал в Вашингтоне, разумеется, под чужой фамилией и изменив внешность с помощью пластической операции лица. За свои «заслуги» его наградили медалью ЦРУ.

В конце 1980-х гг. Шеймов выступил с рядом сенсационных

заявлений, что из материалов КГБ, к которым он как шифровальщик имел доступ, ему стало известно, что именно это ведомство организовало покушение на Папу римского Иоанна-Павла II в 1981 г. и президента Пакистана Зия-уль-Хака в 1988 г.

Явный промах американских хозяев Шеймова! С мая 1980 г. он не имел никакого отношения к КГБ, поэтому ни к каким документам допущен не был. Информацию о покушениях он мог получить только из ЦРУ.

В 1993 г. в издательстве Nevel institute press вышла книга Шеймова на русском языке «Башня секретов: документальный шпионский детектив», в которой он от третьего лица рассказывает о своей работе в КГБ и о побеге в США.

Трусцой с Ленинского проспекта на берега Темзы

Одной из самых одиозных фигур в пантеоне изменников последней трети XX века является полковник Гордиевский.

Сегодня, когда эксперты КГБ проанализировали все обстоятельства его дела, — а это более тысячи страниц различных материалов, — они пришли к заключению, что начало предательской карьеры Гордиевского относится ко времени его первой командировки в Данию. Судя по всему, он попал в поле зрения датской контрразведки, когда активно посещал злачные места датской столицы. В 1970-е гг. для советского дипломата — Гордиевский имел «крышу» второго секретаря советского посольства в Копенгагене — это было бесспорным компроматом, которым местная служба безопасности не преминула воспользоваться.

В те годы самым сильным рычагом воздействия на должностных лиц советских зарубежных представительств была угроза (и неважно, явная или мнимая) выдворения из страны. Скорее всего, начинающий разведчик был поставлен перед дилеммой: либо покинуть страну (а это — полный крах карьере), либо согласиться на негласное сотрудничество.

Спустя много лет министр юстиции Дании, который является и прямым начальником секретных служб, проболтался, что Гордиевский, став на путь измены, первые два года «таскал каштаны из огня» для датчан и лишь потом был передан на связь англичанам. Реакция изменника не заставила себя ждать. Тут же в западных СМИ появилось его заявление о том, что свои услуги он никому, кроме англичан, не предлагал.

Впрочем, сегодня не столь важно, проходила ли измена Гордиевского поэтапно, или же его смычка с МИ-5 (английская

контрразведка) прошла без ведома датчан. Важно другое: предатель вел двойную игру в течение примерно десяти лет, прежде чем возникли подозрения в его отношении. Подозрения, ставшие фактом после его бегства в Англию.

Как бы то ни было, определенным утешением для руководства Комитета был тот факт, что положение Гордиевского в разведке было относительно невысоким, и ущерб, нам нанесенный, не столь ощутимым, каким он мог бы быть, учитывая длительность его сотрудничества со спецслужбами противника.

Когда в мае 1985 г. Гордиевский под надуманным предлогом был вызван из Лондона в Москву, он понял, что находится в оперативной разработке у контрразведчиков, а его дни на свободе сочтены. Ему удалось связаться с резидентурой СИС, действовавшей под прикрытием английского посольства в Москве.

В соответствии с заранее разработанным его куратором из СИС планом, двурушник каждое утро начал делать пробежки трусцой по боковой дорожке Ленинского проспекта. Через день он заметил, как за ним, показно веселясь, следуют молодые люди — парни и девушки на роликовых коньках. «Это — хвост!» — сказал он себе.

Еще через три дня не в меру взрослые конькобежцы исчезли, их сменили многочисленные нищие и бомжи, стоявшие с протянутой рукой на маршруте движения Гордиевского. Он понял, что прежние, то есть «передвижные посты», заменены на «стационарные посты наружного наблюдения». Это была удача! От «стационарных постов» ускользнуть много легче, чем от мобильных.

Фортуна подала изменнику руку, и он не замедлил воспользоваться ее благорасположением — вцепился в нее обеими руками…

Утром 19 июля Гордиевский, как обычно, проделывал утренний моцион трусцой по Ленинскому проспекту. Улучив момент, он резко свернул на улицу академика Пилюгина, где уже третий день кряду стоял неприметный грузовик. И хотя на Гордиевском был спортивный костюм, он едва не выкрикнул: «Осталось лишь плотнее укутаться в пресловутый плащ, глубже заткнуть за пояс отсутствующий кинжал и, бросившись вниз головой в кузов, дать деру!»

Через несколько часов беглец, лежа в багажнике скоростного авто с номерами английского посольства в Москве, пересек советско-финскую границу.

Было это или нет, мы никогда не узнаем. Так свои перипетии описывает сам Гордиевский в книге, изданной в Англии вскоре

после его побега.

А вот фактическая сторона его измены.

…В июле 1985 г., почуяв твердь земли Альбиона под ногами и оттого осмелев, Гордиевский стал вредить открыто.

С его подачи в Англии были объявлены persona non grata 32 сотрудника советского посольства, из которых лишь треть были разведчиками, остальные — «чистые» дипломаты. Но ведь предателю надо было зарабатывать «очки» в глазах новых хозяев — отсюда и перебор!

Мы из Москвы выслали соответствующее число сотрудников английского посольства. Но в МИ-5 решили не останавливаться и подготовили список еще из десятка фамилий наших дипломатов на высылку. Нам ничего не оставалось, как действовать адекватно. Однако нашлась трезвая голова, которая решила остановить процесс. Маргарет Тэтчер, тогдашний премьер-министр Англии, поняв, что если дело так пойдет и дальше, то работа английского посольства в Москве будет парализована, одернула свои спецслужбы, заявив: «Пора прекратить эту карусель!»

Сегодня нам представляется, что самой значительной услугой, оказанной Гордиевским своим английским хозяевам, была «сдача» им сотрудника МИ-5 Майкла Беттани, который со временем мог бы стать для нас вторым Джоном Блантом. Последний, будучи высокопоставленным сотрудником английской контрразведки, являлся членом «кембриджской пятерки» и активно работал в пользу Советского Союза.

Глава восьмая
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АГЕНТ КГБ

Человек, который боится собственной тени

В конце 90-х гг. прошлого века один раз в два дня на Рейджент-стрит в английском графстве Хертфордшир можно было видеть невзрачного человечка в темных не по погоде очках и с хозяйственной сумкой в руках.

Поминутно оглядываясь, он спешил в близлежащую лавчонку, где, схватив пакет провизии, трусцой возвращался домой.

И было из-за чего. Уличные мальчуганы, завидев его, хором кричали: «Тили-тили тесто, русскому шпику здесь не место!»

Поэтому надо было действовать не мешкая. Входную дверь — на засов и два поворота ключа. Проверить окна — плотно ли закрыты шторы и опущены ли жалюзи. Все! Вот, наконец, она — упоительная свобода и одиночество! Он ждал ее долгих 14 лет, с тех пор, как отбывал срок в тюрьме для особо опасных государственных преступников.

Пробыв в тюрьме 14 лет из назначенных ему судом 23, 48-летний Майкл Беттани, бывший узник под номером B-67313, выйдя на свободу, бросил семью и уединился в Хертфордширском графстве, в малюсенькой хибаре, которую-то и домом назвать можно с большой натяжкой, где, судя по рапортам надзирающим за ним полицейским, он работает над мемуарами.

За какие же такие прегрешения судьба и королевский суд наказали Майкла Беттани?

«Белая ворона» в Оксфорде

Майкл Беттани, одиннадцатый ребенок в рабочей семье, рос застенчивым и робким к вниманию незнакомых ему людей. Он особенно замкнулся в себе после того, как развелись его родители. Майкл, всегда сторонившийся женского общества, остался с отцом, под влиянием которого он всегда и находился.

Его отец Рональд Беттани, очаровательный и беззаботный человек, слыл в округе большим фантазером авантюрного пошиба, мечтавшим любым способом прославиться и разбогатеть. Однако все его размышления вслух об ожидающей его вселенской

славе и богатстве так и закончились лишь мечтаниями. В этом же духе он и воспитывал единственного оставшегося с ним сына — Майкла.

…К своим семнадцати годам, когда его сверстники уже поступили в престижные колледжи и университеты или преуспели на ниве бизнеса, Майкл, освоив едва ли не половину библиотеки Британского музея, неожиданно для своего отца, сверстников и соседей блестяще сдал экзамены в Оксфордский колледж.

Во время обучения как преподаватели, так и сокурсники Беттани отмечали его эрудицию и широчайшие познания в различных областях самых неожиданных наук. На втором курсе он самостоятельно начал изучать немецкий язык, да так успешно, что уже через полгода читал Шиллера и Гёте в оригинале.

Вместе с тем от внимания окружения не ускользнуло, что Майкл никогда не участвовал в шумных студенческих вечеринках, заканчивавшихся, как правило, массовой оргией с проститутками по вызову и гомосексуальной вакханалией. Кстати, гомосексуальные отношения были весьма распространенным явлением среди студентов Оксфорда, особенно среди отпрысков влиятельных представителей английского истеблишмента — воротил бизнеса, членов правительства и парламента. Забавам своих порочных сверстников Майкл предпочитал уединение в библиотеке колледжа или в парке. За это от сокурсников он получил кличку Белая Ворона. Никто и не подозревал, что в душе Белой Вороны бушуют бури тщеславия, жажды совершить ПОСТУПОК, и, наконец, огрести гору денег.

Поступок № 1. Устрашающий

Кто ищет — тот находит. Стояла ранняя солнечная осень, что само по себе большая редкость для туманного Альбиона. Как всегда в одиночестве, Беттани, сидя в парке, штудировал очередное произведение Гёте. Проходивший мимо радиотехник колледжа в знак приветствия приподнял шляпу. Майкл, погруженный в перипетии прочитанного, лишь кивнул в ответ. Неожиданно он заметил, как, вытаскивая из кармана носовой платок, радиотехник обронил на дорожку, посыпанную тертым кирпичом, ключ. Беттани было уже собрался окликнуть раззяву, как вдруг его осенило.

«Вот он, шанс прославиться, — чуть было не вскрикнул Майкл. — Я покажу вам, на что способен Белая Ворона!»

…Через несколько минут по радиотрансляционной сети

колледжа Беттани, имитируя голос диктора Би-Би-Си, объявил: «Внимание, внимание! Работают все радиостанции Великобритании! Армады русских танков, неся огромные потери, взломали оборону королевских войск и движутся по направлению к Лондону. С воздуха их поддерживают сотни самолетов! Всем студентам и преподавательскому составу колледжа немедленно укрыться в бомбоубежище!»

Сразу же захлопали двери, послышались взволнованные голоса. Началась невообразимая паника и давка. Все — студенты и профессура — ринулись к бомбоубежищу. Здание колледжа опустело…

Досада! Вход закрыт амбарным замком. Не беда! Два удара ломом, и путь к спасительному подземелью открыт.

Беттани же в это время носовым платком протер микрофон и тумблеры, к которым прикасался, и беспрепятственно скрылся в парке, где вдали от перепуганных адептов и их наставников спокойно продолжил общение с Гёте. Перепуганных? Ну да! Время-то — самый разгар холодной войны, которую эти непредсказуемые русские решили-таки превратить в «горячую»!

…Прибывшие через полчаса сотрудники Скотланд Ярда в течение суток подвергали изнуряющему допросу всех студентов и преподавательский состав.

Когда Майкла спросили, что ему известно об инциденте, он, скромно потупив очи долу, ответил, что ничего не знает, так как изучал труды Гёте в парке. Дотошный полицейский попросил показать то место. Прошли в парк.

«Н-да, отсюда даже взрыва атомной бомбы вы бы, сэр, не услышали!» — был вердикт полицейского чина.

Радиотехника уволили без выходного пособия, а в дверь радиорубки врезали электронный замок.

Лишь по окончании колледжа Беттани рассказал особо доверенным лицам, как он устроил провокацию под названием *«Спаситесь, русские идут!»*.

Поступок № 2. Экстравагантный

Поступком № 2 Беттани сразил весь Оксфорд наповал.

В середине 1970-х, когда в английской студенческой среде царило всеобщее поклонение «Битлам» и постулатам движения хиппи, Майкл на студенческую вечеринку явился в форме штандартенфюрера СС с красно-белой нацистской повязкой на рукаве с непременной свастикой, да еще под носом нарисовал черной ваксой усы а-ля Адольф Гитлер.

Ай да тихоня, ай да Белая Ворона! Да такой даст сто очков форы всем сорвиголовам Оксфорда!

…Увидев, что сверстники обратили на него внимание, Майкл включил граммофон на полную громкость и под нацистские песни стал маршировать прусским строевым шагом по дворику колледжа, всем своим видом показывая, что плевать хотел он и на поклонников «Битлз», и на косматых хиппи.

Этой своей выходкой Майкл решил утереть нос своим сокурсникам и доказать им, что он далеко не белая ворона и не просто книжный червь.

Слава, которой так жаждал Беттани, наконец приняла его в свои объятия.

Кроме славы — денег!

Еще обучаясь в колледже, Беттани предпринимал попытки поступить в Форин Офис, однако судьба в лице секретной службы Великобритании — Сикрет интеллидженс сервис (СИС) — распорядилась по-своему.

Дело в том, что преимуществе? глубоко демократичного общества вроде Великобритании состоит в том, что никакие экзотические взгляды, ни даже экстравагантные выходки, подобные тем, что устроил тихоня Беттани, твоей карьере не помеха.

Более того, именно в этом его ультраправом идеологическом демарше он и приглянулся чиновникам из департамента по работе с персоналом СИС.

Встреча с одним из них стала для Майкла судьбоносной, и вскоре он был оформлен в штат МИ-5 (английская контрразведка) и направлен служить в Северную Ирландию с задачей добывать компромат на местных террористов.

Беттани с головой окунулся в работу по выявлению и разработке главарей Ирландской республиканской армии. Он делал это сознательно, находя поведение и идеологию «леваков» деморализующими и зловредными. Заваливая руководство в Лондоне донесениями и глубоко аргументированными предложениями, Майкл быстро продвигался по служебной лестнице и даже получил высшую награду Великобритании — орден Подвязки.

Не помешал ему в продвижении по служебной лестнице и пьяный дебош, из-за которого он угодил в полицейский участок. Отнюдь! Более того, он получил повышение — назначение в отдел «К», работавший по советским дипломатам,

аккредитованным в Англии и подозреваемым в связях с КГБ! Вернувшись в Лондон, Беттани женился, через некоторое время у него родилась тройня: мальчики-близнецы.

Жизнь превратилась в рутину: работа — дом — работа. А ввиду того, что его жена Сэлли редко покидала какую-нибудь очередную лечебную клинику, денег в семье Майкла практически не было. А ведь надо было поднимать, то есть кормить и платить за обучение близняшек! Тогда-то жажда славы и денег вновь напомнили о себе, и он решился. Как знать, возможно, сказались гены его отца, авантюрного мечтателя!

Поступок № 3. Фатальный

В одну из ночей 1983 г. Майкл Беттани опустил записку в почтовый ящик дома Аркадия Гука, резидента КГБ, действовавшего под прикрытием первого секретаря посольства СССР в Лондоне. В записке было изложено короткое предложение о секретном сотрудничестве. О себе Беттани ограничился лишь указанием, что он является офицером МИ-5.

В случае согласия сотрудники резидентуры должны были разместить в воскресном приложении газеты «Санди таймс» объявление о продаже дома по указанному Беттани адресу с указанием времени, когда можно посетить вымышленный дом.

У Гука закралось подозрение, что английская контрразведка затевает оперативную игру с целью компрометации нашей резидентуры, действующей под посольской «крышей». По его мнению, это был классический, если не сказать глупый вариант подставы, который напоминал хрестоматийный пример из «Справочника молодого чекиста».

Сомнения Гука всячески подогревал его заместитель Олег Гордиевский, уже в полную силу работавший в качестве агента на англичан и получавший от них вторую зарплату.

«Ну, зачем, Аркадий Иванович, — исходил желчью Гордиевский, — мы будем клевать на эту дохлую приманку. Что уж мы, законченные идиоты, что ли?!»

* * *

Не дождавшись публикации в «Санди таймс», Майкл решается на более рисковый шаг.

Чтобы убедить советского резидента в своей готовности работать на СССР, а также продемонстрировать, что он имеет

неограниченный доступ к абсолютно конфиденциальной информации, Беттани вновь подбрасывает в почтовый ящик Аркадия Гука пачку ксерокопий совершенно секретных документов о положении в Северной Ирландии, о наблюдениях и выводах английской контрразведки, касающихся работы нашей резидентуры, наконец, он называет имена нескольких англичан, которые выполняют роль «подставы», через которых СИС направляет в нашу резидентуру дезинформацию.

Гук, швырнув на стол полученную «почту», заявил Гордиевскому: «В общем, разбирайся сам с этой макулатурой, а я с завтрашнего дня в отпуске и вылетаю в Москву!»

И Гордиевский разобрался.

Посадив шефа в самолет, он немедленно связался по уличному телефону-автомату со своим куратором из Сикрет интеллидженс сервис, затем передал ему пачку полученных от Беттани документов, предварительно составив акт об их сожжении как не представляющих оперативной ценности.

Когда куратор Гордиевского ознакомился с представленными документами, он коротко резюмировал: «Поздравляю вас, дорогой Олег, двухэтажный особняк в престижном районе Лондона вам обеспечен… Этого подлеца, который решил подорвать обороноспособность Англии и НАТО, мы сегодня же вычислим. А еще через день он будет давать показания в тюрьме, это я вам — как офицер ее величества королевы Великобритании — обещаю. Благодарю за службу!»

Глава девятая
КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ. ПОМИЛОВАТЬ!

Как сажают на «крючок»

В феврале 1992 г. Указом Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина были помилованы десять осужденных ранее агентов иностранных разведок. Среди них — бывший подполковник КГБ Борис Николаевич Южин, находившийся в местах лишения свободы шесть из пятнадцати определенных ему лет.

…Южин начал свою карьеру разведчика младшим офицером. Под прикрытием студента-стажера он был направлен в шестимесячную командировку в Соединенные Штаты Америки, где обучался в университете Сан-Франциско. Здесь он попал в поле зрения американской контрразведки — Федерального бюро расследований.

Сотрудники Бюро готовились к вербовке начинающего русского разведчика долго и тщательно. Были изучены его связи, привычки и пристрастия, достоинства и недостатки, и в результате полученных данных создан его психологический портрет.

Судя по всему, Южин по всем параметрам соответствовал представлению сотрудников американской контрразведки о потенциальном изменнике. *И* вслед за большой подготовительной работой фэбээровцы составили план многоходовой операции.

На первом этапе к заезжему русскому подвели опытную агентессу ФБР Джуди Стивенсон. И вскоре отношения стажера с молодой привлекательной женщиной стали более чем приятельскими…

Бывая в гостях у Южина, мисс Стивенсон иногда просила преподнести ей в качестве сувенира какой-нибудь милый пустячок — оригинальную бутылку из-под армянского коньяка, пустую конфетную коробку советского производства или еще что-нибудь в этом роде.

Однажды Джуди пригласила своего русского друга посетить латиноамериканский клуб. Мотивировала это тем, что якобы в клубе собирается прогрессивная молодежь — неплохая возможность приобрести друзей среди инакомыслящих.

На самом деле клуб оказался обычным местом отдыха и

развлечений — никто там политикой не интересовался, поэтому Джуди и Борис выпили пару коктейлей, потанцевали, сфотографировались и были таковы. Но в соответствии с планом ФБР, это посещение являлось одним из решающих этапов вовлечения Южина в подготовленную западню. Следующим пунктом было знакомство Бориса с «братом» Джуди — Лэри Уотсоном, в действительности кадровым офицером ФБР (психолог, он будет готовить реализацию завершающего этапа вербовочной операции русского разведчика).

В один прекрасный день мисс Стивенсон явилась к Южину на квартиру вся в слезах и рассказала, что к ней домой наведались люди из ФБР, произвели обыск, перевернув все верх дном, изъяли сувениры, подаренные ей Борисом, и унесли с собой фотографии, сделанные в латиноамериканском клубе. В настоящее время ее обвиняют в причастности к террористической деятельности и в пособничестве в установлении контактов между русскими и террористами. В подтверждение своих слов она показала Борису заметку, опубликованную в одной бульварной газете.

«Что делать, Борис?! Что делать?!» — в истерике кричала Джуди.

Выпроводив подругу, обеспокоенный создавшимся положением, Южин призадумался. В голову ничего путного не приходило, и он отправился в консульство, где доложил офицеру безопасности о случившимся. Тот, похлопав Южина по плечу, успокоил его и посоветовал не паниковать, так как, дескать, от провокаций в этой стране никто не застрахован. На том и расстались. Однако, если какая-то неприятность должна случиться, — она случается непременно!

На следующий день к Южину примчался Лэри Уотсон и объявил, что его «сестру» госпитализировали, и сейчас она находится в критическом состоянии. Мисс Стивенсон, бледная и исхудавшая, лежала на больничной койке опутанная проводами и резиновыми трубками. Она еще раз подтвердила, что против нее выдвинуты очень серьезные обвинения, и просила «милого Бориса» съездить в ФБР и объяснить там, что она ни в чем не виновна. После настойчивых уговоров «брата и сестры» Южин согласился тотчас отправиться к следователю…

На допросе, который прошел в очень дружественной атмосфере, Южин, как мог, объяснил сотруднику ФБР с очень редким именем Джон, что вся история с Джуди — не более чем недоразумение. Расстались почти друзьями.

Еще через какое-то время Джон позвонил Южину и предложил встретиться, чтобы уточнить некоторые детали по делу мисс Стивенсон. И вновь беседа проходила в дружеском тоне

и постепенно вышла за рамки ранее обозначенной темы.

Разговор плавно перетекал из одного сюжета в другой, и Южин, проникнувшись симпатией к Джону, попросил у него совета. Дело, в общем-то, выеденного яйца не стоит — к Южину на несколько дней прилетает жена. Хотелось встретить ее подобающим образом, да и время скоротать на высоком уровне, но вот с деньгами, сам понимаешь, Джон, туговато… Нельзя ли в университете получить материальную помощь? Тем более что здесь это практикуется… А ведомство твое, Джон, при решении подобных вопросов в отношении иностранцев играет не последнюю роль…

Джон — парень понятливый, он по-свойски потрепал Южина за плечо и пообещал все устроить.

Действительно, через день, когда они встретились, Джон, широко улыбаясь, вручил Южину конверт с пятью сотнями «зеленых» — «твой вопрос решен, старина!».

Борис несколько опешил: все выглядело не так, как он себе это рисовал в воображении, что-то, внушавшее подозрение, висело в воздухе. Нет-нет, прочь подозрения, Джон — настоящий товарищ! Да и соблазн стать на пару дней богачом оказался слишком велик.

Стажер натянуто улыбнулся, но конверт не отдал — спрятал во внутренний карман пиджака…

Эти несколько дней супруги Южины провели, как в сказке. Проводив жену, Южин заскочил в деканат по работе с иностранцами, чтобы выразить благодарность за оказанную материальную поддержку.

«Какие-такие пятьсот долларов? — спросили в деканате. — Знать ничего не знаем…»

Южин моментально прозрел, вспомнив о своих смутных подозрениях, которые он то отгонял, то приглушал оптимистичным окриком на самого себя. Он все понял — его посадили «на крючок»!..

Под псевдонимом «Твайн»

Очередную встречу Джон назначил Борису в гостинице. Открыв дверь указанного номера, Южин увидел четырех улыбающихся парней одного с ним возраста. Не теряя времени даром, они тут же продемонстрировали ему фотоснимки, где он получает деньги от американского контрразведчика. Вдобавок ему «вылили» весь собранный на него компромат: сообщили о его истинном месте службы, воинском звании и цели командировки в

США…

Вербовка прошла точно в соответствии с намеченным ФБР планом. Южин сдал всех своих коллег-стажеров и тех сотрудников резидентуры в Сан-Франциско, о которых был осведомлен.

Его засыпали проверочными вопросами о структуре КГБ, о его руководстве и т. д. Ответы вполне удовлетворили допрашивавших, и в заключение они объявили ему, что с этого дня он — агент американских спецслужб и должен откликаться на псевдоним «Твайн»…

Во время следствия в Москве Южин представил письменное пояснение о том, как это происходило: *«Неожиданно один из присутствующих перешел на русский язык. Говорил он блестяще. А знание моей точной принадлежности к разведке сломило мою способность к сопротивлению…*

Было еще не поздно доложить руководству резидентуры о состоявшемся вербовочном подходе, я колебался, имея два варианта.

Первый — доложить о вербовке и сохранить свое доброе имя, остаться полноправным гражданином своей страны, отказаться от совершения тяжкого преступления, но при этом поставить крест на своей карьере в органах госбезопасности и материальных благах, связанных с выездами в загранкомандировки, а также оказаться под угрозой распада семьи.

Второй вариант — в целях достижения своих низменных побуждений изменить Родине. Проявив малодушие и трусость, я сделал выбор».

Поскольку командировка Южина в Штатах подходила к концу, американцы поторопились с созданием ему условий для дальнейшего роста в системе внешней разведки КГБ. Для этого они снабдили его сведениями, которые могли способствовать составлению впечатляющего отчета о проделанной работе за шесть месяцев пребывания в Штатах.

Согласно предоставленным фэбээровцами данным, выходило, что Южин времени зря не терял и сумел добыть хоть и не засекреченные, но весьма значимые для политической разведки материалы. Во время стажировки в Сан-Франциско он якобы смог установить полезные для советской разведки контакты с рядом влиятельных граждан Соединенных Штатов. К примеру, он вошел в контакт и сейчас находится на дружеской ноге с бывшим сотрудником ЦРУ. Более того, имел честь быть представленным некоему американскому сенатору, с которым в настоящее время играет в гольф!

«С таким отчетом, мой друг, — поднимая стакан с виски,

произнес Джон, — ты через полгода вернешься в Штаты… Попомни мои слова!»

Фэбээровец словно в воду глядел: вскоре Южина командировали в резидентуру внешней разведки КГБ в Сан-Франциско. О чем он, как и было оговорено с Джоном, немедленно оповестил по телефону какую-то барышню, поднявшую трубку…

Несколько недель никто не выходил на контакт с Южиным. Однако расслабляться долго новоявленному агенту не пришлось.

Как-то раз, когда Борис прогуливался по парку, рядом с ним… затормозила неприметная малолитражка. За рулем сидел Джон.

— Старина, твои знакомые ребята и я рады приветствовать тебя в Штатах! Ты помнишь их? Как говорили у вас в тридцатые годы: «Вам некуда торопиться — ОГПУ к вам само придет!» Ваше ОГПУ 1930-х гг. — это наше ФБР сегодня, во всяком случае, для твоих соотечественников, не так ли? Садись, прокачу, заодно поговорим о твоем задании…

* * *

В течение пяти лет «Твайн» добросовестно пахал на ФБР. Он сообщил известные ему сведения о составе резидентур КГБ в Соединенных Штатах, постоянно информировал американскую контрразведку о работе своих коллег, их доверительных контактах из числа жителей Сан-Франциско, наконец, о ставших ему известными оперативных планах внешней политической разведки в отношении США.

На каждой явке с очередным сотрудником ФБР ему демонстрировали десятки фото советских граждан для опознания в них вероятных сотрудников советских спецслужб.

И надо сказать, Южин добросовестно опознавал всех. С этим учился в спецшколе, с тем — работал, с этим случайно встречался в коридорах Ясенево…

Бескорыстие агента

Однажды Южину фэбээровцы дали задание сфотографировать внутренние помещения консульства и резидентуры КГБ в Сан-Франциско. Задание не бей лежачего — делается на раз, даже курсанту комитетской спецшколы по плечу, но Бориса охватил мандраж. Задание напомнило ему первую брачную ночь с его

тогда еще молодой и неискушенной в сексуальных играх женой: «страшно, но надо».

В субботу — в выходной день всех советских сотрудников — Южин, снабженный спецфотоаппаратом для панорамной съемки, отправился в консульство. Безо всяких проблем заснял все помещения, кроме опечатанных. В центральном зале висело огромное зеркало в золоченой раме. Стоп! Эта — та самая деталь, которая может впечатлить Джона — надо «снять» и его!

Так, скорее всего, думал горе-агент. Ничтоже сумняшеся, заснял и зеркало! Пленку при встрече передал своему оператору Джону.

На следующей явке Джон, улыбаясь во весь рот, показал Борису фото, где тот, отраженный зеркалом, сосредоточенно щелкает затвором фотоаппарата.

— Старина, у нас достаточно компромата на тебя, а ты еще и довесок приволок… Взгляни на себя с фотокамерой в руках. Ты кого снимаешь, себя?! Знаешь, ты ведь себя поставил под удар… Да-да, и не смотри на меня так! Это фото могут увидеть многие наши сотрудники и даже коллеги из ЦРУ. А всем рты закрыть я не сумею — болтовня, она есть везде…

Правда, скорого провала не случилось, и Южин продолжал работать в США одновременно на два ведомства: КГБ и ФБР.

В ФБР отмечали, что поставляемая Южиным информация имеет большую ценность, и готовы были хорошо платить за нее. Так, «Твайн» помогустановить агента влияния КГБ в Норвегии, известного партийного лидера и профсоюзного босса А. Трехольта.

Кроме того, он регулярно передавал ФБР отчеты, направляемые резидентурой в Москву, и предупреждал о готовящихся операциях КГБ.

Учитывая рвение «Твайна», руководство ФБР неоднократно предлагало ему открыть счет в любом банке на его выбор, но он отказывался. И с наличностью у агента тоже были непростые отношения. На одной из первых явок Джон поставил перед ним набитый купюрами «дипломат» и предложил взять столько, сколько он пожелает. Но Борис проявил скромность и не притронулся к деньгам.

Действительно, Южин, начитавшись Солженицына и других запрещенных в СССР авторов, так изменил свои взгляды на советский строй, что согласился сотрудничать с ФБР на идеологической основе. Через какое-то время он все-таки стал брать деньги, но ограничивался суммами в две-три сотни «зеленых». Лишь на третьем или четвертом году работы на ФБР он раскрепостился настолько, что уже брал тысячами. Вместе с

тем, на удивление фэбээровцев, «Твайн» по-прежнему отказывался от открытия банковского счета на свое имя.

Закат шпионской карьеры

Однажды «Твайн», как ему показалось, очутился на грани провала из-за собственной небрежности. В здании консульства он обронил зажигалку, в которую был вмонтирован микрофотоаппарат.

Зажигалку нашел местный слесарь Потапов. Пощелкал, пощелкал — не работает, и забросил ее на верстак — когда-то еще пригодится. Наконец наступил и ее черед. Понадобились Потапову детали зажигалки, и он решил разобрать находку. Глядь, а там микрофотоаппарат! Слесарь немедленно обратился к офицеру безопасности консульства. Микропленку извлекли и проявили. На удачу Южина, она была не заэкспонирована. Будь на ней отснятый материал, то по его характеру можно было бы легко вычислить хозяина зажигалки.

…Южин обнаружил пропажу зажигалки и вызвал Джона на экстренную встречу, чтобы обсудить, как выйти из положения. Он вспомнил, что заходил к своему коллеге Семенову выпить пива. Не там ли осталась зажигалка? И ФБР проводит незамысловатую, но изящную операцию.

К Семенову Бюро направило свою внештатную сотрудницу, о которой в нашей резидентуре было известно, что она «таскает каштаны» для американской контрразведки. Дама под надуманным предлогом пришла в гости к Семенову и уселась в то самое кресло, в котором накануне сидел Южин. Болтая без умолку, она ощупывала швы. А перед уходом случайно уронила свою сумочку на пол. Та раскрылась, и содержимое рассыпалось по всей комнате. После того как все предметы были собраны, дама распрощалась и покинула гостеприимный дом. Все ее действия преследовали одну цель: отвести подозрение от Южина, если он именно там обронил зажигалку. Но, как известно, она находилась совсем в другом месте…

В общем, через какое-то время резидентура в Сан-Франциско оказалась «под колпаком» собственной службы безопасности и Второго главного управления КГБ. Но ничего — пронесло на этот раз!

Тем временем наступил 1982 г. и подошел конец пребыванию Южина в Соединенных Штатах. Исходя из интересов собственной безопасности, он наотрез отказался продолжать сотрудничество с ФБР. И это притом, что Бюро последнее время снабжало его все

более ценными с точки зрения начальства Южина материалами и даже подключило его к нескольким источникам информации из среды политической элиты США, которые могли представлять интерес для внешней разведки СССР. Все оказалось напрасно — Южин был непреклонен и в категоричном тоне отказался работать на американцев в Москве.

Впрочем, в ФБР не настаивали. Южина в самом начале предупредили, что рисковать им не собираются, и сотрудничество будет развиваться только во время его пребывания за рубежом.

Вместе с тем накануне отъезда Южина познакомили с сотрудником ЦРУ, неким Коллинзом, который собирался приступить к работе в московской резидентуре Управления. Коллинз несколько раз встречался с Южиным, каждый раз склоняя его к продолжению сотрудничества в Москве, но тот стоял на своем. Это обстоятельство, в свою очередь, обрадовало Джона. Теперь у него не было сомнений: «Твайн» — добросовестный, «чистый» агент, а не «подстава» КГБ! Ведь будь он «двойником», он сразу бы откликнулся на предложение Коллинза, невзирая на очевидный риск!

* * *

Предосторожности не спасли Южина от провала. В апреле 1985 г. наш суперагент Олдрич Эймс сообщил, что Южин — двурушник. Второй главк установил за Южиным круглосуточное наблюдение. Слежка велась настолько тщательно с помощью видеокамер, что в диспетчерском пункте знали с точностью до секунды, когда Южин сходил в туалет, а когда лег спать. Спешить контрразведчикам было некуда — в скором времени объект не должен был выезжать в зарубежные командировки.

Однако и длительная слежка не дала прямых улик измены Южина. А основные доказательства были представлены Эймсом, и еще через полгода их подкрепил Хансен.

Методом «съема» Южин был арестован бойцами «Альфы» 23 декабря 1986 г.

Он сумел убедить следователей, что сотрудничал с ФБР против собственной воли и глубоко раскаивается в содеянном. В результате ему удалось избежать смертной казни. Он был осужден на пятнадцать лет, из них пять провел в лагере строгого режима «Пермь-35». В феврале 1992 г. Южин был амнистирован Указом президента России Б. Н. Ельцина и вернулся в Москву.

В 1994 г. вместе с женой и дочерью выехал по частному приглашению в Сан-Франциско (а куда же еще!).

В настоящее время он пишет мемуары и занимается архивными исследованиями, касающимися судеб западных военнопленных времен Второй мировой войны, окончивших свои дни в ГУЛАГе.

Глава десятая
ШПИОН, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ С ПОВИННОЙ

Войдя в кабинет начальника, подполковник Казаченко застал генерал-майора Козлова сидящим в позе роденовского «Мыслителя» за рабочим столом, на котором громоздились непривычные для интерьера предметы.

— Так это и есть экипировка пришедшего с повинной шпиона? Да ей же, Леонид Иосифович, сто лет в обед. Она же из каменного века…

Козлов протяжно посмотрел на подчиненного и одобрительно кивнул.

— Да, Олег Юрьевич, на столе полный шпионский набор… Хотя нет, не полный. Горе-шпион не потрудился с собой передатчик захватить, а остальное — вся шпионская экипировка — здесь. Казалось бы, радоваться надо, ан, нет, грустно почему-то…

— Это связано как-то с эмиссаром СИС, по которому мы сейчас работаем, или заявитель сам по себе, «блуждающий форвард»?

— Ты в десятку попал, Олег Юрьевич! — Козлов вынул из ящика стола пинцет и им приподнял почтовый конверт.

— Узнаешь? Хотя нет, конечно… Конверт стандартный… Словом, это один из тех трех, которые «Дуб» опустил в почтовые ящики… Адресат, он же советник МИД Макаров Виктор Андреевич, час назад все это и притащил… Сейчас ребята из правового управления с ним беседуют… Полюбуйся! Экипировка, правда, устаревшая, сегодня ее можно употребить в качестве реквизита на Мосфильме, но еще вполне сохранная и пригодна к использованию…

Коротковолновый приемник для прослушивания радиопередач из Мюнхенского разведцентра в высокочастотном диапазоне, одноразовые шифрблокноты, спрятанные в карманных фонариках и в зажигалке. В портсигаре — микроточечное считывающее устройство, принадлежности для изготовления микроточечных сообщений… Банка из-под печенья с магнитным железооксидом для нанесения на пленку радиограмм для СКП (сверхкороткой передачи).

— И кто ж его, этого дипломата, так «нафаршировал»?

— Старая песня… Еще в 1976 г. его англичане в Боливии подвербовали… История довольно банальная. Работая в нашем посольстве в Ла-Пасе, Макаров, тогда еще молодой дипломат,

свободно общался и заводил знакомства с местным населением и сотрудниками иностранных посольств. Теннисный корт посещал, шахматный клуб. Со временем стал замечать, что все чаще его партнером выступает Джон Скарлет. Да-да, тот самый! Нынешний резидент СИС в Москве, который под «корягой» (прикрытием) первого секретаря посольства Великобритании сидит.

Англичанин начинал свою работу по советским гражданам или против них — уж и не знаю, как правильнее выразиться — в Боливии, и его первенцем-новобранцем как раз и стал Макаров… Постепенно помимо тенниса и шахмат нашли они и другие точки соприкосновения: женщины, совместная выпивка…

…Однажды Джон предложил Макарову выписать себе вещи по каталогу, чего сотрудники нашего посольства тогда не могли себе позволить. Потом от англичанина последовали разные мелкие презенты, деньгами Макарова ссужал, ну ты понимаешь, коготок увяз — всей птичке пропасть…

Что-то не заладилась работа у молодого дипломата, то ли оттого, что жена уехала в Союз лечиться, то ли требования посла повысились. Словом, в рюмку стал он регулярно заглядывать. Ну а собутыльник тут как тут.

Во время одной попойки Скарлет предложил ему сотрудничество со своей разведкой. Макаров, по его словам, спьяну согласился. Да еще и сумму вознаграждения сам себе назначил — двадцать пять тысяч долларов за свои будущие шпионские услуги. Оцени, Олег Юрьевич, уровень притязаний «совка», впервые попавшего за границу! Сравни: Геннадий Сметанин, полковник ГРУ, что работал в 1983–1985 гг. в Лиссабоне, тот за свои услуги запросил миллион долларов, за что и получил в ЦРУ кличку Мистер «Миллион». А этот Макаров… Действительно, мельчает мир — мельчают идиоты…

Но Скарлет согласился, хотя и понимал, что имеет дело с ничтожеством, для которого даже двадцать пять тысяч долларов — огромные деньги.

— Неужели американцы дали Сметанину миллион?

— Миллиона не дали, но вручили достаточно. За два года торговли секретами Сметанин выручил 360 тысяч долларов…

— И где он сейчас?

— Там, где деньги не нужны, — Козлов пальцем указал на потолок. — Расстреляли…

— А на что надеется Макаров? Что наказание будет соразмерно полученной им мизерной сумме?

— Трудно сказать, Олег Юрьевич, на что он рассчитывает, но еще труднее прогнозировать отношение к нему предержащей

власти… На Руси гуманность по отношению к провинившимся всякий раз с приходом к власти новых людей претерпевала неожиданные метаморфозы.

Случалось, разоблаченных предателей приговаривали к расстрелу за преступления, которые по своему характеру и последствиям вовсе не требовали лишения жизни.

Сейчас другая крайность: Ельцин успел помиловать нескольких «кротов» из наших спецслужб, работавших на американцев. Они отбыли часть назначенного военным трибуналом наказания, и представь, им дали возможность уехать за океан. За что, скажи, такая милость?! В общем, у нас как всегда: человек либо параша, либо икона…

Англичане в случае с Макаровым поступили в лучших традициях разведки Генерального штаба царской армии: «стреляй по воробьям — попадешь и в сокола!». И правильно сделали! Нам будет наука, хотя кто у нас учится на ошибках? Ладно бы на чужих, как это делают умные люди, — из своих, к сожалению, не можем извлечь надлежащих уроков!

Казаченко, поняв, что шеф вот-вот пустится в философские рассуждения, поспешил переключить его внимание:

— На какую меру наказания может рассчитывать Макаров, Леонид Иосифович?

— Суд решит, а вообще, всякое может случиться. Лучше послушай, как он себя оправдывает…

Козлов включил магнитофон. Спокойный с хрипотцой голос неторопливо вещал: «Ни англичане, ни впоследствии американцы не ставили передо мной условия, что я обязан отвечать на все вопросы и делать то, что они мне укажут. Никогда, никогда этого не было… Сообщил я американцам только то, что сам посчитал нужным… Делал это дозировано… Мой шпионаж был очень близок к тому, что испокон веков делают *все* дипломаты мира. На что-то намекают, что-то раскрывают, что-то выведывают…»

— Вот так, все дипломаты, мол, это делают. Кто-то больше, кто-то меньше… Я ему на это задал вопрос: «А кто еще из ваших российских коллег двадцать пять тысяч долларов за светские беседы с иностранцами успел получить?» Он тут же замолчал! Да и что он на это может ответить?

— А как он от Скарлета к американцам попал?

— Англичанин объяснил Макарову, что такие крупные деньги — 25 тысяч долларов — имеют только американцы, ну, ты ж понимаешь! Уловка известная.

Во-первых, таким способом вербовщик подчеркивает, что запрошенная сумма несоизмерима с условиями предстоящего задания, то есть с лихвой покроет возможные моральные и

физические издержки агента. Кроме того, подчеркнуть величину вознаграждения — значит возвысить новобранца в собственных глазах: «Надо же, какой куш отвалили, значит, ценят меня!»

Во-вторых, немногие даже среди дипломатов смогут отличить СИС от МИ-5 и так далее, зато ЦРУ знают все…

В общем, Макаров и Скарлет ударили по рукам, а потом для дипломата, по его словам, начался период кошмара…

— И много Макаров успел натаскать американцам?

— Следствие установит, — рассмеялся Козлов, — а если серьезно, то в Боливии он передал американцам одиннадцать фотопленок, получив за них девятнадцать тысяч долларов. Степень важности переснятых документов сейчас будут определять…

— А как он объясняет сегодняшний свой приход к нам, вернее, то, что его явка с повинной задержалась на пятнадцать лет?

— Объясняет не он — я. Его спрашивать покарано, потому что в этом вопросе он услышит упрек и может замкнуться в себе, а нам нужен поток сознания… Сейчас он должен видеть в нас людей сопереживающих, искренне желающих ему помочь. У нас еще будет время прочесть ему мораль, так что, Казаченко, не торопи события…

Полагаю, нервишки у парня сдали, возраст-то уже не тот. То, что пятнадцать лет назад ему по молодости казалось романтичным приключением, игрой в шпионы, обернулось сермяжными буднями… Наверно, думал: «Ну, пошпионю чуть-чуть, «срублю» деньжат чуток и уйду по-английски. А там, смотришь, забудут обо мне и англичане, и американцы. И все рассосется само собой».

Знать бы ему, что в разведке, как и в контрразведке, ничто не рассасывается само собой! Думаю, что послание «Дуба» — последняя капля, переполнившая чашу страхов Макарова. Ему дали понять, что пора бы начать отрабатывать полученные деньги и что вопрос о его увольнении с должности тайного агента находится не в его компетенции. Не может он сам решить, продолжать сотрудничество или нет: решение принимают работодатели, суть — хозяева! Испугался дипломат их коварства: не сумеют заставить работать — подставят. Мы для него сейчас выступаем в роли службы спасения… Ну, да оставим это, а то я уж тебе начал мораль читать…

Перед отъездом в Союз американцы прикрепили к Макарову репетитора по шифровке, который обучил его самостоятельно выходить на связь. Но, видно, ускоренный курс молодого бойца невидимого фронта впрок не пошел. Уже в Союзе Макаров принял

шифрограмму из ЦРУ, а вот на связь выйти не смог. В общем, следующие восемь лет Макарова никто не беспокоил. Поэтому в 1986 г. по прибытии в Барселону на должность первого секретаря консульского отдела он уже поверил в то, что американцы о нем забыли. И вдруг в баре к нему подсаживается человек и передает привет от последнего оператора. И новое задание: Макаров должен по списку, составленному американцами, вычислять, кто из сотрудников нашей дипломатической миссии в Испании «чистый» дипломат, а кто работает под «корягой». На этих агент составил подробное досье…

Через год у Макарова сдали нервы, и он досрочно по болезни убыл в Союз… Перед отъездом американцы вручили ему дополнительное снаряжение и еще несколько тысяч на мелкие расходы…

Три месяца назад они в радиограмме выразили беспокойство состоянием его здоровья и порекомендовали обратиться за консультацией и медицинской помощью к еще одному своему агенту, академику Н., известному в Москве специалисту в области психоневрологии. Это было сделано американцами с двоякой целью: чтобы, во-первых, напомнить «Касабланке» — рабочий псевдоним Макарова, — что свою судьбу агенты сами не решают — за них это делают их кураторы из ЦРУ. А во-вторых, чтобы показать нерадивому агенту, сколь велики возможности его заокеанских хозяев…

Ну, а теперь вот «Дуб» ему весточку по почте переслал… Свидание назначил на послезавтра в Шереметьево.

Пока Макарова убедить в целесообразности выхода на явку не удалось, ну да время еще есть… Думаю, сегодня-завтра уговорим…

* * *

Суд над Виктором Макаровым состоялся в апреле 1992 г. Высочайшим повелением президента Ельцина он был помилован и продолжил работу в Консульском управлении МИД России.

В своем заключительном слове на закрытом процессе Макаров клятвенно пообещал «никогда более не играть с незнакомцами ни в теннис, ни в шахматы».

Часть вторая
РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ЭЛИТА РАСПРОДАЕТ ГОССЕКРЕТЫ

Глава первая
ШПИОН ПО ПРОТЕКЦИИ

Я в шпионы бы пошел — пусть меня научат!

Казус с Владимиром Поташевым, доктором наук, старшим сотрудником отдела военно-политических проблем Института США и Канады Академии наук СССР уникален хотя бы потому, что он предложил себя в качестве шпиона не кому-нибудь, а самому министру обороны США Гарольду Брауну…

В 1976 г. во время визита Брауна в Москву, тогда еще в качестве главнокомандующего ВВС США, Поташев работал его переводчиком. Он настолько понравился американцу, что тот через некоторое время прислал толмачу приглашение посетить Соединенные Штаты.

В 1981 г. Институт направил Поташева в долгосрочную командировку в Вашингтон на переговоры по ограничению стратегических вооружений. Браун — к тому времени уже министр обороны США — встретил старого знакомого радушно, но, сославшись на занятость, поручил своему адъютанту заняться русским. Каково же было удивление министра, когда Поташев, нарушив все нормы протокола, взял Брауна за локоть и прошептал ему на ухо: «Господин министр, я прошу вас устроить мне частную встречу с офицером ЦРУ!»

Оторопевший от такого беспардонного предложения министр, несмотря на провокационность просьбы, ответил согласием.

С уверенностью можно сказать, что это был первый случай в истории агентурной деятельности спецслужб, когда министр обороны великой державы протежировал вербовку секретного источника из противоборствующего лагеря.

Краткий курс молодого шпиона

Цэрэушники в спешном порядке стали проводить с Поташевым конспиративные встречи — ведь до его отъезда из Вашингтона оставалось совсем немного времени, к тому же необходимо было выяснить психологию «новобранца», шкалу его ценностей. Оказалось, что основной характерной чертой свалившегося на их головы добровольного рекрута является

жадность к деньгам. Об этом стало известно на первой же явке.

После взаимных приветствий Поташев тоном, не терпящим возражений, потребовал немедленно открыть ему счет в каком-нибудь американском банке. Пришедшие на встречу с новобранцем его будущие «кукловоды» понимающе переглянулись — это же мощный рычаг, умело пользуясь которым, можно максимально использовать ресурс кандидата в шпионы.

Однако позвольте, мистер Поташев, если вы торопитесь наверстать упущенное вами, то нам вовсе некуда спешить! Сначала давайте разберемся, кто есть who.

Поташев будто только этого и ждал. В своей подобострастной искренности он был неудержим. Он признался американским разведчикам, что поддерживает негласную связь с КГБ, даже назвал свой оперативный псевдоним. Поначалу у бравых молодцев из Лэнгли это вызвало оторопь, но затем они смекнули, что тем проще Поташеву будет решать интересующие их проблемы — он ведь пользуется доверием сотрудников КГБ, обслуживающих Институт!

* * *

За короткий срок инструкторы из Лэнгли натаскали Поташева, как выполнять задания, не привлекая к себе внимания окружающих, как поддерживать связь с резидентурой ЦРУ, действующей под прикрытием посольства США в Москве.

Кроме того, учеба предусматривала овладение «Медиумом» — оперативный псевдоним, который цэрэушники присвоили инициативнику, — навыками шифрования и дешифровки сообщений, способами нанесения тайнописи, использования международной почтовой переписки, приема и расшифровки кодированных радиопередач.

Впрочем, ничего нового в программе подготовки агента-новобранца не было. «Курс молодого шпиона», который постиг Поташев в Вашингтоне, ничем не отличался от того, что проходят все иностранцы, вербуемые американцами на территории США, и те, чье предназначение — работать под началом резидентуры ЦРУ в Москве.

Задачи поставлены, цели определены — за работу!

Как и было обусловлено, Поташев выждал полгода, а затем

поставил метку, означавшую, что он готов приступить к выполнению заданий. Метка была поставлена на маршруте движения американских дипломатов. Через пять дней на квартире агента раздался телефонный звонок. В кодированной беседе «Медиуму» было сообщено, где для него заложен тайник. В нем инструкции, средства конспиративной связи и, разумеется, деньги.

…Поташев сообщил своим операторам исчерпывающую информацию об Институте США и Канады, ввел в курс проблем и научных разработок, которые были актуальны на тот период.

Предатель передал американцам аналитическую справку о перспективах переговоров между США и СССР по ядерным вооружениям средней дальности, известные ему данные о том, до какого предела советская делегация намерена идти на уступки, свой прогноз о развитии противоречий в высшей советской партноменклатуре, которые возникли вслед за выдвинутой Рейганом идеей по так называемому «нулевому варианту».

В 1983 г. «Медиум» консультировал ЦРУ по позиции Юрия Андропова (лидер-загадка для Запада!) на очередном раунде переговоров по ядерным вооружениям. Когда же в 1984 г. по инициативе советской стороны были прерваны переговоры с США по ограничению и сокращению стратегических вооружений и ограничению ядерных вооружений в Европе, агент подготовил долгосрочный прогноз о перспективах развития политических и военных отношений между двумя сверхдержавами, четко сформулировав позицию Советского Союза.

«Медиум» своевременно известил своих заокеанских работодателей о создании в структуре Министерства обороны СССР нового органа управления — Командования военно-космическими силами. В качестве довеска не преминул сообщить о причинах отсрочки запуска советского космического корабля многоразового использования «Буран».

Надо откровенно сказать, что донесения сверхинформированного агента сыграли пагубную для нас роль, особенно в период, когда Вашингтон принимал решение о выходе из Договора по противоракетной обороне и расширении блока НАТО на Восток…

Секретный агент ошибается только раз…

Поташев «таскал каштаны из огня», не щадя живота своего. Желание урвать как можно больше валюты было доминирующим. А тут ему случилось по пьянке разбить свой «жигуль», обзавестись

пятью молодыми любовницами, алчущими дорогих шуб, золотых украшений, развлечений в злачных местах столицы!

Жадность в конце концов и сгубила «Медиума».

Из кабинета директора Института он похитил справочник правительственной связи, наивно полагая, что сорвет за него баснословный куш. Увы! Справочник давно уже не являлся секретным документом, а проходил под грифом «для служебного пользования». Начатое расследование вывело наших контрразведчиков на Поташева. За ним установили круглосуточное наблюдение, входе которого были получены неопровержимые доказательства его преступной связи с разведчиками американской резидентуры в Москве.

Библейские предания как оправдания

Когда в 1986 г. Поташева разоблачили как американского шпиона и арестовали, он буквально огорошил следователей историей, наверняка почерпнутой им из какого-то американского боевика. Рассказал, что его, честного советского ученого и дипломата, американское разведсообщество в результате многоходовой операции заманило в ловушку, и четверо гориллоподобных мачо, накачав наркотиками, угрозами и пытками принудили работать на ЦРУ.

Поняв несостоятельность своих выдумок, Поташев, перестроившись на ходу, обратился к христианской мифологии, попытался свою измену преподнести как феномен, естественно присущий человеческой природе. Демагог по призванию, Поташев за основу взял два библейских события.

Следуя абстрактной логике, он в весьма оригинальной трактовке подал противостояние Иисуса Христа и Иуды Искариота. Согласно сделанному им без преувеличения сенсационному открытию, выходило, что Иисус, чтобы сбылось предсказание пророков, сам побудил Иуду совершить «священное предательство». Поэтому-де Иуда — делал заключение экс-ученый — и не пытался его скрыть, что обычно делают предатели. В том же духе Поташев интерпретировал и поступок Каина. Убив брата, он не предал его, а лишь принес кровавую жертву Богу.

Следователи уличили изменника в плагиате. До него то же самое утверждал некто Херман Левин-Гольдшмидт, отвязный теолог, состоящий на иждивении у западных спецслужб. Этот, с позволения сказать, клерикал в своих трудах, датированных началом 1980-х гг., выворачивал наизнанку Библию, пытаясь облагородить смертный грех — измену. Он оправдывал

предательство, используя исторические аналогии, представлял измену как вселенски обусловленное явление. Смотрите, дескать, делали же это праотцы рода человеческого, почему же нам запрещено?

На этом же настаивал и Поташев, но советская судебная практика всегда была безжалостна к шпионам — для них все заканчивалось расстрельным приговором.

Однако помощь изменнику пришла оттуда, откуда ему и в самых радужных снах не могло пригрезиться. Видимо, при рождении сам Бог поцеловал его в маковку. Ибо его судьбу решил… президент США Рональд Рейган, находившийся с официальным визитом в Москве. Сделал он это во время неофициального ужина весьма оригинальным манером, задав лишь один вопрос: «Господин Горбачев, шпионаж — это война без трупов, не правда ли?»

Контекст был подходящий, и Горбачев сразу понял, что и кого имеет в виду Рейган.

Несмотря на то, что Поташев нанес нашей стране не только политический, военно-стратегический, но и материальный урон, исчисляемый *миллиардами* долларов, по высочайшему повелению Михаила Горбачева он не был расстрелян, а осужден на 13 лет. Что поделаешь — перестройка…

…Спустя шесть лет, в 1992 г. Поташева выпустили по амнистии. Он тут же получил в ОВИР МВД загранпаспорт, американскую визу и отбыл за океан.

В настоящее время Поташев живет в США на пособие от американского правительства как *«лицо, пострадавшее в результате сотрудничества с ЦРУ».*

Глава вторая
ПЛАЩ И КИНЖАЛ «ЧИСТОГО УЧЕНОГО»

В мае 2011 г. Европейский суд по правам человека обязал Российскую Федерацию выплатить 20 тысяч евро в качестве компенсации Игорю Сутягину, который в 2004 г. Мосгорсудом был приговорен к пятнадцати годам лишения свободы по обвинению в шпионаже.

Согласно постановлению Европейского суда, в России было нарушено не только право Сутягина на «справедливое судебное разбирательство», но, оказывается, он был еще и обвинен в деяниях (в шпионаже), которых в действительности не совершал…

Эпилог вместо вступления

Утром 27 октября 1999 г. на калужском вокзале сотрудники местного управления ФСБ взяли Игоря Вячеславовича Сутягина, научного сотрудника Института США и Канады Академии наук РФ, когда он садился в вагон скорого поезда, следовавшего через Калугу в Москву. Взяли не с поличным, что мгновенно создало проблемы. Ведь для того, чтобы возбудить уголовное дело против объекта оперативной разработки, нужно иметь доказательную базу. Но вскоре доказательная база была найдена — книга «Стратегия ядерного вооружения России» (Москва, 1998), в которой была опубликована статья Сутягина. Факт этой публикации позволил УФСБ по Калужской области инкриминировать Сутягину «разглашение секретных данных» и в дальнейшем провести все необходимые следственные действия.

Но непрост Игорь Вячеславович, ох как непрост! Чтобы обезопасить себя, он в библиографическом списке литературы, использованной при подготовке данной главы, в качестве первоисточников указал несметное число статей в журналах и в газетах. Следствию пришлось перелопатить монбланы печатных изданий, просеять тонны информации, разбираясь, мог ли «чистый ученый», коим себя позиционировал Сутягин, из открытых источников заполучить заявленные им в книге сведения или нет? Как выяснилось, нет, не мог. Все привлеченные эксперты дали на этот счет категоричное заключение. Именно поэтому, чтобы избежать накладок, Сутягину были вменены пять чистых эпизодов — тех, которые невозможно было получить из открытой

печати.

…Доброжелательность следователей на первых допросах Сутягин ошибочно воспринял как «приглашение к танцу», решив, что его собираются использовать в качестве двойного агента, и был готов сдать своих англосакских хозяев, откровенно рассказывая все, как было в действительности.

Когда же Сутягин понял, что ФСБ в его услугах не нуждается, его поведение претерпело три стадии. Сначала он попытался переиграть «калужских колхозников из ФСБ», доказывая, что он — «чистый ученый», который делает свои умозаключения, роясь в литературе широкого доступа. Затем, куражась, стал откровенно валять дурака, издеваясь над следователями. И наконец «ушел в полный отказ», то есть отрицал даже очевидное, или вообще хранил молчание…

* * *

Для сокрытия контактов с иностранными кураторами Сутягин выезжал в третьи страны, где проводились научные конференции и симпозиумы, — пустой, «без копья в кармане», а возвращался с весомым гонораром, что наглядно демонстрировали заполненные им собственноручно таможенные декларации.

Так, он не раз заявлял на предварительном следствии: «Это не я писал, вы сами заполнили декларации».

Следователи вынуждены были организовывать по каждому эпизоду графологическую экспертизу. Доказали — писал он!

Слуховой контроль в квартире зафиксировал фразу, брошенную объектом своей жене: «Я сегодня наразведывал тыщи на две фунтов стерлингов…»

На вопрос следователя, о чем конкретно шла речь, Сутягин отвечал: «Нет, я этого не говорил!»

Пришлось проводить фонографическое и лингвистическое исследование, которое подтвердило: да, говорил он!

В ходе судебного разбирательства нашли подтверждение все данные, добытые оперативным путем — с помощью наружного наблюдения и аудио- и видеоконтроля.

Было доказано, например, что Сутягин, едва в апреле 1999 г. начались натовские бомбардировки Белграда, инициативно проинформировал американского военного атташе в Москве бригадного генерала Брэннона о предназначении российского разведывательного корабля «Лиман» (замаскированный под рыболовецкий траулер, он был направлен в Средиземное море).

Сутягин документально успокоил военного атташе, что никаких ракетных залпов «Лиман» по объектам НАТО производить не будет.

Своими донесениями «чистый ученый» Сутягин помог американцам сэкономить пару сотен миллиардов долларов, так как его расчеты убедили их не тратить деньги на постройку новых авианосцев. Как? А просто — в то время Соединенные Штаты намерены были заложить, а затем ввести в строй три суперавианосца, каждый из которых обошелся бы федеральной казне не менее чем в $35 миллиардов! Благодаря аналитическим справкам ученого-отступника, военное министерство США стало уделять внимание только строительству атомных субмарин, отказавшись от возведения авианосцев-динозавров.

Но главное, что передал Сутягин Соединенным Штатам, — планы и тенденции развития группировки Ракетных войск стратегического назначения вплоть до 2007 г. Кроме того, он изготовил для американцев аналитическую справку о составе, технических характеристиках и состоянии российской космической группировки системы предупреждения при ракетном нападении противника (читай: американцев).

* * *

Несмотря на колоссальное психологическое давление на следствие и на суд со стороны внешнеполитических ведомств некоторых стран — участниц НАТО и (?!) отдельных изданий российской прессы, дело было доведено до логического завершения.

Суд доказал, что главным побудительным мотивом Сутягина в шпионском промысле являлась корысть. Он хотел заработать деньги на квартиры для своих родственников, которым — младшему брату и жене — был обязан всем, что имел.

Вторым ведущим мотивом — как это было установлено следствием и затем доказано в ходе судебного разбирательства — явилось желание Сутягина во что бы то ни стало создать себе имидж «великого ученого». Будучи человеком тщеславным, с завышенной самооценкой, он стремился любой ценой добиться признания в глазах мировой научной общественности. Да, цель благородная, но средства-то негодные!

И хотя на продаже Родины заработал Сутягин немало, но это — крохи в сравнении с тем, что поимели англо-американские спецслужбы и с их помощью англосакский истэблишмент, который нажился, скупив за гроши российские военные секреты.

Доказательства? Вот одно из них — на процессе у «нищего» Сутягина было четыре (!) адвоката, в том числе Борис Кузнецов — мировая знаменитость (ныне скрывается в США). Откуда деньги? Из казны ЦРУ и СИС, вестимо! Англосаксы сделали все, чтобы дело Сутягина было развалено в суде — не получилось!

Как наказать скупую Родину-мать

Весной 1998 г. на научном семинаре в Бирмингемском университете (Великобритания), который так же, как Колумбийский университет США, является оранжереей по взращиванию агентов влияния в российских госструктурах, Игорь Вячеславович Сутягин «случайно» познакомился с обаятельным бизнесменом, который представился Шоном Киддом, владельцем консалтинговой фирмы Alternative Future — «Альтернатива будущего». Этот персонаж был подобран английской Сикрет интеллидженс сервис (СИС), с учетом его психологической совместимости с Сутягиным — рост, комплекция, возраст, даже степень облысения, не говоря о блестящем владении русским языком, были учтены. Имя, и документы, его подтверждающие, выданы, разумеется, все той же СИС. Кстати, этот «коммерсант» так и не был предъявлен общественности. Не человек — призрак. После того, как разразился скандал, он буквально испарился, впрочем, как и фирма, которую он представлял.

…Вскоре молодые люди прониклись такой взаимной симпатией, что стали называть друг друга уменьшительно-ласкательными именами. Кидд, испытывая «дружеские» чувства к своему психологическому двойнику, предложил ему составлять аналитические обзоры для своей консалтинговой фирмы «Альтернатива будущего» (это название всплыло лишь в деле Сутягина, хотя ни до, ни после о ней никто и ничего не слышал).

Со слов англичанина, его фирма «консультирует от Финляндии до Чехии», а также страхует инвестиционные риски на российском рынке (?!). Ну а кто лучше, кроме «душки Игорька», ставшего к тому времени заведующим сектором отдела военно-политических проблем Института США и Канады Академии наук РФ, подскажет, вкладывать ли средства в колбасное или молочное производство?!

«Ав чем, собственно, проблемы? — мысленно задал себе вопрос Сутягин. — Почему бы не наказать скупую Родину-мать, которая мне, гению, выплачивает ежемесячно лишь 900 рублей — тогда как новые работодатели за каждую статью на интересующую их тему готовы платить по 700 английских фунтов

стерлингов наличными?!»

Внутренне Сутягин уже готов был сотрудничать с любой подвернувшейся «альтернативой», поэтому наживку, подброшенную «душкой Шоником», он заглотил влет. Коготок увяз — всей птичке пропасть.

Однако шефы Шона-вербовщика не спешили переходить к интересовавшим их проблемам. Полгода они держали Сутягина на карантине — проверяли, не является ли потенциальный новобранец подставой ФСБ. О том, что кандидат на вербовку обладает феноменальной памятью, аналитическими способностями и широкими возможностями добывать интересующую их информацию, им уже было известно от его визави — господина Поташева, который делил с Сутягиным один кабинет, сидя за столом напротив…

…Все шесть месяцев Игорь за счет вербовщиков летал в Европу для встреч с Киддом, но ни в коем случае не в Англию, а в столицы третьих стран — конспирация превыше всего!

За официальными переговорами следовала развлекательная программа с обязательным посещением стриптиз-клубов, интимных салонов, казино и других увеселительных заведений, где Сутягина снимали «в полный рост» на видео- и фотопленку.

«Душка Шоник» успокаивал: все оплачено фирмой «Альтернатива будущего».

Сутягин, наплевав на должностные инструкции, никогда не ставил в известность руководство Института о своих заграничных вояжах. Но однажды, находясь в одном будапештском кабаре, был застигнут врасплох.

«А ты где? — услышал он в мобильнике голос своего шефа Рогова. — Мы тут с ног сбились, разыскивая тебя! Приезжай немедленно!»

Наш антигерой нашелся вмиг: «Я — в Подмосковье. На дне рождения друга. Приехать не могу — выпил много. Вдруг да нарвусь на ментов — загребут в вытрезвитель!»

Куратора Института по безопасности полковника Агеева о контактах с иностранцами Сутягин информировал избирательно, лишь тогда, когда ему это было выгодно. Но об «Альтернативе будущего», о своих контактах с Киддом и об интересующих его сведениях, а также о поставляемой ему информации и получаемых за это денежных средствах Игорь Вячеславович — Боже упаси! — не заикнулся ни разу…

Во время одного допроса на замечание следователя, почему он не сообщал о контактах с представителями таинственной фирмы — «Альтернативы будущего» — офицеру, ответственному за контрразведывательное обеспечение Института, Сутягин

заявил: «А мне не нравились его глаза!»

А на суде он сослался на то, что Агеев, дескать, его об этом не спрашивал.

Обвинением ему тут же был задан вопрос: «Как мог спрашивать полковник Агеев о том, чего не знал?!»

Вопрос остался без ответа.

Суд пришел к заключению, что Сутягин производил целенаправленную селекцию информации, и ту, которую считал для себя опасной, не докладывал ни руководству, ни сотруднику безопасности Института.

Cherchez la femme!

Однажды в мужской клуб «двух душек» — Игорька и Шоника — грубо вторглась женщина, представившаяся страховым агентом Надей Локк. Разумеется, под указанными анкетными данными эта дама бальзаковского возраста нигде не значилась. Но дело, в общем-то, не в этом…

Не дослушав до конца пустопорожнюю болтовню двух опьяневших мужчин, Надя, глядя Сутягину прямо в глаза, на безупречном русском спросила, что ему известно о неакустических методах обнаружения подводных лодок?

Как только она поняла, что Сутягин отрезвел от вопроса, она добавила: «Меня интересуют подробности «Акулы», новой российской субмарины!»

Игорь с тоской подумал, что режиму «свободного поиска», в котором он работал с «душкой Шоником», пришел конец — уж слишком безапелляционно дама требовала ответов на свои предельно четкие вопросы. Да и Кидд, как только Сутягин переводил взгляд на него, прося моральной поддержки, молча втягивал голову в плечи и отворачивался. Судя по всему, право верховенства теперь будет принадлежать Наде!

Сутягин для приличия все же поартачился, но, как только в руках Нади захрустели 1500 английских фунтов стерлингов, речь его стала связной и полилась безостановочно.

С того вечера Сутягина начала курировать Локк. О, эту «охотницу за головами» интересовало многое в российском вооружении!

Но это — потом, а для начала Локк, как опытный стратег, провела перестроение боевых порядков по всему фронту. В переводе на язык спецслужб это означало, что новобранец должен быть обучен элементарным правилам конспирации, кроме того, с ним нужно оговорить способы связи, время и места явок и т. д.

Прежде всего Локк категорически запретила Сутягину звонить в офис фирмы-прикрытия — в «Альтернативу будущего»: только на ее мобильный телефон.

Во-вторых, что важнее — «душка Игорек» прибывать на явки должен только в пятницу, то есть накануне уик-энда. Руководство Института, по мнению Нади, не решится нарушить конституционное право Сутягина на отдых в выходные дни.

В-третьих, Локк подарила Сутягину особый электронный блокнот, в котором он в зашифрованном виде должен был фиксировать выполнение заданий для последующего отчета.

Как оказалось впоследствии, блокнот являл собой мину замедленного действия для «чистого ученого» Сутягина. Вместо того чтобы уничтожить все ранее выданные Киддом ежедневники, Игорь их содержание перенес в электронный блокнот. Для технарей из ФСБ извлечь из него информацию труда не составило…

* * *

Именно в те три дня творились дела Иудины. В первый — продажа секретов Родины. Тщательный инструктаж — суть подстрекательство к похищению российских военных и государственных тайн — во второй. Ну и, наконец, на третий — вручение-получение тридцати сребреников.

Было так.

В пятницу Сутягин вселялся в заранее оплаченный куратором в юбке номер гостиницы в столице третьей страны, ну, скажем, в пражском «Палас-Отеле». В тот же день ему предстоял допрос с пристрастием по темам, которые ему были вменены для проработки на предыдущей явке.

На второй день, в субботу, представленная им информация перепроверялась через каналы — агентурные, военные, технические, дипломатические и т. д. — англо-американских спецслужб.

Наконец, на третий день, в воскресенье, формулировались задания и обсуждались пути и сроки их выполнения «чистым ученым» Сутягиным.

Перед отлетом ему выдавалось очередное вознаграждение в условных единицах; как правило, это были английские фунты стерлингов. Это обстоятельство впоследствии помогло следствию сформировать доказательную базу о выплате Сутягину вознаграждения за его преступные деяния — в таможенных декларациях он указывал количество ввозимой в Россию

иностранной валюты.

Размер вознаграждения зависел от ценности и объема представленной Сутягиным информации.

* * *

С появлением Нади Локк в качестве непосредственного куратора Сутягина пришел конец «мальчишникам» в стриптиз-клубах, до которых был так охоч «душка Шоник». Теперь — только деловые встречи, суть явки.

Одна из встреч Сутягина с Локк состоялась в мае 1999 г. в специально снятом номере отеля «Бристоль», когда в Бирмингеме проходила плановая научная конференция, организованная обществом «Великобритания — Россия». На это время все остальные участники-россияне были выведены из гостиницы на ознакомительную экскурсию погороду.

В следующий раз Сутягин встретился с Локк в июле 1999 г. в Брюсселе, куда он прибыл по частному приглашению во время своего отпуска. О, эту явку Сутягин недобрым словом помянул даже на допросах!

В номер гостиницы Локк приволокла… «графики эффективности» деятельности «чистого ученого»! Едва переступив порог номера и буркнув «хэллоу», Локк не медля ни секунды, открыла принесенный ноутбук и менторским тоном стала давать пояснения диаграммам на экране. Светящиеся на дисплее графики показали, что уровень эффективности «исследовательской работы» Сутягина оценивается в 0,5, тогда как идеальный график должен составлять не менее 0,85-0,9. Через минуту Игорь уже знал, почему так низок балл, выставленный ему куратором в юбке, — психологический прессинг был лишь увертюрой. Либретто — суть задание — последовало незамедлительно и включало:

— вопросы модернизации истребителей МиГ-29 СМТ и СУ-27;

— модернизацию системы ПВО и ПРО России;

— схему противотанковой обороны пограничных с Прибалтикой областей Российской Федерации.

Но особенно интересовали Локк уязвимые места в перечисленных системах и схеме.

Кроме того, повышенное внимание она уделила разногласиям между министром обороны Сергеевым и начальником Генштаба Квашниным, а также реакции высших офицеров российской армии на изменения в структуре Министерства обороны России…

И что вы думаете? Любимец российских правозащитников, «чистый ученый» Сутягин задание выполнил! Вот только «душители демократии» из ФСБ не дали отчитаться перед хозяевами на запланированной явке, которая должна была состояться в Риме 28 октября 1999 г.

Свободная дискуссия — способ выведывания секретов

Благодаря недобросовестным российским журналистам в нашем обществе существует заблуждение, что Игорь Сутягин — кабинетный ученый, «книжный червь», который все свое рабочее и свободное время занимался исключительно анализом политической, военной, технической и другой специальной литературы. Как бы не так!

Сутягин по собственной инициативе посещал режимные объекты, что отнюдь не входило в его должностные обязанности. И денег за это не получал. Во всяком случае, из российской казны. Хотя это было вполне допустимо для обеих сторон. Более того, на необходимость официального оформления проводимых лекций ему не раз указывало руководство Института.

Так, например, он читал лекции по военной политике США и договорам СНВ и ПРО в Центре переподготовки ракетчиков имени Петра Великого и еще в десятке подобных заведений.

Лекции «чистый ученый» проводил в форме доверительной беседы — слушатели задавали вопросы, он на них отвечал, встречно задавая свои. В конце устраивал дискуссии, в ходе которых, сопоставляя данные по американскому и российскому вооружению, получал от слушателей интересующую его информацию. Как? А просто! Доверчивые слушатели зачастую подкрепляли свою аргументацию совершенно секретными данными. Этого было достаточно, чтобы Сутягин, опытный аналитик, инженер-физик, к тому же обладающий феноменальной памятью, мог легко вникнуть в реальное положение дел в интересующей его военной области.

Одну из тем, которую он выведывал на секретном ядерном объекте в Обнинске, где проходили переподготовку офицеры атомных подводных лодок, — уязвимые места АПЛ.

Пользуясь развалом системы допусков, Сутягин, как уже было отмечено, на секретные объекты проникал инициативно — через личные знакомства с офицерами, а те, думая, что имеют дело с сотрудником ГРУ или СВР, охотно приглашали его. Ничего не скажешь — умел Игорь Вячеславович завернуть воздушный шарик в яркую упаковку — подать себя в том амплуа, которое тешило

самолюбие его контрагентов. Ко всему, козырял набором фотографий, где он позировал с известными военачальниками. С показной небрежностью рассказывал, как в составе военных делегаций выезжал в США и другие заморские страны…

Вопросы слушателям своих лекций Сутягин задавал так, чтобы вызвать их на откровенность. Сопоставлял: «у нас» — «у них». Это называется добыть секретную информацию *способом выведывания*. Именно таким способом он пытался заполучить данные о проекте «АПЛ 705» — о гидроакустике на наших атомных субмаринах. Или: как удается совместить разнородные металлы на судне, в том числе и на атомных подводных лодках.

Ну как жить без ответов на эти вопросы «чистому ученому»?! Нет, без них он погибнет безвозвратно! Во всяком случае, в глазах своих заморских кураторов…

Практиковал Сутягин и такой психологический прием: в ходе лекции намеренно принижал достоинства нашей техники, и услышав в ответ: «А у нас лучше!» — тут же спрашивал: «А в чем конкретно лучше?»

Когда один из слушателей вполне резонно заметил: «А вам-то это зачем?» — Сутягин, почувствовав опасность, ответил, что, дескать, это нужно для обмена информацией с коллегами — и поспешил перевести разговор на другую тему. Этот эпизод впоследствии стал достоянием сначала местного особого отдела (военная контрразведка), а потом центрального аппарата ФСБ, ну и началось…

…Вот оценка, которую один слушатель из Обнинска дал методу ведения лекций Сутягиным: «Этот парень больше собирает информации, чем дает».

Анализ проведенных Сутягиным лекций на различных объектах Министерства обороны РФ показал, что интерес его к секретам безграничен — от ВМФ до авиации и ПВО, включая комплексы С-300, самолеты марки «Су» и их модификации…

* * *

Игорь Вячеславович прекрасно отдавал себе отчет о характере своей деятельности и о том, какая роль предназначена ему в тандеме Сутягин — Локк. Однажды — это было на явке все в том же Будапеште — он обратил внимание Нади на противоречие: меня, дескать, Шон Кидд заверял о работе на «некие страховые фонды» в качестве потребителей информации, а оказалось…

Нет, он не собирался доказывать Наде, что он — не мальчик, «подающий мячи на поле», а самодостаточная личность. И о

«противоречии» говорил не для того, чтобы «прищучить» кураторшу. Отнюдь! В его планы не входило убеждать ее, что он давно понял, что вовлечен в шпионский промысел, и за спиной Нади стоят серьезные люди из уважаемых ведомств, и не важно — ЦРУ это или СИС!

О «противоречии» он заикнулся с одной целью — ему обязаны увеличить гонорар за поставляемую информацию!

Локк, мгновенно настроившись на заданную волну, ответила: «Дорогой Игорь, ученые всей планеты вот уже кои веки безуспешно бьются над вопросом, что первично — курица или яйцо, яйцо или курица? Похоже, тот же вопрос возник и у вас: что первично — *ваша* информация или *наши* деньги, *наши* деньги или *ваша* информация? Действительно, наши отношения — закольцованная конструкция, и трудно сказать: «где круга этого начало, где конец». Однако, уверяю вас, что без *наших* денег не было бы *вашей* информации, то есть вы не стали бы напрягаться, если бы мы вам не платили. Разве не так? Следуя этой логике, смею утверждать, что в вашем конкретном случае первичными являются *наши* деньги, а *ваши* усилия и *ваша* информация — вторичны.

Вы — умный человек, Игорь и, поразмыслив над моими словами, придете к выводу, что правая. Вспомните, ведь Кидд ничего не навязывал вам, не заставлял вас что-либо делать. Он лишь высказал пожелание овладеть некоторыми знаниями в определенных областях, а вы стали поставлять ему информацию. Да, некоторое время вы находились в «свободном поиске» — честь вам и хвала, что этот период вы закончили с блеском… Но время «коротких штанишек» для вас закончилось — теперь вы замыкаетесь на меня… Я предвидела, что со временем, вкусив от запретного плода, когда вы получите в свое распоряжение определенный объем свободно конвертируемой валюты, ваш аппетит разгорится. Я не ошиблась, посему говорю прямо — не надейтесь!»

Такую отповедь получил Сутягин от Нади Локк (об этом он добровольно рассказал на первых допросах), когда они, беседуя, бродили по Центральному парку Будапешта.

В конце концов кураторша убедила «чистого ученого» не выходить из игры и продолжить валютное сотрудничество «во имя мира на Земле»…

Послесловие

Вслед за задержанием Сутягина журналисты из разноцветных

российских газет в погоне за увеличением тиражей своих изданий начали строить собственные логические, но в корне ошибочные конструкции — выражаясь их языком, «погнали волну». Ее гребень оседлали разномастные «друзья народа»: Алексеевы, Шендеровичи, Чириковы. Не остались безучастными и эксперты по российским спецслужбам: Альбацы, Латынины, Геворкяны. Воспользовавшись положением о тайне следствия, а потому отсутствием своевременного и полного информирования общественности о его ходе, эта камарилья превратила шпиона Сутягина в «жертву контрразведывательного террора» и «мученика режима».

Помощь ЦОС ФСБ пришла, откуда ее не ждали. В июле 2010 г. Сутягин в числе других «кротов», отбывавших наказание за шпионаж, был обменен на группу наших разведчиков-нелегалов, проваленных изменником отставным полковником Потеевым. И все! Псевдодемократы и либералы сразу умолкли — вытаскивая Сутягина и иже с ним из мест заключения, американцы де-факто признали, что те работали в пользу США.

Надо сказать, что, настаивая на обмене, американцы нарушили мировую практику: действующих разведчиков обменяли на предателей. В этом ноу-хау ЦРУ скрыт глубокий смысл: теперь «кроты», затаившиеся в российских силовых синекурах, могут уверенно «таскать каштаны из огня» — в случае разоблачения придет дядя Сэм и вызволит…

В настоящее время Сутягин, хотя и проживает в Англии, получает пособие от американского правительства как *«лицо, пострадавшее в результате сотрудничества с ЦРУ».*

Часть третья
СВЕХПРИБЫЛЬНЫЙ АГЕНТ ЦРУ

Глава первая
ХОЧУ БЫТЬ ШПИОНОМ!

Особенности национальной охоты на резидента

Морозным вечером 8 января 1977 г. глава московской резидентуры ЦРУ Роберт Фултон подъехал к бензоколонке на улице Красина, где заправлялись машины иностранных дипломатов, и пристроился в хвост длинной очереди. Не прошло и минуты, как у машины появился худощавый невзрачного вида мужчина средних лет и на скверном английском с явным славянским акцентом спросил, не американец ли он. Фултон ответил утвердительно, и в тот же миг на сиденье автомашины упал сложенный пополам лист бумаги, а мужчина поспешно удалился. Резидент профессионально огляделся и пришел к выводу, что «Невзрачный» (эту кличку американцы будут использовать в документах вплоть до установления с незнакомцем личного контакта) свой подход продумал заранее и ждал именно его, американца, так как на бензоколонке только его машина была с дипломатическими номерами посольства Соединенных Штатов.

Записка была на русском языке. Автор вкратце сообщал, что хочет *«обсудить чрезвычайно важный вопрос»* на *«строго конфиденциальной основе»* с *«соответствующим американским представителем».* Предлагал скрытно встретиться либо в машине американского представителя, либо у входа в станцию метро. Определенное направление радиатора и капота автомашины с дипномерами посольства США, запаркованной в указанное им время и месте, подскажет ему, где произойдет встреча. Схема двух мест предполагаемой встречи и места парковки машины для подачи сигнала прилагались.

«Ну и ну!» — ознакомившись с посланием, воскликнул Фултон и, зажав в кулаке записку, нервно зашагал по кабинету. А нервничать было из-за чего! Ведь именно по указанной в записке схеме осуществлялось оповещение и связь с недавно поступившим в распоряжение резидентуры особо ценным агентом, завербованным ЦРУ в Латинской Америке.

«Черт подери, неужели этот малый подстава КГБ?! Если это так, значит, там уже известны наши методы работы с «Тригоном»! [1] Да быть того не может! Скорее всего, этот невзрачный тип с мороза — просто прирожденный конспиратор… Н-да… Нет-нет,

предпринимать ничего не стоит, похоже, это — тот самый случай, когда лучше выждать, чем идти на поводу у соблазна… И пусть незнакомец докажет свою лояльность передачей конкретных секретов… Впрочем, шифровку в Лэнгли отправить надо в любом случае!»

* * *

Пожелание резидента исполнилось 3 февраля. Когда он садился в машину, перед ним вновь, как фантом, возник уже знакомый мужчина. Ограничившись фразой приветствия, он бросил в машину клочок бумаги и исчез.

Хотя машина была припаркована вблизи посольства в Большом Девятинском переулке, ее из-за высоких снежных сугробов не было видно охранявшему здание милиционеру. Фултон понял, что расчет «Невзрачного» был сделан именно на это. В записке повторялась просьба о встрече с официальным американским представителем. Однако штаб-квартира ЦРУ и на этот раз запретила отвечать на предложение незнакомца.

Две недели спустя вечером после рабочего дня «Невзрачный» снова оказался у машины резидента и молча кинул на сиденье записку: *«Мне понятна ваша озабоченность возможностью провокации. Но я — всего лишь инженер закрытого предприятия и совершенно не искушен в тайных делах, поэтому, быть может, не все делаю правильно. Уверяю вас, что я имею доступ к настолько ценной информации, что она сможет изменить баланс сил в пользу Соединенных Штатов. Сведения о своей личности я не сообщаю лишь потому, что неуверен, попадет ли записка в нужные руки».*

В заключение вновь излагалась просьба войти с ним в контакт, а также давалось описание новых мест и условия встречи.

В стремлении «Невзрачного» установить контакт с сотрудниками московской резидентуры ЦРУ опытный психиатр усмотрел бы признаки гипоманиакального поведения, но директор ЦРУ адмирал Стэнсфилд Тернер расценил его по-своему, обнаружив в его действиях подтверждение своим подозрениям, что все это провокация КГБ. Ведь известно, что русская «наружка» ведет наблюдение за американским посольством 24 часа в сутки. Какой идиот рискнет так прямо подойти?! Только тот, кому нечего терять, поскольку он — не настоящий шпион-инициативник, а действует под руководством и по наущению КГБ.

Кроме того, домогательства «Невзрачного» встретиться с

представителем резидентуры пришлись на неподходящее для него время.

Во-первых, американцы готовили проведение ряда разведывательных операций в Москве. Поэтому штаб-квартира ЦРУ приказала Фултону не распыляться и сосредоточиться на запланированных мероприятиях.

Во-вторых, что важнее, Сайрус Вэнс, госсекретарь администрации вновь избранного президента Джимми Картера, вскоре должен был посетить СССР. Разумеется, Белый дом не желал осложнять взаимоотношения двух стран накануне его визита.

В результате, ввиду отсутствия информации о личности «Невзрачного» и о его доступе к конкретным секретам, хозяин Лэнгли вновь приказал проигнорировать предложение русского.

* * *

В марте Роберт Фултон, положительно оценив настойчивость русского, еще раз попытался получить согласие штаб-квартиры ЦРУ на встречу, чтобы выяснить, кто он и какую информацию может представить. Однако адмирал Тернер, который был известен своим притупленным разведывательным обонянием, опять запретил выходить на контакт с «Невзрачным», мотивируя свое решение «сложностями контрразведывательной обстановки вокруг резидентуры».

В мае «Невзрачный» в четвертый (!) раз штурмовал автомобиль резидента, но и на этот раз его просьба осталась без ответа. Не удался фронтальный штурм — зайдем с фланга! И спустя шесть месяцев, в ноябре, «Невзрачный» вновь атаковал. Но на этот раз «чистого» американского дипломата, когда тот вышел из автомашины, чтобы сделать покупки в валютном магазине «Березка» на улице Малая Грузинская. «Невзрачный» вручил ему конверт и попросил передать его ответственному работнику посольства США. Конверт попал к помощнику офицера безопасности посольства, а затем к резиденту. В письме были указаны новые условия встречи и схемы мест ее проведения. К письму прилагались две страницы печатного текста с описанием электронных авиационных систем. Оказалось, что и их недостаточно, чтобы руководство ЦРУ поверило в искренность автора посланий. А все потому, что 15 июля Марта Петерсон и 23 августа Винсент Крокет — сотрудники резидентуры, действовавшие под дипломатическим прикрытием, — были высланы из СССР за шпионаж. В Лэнгли опасались новых

провалов и рассматривали намерение назойливого «добровольца» передать секретные сведения как провокацию КГБ. Между тем полученные от него данные экспертами ЦРУ были оценены как представляющие значительный интерес, но *«не наносящие существенного ущерба СССР»* — критерий оценки информации от лиц, с которыми возможно установление агентурных отношений. Дело опять застопорилось.

24 января 1978 г. из Лэнгли вновь поступил запрет на встречу с «Невзрачным», так как неделей ранее сотрудник резидентуры Джеймс Малколм был задержан с поличным при получении материалов от другого инициативника — работника сверхсекретного объекта Красноярск-35 — и впоследствии объявлен персоной non grata и выдворен из СССР…

Если долго мучиться — что-нибудь получится!

В начале февраля 1978 г. главой московской резидентуры стал Гарднер Гас Хэттавэй, один из самых опытных «охотников за головами» (вербовщиков) в американском разведсообществе. Руководство ЦРУ не могло не считаться с его авторитетом, так как в январе 1978 г. он в одиночку остановил группу переодетых пожарными офицеров КГБ при попытке проникнуть в самое секретное помещение узла связи ЦРУ во время пожара, вдруг возникшего в посольстве США в Москве. Все сотрудники посольства в панике бежали, но Хэттавэй загородил собой дверь и отказался сдвинуться с места, когда появились лжепожарные с топориками в руках…

Гас не разделял точку зрения своего патрона, считая его опасения в адрес «Невзрачного» неадекватными. Аристократ с мрачным чувством юмора, он считал, что разведчики-агентуристы, как санитары природы, не питаются падалью. Они — хищники, убивающие больных животных. Мысль о том, что можно упустить «золотого козла», который сам напрашивается в силки, не давала ему покоя. В составленной в категоричном тоне телеграмме на имя адмирала Тернера он просил разрешения *хотя бы* позвонить «Невзрачному» по указанному им в одной из записок номеру телефона.

Трудно сказать, когда бы удалось «Невзрачному» войти в контакт с американскими разведчиками, да и удалось бы вообще, если бы в феврале 1978 г. Пентагон не направил в ЦРУ записку о своей крайней заинтересованности в получении любой разведывательной информации о советских авиационных электронных системах.

На удачу «Невзрачного» (и директора ЦРУ!), сведения, переданные им в ноябре 1977 г., касались, хотя и ограниченно, именно этих вопросов. И тогда адмирал Тернер согласился с предложением Хэттавэя войти в контакт с «добровольным рекрутом» для оценки его разведывательных возможностей.

В 18 часов 16 февраля 1978 г. «Невзрачный» подошел к машине Хэттавэя и передал секретные документы, дополнявшие предыдущую информацию. От руки он сделал приписку: *«Из-за страха за собственную безопасность я не могу сообщить много о себе, а вы без этой информации, опасаясь провокации, боитесь установить со мной контакт. С учетом этого я предлагаю безопасное место для визуальной передачи «идентификационного ключа» — номера моего домашнего телефона за исключением двух последних цифр. В определенное время на указанной мною автобусной остановке я буду стоять, держа в руках два куска картона, на которых будут написаны две недостающие цифры номера моего телефона. Получатель записки должен увидеть и запомнить эти цифры».*

В назначенное время жена Хэттавэя, проехав мимо остановки, записала недостающие цифры телефона. Интересы сторон, наконец, совпали, и резидент получил добро на установление контакта с «Невзрачным».

Последующие семь лет тот будет благодарить судьбу за то, что в лице Хэттавэя встретил и ухватил за бороду господина счастливый случай… 26 февраля заместитель резидента Джон Гюльшнер, свободно владевший русским языком, изрядно поколесив по городу — проверялся — и не обнаружив за собой наружного наблюдения, позвонил из городского телефона-автомата по домашнему телефону «Невзрачного». Однако к телефону подошла женщина, и Гюльшнер повесил трубку. Повторный звонок 28 февраля закончился с тем же результатом. Как вдруг 1 марта 1978 г. «Невзрачный» бросился к машине Хэттавэя, когда тот выехал из ворот посольства. Не медля ни секунды, бросил в машину одиннадцать заполненных от руки страниц. Как оказалось, все они содержали разведывательную информацию о научно-исследовательских и опытно конструкторских работах (НИОКР) в военной авиационной радиоэлектронной промышленности Советского Союза. В приписке автор полностью себя идентифицировал, сообщив имя, адрес местожительства — высотное здание на площади Восстания, точное место работы — НИИ «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР, а также изложил некоторые данные о своем прошлом.

В порядке лирического отступления Толкачев написал:

«Многие часы я истратил на хождение по улицам в поисках машин с дипломатическими номерами Соединенных Штатов и, не найдя таковых, десятки раз не мог ничего передать из-за внушающих подозрение обстоятельств. А последнее время я вообще впал в отчаяние от всего этого, и если бы сегодня мне не удалось установить с вами контакт, я бы отказался от своей затеи».

Все сомнения относительно того, является ли Толкачев двойным агентом или нет, мгновенно рассеялись, так как данные, которые он представил, были настолько секретны, что в штаб-квартире ЦРУ сразу поняли — КГБ никогда бы не рискнул их раскрыть.

В дальнейшем Хэттавэй лично курировал работу с Толкачевым — факт, свидетельствующий о ценности поступавшей от него информации и о значении, которое придавалось американцами работе с ним.

Так начался для Толкачева «затяжное харакири», продолжавшееся семь лет…

«Первый тайм мы уже отыграли…»

5 марта 1978 г. в 10 часов вечера Гюльшнер, убедившись, что слежка за ним не ведется, из телефонной будки вблизи Большого театра позвонил Толкачеву домой и представился Николаем — так предложил Толкачев в записке от 1 марта, чтобы знать наверняка, что переданная им информация попала по назначению.

В короткой беседе Гюльшнер в иносказательной форме заверил Толкачева, что «друзья» сделают все возможное и даже невозможное, чтобы обеспечить его безопасность. Придерживаясь избранной манеры разговора, разведчик добавил, что инструкции о предстоящих встречах Толкачев получит в ходе следующего телефонного разговора.

Увы, к вящему сожалению обоих, он состоялся лишь в августе, когда Управление, наконец, уладило все вопросы по организации работы с Толкачевым. Камнем преткновения, как это ни покажется странным, явились способы связи с ним.

Дело в том, что Хэттавэй настаивал на проведении личных встреч, в то время как директор ЦРУ считал, что наиболее безопасным вариантом будут «безличные способы связи», то есть получение материалов от Толкачева и передачу ему инструкций надо осуществлять только через тайники. Сообщения агент должен будет наносить тайнописью, направляя их в разные почтовые адреса, контролируемые ЦРУ. Согласившись, в конце

концов, с мнением патрона, Хэттавэй распорядился, чтобы Толкачева снабдили одноразовым шифровальным блокнотом с разными ключами для отдельного письма. Каждый ключ указывался открытым текстом в письме.

* * *

24 августа Гюльшнер позвонил Толкачеву по домашнему телефону. Узнав его по голосу, сказал: «В телефонной будке, что вторая слева от входа в ваш подъезд, вас ожидает пакет».

Сотрудники московской резидентуры из машин снимали на видеокамеру, как худощавый невзрачного вида мужчина с портфелем в руке вошел в телефонную будку, нагнулся, ловко открыл и мгновенно закрыл портфель. Наблюдатели поняли, что тайник изъят.

Тайником служила испачканная рукавица строительного рабочего, в нее был вложен контейнер, где находились несколько разведывательных заданий, тайнописная копирка с инструкцией по ее применению, два письма безобидного содержания с адресами невинных получателей, одноразовый шифровальный блокнот с ключами и инструкцией. На оборотной стороне посланий Толкачев должен был разместить свои сообщения, исполненные тайнописью и зашифрованные с помощью шифрблокнота.

В сентябре все письма от Толкачева были получены и тайнопись успешно проявлена. По наличию внешних признаков эксперты ЦРУ установили, что письма вскрывались в отделе перлюстрации КГБ, но тайнопись выявить им не удалось.

Тайнописные сообщения агента содержали ценную разведывательную информацию о новых советских радарных системах воздушной разведки, об испытаниях новых авиационных радарных систем, а также о состоянии конструкторских работ по оружейно-поисковым системам для различных типов военных самолетов. В последнем письме Толкачев сообщил, что у него имеется *«сенсационный подарок для друзей»* — 91 страница секретных сведений, которые он хотел бы передать в ближайшее время.

«Только раз бывают в жизни встречи…»

Первая явка с Толкачевым состоялась морозным утром 1 января 1979 г. Гюльшнер, убедившись в отсутствии «хвоста»,

позвонил Толкачеву из телефона-автомата и обусловил время и место встречи. Попросил захватить с собой те самые, упомянутые в письме, «сведения на 91 странице».

Издали завидев американца, Толкачев двинулся навстречу. После взаимных приветствий, он не без патетики представился: «Меня зовут Адольф Георгиевич Толкачев, я — ведущий специалист Советского Союза по аэронавигационным системам!»

Гюльшнер поинтересовался, по каким признакам Толкачев смог выделить его в толпе, ведь они никогда не встречались? Сам-то разведчик, идя на встречу, не единожды просмотрел видеозапись, сделанную в августе прошлого года, во время изъятия Толкачевым тайника. Тот живо отреагировал на вопрос, пояснив, что, во-первых, Гюльшнер двигается уверенно, не качаясь, так как совершенно трезв, чего не скажешь об окружающих — ведь они всю ночь праздновали! Во-вторых, у американца, в отличие от прохожих, хорошо отглажены брюки. В-третьих…

«Достаточно!» — произнес Гюльшнер и, взяв Толкачева под руку, увлек его в сторону…

Явка проходила на аллеях московского зоопарка и длилась более 40 минут. Толкачев вручил американцу исполненные от руки многочисленные записи, содержащие подробное описание особо секретных работ, которые он вел сам, а также математические формулы, диаграммы, осциллографические графики, характеристики точного оружия и электронных систем, диаграммы и выписки из официальных документов. Гюльшнер передал Толкачеву дополнительное разведывательное задание и 500 рублей «на карманные расходы». Прощаясь, Гюльшнер поздравил Толкачева с Новым годом и приобретением нового имени — псевдонима «Сфиэ» («Sphere»). В последующем для пущей зашифровки агенту будет присвоен еще один псевдоним — «Победитель» («Vanquish»). На что Толкачев, находясь в крайне возбужденном состоянии, ответил: «Не просто с Новым годом, а с наступлением *новой* эры в моей личной жизни!»

На имя адмирала Тернера Хэттавэй немедленно отбил телеграмму-молнию, которая заканчивалась словами: «Сэр, новобранец с головой окунулся в ледяные воды шпионажа, а спасательный круг — в наших руках».

Директор удовлетворенно потер руки — в пантеоне шпионов-инициативников появилась новая фигура — и распорядился зачислить его в категорию «особо ценных источников».

Кто вы, мистер Толкачев?

Задолго до того как произошла первая встреча Гюльшнера с Толкачевым, рукописные листы, брошенные им в посольские автомашины, были переданы в Отдел технического обеспечения (ОТО) ЦРУ для проведения графологической экспертизы и анализа. В мае 1978 г. шефу ЦРУ были доложены их результаты, где, в частности, отмечалось:

«Автор — волевой, целеустремленный, очень упрямый и чрезвычайно трудолюбивый человек. Дисциплинированная и весьма требовательная к себе и окружающим личность. Его интеллектуальный уровень много выше среднего. Он наблюдателен и аккуратен, уделяет много внимания деталям. Он — разумно организованная персоналия и со временем способен стать полезным и разносторонним источником. Вместе с тем, присущая ему амбициозность и излишняя самоуверенность могут подтолкнуть его к совершению неблагоразумных или непродуманных действий».

В последующем, в ходе явок с Джоном Гюльшнером, Толкачев представил письменную информацию о себе и своей семье. Родился он в 1927 г. в Актюбинске, спустя два года был перевезен на постоянное жительство в Москву. О своих родителях он ничего не сообщал, упомянул лишь брата Юрия, работавшего механиком на железной дороге. Его жена Наталья Ивановна, в девичестве Климантович, родилась в 1935 г., работает ведущим инженером в одном с ним институте, являясь «специалистом по антеннам». Ее мать якобы была казнена в 1938 г., но причины ему неизвестны. Отец жены провел несколько лет в трудовых лагерях как «враг народа». После освобождения в 1956 г. он вскоре умер.

В беседе с Гюльшнером Толкачев утверждал, что жестокое обращение с родителями его жены и перенесенные ими страдания явились ключевым фактором в его стремлении работать против советского режима. Он никогда не рассказывал о причинах преследования властями родителей его жены, но однажды обмолвился, что, возможно, гонениям они подвергались из-за того, что они — евреи.

Толкачев, с его слов, всего себя посвящал семье и делал все с учетом ее интересов. В сообщениях писал, что помогает жене по дому и ему нравится ходить с ней по магазинам. Она никогда не задает вопросы, откуда у него «разумное количество денег».

Он объяснял: «Я женился в 30 лет и прожил с женой 22 года. Мне 52, а жене 44 года. Очевидно, я принадлежу к тем, кто любит один раз. Я рассматриваю себя как составную часть нормальной семьи, существующей в человеческом обществе. У меня один сын Олег, родившийся в 1958 г. В 1975 г. он поступил учиться в архитектурный институт».

Толкачев также заявил Гюльшнеру, что никогда не скажет жене и сыну о своей работе на американскую разведку. Он подробно рассказал о своем образовании. В 1948 г. прошел подготовку по оптико-механическим радарам и в 1954-м окончил Харьковский политехнический институт. С тех пор работает в НИИ «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР. Назвал себя «ведущим системным конструктором». Ведет сравнительно комфортную жизнь. Его зарплата 250 руб. в месяц, плюс 40 % «надбавка за секретность», что в целом составляет около 350 руб. Зарплата его жены удваивает общий доход семьи. Позднее добавил, что получает квартальные и годовые премии за изобретения в своей области. Он и его семья проживают на девятом этаже высотного дома в комфортабельной по московским меркам двухкомнатной квартире с кухней, ванной и туалетом. Его хобби — бег, катанье на лыжах, чтение книг, прослушивание радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна», «Голос Израиля», а также просмотр телепрограмм.

Со слов Толкачева, то обстоятельство, что он проживает в 400 метрах от посольства США, позволяло ему без опаски прогуливаться около посольства, когда он пытался установить контакт с американскими разведчиками.

Во время сотрудничества с ЦРУ у Толкачева возникали различные проблемы со здоровьем. Периодически он жаловался на повышенное артериальное давление, перитонит и гастрит. Во время сна у него было затруднено дыхание из-за перебитого в юности во время игры в хоккей носа. Но несмотря на это он старался вести активный образ жизни.

Толкачев никогда не состоял в рядах КПСС. Утверждал, что потерял бывший у него раннее интерес к политике потому, что она стала «непроходимой лицемерной демагогией». По этой же причине отрицал театр, так как все пьесы, по его мнению, стали слишком политизированы. На вопрос Гюльшнера, что же подтолкнуло его искать контакт с американской разведкой, «Сфиэ» ответил, что он — «диссидент в душе» и сможет наилучшим образом «содействовать делу», используя свой доступ к секретной информации, которая представляет ценность для Запада. В апреле 1979 г. он частично пояснил свое поведение в письменном виде: *«…Я могу только сказать, что значительную роль, подтолкнувшую меня уйти в шпионы, сыграли Солженицын и Сахаров, хотя я с ними лично не знаком и прочитал только повесть Солженицына, опубликованную в журнале «Новый мир».* («Один день Ивана Денисовича». — *Прим, авт.) Какой-то внутренний червь стал мучить меня, что-то нужно было делать. Я стал писать короткие листовки, которые планировал*

отправлять по почте. Но позднее, поразмыслив глубже, понял, что это бессмысленная затея. Устанавливать контакт с диссидентскими кругами, имевшими связи с иностранными журналистами, казалось мне неразумным по причине моего места работы (я имею доступ к совершенно секретным документам). Достаточно малейших подозрений, и я был бы полностью изолирован или ликвидирован. Таким образом, у меня родился план, который я наконец осуществил. Я избрал путь, который не позволяет мне вернуться назад, и я не намерен сворачивать с этого пути. Мои действия в будущем зависят от моего здоровья и изменений в характере моей работы. Что касается вознаграждения, то я не стал бы устанавливать контакт ни за какие деньги, к примеру, с китайским посольством. Ну, а Америка? Может быть, она околдовала меня, и я, сума сошедши, люблю ее? Я не видел вашу страну своими собственными глазами и не полюбил ее заочно. У меня нет достаточной фантазии или романтизма. Как бы там ни было, на основании некоторых фактов у меня сложилось впечатление, что я предпочел бы жить в Америке. Это одна из главных причин, почему я предложил вам свое сотрудничество. Но я не альтруист-одиночка. Вознаграждение для меня есть не только деньги, оно — это Ваша оценка меня как личности, а также Ваша оценка важности моей работы на Вас, а они для меня дороже всяких денег».

Браво, мистер Толкачев, вы сделали нам красиво!

Первая явка с Толкачевым стала решающей. Переданная им информация объемом в 91 страницу убедила даже твердолобых скептиков, что ЦРУ имеет дело не просто со шпионом-инициативником, располагающим весомым потенциалом, а с «живым сейфом», набитым секретами. По распоряжению директора был сформирован специальный отдел для обработки информации, представленной «Сфиэ». В него вошли восемь служащих с техническим образованием и три переводчика. В дальнейшем к ним были прикомандированы специалисты из Министерства обороны, так как сотрудники ЦРУ не могли достаточно квалифицированно выполнять работу.

Сведения, переданные Толкачевым, были чрезвычайно высоко оценены военными и гражданскими специалистами США. Все они единогласно заявили, что подобная информация ранее никогда не поступала от источников из числа советских граждан. Как отмечалось в направленном директору ЦРУ меморандуме, который подписали многозвездные генералы Министерства

обороны: *«Вся информация, переданная «специальным источником», не только относится к разряду «немедленного применения», являясь весьма ценной для Вашингтона, но и наносит Советам прямой значительный ущерб».*

В том же документе подчеркивалось, что ценность детальной информации по новым советским системам оружия заключается еще и в том, что ее невозможно получить никакими техническими средствами разведки. Меморандум заканчивался словами: *«Руководство Минобороны США рассматривает информацию, представленную агентом, как «не поддающуюся оценке».*

В мае 1979 г. ЦРУ провело трехдневный семинар высокопоставленных представителей военных и гражданских ведомств — потребителей информации «Сфиэ». Участники однозначно отметили: *«Информация агента помогла нам сократить не менее пяти лет на ведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и сэкономить десятки миллиардов долларов».*

В заключительных материалах семинара подчеркивалось, что «Сфиэ» является наиболее *рентабельным* агентом за всю историю ЦРУ.

Наш суперагент Олдрич Эймс, руководитель одного из подразделений в штаб-квартире ЦРУ, позже докладывал в Москву: *«Сотрудники Центрального разведывательного управления любят шутить, что Толкачев взял их на содержание, именно он окупил все бюджетные затраты Управления, буквально на блюдечке преподнеся Соединенным Штатам советскую авиационную радиоэлектронику. Начнись новая мировая война, и в воздухе НАТО имело бы неоспоримое преимущество».*

«А пароль ты услышишь в припеве…»

С января 1979 г. по июль 1980 г. один раз в два-три месяца Гюльшнер лично встречался с «Сфиэ». За это время агент передал огромный объем сверхценной для военно-промышленного комплекса США информации. На явках для него отрабатывалась линия поведения, которая должна была гарантировать его безопасную и многолетнюю продуктивную работу. Кроме того, была разработана система связи, согласованы вопросы денежной компенсации и передачи вознаграждения. Много времени уделялось поиску наиболее безопасных способов максимально глубокого проникновения Толкачева к секретам НИИ «Фазотрон».

При осуществлении безличной связи американцы, разумеется, не могли привить Толкачеву шпионские навыки

(действительно, *заочных курсов* для шпионов-инициативников спецслужбы еще не придумали!), поэтому его обучение как добытчика информации проводилось в ходе личных встреч. А шпионскую экипировку и инструкции он получал через тайники.

Так, в феврале 1979 г. контейнер для агента был заложен в рабочей рукавице, где, кроме прочего, находились инструкции о различных способах связи. Например, Толкачеву могли позвонить домой по телефону один раз в месяц в день, соответствующий числу месяца: в январе — 1-го числа, в феврале — 2-го, в марте — 3-го и т. д. В эти дни он должен ждать звонка от 18 до 20 часов. Звонок будет выглядеть, как ошибочно набранный номер. Имя Ольга, Анна или Нина, которое назовет звонивший, определяло местонахождение тайника. По телефону могли также спросить Валерия, что означало проведение личной встречи в заранее обусловленном месте через час после поступления звонка. Раз в месяц, в день числа месяца плюс 15 дней, в марте — 18 марта, в апреле — 19-го, в мае — 20-го и т. д. Толкачев должен появляться в одном из заранее определенных мест, в конкретное время и в зависимости от месяца встречи ждать пять минут. Указывался пароль и опознавательные признаки на случай возможного прихода на встречу незнакомого ему сотрудника ЦРУ. Раз в три месяца, в последнее воскресенье месяца, «Сфиэ» должен был передавать материалы через тайник. Предварительно он должен был проверить наличие сигнала о готовности принять материал, и если его прочитывал, то должен был бросить контейнер в обусловленном месте. Сигнал об изъятии тайника, который Толкачев читал на следующий день, выставлялся в определенном месте. Он был проинструктирован, какие предметы использовать под контейнер и как упаковывать в него материалы. Кроме того, он мог вызвать своего оператора на тайниковую операцию путем постановки сигнала в любой понедельник. В этом случае сотрудник ЦРУ должен был в среду определенным образом запарковать автомобиль, что явилось бы сигналом о готовности изъять контейнер. Вечером в туже среду Толкачев должен был заложить тайник. Графический сигнал об обработке тайника разведчиками он мог увидеть на следующий день в заранее определенном месте.

По мнению аналитиков ЦРУ, иногда «Сфиэ» вел себя капризно, как засидевшаяся в девках дурнушка, которая почувствовала приближение принца, готового возложить на нее брачный венец. Так, он категорически отказался поддерживать связь через тайники. В своем письменном сообщении от 3 апреля 1979 г. он недоуменно спрашивал: *«Почему ЦРУ настаивает именно на таком способе связи?»* С его точки зрения, личные

встречи отнюдь не подвергают его риску, да и вообще *«они более продуктивны»*. Он предпочел бы передавать материалы лично разведчикам еще и потому, что, всякий раз, делая тайниковую закладку, испытывает страх, как бы она не оказалась в чужих руках. Ведь проанализировав находящиеся там документы, можно легко выйти на него…

Хэттавэй согласился с его доводами и проинформировал об этом штаб-квартиру в Лэнгли. В итоге с начала апреля 1979 г. все внимание разведчиков московской резидентуры было переключено не на поиск мест для тайников, а на поиск мест и организацию явок со «Сфиэ». Некоторые из них пришлись на вторую половину 1979 г., более 20 — на последующие пять лет. Всего за это время Толкачев передал ЦРУ сотни отснятых кассет и письменных страниц, содержащих огромный объем сверхценной разведывательной информации.

Глава вторая
ШПИОНСКИЕ БАЛЫ-МАСКАРАДЫ

«Джек в коробке»

С начала 1981 г. офицеры-агентуристы московской резидентуры ЦРУ, действовавшие под дипломатическим прикрытием, при проведении явок со своими источниками из числа советских граждан повально использовали манекены. Справедливости ради, надо признать, что это «секретное оружие» некоторое время приносило американцам успех.

«Высокоэффективные оперативные средства и большое везение, — как отмечалось во внутреннем меморандуме ЦРУ, — *позволяли проводить незафиксированные КГБ явки с Толкачевым. Более 10 встреч были проведены с октября 1980 по ноябрь 1983 г. Несколько встреч пришлось отменить из-за усиленного наружного наблюдения за нашими разведчиками. Однако большинство было все-таки проведено в соответствии с планом. Постоянное усиленное наружное наблюдение за офицерами резидентуры заставляло их быть изобретательными в поисках оперативных средств и методов для проведения явок со «Сфиэ», впрочем, не только с ним».*

Новое антиконтрразведывательное средство, использовавшееся в таких операциях, американцы назвали «Джек в коробке» (Jack-in-the-Box — JIB). На жаргоне нашей «наружки» — «Трюк с манекеном».

«Трюк с манекеном» действовал по следующей схеме.

Выйдя из здания посольства, сотрудник резидентуры садился в машину вместе со своей женой (или с другим сотрудником). Жена — за рулем, разведчик рядом. Под ним — небольшая коробка. За несколько часов до встречи они выезжали на проверочный маршрут. Следуя по нему, в заранее намеченном месте машина после ряда поворотов на несколько секунд выпадала из поля зрения сыщиков наружного наблюдения, то есть оказывалась в «мертвой зоне». Тут же разведчик, который должен был встретиться с Толкачевым, катапультировался из машины и исчезал в первой попавшейся подворотне. Водитель тут же активировал «Джека» — нажимал кнопку, и… о, чудо! Из коробки мгновенно выпрыгивал манекен, чей силуэт был как две капли воды схож с покинувшим машину разведчиком. Резиновая кукла, заполненная сжатым воздухом, выглядела абсолютно

правдоподобно. Водитель, сидящий за рулем, чтобы окончательно ввести в заблуждение следующую за ним «наружку», начинал имитировать беседу, поворачивая голову куклы с помощью незамысловатого устройства. Лишь подъехав к дому, где проживали сотрудники американского посольства, водитель на глазах ошеломленных сыщиков выпускал воздух из манекена и упаковывал его в коробку. Всё, партия выиграна!

Бойцы наружного наблюдения, конечно, понимали, что второго разведчика они потеряли, но установить его местонахождение до его появления дома или в посольстве не могли.

Тем временем американец, надев фуфайку и нахлобучив кепку до носа, пешком и в городском транспорте, проверившись и убедившись в отсутствии «хвоста», добирался до места встречи. Проведя явку, разведчик возвращался домой или в посольство. Такой способ ухода от «наружки» несколько раз успешно применялся при операциях по связи с Толкачевым.

По мнению Хэттавэя, подобный способ отрыва от наружного наблюдения нельзя было применять часто потому, что он всегда приводил к ответным мерам — к «оперативному прессингу». Попавшему под него доставалось сполна: прокол шин и создание «подстав» на трассе, имитирующих повреждение машины «наружки»; многочасовая блокировка автомобиля разведчика на улицах и, наконец, *демонстративная* (а значит, изматывающая нервы) *слежка,* когда за провинившимся (или лучше сказать — за подозреваемым) «бампер в бампер» неотступно, в течение многих часов, идут две-три машины «наружки»…

Как бы там ни было, но порой «Джек» был единственным способом, чтобы уйти от наружного наблюдения и бесконтрольно встретиться с Толкачевым. А уж как московская резидентура, да и вообще руководство Центрального разведывательного управления дорожили встречами с ним, читателю известно!

* * *

Спецслужбисты — оперативные сотрудники разведки и контрразведки, как и сыщики «наружки», — видят улицу, да и все вокруг не так, как рядовые граждане. С годами это восприятие окружающего мира переходит на уровень подсознания, становится рефлекторным.

Незнакомая машина в привычном переулке, человек, который вроде бы читает газету, но на самом деле даже не отдает себе отчета в том, что держит ее в руках. Женщина в будке телефона-

автомата говорит в молчащую трубку, а на самом деле — в микрофон переговорного устройства. И тот, и другая одновременно ведут наблюдение за подъездом напротив!

Все это совсем не так, как показано в кино или подано в остросюжетных романах. Профессионала, который находится под наблюдением, будь он разведчик, или простой человек, сам факт наблюдения за ним не очень волнует в каждый конкретный момент, ведь операции с тайниками, как и встречи с теми, кого надо уберечь от недреманного ока контрразведки, происходят не каждый день. Даже наоборот — именно отсутствие «хвоста» начинает настораживать…

С годами между «ведомым» и «наружкой» возникает какое-то энерго- или психополе. Вроде ничего вокруг тебя не происходит, ан нет — чувствуешь, что находишься под присмотром! Или наоборот: а куда ж, черт подери, пропали «опекуны»?!

Опытные спецслужбисты никогда не оглядываются, остановившись «завязать шнурок» — примитивно! Кстати, шнурки на башмаках западного производства, особенно североамериканского, никогда не развязываются — они вощеные.

Профессионалы никогда не выглядывают из-за угла, они выпрыгивают из вагона метро или электрички в последний момент перед закрытием дверей. Они играючи водят свои скоростные, но внешне неприметные машины и не таращатся ежесекундно в зеркало заднего вида. В нужный момент они просто исчезают, причем их вроде и не в чем упрекнуть — виновата в потере объекта всегда «наружка»…

* * *

Как только Хэттавэй стал курировать работу со «Сфиэ», по его инициативе в посольство были доставлены девять машин с затемненными стеклами. Более того, разведчиков, действовавших под дипломатическим прикрытием, оснастили не только манекенами, имитировавшими фигуры сотрудников посольства, но и резиновыми масками для лиц, наподобие тех, которыми пользовался Фантомас в известном французском фильме.

…«Чистого» дипломата Дэвида Хилла по росту и телосложению со стороны невозможно было отличить от Хэттавэя, и он этим воспользовался сполна! Отправляясь на контрольную явку со «Сфиэ», Хэттавэй надел искусно изготовленную каучуковую маску, имитировавшую лицо Хилла. После чего преспокойно, на малой скорости выехал за ворота посольства: «Смотрите, любуйтесь, я — Дэвид Хилл!»

Иллюзион через некоторое время, конечно же, был раскрыт, но, во-первых, Хэттавэю удалось провести явку с новым агентом, а во-вторых… Во-вторых, к тому времени американцы уже перешли (правда, частично) на безличную связь с агентом — через «почтовые ящики», суть тайники…

Зачем, спрашивается, все эти манекены и маски?

Американские разведчики рассчитывали с их помощью водить за нос нашу службу наружного наблюдения. Например, манекен разведчика-агентуриста, который должен был провести конспиративную встречу со своим агентом, демонстративно вывозили в какой-нибудь отдаленный район Москвы в обычной машине. Сам же агентурист в автомобиле с затемненными стеклами уезжал в противоположном направлении. С этой же целью, чтобы сбить с толку «наружку», использовались и маски.

Маскарадные пристрастия американских разведчиков были различными.

Майкл Селлерс, «сидевший под корягой», — действовавший под прикрытием второго секретаря посольства США в Москве, — очень любил «похипповать». Отправляясь на встречу со своими источниками из числа советских граждан, наклеивал усы и натягивал лыжную шапочку с приделанными к ней волосами до плеч.

В таком виде он и был задержан 10 марта 1986 г. во время проведения явки с агентом Коулом — майором Сергеем Воронцовым, сотрудником Управления КГБ по Москве и Московской области. Кстати, имя изменника до самого последнего дня его инициативного сотрудничества с ЦРУ не было известно его американским кураторам. Это был, пожалуй, единственный постулат конспирации, которым овладел и который до конца соблюдал Воронцов…

Мистер «Инкогнито»

Поздним июльским вечером 1984 г. в квартире второго секретаря политического отдела посольства США в Москве Джона Фини раздался телефонный звонок. Мужчина на ломаном английском, который выдавал в нем славянина, путая слова заученных наизусть фраз, предложил хозяину квартиры срочно встретиться по совершенно неотложному делу.

Место встречи, названное незнакомцем, находилось от дома Фини в двух минутах езды на машине. Американец, следуя инструкциям Госдепартамента, устным рекомендациям посла и резидента ЦРУ, предписывавшим «чистым» дипломатам

принимать любые материалы и самые сумасбродные предложения от советских граждан, как был в пижаме и в домашних тапочках, сломя голову ринулся к месту неурочного свидания.

Опасаясь подвоха, Фини не вышел из машины, а лишь слегка опустил боковое стекло. Невесть откуда появившийся призрак просунул в щелку пачку бумаг и тут же растворился в темноте.

На следующее утро сотрудники резидентуры подвергли тщательному исследованию ночные «трофеи». В них они обнаружили отпечатанное на машинке письмо с предложением о сотрудничестве и в качестве подтверждения серьезности намерений автора и брошюрку — «Информационный бюллетень Второго главного управления», печатный орган центрального контрразведывательного органа КГБ СССР, значившийся под грифом «сов. секретно».

В этом номере давалось детальное описание ухищрений американских разведчиков, к которым они прибегают, чтобы оторваться от «хвоста», следуя на встречи со своими осведомителями, а также меры, предпринимаемые нашей «наружкой», чтобы свести на нет усилия американцев.

Американцы пришли к заключению, что инициативник знаком с методами конспирации не понаслышке, так как предложил весьма сложный вариант установления личного контакта. В случае согласия с его условиями выплаты вознаграждения, сотрудники резидентуры должны поставить машину с дипломатическими номерами посольства США в определенный час напротив магазина «Буккнига» на Кузнецком мосту мотором к тротуару.

После этого на стене мужского отделения общественного туалета в Артистическом проезде фломастером будут нанесены семь цифр. Помноженные поочередно на единицу, двойку и тройку, они в итоге дадут номер телефона, у которого в назначенное время будет дежурить «ночной телефонист».

Упустить шанс заполучить еще один источник информации — не в правилах уважающей себя спецслужбы, поэтому все было сделано так, как предлагал «инициативник».

На первой встрече Воронцов предупредил пришедшего на встречу Майкла Селлерса, а через него своих потенциальных работодателей, что сохранение его анонимности — в их общих интересах. Единственное, что он может сообщить о себе, — это имя и место работы. Зовут его Стас, он — сотрудник Второго главка.

Это место службы Воронцов выбрал намеренно — в ЦРУ должны знать, что имеют дело с достойным партнером, и «Информационный бюллетень» — тому подтверждение.

Воронцов должность занимал низкую — заместитель начальника отделения Управления КГБ по Москве и Московской области, но отдавал себе отчет, что чем значительнее место службы, тем весомее оплата.

Изменнику удалось ввести в заблуждение своих заокеанских хозяев — они щедро отблагодарили его услуги, выплатив в общей сложности более 30 тысяч долларов, а об истинном месте его работы узнали лишь после того, как он был разоблачен и расстрелян.

Воронцов отказался от предложенных американцами способов связи. Тайники, односторонние радиопередачи, письма на подставные адреса, контролируемые ЦРУ, — все это не для него. Он берет инициативу в свои руки и диктует свои правила. Прежде всего он настаивает только на личных встречах с сотрудниками московской резидентуры — так, по его мнению, причитающиеся ему деньги быстрее окажутся в его в кармане. Он предлагает свой вариант связи. Телефон, номер которого он сообщил американцам, якобы установлен по соседству с его кабинетом. У него имеется ключ-отмычка, с помощью которого он в обусловленное, разумеется, нерабочее время будет ожидать условных звонков и договариваться о встречах.

В Лэнгли приняли все условия Воронцова. Еще бы! Ведь он работает во Втором главке, а значит, может содействовать обеспечению безопасной деятельности московской резидентуры, да и не только! Через него можно будет получать информацию о намечаемых центральным контрразведывательным органом КГБ мерах по противодействию разведывательным устремлениям ЦРУ на территории всего СССР! Ничего себе подарок Судьбы, есть от чего испытать головокружение!

Сначала Лжестасу присвоили псевдоним «Инкогнито», который затем заменили на «Cawl» («Монах»).

На первой же явке Селлерс вручил ему $10 тысяч (что по курсу черного рынка составляло 45 000 рублей или равнялось стоимости более семи автомобилей «жигули» ВАЗ-2101). Не забыли заботливые кураторы из ЦРУ к конверту с «баксами» приложить и вопросник-задание. Увы, не скоро они получат ответы, ибо Воронцов рассудил так: раз поверили, значит, ценят, а ценят, значит, подождут, да и вообще «дольше едешь — больше командировочных»…

На радостях от привалившего богатства новоиспеченный торговец секретами взял отпуск и отправился с женой кутить в Сочи! Поспешный отъезд, а затем ночные телефонные звонки оттуда немало удивили коллег и друзей Воронцова. Вдребезги пьяный он звонил, чтобы поделиться впечатлениями от меню на

завтрак, обед и ужин, от концертов, на которых он успел побывать, от общения со звездами кино и эстрады, с которыми загорал на пляже интуристовской гостиницы «Жемчужина» и прочая, прочая, прочая…

На все вопросы, откуда он взял деньги на поездку, Воронцов отвечал стандартно примитивно, мол, почившая в бозе бабушка оставила наследство.

Вызывает удивление другое: почему даже близкие друзья-коллеги никогда не поинтересовались, откуда у Воронцова, вечно стрелявшего «чирики» до зарплаты, вдруг случилась бабушка-дароносица, которая не только сумела так скоропостижно умереть, но и оставить изобильное наследство?..

«Каул» регулярно информировал Селлерса о том, как Комитет ведет наблюдение за сотрудниками московской резидентуры, работающими под дипломатическим прикрытием. Во время последней, провальной явки, передал Майклу Селлерсу, своему оператору, образцы «шпионской пыли», которой сотрудники Службы наружного наблюдения обрабатывали автомобили американских дипломатов, подозреваемых в проведении разведывательных акций против СССР.

«Шпионская пыль» — спецпрепарат, изобретение секретных лабораторий КГБ, позволявший контрразведчикам с помощью особых датчиков выявлять советских граждан — осведомителей сотрудников московской резидентуры ЦРУ.

Подвез американский разведчик своего осведомителя на машине, салон которой обработан «пылью», — микрочастицы осели на неопределенно продолжительное время на коже и одежде пассажира и на всех предметах, к которым «сладкой парочке» довелось прикасаться. «Пыль» невозможно удалить ни водой, ни паром…

Кстати, по вине изменника Воронцова в 1986–1987 гг. в западных СМИ настойчиво муссировался вопрос о вреде «шпионской пыли» для здоровья дипломатов. Она якобы при попадании на кожу способствует образованию раковых опухолей. В парламенте Великобритании, к примеру, нашлись горячие головы, обвинявшие КГБ и правительство СССР в нарушении каких-то несуществующих международных конвенций, которые якобы запрещают использование подобных химикатов. Сущая ерунда! «Пыль» совершенно безвредна, о чем свидетельствует ее непреходящее использование нашей контрразведкой…

…Коллега Селлерса, работавший в такой же должности — второй секретарь посольства, — любил наряжаться рабочим и носил темные очки. А один из «атташе» посольства даже переодевался в женское платье — в таком наряде он проводил

шпионские операции. Наши сыщики наружного наблюдения по этому поводу шутили: «Опять появилась эта дама приятной внешности, значит, на серьезное дело идет!»

Впрочем, используя в качестве камуфляжа женскую одежду, американские разведчики не понимали, что занимаются самообманом и саморазоблачением: в качестве демаскирующего признака была их… походка, ведь для опытного глаза не составляет труда отличить грациозную женскую поступь от твердых и решительных движений мужчины.

Кстати, человеку, не посвященному в эти премудрости, трудно поверить, но походка у представителей различных рас: белой, черной и желтой, действительно, имеет много отличий.

Вообще, опытные сыщики наружного наблюдения сначала запоминают походку объекта, а потом уже остальные внешние признаки…

* * *

Сотрудники московской резидентуры, проводившие явки со «Сфиэ», для обмана «наружки» применяли и другие способы маскировки. Так, 12 июня 1980 г. Джон Гюльшнер приехал в американское посольство якобы по приглашению проживавших там коллег. Демонстративно вышел из авто в роскошном смокинге и шляпе чикагских гангстеров 1930-х гг. «борсалино». Чтобы ввести в заблуждение ожидавшую его на выходе «наружку», он перед выходом из здания обрел внешний вид рядового московского работяги: сменил смокинг на фуфайку, шляпу — на рабочую кепку, съел головку чеснока и вылил на себя бутылку водки. В этом безобразном виде, покачиваясь, вышел из ворот посольства и достиг одному ему известной «мертвой зоны», где его ожидало заранее запаркованное авто. Сел в машину и был таков. Убедившись, что за ним нет «хвоста», за сто метров до места встречи оставил машину и пешком добрался до телефона-автомата. Позвонил агенту и встретился с ним в заранее обусловленном месте.

Это продолжалось до 14 октября 1980 г., пока не закончилась московская командировка Гюльшнера.

В последующем вся резидентская рать, заменившая Джона Гюльшнера, постоянно, хотя и в разных вариациях, использовала этот способ маскировки для выхода на явки с Толкачевым, которые с некоторых пор проводились в его «жигулях», незадолго до этого приобретенных на деньги ЦРУ…

Глава третья
ТРУДОВЫЕ БУДНИ — ПРАЗДНИКИ ДЛЯ НАС!

Храните деньги в сберегательных «баксах»!

В своих сообщениях в ЦРУ Толкачев утверждал, что получаемые деньги он рассматривает как оценку важности поставляемых им сведений, а также его персоны, а не как стремление к обогащению. Эти его попытки представить себя бескорыстным борцом с советской властью вызывали у его работодателей в лучшем случае скептические улыбки. Вместе с тем представленная «Сфиэ» информация была настолько высокой пробы, что в Лэнгли всерьез задумались о размере вознаграждения для ее поставщика…

Вопрос о вознаграждении впервые возник на второй явке со «Сфиэ» в апреле 1979 г. Во время 15-минутной прогулкиу Патриарших прудов агент передал Гюльшнеру семь фотокассет, отснятых миниатюрной камерой, и более 50 рукописных страниц важной разведывательной информации. В примечании написал, что предполагает передавать информацию в течение 12 лет, которые делит на 7 этапов, при этом хотел бы получать вознаграждение по завершении каждого этапа. Добавил, что не получил адекватной компенсации как за первый год, так и за полгода *«отчаянных попыток сломать стену недоверия».* По его мнению, несколько десятков тысяч рублей могли бы стать справедливой платой за его страдания, которые он претерпевал в течение полутора лет. В будущем, по мере передачи материалов о новых научных разработках в «Фазотроне», он намерен просить сумму, выражающуюся шестизначной цифрой.

В октябре 1979 г. «Сфиэ» вновь поставил вопрос о вознаграждении. В ответном послании ему было объявлено, что директор ЦРУ утвердил его вознаграждение в сумме, эквивалентной 100 000 рублей, за информацию, переданную за предыдущий период сотрудничества. В ответ на это агент уточнил, что когда он говорило шестизначной цифре, то имел в виду «шесть нулей», а не «шесть цифр». Пояснил, что, прослушивая передачи «Голоса Америки», узнал, в какую сумму было оценено предательство старшего лейтенанта Беленко, угнавшего в Японию сверхсекретный советский МИГ-25. Когда самолет был переправлен в США, американские специалисты

подсчитали затраты на его создание — три миллиарда рублей.

Администрация США выплатила Беленко 0,1 % от стоимости самолета. *«Если это не пропагандистский трюк,* — писал Толкачев, — *то я считаю, что несколько миллионов долларов за информацию о новых советских авиационных электронных технологиях, которую я намерен передать ЦРУ, не является уж столь фантастической ценой».*

В Лэнгли сделали вывод, что «Сфиэ» отлично знает цену секретам, которые передает, и отнюдь не склонен торговать ими по дешевке. Руководство ЦРУ, опасаясь, что с появлением такого ненасытного «новобранца» в его бюджете может образоваться брешь, вышло в конгресс с ходатайством об увеличении финансирования. Инициатива была поддержана Министерством обороны США. Действительно, в 1980 г. бюджет ЦРУ был увеличен на $500 миллионов и составил 5 миллиардов 500 миллионов долларов. Тысячная доля — $5,5 миллиона — этой суммы пойдет на оплату услуг «Сфиэ»…

На первой явке Гюльшнер предупредил Толкачева, что агент, получающий много денег и «бездумно швыряющий их налево и направо», вызывает огонь на себя — привлекает внимание контрразведки, а кураторов заставляет излишне беспокоиться. Отвечая на этот посыл, Толкачев в апреле написал, что *«намерение опрометчиво тратить деньги никогда у него не возникало».* Он уже имеет средства для покупки автомашины и дорогой дачи. Хотя он никогда не хотел иметь машину, но, возможно, купит ее — все будет зависеть от *«моих отношений, складывающихся с сыном».* Он также отметил: *«ни я, ни моя жена не имеем склонности к жизни «на природе», но не исключаем возможности покупки небольшого дома в Подмосковье».* Возможно, понимая, что его требования о деньгах могут показаться непомерными, «Сфиэ» в апрельском письме подчеркнул: *«основная моя цель в работе с ЦРУ состоит в передаче максимального количества информации в кратчайшее время. Я знаю, что конец может прийти в любой момент, но это не пугает меня, я буду работать до конца».*

На следующей явке в декабре 1979 г. Толкачев заявил, что понимает, что его требования о величине жалования являются нереальными. Он выдвинул их лишь для того, чтобы выяснить, как высоко оценивает его труд руководство ЦРУ. Принимая от Гюльшнера более 100 000 рублей, заметил, что это значительно больше, чем те *«гроши, которые ему заплатили прежде».* Добавил, что в действительности не нуждается в деньгах, и берет их не для того, чтобы тратить, а исключительно для хранения. Просил не приносить деньги на следующую встречу. Еще раз подчеркнул, что деньги для него являются лишь доказательством того, что

ЦРУ действительно высоко оценивает его работу.

В мае 1980 г. вопрос о размере вознаграждения Толкачева был окончательно решен. Ему было объявлено, что «в 1979 г. он получил сумму, равную жалованию президента США, а в последующие годы будет получать даже больше, пока будет добывать информацию, подобную ранее переданной». Другими словами, работодатели из ЦРУ откровенно подталкивали Толкачева работать по принципу пилы: «ты — нам, мы — тебе».

Гюльшнер проинформировал «Сфиэ», что все заработанные им деньги будут депонированы в американском банке и станут доступными для него в любое время, как только он определится с выездом в США. В то же время этот депонент будет приносить ему ежегодно 8,75 % дохода, и этими деньгами он может уже сейчас распоряжаться по своему усмотрению.

В одном из своих сообщений Толкачев написал, что хочет пожертвовать некоторую часть денег российскому диссидентскому движению. Прежде он не поднимал этот вопрос потому, что вопрос о его гонораре не был еще решен, а он «не хотел делить шкуру не убитого медведя». Сейчас, когда соглашение о выплате ему конкретных сумм достигнуто, он хотел бы изыскать возможность и отдать часть заработанных им денег семьям диссидентов, пострадавших от репрессий советской власти. Самое сложное — найти безопасный путь, и в этом деле ему может помочь только Центральное разведывательное управление.

Однако в Лэнгли намерение «Сфиэ» помочь «российскому диссидентскому движению» восприняли как уловку коммерсанта, пытающегося броскими лозунгами прикрыть желание урвать куш посолиднее. Кураторы агента в штаб-квартире ЦРУ были уверены, что «помощь семьям диссидентов» — не более чем высокопарные слова, игра в благородство, и существуют они напоказ и только для них. А в его душе — лишь меркантилизм и надежда по максимуму конвертировать в денежные знаки свой потенциал сотрудника сверхсекретного НИИ «Фазотрон».

На ближайшей явке Гюльшнер вручил Толкачеву письмо, изготовленное в Лэнгли: *«Дорогой друг! Отдав деньги семьям, подвергнувшихся репрессиям диссидентов, не рассчитывайте на ответный поцелуй! Знайте, что, передавая нам созданные Вами нематериальные ценности в виде аутентичной информации, Вы служите благородной цели уравнять шансы двух супердержав для сохранения мира на Земле. Своим альтруистским жестом в адрес советских диссидентов Вы подвергаете себя опасности, и нас это в силу взятых на себя обязательств не может не беспокоить. Ибо у нас нет больших забот, чем обеспечение Вашей безопасности и*

комфортных условий для Вашей плодотворной работы во имя выбранной Вами великой цели. Да хранит Вас Господь!»

Ах, эта фотосъемка!..

Толкачев не уставал обременять заботами своих кураторов из Лэнгли. Помните, как категоричен был он в своем отказе сноситься с сотрудниками московской резидентуры ЦРУ через тайники? Так вот, он взбрыкнул еще раз, когда в феврале 1979 г. ему для пересъемки технической документации была передана миниатюрная фотокамера, которую он должен был использовать на своем рабочем месте. Он заявил, что, похоже, его работодателям наплевать на качество снимков, которые он должен им представить, ибо того освещения, которое имеется в его рабочем помещении, совершенно недостаточно для фотосъемки. Кроме того, камеру из-за ее размеров (спичечный коробок) ему очень трудно устойчиво держать в руках. Да и вообще, она щелкает слишком громко, и, ко всему, он вынужден подкладывать под нее книги, чтобы при съемке выдерживать дистанцию в 30 см. Высказав претензии, Толкачев потребовал передать ему обычный 35-мм фотоаппарат. Пояснил, что ему удобнее переснимать документы дома, куда он обычно уходит из института на обеденный перерыв. Там ему никто не мешает — жена находится на работе, а сын — в институте. Идя навстречу пожеланиям агента, в июне 1979 г. Гюльшнер передал ему 35-мм фотокамеру Репсах МЕ и портативный штатив для ее крепления к спинке стула.

Результаты не заставили себя ждать. Для сравнения: на явках в апреле и июне 1979 г. Толкачев передал десяток кассет, отснятых миниатюрной камерой, и большинство из них оказались нечитаемыми. А после того, как ему был вручен Репсах МЕ, он на явках, состоявшиеся в октябре и декабре 1979 г., передал более 150 кассет, экспонированных в домашних условиях, и все они были великолепного качества. К кассетам было приложено описание того, что он фотографировал.

Между тем в штаб-квартире ЦРУ продолжали размышлять, как заставить Толкачева производить фотосъемку документов непосредственно на рабочем месте, а не таскать их домой, рискуя быть задержанным с поличным на выходе из института. С этой целью в октябре 1979 г. ему были переданы две усовершенствованные шпионские фотокамеры, созданные Отделом технического обеспечения ЦРУ. В декабре ему были переданы еще четыре такие камеры, закамуфлированные под

амулеты, авторучки и противогриппозные нюхательные карандаши. Они не могли привлечь внимание коллег Толкачева, так как в Союзе свирепствовала эпидемия гриппа. Одной такой камерой можно было сделать 100 снимков…

Передача Толкачеву шпионских фотокамер пришлась как нельзя кстати. В декабре 1979 г. в «Фазотроне» были введены новые правила режима секретности. Прежде сотрудники института могли брать из библиотеки неограниченное количество секретных документов и пользоваться ими весь рабочий день. Теперь же при получении документов нужно было оставлять в библиотеке пропуск в институт. Толкачев не смог брать документы домой, так как при выходе из института должен был предъявлять пропуск, поэтому в течение нескольких месяцев он не мог отсылать в ЦРУ экспонированные кассеты с фотографиями секретных документов. Он также сообщил в ЦРУ, что единственным безопасным местом для фотосъемки является мужской туалет института, где он имеет возможность переснимать документы четырьмя камерами из шести имеющихся у него.

С учетом новых правил режима секретности, Толкачев предложил ЦРУ изготовить ему дубликат пропуска в институт. Его он будет оставлять в библиотеке в обмен на документы, а по оригиналу выходить из института на обеденный перерыв и дома проводить фотографирование. Для этого он сделает вид, что потерял свой пропуск, и, таким образом, сможет передать его сотруднику ЦРУ для изготовления дубликата. В ответном послании его попросили дать цветное фото пропуска и описать, из какого материала он сделан. Как вдруг в феврале 1980 г. были введены дополнительные правила по режиму, которые тут же создали массу неудобств женщинам, составлявшим большинство сотрудников института. Теперь они были лишены возможности выходить в город за покупками в обеденный перерыв. Сотрудницы не могли сдавать документы и получать взамен пропуск по той причине, что у работниц библиотеки в это время также был обеденный перерыв. Возмущение женского коллектива института было так велико, что отдел КГБ, обслуживавший «Фазотрон», вынужден был отменить новые правила режима. Их отмена позволила Толкачеву возобновить вынос и пересъемку документов у себя дома. Уже в июне 1980 г. Толкачев передал оператору почти 200 кассет — самое большое количество документов, которое он приносил на явку за все время работы на ЦРУ!

Ведомственные восторги

Многозвездные генералы и высокопоставленные чиновники — потребители информации, поставляемой Толкачевым, заливались соловьями, давая ей высочайшую оценку. Так, в меморандуме Министерства обороны от 17 декабря 1979 г., направленном директору ЦРУ, отмечалось: «На основании информации вашего источника, ВВС США полностью пересмотрели свой многомиллиардный проект для одного из своих последних самолетов» (имеется ввиду самолет-невидимка «Стелс».

В марте 1980 г. на совещании руководителей ЦРУ информация, полученная от «Сфиэ» о последнем поколении советских ракет «земля — воздух», заслужила высшую похвалу: «Мы никогда прежде не добывали такой подробной и точной информации об этих системах ракет до их развертывания». И далее: «Эта информация не только подтверждается данными, полученными техническими средствами разведки, но и дополняет их весьма важными деталями, которые не могут быть добыты никакими другими средствами».

В апреле 1980 г. во внутреннем меморандуме ЦРУ информация Толкачева об успешных испытаниях советских радарных систем для самолетов истребителей была названа *«уникальной»* — подобные данные США пытались получить многие годы, но они были недоступны для технических средств разведки.

В июне 1980 г. Толкачев передал ЦРУ исчерпывающие сведения по новым авиационным разработкам, а также обширные данные по модификации одного из советских истребителей и, наконец, документы по нескольким новым типам военно-воздушных ракетных систем. Внутренний меморандум ЦРУ в связи с этим отмечал: «Даже если Толкачев будет разоблачен завтра, то переданная им информация останется ценной еще не менее 8-10 лет. Именно столько лет потребуется СССР на создание, проведение испытаний и технологического развертывания, чтобы заменить все то, что выдано ЦРУ агентом».

В сентябрьском 1980 г. меморандуме Министерства обороны отмечалось: «Данные, представленные «Сфиэ», не имеют срока давности, они повышают эффективность американских военных систем и способствуют сохранению жизни наших людей и оборудования. Информация источника является своего рода вектором для определения нужного направления в многомиллиардных американских НИОКР, ее ценность в этом деле огромна».

Суммируя вышесказанное, аналитики ЦРУ в справке, составленной на имя директора, пришли к следующему заключению: «С января 1979 по июнь 1980 г. «Сфиэ» добыл и

передал нам чрезвычайно большое количество невероятно ценной разведывательной информации для американских военных. Его информация, безусловно, способствует победе США в случае возникновения военной конфронтации и принесет поражение Советскому Союзу».

«Если смерти, то мгновенной…»

В среде спецслужбистов бытует мнение, что оптимизм в разведке происходит от недостаточной информированности состава, поэтому в контрразведке преобладают пессимисты. Думается, что эта неоднозначная истина не относилась к работодателям «Сфиэ». Они, будучи реалистами, с самого начала операции «Толкачев — ЦРУ» отдавали себе отчет, что рано или поздно ей придет конец. Вопрос был в том, когда и как. Закончится ли она захватом Толкачева советской контрразведкой или агента придется вывозить в США при возникновении опасности его провала? Учитывая беспримерную ценность информации Толкачева, которая обезоруживала СССР и помогала США стать лидером на мировой арене, в Лэнгли не могли не печься о его судьбе. Кураторы были готовы вывезти Толкачева с семьей на территорию США. Но при этом им хотелось отсрочить этот вариант на более поздний срок, чтобы полностью реализовать ресурс «Сфиэ» и максимально использовать его доступ к советским секретам военной и государственной важности!

Мысль о том, что когда-то пробьет час расставания с ЦРУ, приходила в голову и Толкачеву. Реакция его на это была своеобразной. Она сначала удивила, а затем обрадовала его кураторов. Так, в сообщении, переданном в ЦРУ в апреле 1979 г., Толкачев категорично потребовал выдать ему капсулу с ядом, заявив: *«Я не намерен разговаривать с органами КГБ в случае задержания».* Свое требование он повторил в октябре 1979 г. и с тех пор не переставал поднимать этот вопрос во всех своих сообщениях в ЦРУ Сначала в штаб-квартире его задумку отвергли с порога, однако в дальнейшем пришли к выводу, что Толкачев не отступит и будет настаивать на своем. Но Стэнсфилд Тернер, пристально следивший за успехами чрезвычайно плодовитого агента, категорически запретил снабжать его ядом, о чем Толкачев был поставлен в известность на очередной явке. Узнав об этом решении, «Сфиэ» 7 июня 1980 г. передал через Гюльшнера письмо на имя директора ЦРУ, в котором детально описал, какому риску он подвергается, и в этой связи настаивал

немедленно снабдить его *«средством для совершения самоубийства».*

Кроме того, в письме Толкачев посетовал, что ему поставлено большое количество разведывательных задач, большую часть из которых он не в состоянии решить, так как не имеет прямого доступа к нужным документам. Для решения этих задач ему приходится просматривать многие материалы в библиотеке института. Однако эти материалы не имеют никакого отношения к теме, над которой он непосредственно работает. Чтобы ознакомиться с указанными материалами, он обязан расписаться в особом регистрационном журнале. Хуже того, он должен предварительно получать разрешение от другого института или ведомства, чьи документы хочет просмотреть.

Толкачев особо отметил, что если КГБ когда-нибудь заподозрит утечку информации из проектов, над которыми он работает, то в результате проверки документов и разрешительных подписей на их получение он сразу же станет главным подозреваемым. Следующим шагом КГБ будет осмотр его квартиры, «И тогда вещи, которые *я* прячу от моей семьи, я никогда не смогу спрятать от КГБ. Если Вы глубоко вникните в ситуацию, в которой я нахожусь, Вам будет легче понять мое стремление как можно скорее получить «средства защиты». Имея в наличии «средства для самоубийства», я смогу сохранить в тайне весь набор действий и методов, с помощью которых я выполнял Ваши поручения».

В письме от 7 июня 1980 г. Толкачев дал положительный ответ на предложение ЦРУ вывезти его вместе с женой и сыном в США. Настоятельно просил разработать операцию по вывозу как можно скорее, а также сообщить ему, что он должен предпринять для ее осуществления.

Идя навстречу требованиям «Сфиэ», ЦРУ снабдило его ядом. На очередной явке Гюльшнер передал ему авторучку «Ленинград», в которую была вмонтирована капсула с ядом моментального действия.

Со слов Барри Ройдена, бывшего сотрудника Оперативного директората ЦРУ, доводы Толкачева в пользу передачи ему *«средства для самоубийства»* вызвали у его кураторов восторг и умиление: «Невероятно, — отмечалось в аналитической записке ЦРУ, — но «Сфиэ» в случае провала не только заботился о личной судьбе, но и особо подчеркнул важность того, чтобы советские органы госбезопасности не смогли установить, что именно он передал нам, и этим самым затруднить их усилия по оценке и восстановлению нанесенного им ущерба».

Однако среди высших чинов Лэнгли нашлись и такие

офицеры, которые скептически оценили жест агента и смотрели на него, как на австралийского аборигена, который неведомо зачем просит научить его играть на арфе…

На наш взгляд, все рассуждения и Барри Ройдена и иже с ним о каком-то категорическом запрете адмирала Тернера выдавать яд Толкачеву — не более чем святочная сказочка для непосвященных в закулисье американской разведки. Последовавшие в 1985–1991 гг. задержания и допросы шпионов, «таскавших каштаны из огня» в пользу США, подтвердили правоту аналитиков КГБ, что всем своим агентам — советским гражданам — ЦРУ в обязательном порядке вручало ампулы с моментально действующим ядом. Делалось это вовсе не из гуманных побуждений. Руководство Управления заботилось не об облегчении участи провалившихся наймитов во время их пребывания в «лубянских застенках». Отнюдь! ЦРУ беспокоили *последствия разоблачения и безопасность работавших со шпионами американских операторов.* В Лэнгли пеклись лишь о том, чтобы достоянием Комитета госбезопасности не стали сведения о методах работы с агентами, способах их зашифровки, объеме выплат, способах поддержания связи, ухищрениях и т. д. и т. п., о которых на допросах мог бы поведать провалившийся «крот».

Дуэль «радиовыстрелами» без секундантов

В сентябре 1980 г. штаб-квартира ЦРУ предложила для использования (как возможную для связи с Толкачевым в случае угрозы его разоблачения) систему под названием *«Коротковолновая связь с агентом» (Shot-Range Agent Communication, SRAC).* Толкачев мог ее применить в двух случаях: если бы ему понадобилось срочно вызвать оператора на встречу или обменяться с ним срочной информацией без выхода на личный контакт. По мнению технарей ЦРУ, эта система не имела аналогов в мировой практике шпионажа. Она состояла из двух одинаковых устройств — одно для оператора, другое для агента. Каждое устройство было размером в две пачки сигарет, сложенных в длину. К нему прилагались антенна, доска с клавиатурой на русском и английском языках, комплект батарей питания, зарядное устройство и инструкция.

Перед сеансом передачи агент и оператор вводили свои сообщения, печатая текст на клавиатуре. Во время ввода текст автоматически зашифровывался. Устройство могло передать сообщение, состоящее из несколько тысяч знаков. При отсутствии

значительных механических преград дальность его действия составляла несколько сотен метров. Устройство было запрограммировано на передачу сообщений выбросом текста в эфир в течение нескольких секунд, так называемым *радиовыстрелом.* При поступлении текст автоматически проходил через дешифратор, и его можно было читать на экране, вмонтированном в устройство.

При использовании этого способа связи необходимо было выполнить ряд сложных действий. Перед тем как провести сеанс, Толкачев должен был выставить сигнал мелом в определенном месте в назначенное время (обычно раз в месяц) на той улице, которой его оператор имел обыкновение пользоваться. После постановки агентом сигнала до осуществления радиосеанса необходимо было провести еще ряд процедур. Так, агент и его оператор должны были выйти на заранее оговоренные места в обусловленное время. Места должны были располагаться в ограниченном для приема-передачи сообщений радиусе. При этом визуальный контакт между агентом и оператором исключался. Расстояние и время для *«радиовыстрела»* были запрограммированы в устройствах. Каждый раз при получении сообщения или отсутствии такового Толкачев должен был подать сигнал, поставив свою автомашину в обусловленном месте мотором в определенном направлении. Такие же действия были предусмотрены и для оператора.

Письменная инструкция по применению этой системы была передана Толкачеву на встрече в октябре 1980 г. Он ответил согласием 14 декабря 1980 г., а уже в марте 1981 г. ему было передано устройство вместе с инструкцией и оперативным планом. Для успешного применения этого способа связи требовалось устранить ряд неполадок, возникших в системе. До их исправления было решено других явок с Толкачевым не проводить. Следующая явка состоялась лишь в ноябре 1981 г., на которой он вернул устройство, заявив, что оно не работает. Позднее устройство отремонтировали и передали ему вновь. В марте 1982 г. агент выставил сигнал о подготовке радиосеанса. Успешный обмен сообщениями был проведен 13 марта. Спустя три дня после очередной встречи Толкачев, используя радиосвязь, вызвал оператора на экстренную встречу. Он хотел передать свои критические замечания по поводу пропуска в институт, изготовленному для него Отделом технического обеспечения ЦРУ.

Система коротковолновой мгновенной радиосвязи не являлась единственной, использовавшейся в операции «Толкачев — ЦРУ». В ноябре 1981 г. агенту для осуществления

односторонней радиосвязи *«от базы к агенту» (Interim-One-Way Link, 10 WL)* был передан бытовой коротковолновый радиоприемник и два одноразовых дешифровальных блокнота с инструкциями. Ему также был передан демодулятор, который на время приема сообщения присоединялся к приемнику. Толкачев должен был настроить приемник на определенную волну в назначенный день и час и подключить демодулятор, чтобы зафиксировать передаваемое сообщение. Передача длилась 10 минут и состояла из реального сообщения и ложного. После сеанса агент пропускал сообщения через демодулятор и на встроенном экране определял ложное и реальное. Первые три цифры указывали, где расположено реальное сообщение. Оно состояло из пятизначных цифровых групп и декодировалось с использованием одноразового дешифровального блокнота. Используя этот вид связи, Толкачеву могло быть передано сообщение, состоящее из 400 пятизначных цифровых групп.

Толкачев попытался было использовать предложенную радиосвязь, но позднее проинформировал своего оператора, что не может незаметно от семьи настраивать приемник на нужные частоты в вечернее время. Он также сказал, что не имеет возможности использовать радиоприемник и в более позднее время, поскольку ложится спать раньше жены и сына.

В результате сеансы радиосвязи были перенесены на утренние часы в рабочие дни недели, когда Толкачев мог уйти с работы под благовидным предлогом. Но использованию радиосвязи помешало введение в институте новых правил безопасности, согласно которым требовалось письменное разрешение для выхода из института в рабочее время. В декабре 1982 г. Толкачев вернул оперативному сотруднику все оборудование, расписание радиосеансов, инструкции и шифрблокнот. В дальнейшем было решено отказаться от этого способа связи для экстренных встреч.

«Высокоэффективные оперативные средства и большое везение, — как говорилось в меморандумах и аналитических справках ЦРУ, — позволяли проводить незафиксированные КГБ личные встречи с Толкачевым. Более 10 встреч были проведены с октября 1980 по ноябрь 1983 г. Несколько явок пришлось отменить из-за усиленного наружного наблюдения за сотрудниками ЦРУ. Однако большинство проводилось в соответствии с нашим планом».

Способы связи с Толкачевым приходилось время от времени корректировать. К примеру, в ноябре 1983 г. он попросил не звонить ему по телефону домой для вызова на экстренные встречи потому, что телефонный аппарат перенесли в комнату

сына, и он всегда отвечал на звонки.

Дума об Олеге

Важным фактором в отношениях Толкачева с американской разведкой было его стремление удовлетворять желания своего сына Олега. Ему, к примеру, нравилась западная музыка, особенно госк-п-roll. На последней встрече с Гюльшнером в октябре 1980 г. Толкачев передал в ЦРУ сообщение, в котором попросил приобрести для сына записи этой музыки и стереооборудование западного производства. Кроме того, он спрашивал, как ему добиться устойчивого прослушивания передач западных радиостанций, которые часто глушились.

На мартовской явке 1981 г. Толкачеву были переданы семь магнитофонных кассет с записями звезд рок-н-ролла. При этом оператор выразил озабоченность (свою и кураторов из Лэнгли), стоит ли из-за каких-то записей подвергать себя риску? Ведь у соседей и друзей сына могут возникнуть вопросы, на которые Толкачеву будет трудно найти ответы. Да и вообще, как вы объясните сыну, откуда взялись записи? На что Толкачев ответил, что такие записи можно свободно приобрести на московском черном рынке, но он не хочет обременять себя заботами о перезаписи. Он также попросил купить для сына стереонаушники, несколько пластинок модных английских и американских исполнителей, приложив к ним тексты песен на английском языке. Кроме того, он просил переслать ему тексты песен, которые были записаны на ранее переданных семи кассетах.

На явке в марте 1982 г. Толкачев, принеся тысячу извинений, попросил для сына плеер и набор карандашей для черчения разной твердости. Для себя он просил импортные бритвенные лезвия. Написал, что бриться отечественными лезвиями для него неприятная процедура. Он извинялся: *«к несчастью, наша личная жизнь состоит также из разнообразных малых вещей, которые временами оказывают влияние на общее настроение в жизни».*

В феврале 1983 г. Толкачев сделал заказ на различные чертежные материалы для сына, в том числе специальные чертежные ручки, чернила, перья и ластики. В апреле 1983 г. он заказал для Олега несколько западных книг по архитектуре. Для себя — «Майн кампф» Гитлера и копию Библии на русском языке, периодические публикации РУМО (военная разведка США) «Советская военная мощь», мемуары Голды Мейер и книги Солженицына. Кроме того, он просил приобрести биографии известных мировых деятелей и подборку романов западных

авторов.

Просьбы агента, разумеется, были исполнены, но с соблюдением необходимых мер конспирации, не допускавших расшифровку страны пребывания его работодателей. Так, перед сотрудниками ЦРУ, находившимися в окопах холодной войны в странах народной демократии Восточной Европы, была поставлена задача приобретать чертежные принадлежности и лезвия местного производства и пересылать их в московскую резидентуру. Оттуда они в течение нескольких лет попадали в семью Толкачевых.

ЦРУ расплачивается царскими червонцами

В декабре 1980 г. из-за меркантильности Толкачева его денежное вознаграждение вновь стало предметом переговоров между ним и ЦРУ. Агент потребовал, чтобы 8,75 % дохода от депонированной суммы выдавалось ему в рублях в конце каждого года сотрудничества. Несмотря на очевидную угрозу его безопасности, это требование было удовлетворено, и в ноябре 1981 г. Толкачеву была передана сумма в рублях, эквивалентная 40 000 долларов. Он, однако, возмутился и потребовал, чтобы расчет в рублях проводился не по официальному, а по курсу черного рынка. Таким образом теряющей стороной становились американцы, а не он. Оно и понятно: или получать «зарплату» из расчета 62 копейки за «бакс», или аж 4 рубля за него любимого. Как говорится, почувствуйте разницу!

Высокопоставленные чины Лэнгли, имевшие отношение к операции «Толкачев — ЦРУ», сошлись во мнении, что продаваемая им информация стоит требуемых денег, так как *«агент стоит столько, во сколько обходится»,* и согласились удовлетворять его прихоти со следующего года. Однако у директора ЦРУ и Хэттавэя возникли серьезные опасения по поводу передачи Толкачеву крупных сумм наличности. По их мнению, если агент или члены его семьи начнут тратить непомерные суммы неизвестно откуда взявшихся денег, то это приведет к его расшифровке. ЦРУ, исходя из соображений безопасности агента, срочно приняло решение вместо советских дензнаков вручать ему ювелирные изделия с бриллиантами и золотые монеты царской чеканки.

Вопрос обсуждался путем обмена письменными сообщениями. Толкачев согласился получить часть заработанных им денег *«очень хорошо сделанными русскими драгоценностями конца XIX — начала XX веков».* Отметил, что их наличие в случае

необходимости он может объяснить полученным от матери наследством. ЦРУ, идя на поводу капризов «Сфиэ», предприняло титанические усилия, чтобы отыскать антикварные магазины в Лондоне, Риме, Париже, Мюнхене, Нью-Йорке, Вашингтоне и Хельсинки, где можно было приобрести указанные предметы. Дело оказалось архитрудным, но многое все-таки удалось найти и передать Толкачеву.

В декабре 1982 г. Толкачев вновь поставил перед своими работодателями вопрос о вознаграждении, но уже по иному поводу. Он сообщил, что намерен создать *«относительно большой резерв денег на случай непредвиденных обстоятельств». «Если,* — писал он, — *несмотря на все меры предосторожности, случится «полный провал», то никакие деньги мне уже не помогут. Если же случится «частичный провал» — коллеги застигнут меня за пересъемкой документов или выносом их из института — я смогу за взятку закрыть им рот».*

Штаб-квартира ЦРУ не согласилась с его доводами и в конце концов идея Толкачева о взятке была бесповоротно отвергнута. А чтобы как-то оправдать перед женой наличие у него больших сумм денег, ему предложили сказать ей, что в начале 1980 г. он получил наследство от матери в размере 130 тысяч рублей.

Бегите, Толкачев, бегите!

Впервые вопрос о нелегальном выводе Толкачева и его семьи из СССР в случае возникновения угрозы ареста обсуждался с ним Джоном Гюльшнером на явке в декабре 1979 г. Агент взял тайм-аут на размышление и в феврале 1980 г. ответил, что ему никогда в голову не приходила идея покинуть Союз, но если ЦРУ берется осуществить это предприятие, то он с удовольствием рассмотрит это предложение. Предупредил, что коль скоро жена и сын не осведомлены о его *«разведывательной работе»*, то вопрос о выезде в США он просит отложить до тех пор, пока на семейном совете не будет принято окончательное решение.

Со слов одного из операторов Толкачева, мысль о выезде из СССР всецело овладела им. На явках он периодически устраивал оператору настоящее «промывание мозгов», предлагая множество неосуществимых проектов. При этом Толкачев якобы не уставал произносить одну и ту же строчку из песни Владимира Высоцкого: *«Париж открыт, но мне туда не надо!»* А однажды он, опять же дискутируя с самим собой, дофантазировался до того, что специально построенный ЦРУ легкий самолет должен приземлиться где-нибудь в сельской местности, чтобы там

забрать всю его семью. Начав обсуждение деталей им же предложенного варианта с самолетом, он вдруг от него отказался. Как выяснилось, он вспомнил, что его жена имеет избыточный вес (150 кг), поэтому легкий самолет будет не в состоянии переместить их всех через границу…

Тем не менее план вывода Толкачева из СССР стал мало помалу претворяться в жизнь. Так, перед сотрудниками ЦРУ в Москве была поставлена задача разработать примерный сценарий побега. А в штаб-квартире ЦРУ занялись изготовлением контейнеров, в которых агент и его семья могли быть нелегально вывезены из страны.

Вопрос о вывозе из Союза Толкачев вновь поднял в январе 1983 г., когда в «Фазотроне» опять ужесточился режим секретности, и агенту взбрело в голову, что КГБ рассматривает его в качестве источника утечки секретной информации из института. Резидентура немедленно предложила Толкачеву выехать с семьей в Ленинград, откуда их нелегально переправят в Финляндию в специально оборудованном автомобиле. Второй вариант предусматривал перемещение семьи из Москвы куда-нибудь в безопасное место, а затем вывоз из СССР самолетом или другим специально для этого подготовленным транспортным средством.

Варианты плана нелегального вывода Толкачева из Союза обсуждались с ним на нескольких явках. На встрече, состоявшейся в марте 1983 г., Толкачеву было предложено представить либо детальный план, либо дать свои предложения, которые помогли бы избежать непредвиденных обстоятельств. Свои соображения Толкачев должен был доложить оператору на очередной встрече в апреле, что помогло бы отработать в деталях окончательный вариант его вывода за пределы страны. Очередная встреча состоялась, как и планировалось, в апреле 1983 г. Но агент отказался принять конверт с описанием альтернативных вариантов плана, заявив, что *«в силу сегодняшней семейной ситуации не хочет в настоящее время рассматривать вопрос о выезде».*

В письменном сообщении в ЦРУ Толкачев дал подробное пояснение своему отказу покидать СССР. С его слов, несколько знакомых их семьи выехали в Израиль. Позднее они оказались в Америке. Одна из выехавших женщин в письмах жаловалась его жене, что она много потеряла, оставив Москву. Жена, комментируя ее слова, якобы заявила, что никогда не покинет родину, потому что будет страдать «от сильной ностальгии». Аналогичную реакцию якобы высказал и сын Толкачева, который заявил: «Было бы неплохо попутешествовать по западным странам

два или три года, но не более того». При этом Толкачев подчеркнул, что сын никогда не покинет Советский Союз в поисках лучшей жизни потому, что его друзья останутся здесь. В заключение Толкачев написал: *«с учетом сложившейся ситуации я не могу думать о выезде, поскольку никогда не покину семью».* Несмотря на все вышеизложенное, он, как бы это ни показалось странным, передал в ЦРУ свои собственные варианты по реализации плана выезда из страны. В ЦРУ это восприняли как сигнал продолжать работу по подготовке вывода семьи за пределы СССР, разумеется, при условии, что в будущем настроения всех членов изменятся в благоприятном для Лэнгли направлении.

Для шпиона нет плохой погоды!

К середине 1980 г. операция «Толкачев — ЦРУ» обрела оптимальный рабочий ритм. В обеденный перерыв агент забирал документы домой и там их фотографировал. Главным фактором, ограничивавшим его работу дома, была погода. Зимой «Сфиэ» мог выносить большое количество документов, пряча их под верхней одеждой. А летом, что естественно, прятать бумаги было некуда.

Тем временем в штаб-квартире ЦРУ продолжалась работа над созданием поддельного пропуска для Толкачева, который он мог бы использовать для получения документов в обход правил режима секретности. В октябре 1980 г. штаб-квартира ЦРУ сообщила ему о готовности Отдела технического обеспечения изготовить подделку в ноябре. Сразу же Толкачев передал в ЦРУ подписанную разрешительную карту для получения документов из библиотеки института. Попросил, чтобы технические специалисты изготовили ее дубликат. Настоящую карту с указанием в ней большого количества материалов, которые он брал на дом для фотографирования, он намеревался заменить дубликатом. Делалось это для того, чтобы ввести в заблуждение сотрудников КГБ, обслуживавших НИИ «Фазотрон», относительно документов, которые он получал в библиотеке для снятия с них фотокопий. Пройди гладко замена Толкачевым настоящей карты на дубликат, в котором не будут значиться использованные им документы, он, в случае проверки, будет вне подозрений.

Отделу технического обеспечения было дано задание подготовить дубликат карты и фальшивый пропуск в институт. В начале 1981 г. они были переданы Толкачеву. В марте ему удалось заменить настоящую карту дубликатом. А фальшивый пропуск в институт он вернул оператору, заявив, что цвет

обложки не соответствует реальному. Но в институте в это время вновь сменились правила режима, и Толкачев смог выносить документы домой, не сдавая пропуск в библиотеку под документы.

В ноябре 1981 г. «Сфиэ» сообщил, что пропуск снова надо оставлять в библиотеке, когда берешь документы. К этому времени ОТО изготовил новый пропуск в институт, который со всеми другими материалами был передан Толкачеву во время личной встречи. Однако уже в следующем месяце он вызвал оператора на внеочередную встречу, чтобы вернуть подделку — цвет опять отличался от реального. Сказал, что в январе и феврале он будет находиться в отпуске, пропуск ему не понадобится, поэтому он может его отдать в качестве образца для изготовления дубликата. Толкачев также предупредил оператора: если проблема с пропуском не будет решена, то продуктивность его работы значительно снизится. Оператор объяснил агенту, что, по независящим от него причинам, следующая встреча может не состояться, поэтому нет гарантии, что ему удастся вернуть пропуск вовремя. При этом он заверил агента, что снижение его активности ничто по сравнению с угрозой разоблачения, которая может возникнуть, если пропуск не будет возвращен своевременно. Пожав друг другу руки, на том и расстались.

* * *

Несмотря на ужесточение режима секретности в институте и трудности с изготовлением точной копии пропуска, Толкачев продолжал усердно добывать разведывательную информацию, хотя и в меньших объемах. В декабре 1981 г. он передал несколько 35-мм кассет. В феврале 1982 г. — более 10 кассет. На вопрос, как ему удается при таком строгом режиме секретности получать столь много информации, ответил, что прибегает к различным ухищрениям, которые полностью объяснить трудно. Иногда, например, оставив свой пропуск в залог под документы, забирал его из библиотеки, не сдавая документы при уходе домой на обед. Объяснял охране, что документы «находятся у его начальника, который работает с ними». Документы же были при нем, он приносил их домой и фотографировал. Когда оператор пожурил его, заметив, что это опасно, агент ответил: *«А что в моем деле не опасно?»*

В марте 1982 г. Толкачев вызвал оператора на незапланированную встречу для дополнительного обсуждения вопроса о фальшивом пропуске, который все еще был на

изготовлении в ОТО ЦРУ. Он передал клочок бумаги, который оторвал от обложки пропуска, чтобы можно было точнее определить его цвет. Таким образом, с ноября 1981 по май 1982 гг. по инициативе агента было проведено несколько личных встреч для решения вопроса о пропуске.

На майской явке 1982 г. оператор, не вдаваясь в подробности, сообщил Толкачеву, что ЦРУ, исходя из требований его безопасности, приняло решение прекратить с ним контакты на некоторое время. На самом же деле речь шла о безопасности самого оператора, так как с некоторых пор повседневное наружное наблюдение за ним было значительно усилено. Дело дошло до того, что во второй половине 1982 г. он был вынужден отменить несколько плановых встреч со «Сфиэ». В декабре 1982 г. для восстановления личных контактов с Толкачевым резидентура впервые применила метод «Джек в коробке».

На декабрьской встрече агент сообщил, что использовать изготовленный в ЦРУ пропуск удалось только один раз. И все из-за того, что цвет пропуска опять был изменен и, таким образом, сделанная в ЦРУ подделка оказалась бесполезной. Кроме того, Толкачев, как и его коллеги по институту, должен теперь получать письменное разрешение на выход из института в рабочее время, за исключением выхода на обеденный перерыв. Таким образом, он не сможет бывать дома в утренние часы — время сеанса коротковолновой связи. Несмотря на трудности, которые имели место прежде, «Сфиэ» попросил передать ему фотокамеру для пересъемки документов на работе. Однако в штаб-квартире ЦРУ придерживались другого мнения. Там предположили, что советской контрразведке стало известно об утечке в США секретной информации из проектов, над которыми работал Толкачев. Поэтому резидентуре было рекомендовано прервать связь с ним на 6 месяцев. Однако все то время, что он будет находиться вне связи, зарплата ему будет выплачиваться, не говоря уж о тех 8,75 % с его депонента…

На встречах с Толкачевым в феврале и марте 1983 г. обсуждались поиски наиболее эффективных путей получения разведывательной информации в обстановке усиления режима секретности в институте. На мартовской встрече агент передал кусок картона, оторванный от обложки нового пропуска в институт, и его фото с тем, чтобы Отдел технического обеспечения использовал их для изготовления поддельного пропуска. Он также сообщил, что ему удалось пронести в институт 35-мм фотокамеру и три дня кряду незаметно для окружающих фотографировать документы за своим рабочим столом. Свое сообщение подкрепил двадцатью экспонированными

35-мм кассетами…

Учитывая стремление агента быть по-прежнему результативным и несмотря ни на что продолжить фотосъемку секретных документов на рабочем месте, в ЦРУ приняли решение снабдить его в мае модернизированной фотокамерой третьего поколения, закамуфлированной под брелок для ключей. А чтобы обезопасить «Сфиэ», руководство ЦРУ обязало резидентуру запретить ему вынос документов из института для фотосъемки.

Глава четвертая
«КРАСНАЯ СЕЛЕДКА» [2]

Шпион у шпиона тайну украл

В марте 1981 г. по инициативе Гарднера Гаса Хэттавэя в Москву в порядке эксперимента над проектом под кодовым названием «Чистая лазейка» прибыл молодой офицер, разведчик «глубокого прикрытия» (наши контрразведчики и сыщики наружного наблюдения называли таких разведчиков «подснежниками» или «тихобздуями»).

Его появление имело предысторию. Дело в том, что Хэттавэй, возглавив московскую резидентуру, обратил внимание, что его разведчики практически лишены возможности покидать здание посольства незамеченными. Всякий раз за ними увязывалась «наружка». В то же время несколько человек, так называемые «чистые» дипломаты, занимавшие невысокие посты в посольстве, могли беспрепятственно передвигаться, куда им вздумается.

Одной из причин, почему КГБ всегда знал, за кем следить, а кого оставить без присмотра, заключалась в том, что разведчики всегда работали только в помещениях, предназначенных для ЦРУ. Кроме того, будучи в почтенном возрасте — от 40 до 45 лет, — они уже успевали побывать в других странах, то есть «засветиться».

Как правило, советская контрразведка задолго до приезда того или иного цэрэушника в Москву уже располагала на него исчерпывающей информацией.

Идея Хэттавэя состояла в том, что новичка-цэрэушника, никогда ранее не работавшего за границей по линии разведки, вычислить намного сложнее. Особенно если он будет молод — 30–35 лет — и не будет не только участвовать в повседневных «играх» своих коллег, но и посещать помещений резидентуры, а весь рабочий день будет заниматься чисто посольскими делами.

На «тропу войны» разведчики «глубокого прикрытия» должны выходить только в решающий момент, и то лишь, если имеется абсолютная гарантия, что они не «засветятся».

Разведчикам «глубокого прикрытия» вменяется в обязанность молниеносно появиться в нужном месте в нужное время и также молниеносно исчезнуть. Они обязаны действовать, как призраки. Вместе с тем, результаты их действий всегда должны быть весомы.

Об их принадлежности к разведке осведомлены только в штаб-квартире ЦРУ, резидент и посол США в Москве. Использовать такого «подснежника» можно лишь в случае крайней необходимости — когда шефу резидентуры понадобится, чтобы кто-то из его офицеров покинул посольство, не увлекая за собой «хвост».

Проект Хэттавэя «Чистая лазейка» был успешно апробирован, и на смену первопроходцу решено было послать следующего молодого офицера — Эдварда Ли Говарда. Он полностью удовлетворял всем требованиям, предъявляемым к кандидатам на эту должность. К тому же жена Эдварда — Мэри Говард прошла 6-недельный курс разведывательной подготовки на «Ферме» — в знаменитой разведшколе в Кэмп-Пири, учебном центре ЦРУ в штате Вирджиния — и работала секретарем начальника оперативного Департамента ЦРУ.

Так как трудно было прогнозировать, с какими чрезвычайными обстоятельствами Говарду придется столкнуться в Москве, он был тщательно проинформирован не только обо всех наиболее важных операциях, проводимых американской резидентурой ЦРУ в Москве, но и о наиболее оберегаемых источниках, в числе которых фигурировал и Адольф Толкачев.

Однако в московские окопы холодной войны Говард так и не попал, поскольку в апреле 1983 г. рутинный тест на полиграфе показал, что он лгал относительно употребления в прошлом психотропных препаратов и чрезмерного увлечения алкоголем. Его отвели от поездки в СССР и в мае уволили из ЦРУ без объяснения причин.

У него начались запои, по ночам он стал донимать бывших коллег телефонными звонками, выражая им свое неудовольствие и критику в адрес руководства Лэнгли за то, что оно разрушило его мечту стать национальным героем, а другим он себя и не мыслил, верой и правдой служа ЦРУ…

В августе 1983 г. в советское консульство поступило заявление от Говарда о выдаче ему туристической визы для поездки в СССР. В конверт он вложил письмо с просьбой о встрече с представителем КГБ для передачи информации, которая может представлять интерес для советской стороны. Местом встречи он предложил здание Капитолия в Вашингтоне — довольно смелый шаг, учитывая предполагаемый характер встречи, но не такой уж и безрассудный, если иметь в виду, что контрразведчики из местного отделения ФБР вряд ли заподозрят, что предусмотрительный и осторожный сотрудник КГБ предпочтет для встреч со своим агентом эту кишащую людьми туристическую Мекку.

Однако руководство вашингтонской резидентуры КГБ, опасаясь попасть в ловушку ФБР, приняло решение не рисковать и на встречу не выходить. Тем более что был период обострения пропагандистской войны между США и СССР, и раскрытие американской контрразведкой вербовочной акции русских в священном для всех граждан США месте — здании Конгресса — вызвало бы в стране вал протеста и негодования.

Год спустя после первой попытки Говарда установить контакт с КГБ Центр пересмотрел решение вашингтонской резидентуры и дал добро на встречу.

Выяснилось, что сделать это непросто. В феврале 1984 г., во время ссоры в баре, Говард выхватил пистолет и выстрелил в потолок. Суд признал его виновным. В прошлом судимостей он не имел, поэтому его освободили под подписку о невыезде, ограничившись пятилетним условным наказанием и назначением принудительного лечения в психиатрической клинике. Во всем случившемся, как и в своих психических расстройствах, бедняга по-прежнему винил только ЦРУ.

Вместе с любимой женой Мэри и малолетним сыном Эдвард переехал в местечко Эльдорадо близ Санта-Фе, столицы штата Нью-Мексико, нашел там подходящую работу — устроился экономистом в законодательном собрании штата, но так и не смог побороть в себе обиду на Управление. Ведь работа в ЦРУ представлялась ему полной приключений и блеска, а он со временем непременно должен был стать героем Америки…

Когда сотрудники резидентуры нашли новый адрес Говарда и напомнили ему о его письме, он с энтузиазмом отреагировал на предложение о сотрудничестве. Ему было предложено выехать в Вену для встречи с человеком, который, возможно, станет его оператором.

Через три месяца Говард, нарушив подписку о невыезде, приобрел недельный тур и вылетел в Европу якобы для закрепления реабилитационного курса.

…21 сентября 1984 г., прибыв в Вену, Говард переступил порог советского консульства и встретился с указанным ему человеком. С первой минуты общения он выразил готовность поделиться известной ему информацией о деятельности московской резидентуры ЦРУ, действовавшей под прикрытием посольства США. Вместе с тем Говард не был бы американцем, если бы за оказание необычной услуги не потребовал денег, — он готов был довольствоваться ничтожными 150 тысячами долларов.

Сделка состоялась.

Говард стал обладателем требуемой суммы, а Комитет госбезопасности — информации особой важности.

Кроме прочих сведений, Говард представил данные о Толкачеве и о совершенно секретном проекте «Чистая лазейка», который к тому времени перестал быть проектом, превратившись в полновесную секретную операцию, регулярно проводимую резидентурой ЦРУ в Москве.

Получив требуемую сумму, Говард поместил деньги на секретный счет в швейцарском банке, и уже 23 сентября в компании любимой жены шумно праздновал акт возмездия ненавистному Управлению у себя дома в Эльдорадо.

Говард полагал, что сделка носила единовременный характер, но в КГБ считали по-другому. И хотя контракт не был оформлен письменным договором о взаимных обязательствах, Комитет не собирался в дальнейшем отказываться от услуг добровольного рекрута, постоянно держа его в поле зрения. В скором времени у Говарда появится возможность в этом убедиться…

Хождение Говарда по мукам

1 августа 1985 г. в двенадцатом часу дня Гарднер Гас Хэттавэй, по возвращении из СССР ставший главой контрразведывательного подразделения в Лэнгли, получил срочную телеграмму из резидентуры ЦРУ в Италии. В то утро в американское посольство в Риме явился полковник Виталий Сергеевич Юрченко и объявил о своем желании работать на Соединенные Штаты.

Хэттавэй полистал свой рабочий блокнот и удовлетворенно хмыкнул — послужной список перебежчика впечатлял. До 1975 г. он служил в Третьем управлении КГБ (военная контрразведка), а уже в 1980 г. полковник Юрченко, перейдя в Первое главное управление (ПГУ — внешняя разведка), исполнял обязанности офицера безопасности советского посольства в Вашингтоне. Вернувшись по окончании командировки в Москву, он получил должность заместителя начальника 5-го отдела управления «К» (внешняя контрразведка) ПГУ, который курировал деятельность советских зарубежных организаций и работающих в них граждан СССР.

Во время совместной работы в Вашингтоне между Юрченко и резидентом Дмитрием Якушкиным установились дружеские отношения — логично, что по возвращении в Москву, став в 1982 г. начальником 1-го (американского) отдела, Якушкин убедил руководство ПГУ назначить Юрченко его заместителем. До недавнего времени Юрченко вместе с Якушкиным намечали и

реализовывали разведывательные операции на территории США и Канады. Ничего себе улов! Таких размеров «золотая рыбка» со времен полковника Пеньковского еще не попадала в американские сети!

В тот же день, поздно вечером, Хэттавэй получил еще одну телеграмму из Рима. Юрченко сообщил, что шестью месяцами ранее в Вене некий американец связался с сотрудниками местной резидентуры КГБ и передал им имена нескольких советских граждан, работавших на ЦРУ. Сам Юрченко никогда не встречался с этим добровольным информатором, но знал, что тот некоторое время работал в ЦРУ и неожиданно был уволен накануне командировки в Москву.

Никогда не терявший самообладания Хэттавэй, поняв, что речь идет об Эдварде Ли Говарде, выругался и со словами: «Этого ублюдка надо обезвредить, пока он не натворил новых бед!» — схватил телефонную трубку прямой связи с директором Управления Уильямом Кейси.

* * *

Получив сигнал в отношении Эдварда Ли Говарда лично от директора ЦРУ, Федеральное бюро расследований занялось поиском доказательной базы для его ареста. Одновременно за домом отступника было установлено негласное наблюдение, что, впрочем, не осталось незамеченным супругами Говард, даром что экс-цэрэушниками. Полтора месяца спустя, не имея никаких юридических оснований для задержания подозреваемого, как и не сумев добыть никаких других доказательств вины Говарда, кроме заявлений директора ЦРУ Уильяма Кэйси, фэбээровцы пошли напролом.

19 сентября 1985 г. три сотрудника ФБР прибыли в Санта-Фе, сняли номер в отеле «Хилтон», пригласили туда Говарда и в течение восьми часов допрашивали его в надежде расколоть и вырвать признание. Тщетно, ибо окончательно озлобившийся цэрэушник-расстрига все отрицал. Когда же Говард вообще отказался говорить без своего адвоката, фэбээровцы согласились отпустить его, пообещав не беспокоить до конца недели.

Поддержка фэбээровцам пришла с совершенно неожиданной стороны. 20 сентября ТАСС со ссылкой на информацию, поступившую из Комитета госбезопасности СССР, передало сообщение об аресте Адольфа Толкачева и его признании в шпионаже в пользу Соединенных Штатов Америки.

Эдвард понял, что крест ему готов, и дело за малым: осталось

принести гвозди и молоток. Не дожидаясь окрика «с вещами на выход», он сумел оторваться от фэбээровцев, следивших за домом, и вместе с женой на своем скоростном авто помчался за город. За рулем сидела Мэри. За одним из поворотов Говард катапультировался из машины, сделав это так, как если бы был в Москве и двигался на явку с агентом. Мэри тут же усадила рядом с собой куклу, заранее приготовленную мужем.

Трюк сработал, преследователей удалось обмануть, а Эдвард Ли Говард на маршрутном автобусе добрался до аэропорта в Альбукерке, где сел в самолет, вылетавший в город Таксон, затем отбыл в Сан-Луис, а через несколько часов оказался в советском консульстве в Нью-Йорке, откуда тайно, через Данию и Финляндию, был благополучно доставлен в Москву…

А вот как отзывался о Говарде экс-председатель КГБ СССР Владимир Крючков: «По прибытии в Советский Союз Говард был окружен заботой и вниманием, ему был предоставлен дом в поселке Жуковка под Москвой с круглосуточной охраной.»

Начался непростой период адаптации американца к условиям советской действительности.

Будучи широко образованным и интеллектуально развитым человеком, он, однако, имел крайне неустойчивую психику, был легко ранимым человеком. Настроение Говарда менялось по нескольку раз в день, причем без всякой видимой на то причины. От безудержного веселья через минуту могло не остаться и следа, и он впадал в депрессию, доброжелательность и общительность легко переходили в замкнутость и даже агрессивность. В часы нервных срывов с ним могли общаться только наиболее близкие ему сотрудники КГБ.

Но такие приступы проходили сравнительно быстро, и тогда перед нами вновь представал умный и тактичный собеседник, внимательно внемлющий советам и пожеланиям, дотошно выясняющий все интересующие его вопросы.

Говард обладал широкими познаниями в экономике, неплохо разбирался в финансовых вопросах, а бизнесменом он был вообще от Бога.

Имея значительные денежные накопления на счетах западных банков, Говард активно играл на разнице курсов валют и никогда не оставался в проигрыше.

С его согласия несколько высокопоставленных советских специалистов банковского дела ознакомились с его методикой и приемами извлечения дохода в игре на валютной бирже и дали им высокую оценку. Неоценимую помощь принесли и представленные им сведения о практике работы со вкладами частных лиц в банках некоторых западных стран.

Говарда с полным на то основанием можно назвать смелым человеком с развитым авантюрным началом и любовью к бесшабашному, не всегда оправданному риску.

Несмотря на привязанность к жене и сыну, Говард через некоторое время общения терял к ним интерес, испытывал потребность в смене обстановки, ему явно нужны были новые впечатления и собеседники. В погоне за сменой обстановки и насыщением новыми впечатлениями Говард объездил весь Советский Союз, побывав на Кавказе, в Сибири, на Украине и в Прибалтике.

Говард несколько раз под чужой фамилией выезжал в страны Западной Европы для решения своих личных вопросов. Всякий раз он с восхищением отмечал отменное качество изготовленных для него в Оперативно-техническом управлении КГБ СССР документов. Но полное удовлетворение и неподдельный восторг Говард испытал, когда с нашими документами посетил Соединенные Штаты.

Вернувшись в Жуковку, при встрече со своим куратором Говард, находясь в крайней степени возбуждения, буквально прокричал: «Я оттрахал ЦРУ, я «умыл» ФБР и надрал задницу его шефу Эдварду Гуверу!»

Говард, несомненно, был патриотом своей страны, любил родину, тяжело переживал разлуку с ней. Все время пребывания в Советском Союзе мысленно возвращался к той несправедливости, которая, по его мнению, была допущена по отношению к нему. И в самом деле, его лишили заработка, расторгли договор, поломав тем самым все материальные расчеты семьи. Годард скрупулезно подсчитал нанесенный ему ущерб и в разговорах не раз возвращался к этой теме.

Вообще Говард всегда крайне болезненно реагировал на малейшее ущемление своих прав. Поэтому за шесть лет пребывания в СССР он так и не смог свыкнуться со многими проявлениями сугубо советского уклада жизни, например, со сферой обслуживания, которая возмущала его с первого дня. Он частенько устраивал разборки в магазинах, наивно пытаясь втолковать продавцам такой понятный для него, американца, принцип торговли: «клиент всегда прав».

После распада СССР Говард лишился заботливого покровительства в лице Комитета, и нельзя исключать, что однажды его могут «сдать», как это уже сделали с рядом других секретных помощников советской разведки.

…Необходимо отметить, что опасения экс-председателя КГБ еще раньше настигли самого Эдварда Говарда. Накануне развала Советского Союза он стал добиваться разрешения на выезд в

какую-нибудь спокойную цивилизованную страну. Распоряжением Бакатина он был отправлен в Венгрию, но вскоре понял, что это решение было ошибочно либо по причине излишнего оптимизма, либо из-за сознательного намерения отправителя «сдать» его американской Фемиде. Что, кстати, вполне допустимо, если учесть, скольких иностранных источников, верой и правдой много лет работавших в пользу СССР, Бакатин, этот горе-председатель, лишил денежной подпитки и обрек на нищенское существование!

Как только Говард ступил на венгерскую землю, американская администрация предприняла серию попыток заполучить его живьем. Под непрекращающимся давлением США венгерские власти вынуждены были выслать Говарда из страны, и в декабре 1991 г. он оказался в Швеции. Но и там спокойной жизни у него не случилось. В августе 1992 г. он был арестован по подозрению в шпионаже. А в сентябре, когда дело было закрыто, шведские власти депортировали Говарда в Россию.

По возвращении на «малую родину», в Москву, Говард с семьей занял просторную квартиру на Чистых прудах, в Кривоколенном переулке, 4. Известно, что в 2001 г. он открыл свой бизнес, став владельцем небольшой страховой компании. Преуспевает…

«Золотая рыбка», сенсации приносящая

Юрченко на военно-транспортном самолете доставили из Италии в США. По распоряжению директора ЦРУ его поселили в живописнейшем уголке Вашингтона с прудом и сосновым лесом, в комфортабельном двухэтажном особняке с прислугой. Ему было обещано, что по завершении допросов он получит в личное пользование особняк с мебелью и челядью.

Более того, Управление назначило перебежчику пожизненное жалованье в размере 70 тысяч долларов в год, разумеется, при ежегодной индексации с учетом инфляции.

После того как были в известной мере урегулированы финансовые и бытовые вопросы, Юрченко был подвергнут детальному опросу. Но не так-то прост оказался беглец! С первой же минуты он, взяв инициативу в свои руки, ошарашил цэрэушников огромным объемом ценнейшей, поистине сенсационной информации.

Так, он рассказал о ходе расследования, проводимого руководством Первого главного управления, причин предательства Олега Гордиевского, назначенного и. о. резидента

в Лондоне.

Не теряя набранного ускорения, сообщил об использовании «шпионской пыли», которую сотрудники Седьмого управления КГБ (наружное наблюдение) наносили на одежду иностранных дипломатов и на обивку внутренних салонов их автомобилей (в основном — американцев) в Москве для выслеживания их контактов из числа советских граждан и иностранцев, находящихся в столице.

Поведал Юрченко и о подробностях похищения в Вене в декабре 1975 г. Н. Артамонова, бывшего офицера ВМФ СССР, бежавшего в США в 1959 г. и по заданию ЦРУ вступившего в контакт с КГБ весной 1966 г.

В дополнение к сведениям о Говарде Юрченко раскрыл американцам планы действий КГБ в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, например, объявления всеобщей воинской мобилизации. В частности, он рассказал о серии проведенных в 1985 г. совещаний в Карлсхорсте (Восточный Берлин), в штаб-квартире представительства КГБ в ГДР, где обсуждались такие меры, как оборудование на территории Западной Европы тайников и секретных складов с оружием. В бытность свою заместителем начальника 5-го отдела управления «К» ПГУ он отвечал за подготовку такого плана действий. Он был осведомлен, какая агентура привлекалась для реализации этого плана и какие разведывательные операции были для этого уже осуществлены.

Вконец устав от темпераментного беглеца, который подобно Санта-Клаусу вываливал из своего бездонного мешка откровения о проделках КГБ, цэрэушники объявили перерыв на обед.

Оставшись наедине с Хэттавэем, Юрченко признался, что основная причина его побега заключается в том, что он потерял голову от любви к некой Валентине, жене советского дипломата, работающего в посольстве СССР в Монреале.

Последние два года их роман развивался хотя и поступательно, но довольно неравномерно по причине их эпизодических встреч.

Однако Юрченко уверенно заявил, что между ним и Валентиной имеется договоренность, что как только он устроится в Соединенных Штатах, она тут же бросит мужа и станет его, Юрченко, женой. Для этого ему требуется лишь одно: съездить в Канаду и привезти оттуда возлюбленную.

Хэттавэй обещал, что руководство ЦРУ примет и это его условие.

* * *

Должность, которую совсем недавно занимал Юрченко, предполагала его осведомленность не только о деталях секретных операций КГБ в США, но и, что важнее, об американцах, работающих в пользу СССР. Поэтому первый вопрос, который был задан Юрченко после обеденного перерыва, звучал так: «Располагаете ли вы какими-либо данными, свидетельствующими о том, что в американском разведсообществе действуют советские «кроты»?

Юрченко отреагировал мгновенно, будто только и ждал этого вопроса. Рассказал, что в январе 1980 г., заступив на дежурство в вашингтонской резидентуре, принял какого-то американца с окладистой рыжей бородой по его просьбе. Незнакомец вошел в посольство через парадное крыльцо. А чтобы сбить с толку контрразведчиков из ФБР, перед выходом из здания сбрил свою весьма примечательную бороду, переоделся в типичную для советских служащих одежду и, смешавшись с группой посольских русских, уехал на их автобусе.

«Рыжебородый» якобы настаивал на том, что работает аналитиком в АНБ[3]. В подтверждение своих слов сообщил, что является автором той самой «Энциклопедии параметров связи», где в течение 1975–1979 гг. были собраны все советские радиосигналы, которые американские станции перехвата принимали, а затем передавали в штаб-квартиру АНБ для анализа и дешифровки.

После этого «рыжебородый» перешел к финансовой составной своего визита — попросил свести его с распорядителем кредитов резидентуры, то есть с ее руководителем или его заместителем.

В заключение Юрченко заверил сотрудников ЦРУ, что дальнейшая судьба «рыжебородого» ему неизвестна, и он никогда более с ним не общался, так как им занялся заместитель резидента Виктор Черкашин.

* * *

Завершив опрос Юрченко, цэрэушники вместе с контрразведчиками из ФБР составили список подозреваемых. Он состоял из 580 фамилий. Методом постепенного отсева удалось выйти на «рыжебородого доброжелателя». Им оказался сотрудник аналитического департамента АНБ Рональд Уильям Пелтон. Из архива ФБР были извлечены пленки с записями телефонных переговоров, и он был идентифицирован как лицо, звонившее в советское посольство 14 и 15 января 1980 г.

«Заходите к нам на огонек!»

В 1980-е гг. посольство СССР в Вашингтоне располагалось в доме № 1125 на 16-й улице, всего в трех кварталах от Белого дома. Окна посольского особняка всегда были наглухо задраены, потому что всем служащим было известно, что сотрудники ФБР денно и нощно ведут видеонаблюдение за входом, а уж то, что посольские телефоны «находятся у штатников на прослушке», вообще было аксиомой. Дежурные дипломаты, чтобы охладить пыл шутников или провокаторов из числа звонивших в посольство, употребляли стандартную фразу: «Не лучше ли вам зайти к нам на огонек!»

14 января 1980 г. исключением не стало. В 12.32 вашингтонского времени в приемной посольства раздался звонок:

— Я… э-э… из… словом, из федеральный правительство Соединенных Штатов, — по-русски произнес неизвестный.

— Не лучше ли вам, члену федерального правительства, зайти к нам на огонек? — поддержал, как ему казалось, шутку дежурный.

— О'кей, зайду завтра… э-э… вечер, когда будет темно…

Но уже в 9.00 следующего дня этот человек позвонил вновь и сказал, что прибудет через минуту. Сомнения в его психическом здоровье отпали, как только он, представившись сотрудником АНБ, потребовал встречи с офицером безопасности посольства.

* * *

Тогда установить визитера американским контрразведчикам не удалось. Позже директор ФБР Уильям Г. Уэбстер скажет: «Мои ребята видели его со спины, когда он входил в здание, но как он вышел — осталось загадкой. Не исключаю, что его вывезли в багажнике посольского автомобиля».

Магнитофонная запись телефонных звонков и рапорты американских контрразведчиков оказались на архивных полках, и дело застопорилось. Продолжение оно получит в августе 1985 г. с появлением в США Виталия Юрченко…

«КОКОН» на стратегическом кабеле

Одной из самых секретных разведывательных программ ЦРУ начала 1970-х было использование подводных лодок. Они систематически проникали в наши территориальные воды, едва

не вторгаясь в расположение военно-морских баз.

Венцом своих разведывательных изысков ЦРУ считало сверхсекретный проект *Ivy Bells* — съем информации с наших подводных кабельных линий связи. Американцы исходили из того, что мы, уверовав в неуязвимость подводных кабелей, либо будем применять простейшие шифры, либо вести переговоры открытым текстом. Для перехвата переговоров как раз и использовались субмарины. Минусом являлось то, что они были вынуждены длительное время неподвижно стоять над кабелем. Это, конечно, грозило расшифровкой операции. Необходимо было заменить субмарины на стационарный аппарат, способный работать в автономном режиме и «сливать» накопленную информацию приходящей на «явку» подводной лодке. В итоге такой аппарат по заданию ЦРУ был создан специалистами АНБ.

Аппарат, получивший название «КОКОН», воплотил в себе последние достижения радиоэлектронных технологий и был способен «снимать» информацию с кабеля без вскрытия его внешних оболочек. «КОКОН» представлял собой сигарообразный контейнер, в хвостовой части которого располагался миниатюрный атомный реактор, служивший источником питания для бортовой радиоэлектронной системы.

С конца 1960-х ЦРУ проявляло повышенный интерес к сведениям о результатах запусков наших межконтинентальных баллистических ракет, которые поражали цели на камчатском полигоне, а также к базе атомных подводных лодок, расположенной также на Камчатке.

В августе 1972 г., действуя со специально оборудованной подводной лодки, глубоководные водолазы ВМС США установили «КОКОН» на стратегическом кабеле, проложенном по дну Охотского моря от Камчатки до главного штаба Дальневосточного военного округа (ДВО).

В течение следующих восьми лет американские субмарины регулярно, с интервалом в 6–8 недель снимали записанные кассеты и устанавливали новые, на которых регистрировались все переговоры между базой на Камчатке и военно-морским начальством во Владивостоке.

Операция прикрытия

В последней декаде апреля 1980-го, когда закончились зимние штормы в Охотском море, американские разведывательные спутники зафиксировали скопление советских судов вблизи Камчатского полуострова. Сначала в ЦРУ этому не

придали значения, полагая, что речь идет о рыболовецких судах, ведущих промысел. Но когда американская подводная лодка через неделю прибыла в этот район для замены пленок, выяснилось, что «КОКОН» исчез!

* * *

1980 г. Командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Владимир Сидоров дал интервью, которое было опубликовано в газете «Дальневосточная правда» накануне празднования 35-й годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне. В частности, адмирал сказал: «21 апреля мне позвонили с Камчатки и сообщили, что из-за недисциплинированности рыбаков (район, где пролегает кабель, в навигационных картах обозначен как запретный для промысла рыбы) полуостров лишен связи с материком. Попросили прислать специалистов, чтобы найти обрыв и восстановить связь. Я дал указание перебросить в район предполагаемого обрыва кабельное судно «Тавда». Ночью оперативный дежурный главного штаба ДВО доложил мне, что во время поиска обрыва на кабеле был обнаружен и носовым краном «Тавды» поднят огромный контейнер неизвестного предназначения. Вес контейнера — 7 тонн, длина — 5 метров. Когда опускали контейнер на палубу, заметили, что его хвостовая часть почему-то нагревается. Как выяснилось позже, нагревание происходило из-за установленного там малогабаритного ядерного реактора.

Но самое удивительное было в другом. При более тщательном обследовании обнаружили, что на металлическом корпусе контейнера выбито Privacy of US Government («Собственность правительства США»). Заявляю со всей ответственностью: это — не халатность или беспечность. Это — наглость и уверенность американцев в собственной безнаказанности, а, может быть, даже вызов нам, славянам!

В Магаданскую гавань судно по погодным условиям зайти не могло, поэтому контейнер доставили на камчатский военный аэродром. Там его освидетельствовали эксперты из КГБ и специалисты флота. Все пришли к выводу, что он взрывоопасен. Кто-то предложил, от греха подальше, вывезти контейнер за пределы аэродрома и взорвать. Однако после дополнительных консультаций с Центром решили не взрывать его, а отправить самолетом в Москву. Так и поступили. А контейнер на время транспортировки обложили свинцовыми пластинами, чтобы воспрепятствовать распространению радиации…»

…Через три дня публикация в «Дальневосточной правде» стала предметом обсуждения на совещании руководства Центрального разведывательного управления. Приглашенный на совещание глава АНБ вице-адмирал Бобби Рэй Инмэн категорически отрицал случайность как причину обнаружения «КОКОНА», заявил: «Русские точно знали, где и что искать. Обстоятельства обнаружения «КОКОНА» рыбаками, как и интервью адмирала — суть акты одного спектакля, имя которому операция прикрытия. С ее помощью КГБ шифрует истинный источник информации!»

«Рыжебородый доброжелатель»

В октябре 1979 г. Пелтон не прошел плановую аттестацию, так как рутинный тест на полиграфе показал, что он соврал, отвечая на вопрос об употреблении наркотиков. Дело, возможно, и замяли бы, — как-никак он проработал в Агентстве 14 лет, — если бы не его натянутые отношения с непосредственным начальством. Его понизили в должности и лишили допуска к секретной информации. В результате его месячное жалование сократилось вдвое. К Рождеству у него скопилось столько долгов, что он вынужден был объявить себя банкротом. Спустя три недели Пелтон переступил порог советского посольства в Вашингтоне и выразил готовность поделиться известной ему совершенно секретной информацией. За оказание необычной услуги Рональд просил у заместителя резидента Черкашина каких-то $35 тысяч. Сделка состоялась.

«Доброжелатель» стал обладателем требуемой суммы, а КГБ СССР — информации особой важности.

Кроме прочих сведений, Рональд Пелтон представил данные о самой главной на то время тайне АНБ: как, реализуя проект *Ivy Belk,* его коллегам удалось подключиться к кабелю связи, пролегающему в Охотском море между Камчаткой и Владивостоком. Более того, он назвал координаты района подключения.

Полковник Черкашин, чтобы получить дополнительную информацию по этому вопросу, сделал вид, что сомневается в достоверности информации: «Верится с трудом, что такое вообще возможно. Ведь речь идет о колоссально дорогостоящей и очень рискованной операции ВМС США».

Реплика возымела действие.

Пелтон, пожав плечами, добавил, что к моменту его визита в посольство проект *Ivy Belk* перестал быть проектом,

превратившись в полновесную секретную операцию, регулярно проводимую ЦРУ в советских территориальных водах, там, где есть секретные кабели.

…Операция *Ivy Bells* была серьезным разведывательным успехом США, на осуществление которой американцы израсходовали сотни миллионов долларов, и Белый дом в будущем планировал ее значительно расширить. Устранение этой угрозы безопасности СССР обошлась нам в $35 тысяч, выплаченных Пелтону за предоставленные сведения…

* * *

После того как ФБР установило Пелтона как лицо, посетившее 15 января 1980 г. советское посольство, он был взят в активную разработку, и 24 октября 1985 г. сотрудник ФБР Дейв Фолкнер допросил его в номере отеля «Аннополис-Хилтон», продемонстрировав в ходе допроса фотографию Геннадия Василенко, его оператора из вашингтонской резидентуры КГБ. Под тяжестью улик Пелтон признался, что в январе 1980 г. инициативно предложил свои услуги КГБ и давал подробную информацию о деятельности и элементах безопасности АНБ в 1970-е гг.

В частности, им был передан совершенно секретный документ объемом в 60 машинописных страниц, в котором рассматривались средства связи, считавшиеся в АНБ наиболее эффективными. Кроме того, Пелтон выдал пять систем сбора данных электронной разведки, самой ценной среди которых была операция *Ivy Bells*.

* * *

Сотрудничество Пелтона с КГБ СССР было весьма плодотворным и взаимовыгодным. В 1980—1985 гг. он предоставил в распоряжение Комитета ценнейшие разведывательные сведения, накопленные им за полтора десятка лет работы в Агентстве национальной безопасности.

18 июня 1986 г. значение переданной Рональдом Уильямом Пелтоном информации Комитету госбезопасности сначала оценило жюри присяжных, признав его виновным в шпионаже в пользу СССР, а затем и судья Хью Синклер, приговоривший «рыжебородого доброжелателя» к трем пожизненным срокам.

…Справедливости ради необходимо добавить, что Рональд

Уильям Пелтон, как и Эдвард Ли Говард, имел все шансы оказаться в Москве в соответствии с планом по защите добровольных помощников КГБ. Не произошло это исключительно по вине самого Пелтона. Будучи предупрежден сотрудниками вашингтонской резидентуры КГБ о возможном аресте, он проявил беспечность и в назначенное время не прибыл в обусловленное место.

Бегство из «американского рая»

В Вашингтон из Монреаля Юрченко вернулся в удрученном состоянии и вскоре впал в глубокую депрессию, из которой его не удалось вывести, даже устроив ужин с директором ЦРУ Уильямом Кейси, что само по себе являлось признанием заслуг перебежчика.

В руководстве Управления стали размышлять, что бы такое предпринять для поднятия духа Юрченко. В итоге решили вручить ему чек на миллион долларов (!) и организовать встречу с президентом США Рональдом Рейганом.

Единовременное пособие в размере миллиона долларов, подсчитали цэрэушники, обойдется дешевле, чем пожизненное содержание Юрченко.

Кроме того, сам факт вручения миллиона долларов перебежчику может иметь далеко идущие конъюнктурные и кадровые последствия — об этом обязательно станет известно потенциальным перебежчикам из числа нынешних сотрудников русских спецслужб. Да узнай они об этом — от желающих получить свой миллион отбоя не будет! Они в очереди стоять будут, и это попросту обескровит этого монстра под названием Комитет госбезопасности!..

…В субботу 2 ноября 1985 г. Виталий Юрченко и молодой сотрудник ЦРУ Том Хеннен, сопровождавший беглеца для предотвращения возможных актов возмездия со стороны КГБ, отправились в Джорджтаун, фешенебельный район Вашингтона, чтобы пообедать в ресторане Au Pied du Cochon, славившемся своей изысканной французской кухней. Кстати, сегодня перед входом в ресторан висит мемориальная доска с текстом: *«Здесь 2.11.1985 г. состоялась последняя вечеря Виталия Юрченко».*

Покончив с десертом раньше своего телохранителя, Юрченко не спеша вытер губы крахмальной салфеткой, рассеянно оглядел полупустой зал и тихо сказал:

— Меня что-то подташнивает… Вы не будете возражать, если я выйду из зала и подожду вас на свежем воздухе?

— Вы вольны в выборе места, которое вернет вас в нормальное состояние, — ответил Хеннен.

Через несколько минут телохранитель, почуяв неладное, бросился на поиски Юрченко, но вскоре понял, что опоздал.

Не знал он другого — да и откуда, если и все руководство Лэнгли будет в оторопи, узнав, что Юрченко, завершив свою миссию перебежчика, теперь должен сменить амплуа и выступить разоблачителем происков флагмана разведсообщества США — Центрального разведывательного управления!

Хорошая мина при плохой игре

1 августа 1985 г. в вашингтонскую резидентуру на имя полковника Виктора Ивановича Черкашина, заместителя резидента по контрразведке, из Центра за подписью Крючкова поступила шифртелеграмма. В ней сообщалось, что заместитель начальника американского отдела Первого главка полковник Юрченко, находясь в служебной командировке в Риме, исчез, и следует полагать, что он дезертировал. Остальная часть телеграммы была посвящена тому, как следует оградить нашего «суперкрота» в системе ЦРУ Олдрича Эймса от возможной опасности.

Несмотря на то, что Юрченко участвовал в разработке и руководстве секретными операциями КГБ, мишенью которых являлись США и Канада, в телеграмме Крючкова говорилось, что перебежчик не входил в жестко контролируемый круг офицеров, занимавшихся Эймсом, — лишь семь высших офицеров Комитета были осведомлены о его существовании. Однако нельзя было исключать вероятность, что в результате преступной болтовни до Юрченко докатились какие-то слухи.

«Крючков в своей телеграмме, — вспоминал Черкашин, — дал мне указание. Во-первых, я должен был сообщить Эймсу, что КГБ в связи со осложнившейся ситуацией готов организовать его побег из Соединенных Штатов, если он захочет».

Словом, Комитет готов был повторить в Вашингтоне то, что американцы провернули в Москве с Шеймовым, а англичане с Гордиевским.

Во-вторых, Крючков потребовал выяснить, надо ли в целях прикрытия Эймса направлять в США спецподразделение КГБ «Альфа» для физического уничтожения Юрченко. В том, что такая операция будет проведена без сучка и задоринки, несмотря на усиленную охрану перебежчика мордоворотами ЦРУ и ФБР, сомнений у нашего руководства не вызывало. Было известно, что

«Альфа» справится с любым заданием, сколь невыполнимым оно ни казалось на первый взгляд…

Для выполнения указания Черкашину предписывалось вызвать Эймса на экстренную встречу, однако тот был занят допросами перебежчика (Юрченко) и смог прибыть на явку лишь спустя четыре дня. К тому времени Эймс убедился, что ему ничего не угрожает, поэтому предложения Крючкова с ним не обсуждались.

В то время полковнику Черкашину казалось, что бегство Юрченко нанесло сильнейший удар по престижу Крючкова, загнав его, без преувеличения, в угол и поставив вопрос о досрочной отставке.

Как выяснится позже, сложившаяся ситуация не только была заранее отрежиссирована самим Крючковым, но и полностью им контролировалась…

Генеральная репетиция Кремлевского спектакля

Несколькими неделями позже Юрченко инициативно позвонил в резидентуру.

«Он спросил меня, — вспоминал Черкашин, — чего ему следует ожидать, если он вернется в Москву? *Я* связался с Крючковым, и тот велел обещать перебежчику, все что угодно, лишь бы заполучить его обратно».

Юрченко не ограничился одним звонком. В ходе последующего заочного общения с Черкашиным он отшлифовывал легенду своего похищения в Риме цэрэушниками.

Виктор Иванович сделал вид, что принял предложенные изменником правила игры, заверив его, что руководство Комитета осознает все коварство противника и что по возвращении на Родину его встретят как героя, уж не говоря о том, что все будет прощено.

Согласно плану, в разработке которого самое деятельное участие принимал Крючков, в ходе пресс-конференции для иностранных журналистов Юрченко должен был выступить в роли разоблачителя козней американских спецслужб.

Первую публичную «исповедь блудного сына» предполагалось провести в конференц-зале посольства.

«Как только Юрченко, — вспоминал Черкашин, — появился в посольстве, я и резидент Андросов расцеловали его, сжав в своих объятиях. Мы встретили его с геройскими почестями.

Крючков лично одобрил подобный спектакль, отдав, впрочем, еще одно указание: организовать «самоубийство» Юрченко в

случае, если он решится на повторный побег.

Обнимая перебежчика, я сказал ему: Виталий Сергеевич, мы вынуждены приставить к вам охрану, ибо вы понимаете, что ФБР способно на все — даже вломиться на территорию посольства, — лишь бы вы вновь оказались в их руках. А вообще, начинайте готовиться к пресс-конференции…

Юрченко поблагодарил меня за заботу, хотя, и я это видел, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что происходит!»

4 ноября 1985 г. в советском посольстве в Вашингтоне в преддверии расширенной пресс-конференции для иностранных журналистов царило необыкновенное оживление. Еще бы! Сотрудник КГБ, тремя месяцами ранее переметнувшийся к американцам, намерен вернуться в родные пенаты!

Юрченко сообщил собравшимся, что ЦРУ похитило его в Риме и три месяца накачивало наркотиками, чтобы сломить волю и добиться выдачи государственных тайн.

Как бы между прочим, походя, оратор сначала выставил на всеобщее посмешище директора ЦРУ Уильяма Кейси, заявив, что тот вечно пьян и никогда не застегивает ширинку.

Затем в истеричном тоне, переключаясь с английского на русский и обратно, он поименно, одного за другим, обвинил всех своих «тюремщиков» — начальника отдела СССР и стран Восточной Европы ЦРУ Гербера, работавших с ним следователей и других высокопоставленных чиновников из разведсообщества США, имевших отношение к его делу, за исключением одного — Олдрича Эймса.

Это был явный промах, на который руководители ЦРУ, следившие за телетрансляцией, хотя и обратили внимание, но расценили по-своему. Им было известно, какое деятельное участие в судьбе перебежчика принимал их коллега, поэтому тот факт, что Юрченко не упомянул его имени в связи со скандалом, было воспринято ими как выражение общечеловеческой благодарности.

Вторую ошибку возвращенец допустил, когда сообщил присутствовавшим, что в ЦРУ его хотели представить американской общественности как изменника Родины, для этого, в частности, вынудили его подписать контракт, по которому он якобы получил миллион долларов.

Гарднер Гас Хэттавэй, не сводивший глаз с экрана, услышав эту реплику, не удержался и удовлетворенно потер руки — такая реклама Центральному разведывательному управлению дорогого стоит — потенциальные перебежчики толпой повалят из СССР!

Для вашингтонской резидентуры оставалась еще одна, и довольно серьезная, проблема. В соответствии с существующими

правилами Госдепартамент США настоял, чтобы Юрченко наедине встретился с официальным американским представителем и лично подтвердил свою историю. Американцы заявили, что у них нет серьезных причин задерживать Юрченко в Америке, но они хотят убедиться, что он возвращается в Москву добровольно.

В резидентуре хотели, чтобы эта встреча прошла в посольстве, но чиновники Госдепартамента настояли на своей штаб-квартире. Поэтому на следующий день после наделавшей много шума пресс-конференции Юрченко в сопровождении дипломатического сотрудника посольства прибыл в Фогги Ботом — район Центрального Вашингтона, где находится Государственный департамент Соединенных Штатов. Там он вновь подтвердил свою историю и занятую в связи с ней позицию.

Вообще-то в Лэнгли были в шоке от твердого решения Юрченко вернуться в Советский Союз. Прикормленные ЦРУ издания развернули широкую кампанию в прессе с целью полностью скомпрометировать «дважды беглого» в глазах Москвы. В публикациях смаковались его панибратские отношения с главами ЦРУ и ФБР, подробно живописались все выданные им секреты.

Генерал Крючков «снимает пенки»

Операция с бегством и возвращением Юрченко значительно укрепила позиции Крючкова в глазах Политбюро. Он сумел весьма ловко отчитаться о ее результатах и представил членам партийного ареопага перебежчика как исполнителя его, Крючкова, гениального плана по дезинформации противника (еще одна *«красная селедка»)*.

Главный разведчик СССР по должности, он же — главный крючкотвор Первого главного управления генерал Крючков пошел еще дальше.

По его настоянию и ходатайству в августе 1986 г. с десяток генералов были удостоены высшей награды СССР — ордена Ленина, еще десятки офицеров внешней разведки получили другие знаки отличия. Причем сделано это было не в приватной обстановке, как того требовали законы ведомственных традиций, но с исключительной помпой в условиях ошеломляющей гласности.

Награжден был и Виталий Юрченко. Высшая ведомственная награда — знак «Почетный сотрудник госбезопасности» украсил его грудь.

Крючков устроил грандиозное представление, чтобы все в Кремле думали, что Первый главк отлично сработал под его началом.

Таким образом, он, нацелившись на кресло председателя КГБ СССР (которое вскоре после возвращения Юрченко занял), активно зарабатывал «очки» в глазах тогдашнего генсека Горбачева.

* * *

Спустя девять лет история с Юрченко получила неожиданное продолжение и заставила рассмотреть все события и связанного с ними главного фигуранта под совершенно иным углом зрения.

21 февраля 1994 г. около своего дома в Арлингтоне (штат Вирджиния) был арестован Олдрич Эймс, возглавлявший отдел контрразведки в управлении СССР и стран Восточного блока ЦРУ. Ему было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Советского Союза, а затем России. В ходе расследования было установлено, что Эймс пошел на контакт с КГБ в апреле 1985 г.

По официальной версии Лэнгли, Эймс передал КГБ сведения более чем на дюжину «кротов» — сотрудников советских спецслужб[4], «таскавших из огня каштаны» для ЦРУ — и более 20 иностранных агентов в Москве, работавших в пользу США. Кроме того, он сообщил более чем о 50 операциях американского разведсообщества против СССР, получив в качестве гонорара 4,6 миллиона долларов.

Чтобы отвести возможные подозрения от Эймса, в 1985 г. была разработана операция прикрытия (другими словами, в американские воды была запущена *«красная селедка»)*, главную роль в которой предстояло сыграть Виталию Юрченко. Он исполнил свою партию блестяще!

Действительно, причиной всех своих агентурных потерь в Москве ЦРУ считало Эдварда Ли Говарда, а провал операции *Ivy Bells* списало на Рональда Пелтона. Эймс, таким образом, был выведен из-под удара. Но эффект от продвинутой американцам «дезы» оказался смазанным, и вот почему.

К началу добровольного сотрудничества Эймса с советской разведкой прежние, андроповские запасники были основательно истощены, а руководство КГБ имело в своем послужном балансе отрицательное сальдо. Это и массовый исход сотрудников Комитета в противоборствующий лагерь, и неспособность создать систему контрразведывательных мер противодействия устремлениям противника, и отсутствие новой концепции

государственной безопасности, которая соответствовала бы переменам в политической и оперативной обстановке.

Все это заставляло руководство Комитета, и в первую очередь председателя Владимира Крючкова, зарабатывать «очки» любой ценой. Поэтому он с таким рвением стал реализовывать информацию, представленную Эймсом. Более дюжины офицеров советских спецслужб, на которых Эймс дал наводку, что они шпионят в пользу США, были арестованы и спешно расстреляны.

Трудно представить, чтобы генералу Крючкову не приходило в голову, что он подставляет Эймса. Но прежде всего он пекся о себе и собственной карьере. Если бы он заботился об интересах государства, он приказал бы, выражаясь языком профессионалов, «держать их на длинной веревке», то есть заставил бы разоблаченных Эймсом «кротов» работать против США в качестве тройных агентов. В этом случае ЦРУ никогда бы не узнало, что пострадало от внезапной измены…

Глава пятая
ОПЕРАЦИЯ «ХОРОВОД»

Агент ЦРУ найден. Что дальше?

Получив наводку от Говарда, наши контрразведчики осторожно выяснили, к разработке каких научных программ и проектов конструктор Толкачев имеет непосредственный доступ, а к каким проявляет повышенный интерес, не обусловленный служебной необходимостью, заказывая спецлитературу в секретной библиотеке Всесоюзного НИИ радиопромышленности «Фазотрон».

Выяснилось, что его интерес к сведениям, составляющим военную и государственную тайны, беспределен, а доступ к ним неограниченный. Было от чего схватиться за голову — за последние пять лет через руки Толкачева прошло множество документов под грифом «совершенно секретно» и «особой важности».

Значит, решили эксперты, оригинальные идеи, с которыми успел ознакомиться шпион, уже нашли достойную оценку за океаном и теперь усовершенствуются в тамошних секретных лабораториях или же, будучи материализованы, уже работают на нашего противника.

Черт подери, все, что нами достигнуто в результате неимоверных усилий и лишений, за бесценок скуплено американцами, а своими успехами в военной радиоэлектронике они обязаны нам и своему агенту!

В воображении контрразведчиков возникали картины дорогого ресторана, где за столами с крахмальными скатертями сидят богатые посетители-американцы, а на кухне, не покладая рук, только и успевая смахивать пот со лба, трудятся русские повара-ученые. Между кухней и залом снует половой по кличке «Сфиэ», подтаскивая клиентам на блюдечке с голубой каемочкой деликатесы согласно сделанному заказу…

Вскоре панические настроения сменились трезвым расчетом. Центр приказал: «Носа не вешать, разработать план мероприятий, нейтрализующих или сводящих до минимума нанесенный урон!»

И умные головы Комитета вспомнили об операции *«Хоровод»*

Операция «ХОРОВОД»

Впервые *«красная селедка»* — операция по введению в заблуждение главного военного противника под кодовым названием *«Хоровод»* — была успешно запущена в мутные воды американских спецслужб в 1955 г. Да так удачно, что в итоге позволила нам опередить Соединенные Штаты в области ракетостроения и освоения космоса на целое десятилетие.

…Во время авиационного парада, проводившегося в третье воскресенье августа 1955 г., в присутствии иностранных дипломатов и военных атташе стран, с которыми мы находились в состоянии холодной войны, над Красной площадью в течение 15–20 минут на сверхнизкой высоте, звено за звеном, пролетала армада тяжелых бомбардировщиков нового типа. Этих самолетов оказалось гораздо больше, чем могли предполагать иностранные разведчики, действовавшие в Москве под дипломатическим прикрытием. В результате у них сложилось впечатление, что с конвейеров наших авиазаводов самолеты такого сверхмощного типа сходят десятками и сотнями, как сосиски на мясокомбинате.

В действительности одна и та же эскадрилья этих самолетов-монстров летала по кругу, через каждые три минуты вновь и вновь появляясь над головами ошеломленных иностранцев.

Цель этого отвлекающего маневра заключалась в том, чтобы создать видимость, будто СССР намерен увеличить мощь своих наступательных сил, бросив весь ресурс своего военно-промышленного потенциала на производство сверхтяжелых бомбардировщиков, то есть упор в вероятной войне мы собираемся сделать на использовании авиации. В действительности же Советский Союз ускоренными темпами строил межконтинентальные баллистические ракеты.

Обман удался.

В итоге Соединенные Штаты, несмотря на то что в их распоряжении находилась вывезенная из послевоенной Германии технология производства ракет и ее создатель Вернер фон Браун, перестали уделять должное внимание развитию ракетостроения, а занялись разработкой новых типов самолетов, массированным выпуском и усовершенствованием средств ПВО — русские же в вероятной войне намерены наносить авиационные удары сверхмощными бомбардировщиками!

Успешно проведенная в 1955 г. операция *«Хоровод»* имела серьезные и далеко идущие последствия. Настолько серьезные, что запуск Советским Союзом в октябре 1957 г. первого искусственного спутника Земли привел администрацию США и американские спецслужбы в состояние шока. Они не могли поверить, что мы способны так быстро прийти в себя после войны и уж тем более в такой короткий срок создать столь мощную

ракету-носитель. США бросились вдогонку, но время-то упущено!

Триумф операции по дезинформации главного противника стал особенно очевиден по прошествии шести лет, когда 12 апреля 1961 г. в космосе первым оказался русский, а не американец!

Через неделю Аллен Даллес, глава Центрального разведывательного управления, был отправлен в отставку. И хотя формальным поводом для его устранения считалась неудачная попытка свергнуть коммунистический режим на Кубе, в американской администрации все хорошо понимали, что президент Кеннеди не может простить ему просчетов шестилетней давности и отставания в разработке космических систем…

Операция *«Хоровод»,* проведенная Главным разведывательным управлением (военная разведка) Генштаба ВС СССР совместно с Комитетом госбезопасности, стала классикой контршпионажа и искусства дезинформации.

Игра по-крупному

Играть, так уж играть по-крупному, решили в КГБ СССР. Нанести удары нужно было одновременно в нескольких направлениях.

Прежде всего надо было превратить Толкачева в канал продвижения противнику внешне заманчивых, но по сути дезориентирующих или тупиковых идей. Таким образом мы бы сумели замкнуть исследования американцев на «негодный объект», заставив их распылить материальные ресурсы и научный потенциал.

Планируя использовать «Сфиэ» в своих целях, КГБ исходил из того, что тот за время многолетнего и безупречного обслуживания своих заокеанских хозяев заслужил их безусловное доверие и настолько приучил их к употреблению изысканных яств — сверхценных сведений, — что они, не задумываясь, проглотят и другие, но уже приготовленные на комитетских кухнях. Почему бы и нет? Ведь глотают же больные вместо наркотических таблеток плацебо — пилюли-пустышки. Главное — чтобы пациент доверял эскулапу!

И началось.

Толкачев, оставаясь «официантом», стал еще и мальчиком, подающим мячи на поле, где шел решающий матч за первенство между двумя командами: Комитетом госбезопасности СССР — с одной стороны, ЦРУ и военно-промышленным комплексом США

— с другой.

* * *

Толкачев снабдил американцев подробной информацией об электронных системах управления, используемых нашими истребителями МиГ, а также о контрмерах, применяемых ими для того, чтобы ускользать от американских самолетов и радаров.

До разоблачения «Сфиэ» ЦРУ успело аккумулировать на его счетах в американских банках более пяти миллионов долларов — ничтожная сумма по сравнению с той, что могла быть затрачена США на соответствующие исследования в области электроники. Таким образом, шпион сэкономил американским налогоплательщикам сотни миллиардов долларов!

* * *

Американцы поделились секретами, полученными от «Сфиэ», со своим основным союзником на Ближнем Востоке — Израилем, — и вскоре арабы, чьи военно-воздушные силы были на 99 процентов укомплектованы советскими военными самолетами, обнаружили их уязвимость и досягаемость для средств израильской ПВО.

Измена прибыльна. Никогда еще за всю историю Соединенным Штатам не удавалось заполучить более рентабельного агента. Прибыль, полученная США от совместного предприятия «ЦРУ — «Сфиэ», составила несколько *сот миллиардов* долларов.

Измена убыточна. Многомиллиардные контракты на поставку советской авиатехники и средств ПВО арабским странам были сорваны…

* * *

В ходе изучения абонентских карточек секретной библиотеки НИИ «Фазотрон» контрразведчики установили, что начиная с 1981 г. Толкачев неизменно проявлял повышенный интерес к технологии создания нашими специалистами бомбардировщика-невидимки. Именно в это время американцы начали активно разрабатывать свой вариант летательного аппарата, который невозможно засечь радарами. Американский «Стелс» был полным

аналогом нашего «Невидимки». Мы значительно опережали США в этом направлении, поэтому услуги «Сфиэ», подрядного поставщика сверхсекретных сведений, относящихся к нашему проекту, явились бы для противника подарком судьбы.

Хотите секретов самолета-невидимки? Их есть у нас!

В течение десяти месяцев (с октября 1984 г. по июнь 1985 г.) Толкачев исправно снабжал своих заокеанских заказчиков сведениями, состряпанными по рецепту КГБ на специальных «кухнях» — в секретных лабораториях филиалов Всесоюзного НИИ «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР. На американских ученых и техников, работавших над проектом «Стелс», вдруг обрушился шквал информации.

«Водокачка», «артезианская скважина» — вот лишь некоторые из кличек, которыми наградили в штаб-квартире ЦРУ Толкачева, имея в виду обилие получаемых от него материалов, относящихся к новому летательному аппарату. Американским экспертам потребовался не один год, чтобы сделать заключение, что калейдоскоп данных, полученных ЦРУ от своего агента, — всего лишь искусительные миражи, уводящие от магистрального пути…

В итоге нам с помощью «Сфиэ» удалось помешать завершению работ над «Стелсом» в намеченные американцами сроки и вынудить военно-промышленный комплекс США пойти на неоправданно высокие затраты.

Другими словами, мы «выставили» противника из денег — да раскошелится похититель невесты!

Но самое главное состояло в том, что благодаря усилиям Комитета американский вариант нашего «Невидимки» представлял для нас угрозу не большую, чем дирижабль. В этом американские генералы смогли убедиться уже во время первых полетных испытаний «Стелса».

Обескураживающее открытие: «Стелс» являлся невидимкой только для американской национальной системы ПВО!

Да это же самолет-самоубийца, а не чудо XXI века — русские собьют его при первом же вылете! Это же груда металлолома по баснословной цене: в первоначальном варианте «Стелс» весил 180 тонн, на его создание было затрачено около $ 30 млрд (!). И это — только на единственный экземпляр!

Как случилось, что «Стелс» оказался мертворожденным дитятей?! Объяснения просты. Не в силах заставить американцев вообще отказаться от идеи создания летательного аппарата, который невидим для радаров, мы постарались, чтобы он был заведомо уязвим для наших средств ПВО. Для этого Толкачеву в секретной библиотеке подсовывалась специально разработанная

техническая документация. Остальное доделывал «человеческий фактор».

Доложенческий пыл — он интернационален и не имеет идеологической окраски. Стараясь как можно быстрее отчитаться о завершении строительства чудо-самолета, инженеры корпорации «Нортроп» — главного подрядчика-изготовителя — зачастую бездумно, механически копировали ту самую технологию, которую им поставлял «Сфиэ», даже не подозревая, что своими же руками загоняют в боевые ангары ВВС Соединенных Штатов троянского коня.

На корректировку данных, попавших в лаборатории корпорации «Нортроп» стараниями Комитета госбезопасности, американцы затратили в общей сложности около восьми лет. Впервые «Стелс» был применен лишь в 1991 г. в ходе боевых действий против Ирака, во время проведения операции «Буря в пустыне».

…Американцы любят шутить, что джентльмен — это человек, который, увидев, как рядом стоящая женщина уронила чашку, толкает на пол и ее, чтобы ей легче было поднять осколки. Похоже, в случае с созданием американцами самолета-невидимки КГБ по отношению к ЦРУ поступил в духе этой шутки — по-джентльменски.

* * *

Как часто новое — хорошо забытое старое? Опыт 1955 г. был блестяще использован Комитетом по прошествии тридцати лет, в 1985 г., когда Виталий Юрченко предложил свои услуги руководству Центрального разведывательного управления.

Он обрушил на ЦРУ вал ценнейшей информации, которая не оставляла сомнений в его искренности — сообщил о предательстве Говарда (правда, исказил дату его появления в венской резидентуре КГБ, чтобы американцы не догадались, что Толкачев почти год работал под нашим контролем), а также «сдал» фэбээровцам изменника Пелтона!

Юрченко играл беспроигрышно, так как ему было известно, что и Говард, и Пелтон находятся под опекой КГБ, и их, случись что, ожидает теплое убежище в СССР.

Он подтвердил догадки ЦРУ об использовании «шпионской пыли», которой обрабатывалась одежда американских дипломатов в Москве для выслеживания их контактов из числа советских граждан.

Кроме того, Юрченко подробно рассказал цэрэушникам о

секретной лаборатории КГБ по изготовлению смертельных ядов. Еще один секрет Полишинеля…

Никогда КГБ не заходил так далеко, сознательно выкладывая противнику свои секреты. Руководство ЦРУ не могло не поверить Юрченко, ибо никогда не получало столько достоверной информации сразу и из одного источника.

Зачем нужна была такая раскормленная «красная селедка»?

Когда-то бывший начальник контрразведки в Лэнгли Джеймс Джезус Энглтон, страдавший манией преследования, внушил своему руководству, что ЦРУ нашпиговано «кротами» КГБ. В каждом новом перебежчике Энглтон подозревал подставу советских спецслужб.

В этом смысле показателен казус с Юрием Носенко, сотрудником КГБ, который в 1964 г. попросил политического убежища в США и в качестве аванса выдал нашу систему прослушивания американского посольства в Москве. Однако по настоянию Энглтона, заподозрившего в Носенко «подставу» КГБ, изменник подвергся изнурительным допросам и тестированию на полиграфе. И не где-нибудь, а в заключении, где в общей сложности провел *четыре* года!

С тех пор лексикон отечественных спецслужб пополнился выражением «носенский казус», или «носенский синдром», что означает перебежчик- горемыка, предатель-неудачник.

…Именно для того, чтобы исключить повторение «носенского казуса» в случае с Виталием Юрченко, Комитету и пришлось пойти на беспрецедентное оголение своих секретов. Этот спланированный стриптиз преследовал далеко идущие цели, так как на карту были поставлены приоритеты чрезвычайной важности, которые по своей ценности многократно превосходили и Говарда, и Пелтона, и «шпионскую пыль», и лаборатории по изготовлению ядов, вместе взятые. И дело не только в зашифровке нашего скрытого «участия» в создании американского самолета-невидимки «Стелс».

«Красная селедка», материализованная в облике Виталия Юрченко, основной своей целью имела камуфляж нашего суперагента Олдрича Эймса. Достаточно сказать, что к моменту появления Юрченко в штаб-квартире ЦРУ Эймс представил в КГБ сведения на десяток старших офицеров КГБ и ГРУ и даже на одного генерала (дальше будет больше!), работавших в пользу США. Такой ценный источник стоил того, чтобы печься о его сохранности, не считаясь с затратами. Ведь ущерб от передачи сведений, наносящих ущерб безопасности СССР, выданными Эймсом «кротами», вообще не поддается какой-либо оценке, поскольку невозможно сказать, сколько стоит сама безопасность!

А с помощью Олдрича Эймса нам удалось перекрыть опасные каналы утечки жизненно важной для безопасности СССР и Российской Федерации информации.

…Свидетельствует заместитель резидента КГБ в Вашингтоне Виктор Черкашин: «После всего случившегося ЦРУ так и осталось в неведении, был ли в действительности Юрченко самой крупной добычей, которую Управлению удалось поймать в сети за десятилетия, прошедшие со времени предательства полковника Пеньковского, или беглец являлся агентом-двойником русских? ЦРУ потратит годы, тщательно анализируя все поднятые по делу Юрченко материалы, пытаясь выяснить, насколько и в каких объемах можно доверять полученной от него информации, а также установить, был ли он целенаправленно внедрен советской разведкой, чтобы во время неизбежных допросов собрать сведения о деятельности ЦРУ и ФБР. Было выдвинуто много версий, почему вообще советская разведка предприняла эту операцию, и не являлось ли раскрытие Юрченко некоторых сведений оперативной необходимостью для сокрытия более важной информации.

Трудно сказать, как много американцев поверило в историю похищения Юрченко, но его возвращение домой подмочило репутацию ЦРУ. В американском обществе бытовало мнение: либо Управление стало жертвой операции лжи, блестяще проведенной офицером советской разведки, либо оно бездарно позволило ускользнуть одному из самых важных перебежчиков. Президент США Рейган так охарактеризовал замешательство Америки по делу Юрченко: «Я считаю, что любой американец может быть озадачен действиями человека, который мог бы жить в Соединенных Штатах, но почему-то вернулся в Россию».

«Как бы там ни было, — подводит итог Черкашин, — самый важный результат проведенной операции с Юрченко в главной роли состоял в том, что бесконечно долгое выяснение ЦРУ и ФБР причин случившегося с ними казуса, а также суматоха, поднятая возвращением «беглеца» в Союз, отвлекли их на продолжительное время от разоблачения Эймса и Хансена…»

* * *

Уже находясь в Москве, Юрченко и Говард через западных журналистов поддерживали на плаву «красную селедку», продолжая вводить в заблуждение секретные службы главного противника относительно нашей осведомленности о проблемах американцев при создании «Стелс».

Аишь спустя пять лет после первоначальной неудачи со «Стелс» американские кардиналы от контрразведки, подвергнув тщательному анализу все обстоятельства работы над проектом, пришли к заключению: «Да, КГБ провел еще одну дьявольски изощренную операцию, которой нам противопоставить НЕЧЕГО!»

Глава шестая
ПЕРЕБЕЖЧИК-ГОРЕМЫКА

В 1962 г. список сбежавших на Запад предателей пополнил сотрудник Второго главного управления КГБ Юрий Иванович Носенко. Правда, в отличие от других перебежчиков, ему пришлось очень долго доказывать искренность своих намерений.

Его отец, Иван Исидорович Носенко, любимец Сталина, беззаветно преданный вождю министр судостроения, скончался от сердечного приступа в 1954 г., когда узнал о решении Н. Хрущева сократить ассигнования на Военно-морской флот страны, в частности отказаться от строительства двух авианосцев.

Юрий Носенко, как и положено отпрыску номенклатурного родителя, ни в чем не испытывал затруднений. В 1942 г. он поступил в Нахимовское училище, а в 1944-м — в Военно-морскую академию. После того как он нечаянно прострелил себе левую руку, его комиссовали и уволили «на гражданку». Немедля он поступает в МГИМО и после окончания института приступает к службе в ГРУ, а в 1953 г. переводится в МГБ, в 1-й отдел Второго главного управления, который осуществляет контрразведывательное противодействие операциям спецслужб США.

Покровительство со стороны Д. Ф. Устинова, первого заместителя Хрущева и председателя ВСНХ, высшее образование, полученное в самом престижном вузе страны, помогли Юрию быстро продвинуться по служебной лестнице (в 1950-х — начале 1960-х гг. только 30 % сотрудников Второго главка имели высшее образование, а иностранными языками вообще владели единицы) и бывать за рубежом. В 1957–1962 гг. он выезжал в краткосрочные командировки в Англию, на Кубу, в Швейцарию, что по тем временам было немыслимой удачей и даже роскошью для сотрудников советских спецслужб.

Отношение сослуживцев к Носенко было отрицательным. Полковник А. Ефремов, выражая мнение коллектива одного из подразделений Второго главка КГБ, в 1961 г. отзывался о нем так: «Юрий Носенко — избалованный условиями жизни человек, ведущий себя с сослуживцами высокомерно и грубо, игнорирующий начальника отделения, к тому же склонный к употреблению спиртных напитков. Дружбу Носенко стремится водить с людьми, занимающими высокое положение. Вербовку иностранцев проводил на компрометирующих материалах, ибо для осуществления ее на идеологической основе он недостаточно

подготовлен».

…Находясь в Женеве, Носенко обратился к американскому дипломату с просьбой о конфиденциальной встрече. Дипломат известил об этом резидента ЦРУ в Берне, и в конце концов Носенко попал к Джорджу Кайзвальтеру, самому знаменитому «охотнику за скальпами» — вербовщику потенциальных предателей из числа сотрудников советских спецслужб. К тому времени в активе Кайзвальтерауже были вербовки Петра Попова и Олега Пеньковского, оба — полковники ГРУ, а также генерал-майора ГРУ Дмитрия Полякова.

Носенко изъявил готовность передать ЦРУ некую секретную информацию за 900 швейцарских франков. Он также попросил достать ему лекарство для дочери, страдавшей бронхиальной астмой и находившейся на излечении в больнице.

На все условия Кайзвальтер ответил согласием, и тут «инициативника» понесло…

Носенко передал Кайзвальтеру сведения о вербовочных подходах КГБ, как состоявшихся, так и намечаемых, к нескольким дипломатам-англосаксам с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Среди названных Носенко лиц был Джозеф Олсоп, обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», близкий друг президента США Джона Кеннеди, посол Канады в СССР Джон Уоткинс и сотрудник разведывательного управления Адмиралтейства (ВМС) Великобритании Джон Вассал.

Также Носенко снабдил Кайзвальтера развернутой информацией о прослушивающих устройствах в здании американского посольства на Садовом кольце. Более того, он указал конкретные места, где они размещены. Всего их было 42, и находились они в бамбуковых трубках за обогревательными батареями.

Таким же способом прослушивалась и дипмиссия ФРГ, где посол, намереваясь издать свои мемуары, каждый вечер диктовал секретарю отчет о событиях дня, включая переписку с Бонном, НАТО и послами других стран, не подозревая, что вещает прямо в микрофоны звукозаписывающей студии КГБ.

Предатель рассказал Кайзвальтеру и о системе использования «шпионской пыли» — порошка, наносимого на одежду или почтовую корреспонденцию с целью отследить их перемещения.

Помимо этого Носенко подробно сообщил об операциях КГБ в Женеве, что было весьма важно для американцев с разведывательной точки зрения, так как там постоянно проводились всякого рода международные форумы.

В заключение с добровольным «кротом» был выработан план

будущих встреч. Носенко согласился на дальнейшие контакты при одном условии: они не должны происходить на территории СССР, где, по его мнению, это чрезвычайно опасно. Было решено, что, оказавшись за рубежом, он пошлет телеграмму на контролируемый ЦРУ адрес.

О переходе к противнику он не заикался, наоборот — стремился вернуться домой к больной дочери.

На прощание предателю в качестве вознаграждения был вручен отрез ткани на платье для жены. Он также был удостоен дружеского похлопывания по плечу легкой (во всех отношениях) руки Кайзвальтера, после чего благополучно отбыл в Москву…

* * *

В следующий раз Носенко прибыл в Женеву 20 февраля 1964 г. в составе советской делегации по разоружению. Он отправил по обусловленному адресу в Нью-Йорке телеграмму и вскоре встретился со своим оператором из ЦРУ Джорджем Кайзвальтером.

Поскольку убийство президента Кеннеди 22 ноября 1963 г. все еще было у всех на слуху, а комиссия Уоррена по его расследованию только начала работу, то первые вопросы Кайзвальтера, разумеется, касались Ли Харви Освальда, подозреваемого в совершении покушения.

Носенко сумел убедить своего куратора, что лично вел оперативную разработку Освальда, когда тот в октябре 1959 г. приехал в Москву и попросил разрешения остаться в Советском Союзе.

Носенко утверждал, что коль скоро Освальд был признан психически неуравновешенной личностью, то он не мог быть использован в качестве агента и поэтому не представлял интереса для КГБ. Ему отказались предоставить статус беженца, но в конце концов уступили его домогательствам лишь потому, что он попытался свести счеты с жизнью. В итоге Освальд с женой Мариной обосновались в Минске. Марина глупа, необразованна, настроена антисоветски. Все это вместе взятое ускорило принятие Комитетом положительного решения выпустить их из СССР, когда они подали ходатайство о выезде в США.

Носенко имел возможность изучить дело оперативного наблюдения за американцем, так как после убийства Кеннеди начальник Второго главка генерал-лейтенант Грибанов затребовал все материалы из Минска в Москву.

Носенко клятвенно заверил Кайзвальтера, что КГБ никогда не

делал к Освальду подходов с целью его оперативного использования: «При всей моей ненависти к нему, я не могу свидетельствовать против собственной совести. Я знаю суть дела и подтверждаю, что Советский Союз никоим образом не причастен к убийству президента США и ко всей этой истории!»

Кроме дела Освальда, Носенко дал пояснения по поводу ареста Пеньковского. По его словам, выход КГБ на шпиона и последующий его провал явились стечением в высшей степени случайных обстоятельств.

В ходе планового наружного наблюдения за сотрудниками иностранных посольств было установлено, что жена разведчика СИС Джаннет Чизхолм несколько раз выходила на контакт с неким советским гражданином. Выяснив, что им является полковник ГРУ Пеньковский, КГБ установил за ним круглосуточное наблюдение. Для этого даже были отправлены на отдых соседи из квартиры этажом выше жилища наблюдаемого. А чтобы произвести обыск в квартире Пеньковского, его на несколько дней поместили в госпиталь, спровоцировав желудочно-кишечное расстройство.

В результате обыска были обнаружены улики, свидетельствовавшие о его шпионской деятельности: фотоаппарат «Минокс», копии секретных материалов, которые он подготовил для передачи американцам, шифровальный блокнот, деньги и паспорт на другое имя, но с фотографией Пеньковского.

После нескольких встреч Носенко стал намекать Кайзвальтеру, что был бы не прочь остаться на Западе. Поинтересовался своими перспективами в случае положительного решения вопроса.

Оператор ответил, что по указанию директора ЦРУ в банке открыт счет на имя Носенко, на который уже внесены 50 000 долларов. В случае продления контракта ежегодно на него будут добавлять по 25 000 долларов. А за помощь в разоблачении Вассала к первоначальной сумме будут добавлены еще 10 тысяч долларов.

4 февраля 1964 г. Носенко сообщил, что его срочно вызывают в Москву. Кайзвальтеру он объяснил, что это может означать одно — он разоблачен и его ждет арест и расстрел. В связи с этим он просит защиты у ЦРУ. Спустя много лет он признается, что все это выдумал, чтобы подтолкнуть американцев к более решительным действиям.

Кайзвальтер сообщил о сложившейся ситуации в штаб-квартиру ЦРУ, и оттуда немедленно пришел ответ: «Согласны!»

Надо сказать, что значительную роль в принятии руководством ЦРУ решения о заключении контракта с

предателем и о его натурализации в США сыграла информация Носенко об Освальде, которая нейтрализовала опасения о том, что он является подставой КГБ.

В тот же день, 4 февраля, Носенко были вручены американские документы, его в цивильном платье перевезли через швейцарскую границу в ФРГ и поселили на конспиративной квартире ЦРУ в пригороде Франкфурта-на-Майне. Там с ним встретился начальник советского отдела ЦРУ Дэвид Мэрфи, который подтвердил денежные обязательства Управления и предупредил Носенко, что тот должен будет пройти проверку на полиграфе, чтобы доказать свою искренность.

Через неделю, 11 февраля 1964 г., Носенко вышел из самолета на базе Эндрюс ВВС США, что близ Вашингтона.

В СССР по факту бегства Носенко было заведено уголовное дело под кодовым названием «Ирод». 22 июня 1964 г. обвинительное заключение против Носенко, подготовленное в результате проведенных следственных действий, было утверждено заместителем Главного военного прокурора и направлено в Военную коллегию Верховного суда СССР, которая вынесла следующий приговор: «Носенко Юрия Ивановича признать виновным в измене Родине и на основании пункта «а» статьи 64 УК РСФСР подвергнуть смертной казни — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

На основании статьи 36 УК РСФСР лишить Носенко воинского звания «капитан» и внести предложение в Президиум Верховного совета СССР о лишении его правительственных наград.

Внести представление председателю Комитета государственной безопасности при СМ СССР о лишении Носенко медали «За безупречную службу III степени».

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит».

В результате проведенного в КГБ служебного расследования многие сослуживцы перебежчика понесли наказание.

Начальник Второго главного управления генерал-майор Олег Михайлович Грибанов был отстранен от должности, а больше сотни сотрудников отозваны из зарубежных командировок и стали невыездными.

* * *

Опасаясь, что ЦРУ не выполнит своих обещаний, Носенко занервничал и стал топить свои переживания в алкоголе, что

вскоре перешло в беспрерывный запой, и новая жизнь в Америке превратилась в кошмар.

Джеймс Джезус Энглтон, начальник контрразведки ЦРУ, считал, что побег Носенко служил способом, во-первых, чтобы отвлечь внимание от информации настоящего перебежчика Анатолия Голицина о «кротах» в ЦРУ, во-вторых, чтобы довести до Запада информацию о том, что КГБ не имеет никакого отношения к Освальду и к убийству Кеннеди. Эти подозрения на первый взгляд казались обоснованными.

Действительно, было весьма странно слышать, что КГБ не проявил внимания к Освальду, бывшему морскому пехотинцу, да еще и служившему оператором радара на военной базе самолетов-разведчиков «У-2» в Ацуги в Японии. К тому же, если Освальд убил президента по собственной инициативе, то вполне вероятно, что советское руководство могло «подкинуть» ЦРУ перебежчика в лице Носенко, чтобы убедить администрацию США в своей непричастности к убийству.

По указанию Энглтона 4 апреля 1964 г. сотрудники ЦРУ провели допрос с пристрастием. Носенко был подвергнут проверке на детекторе лжи. А чтобы заставить его говорить правду, было решено независимо от фактических результатов проверки сказать ему, что ее он не прошел, то есть уличен во лжи.

«Сотрудники ЦРУ стали кричать, что я вру, и в комнату немедленно ворвались несколько охранников, — вспоминал Носенко. — Они приказали мне встать к стене, раздеться и обыскали меня. После этого повели наверх, в одну из комнат на чердаке. Там была только металлическая кровать, прикрепленная к полу. Мне не сказали, для чего меня поместили сюда и на какой срок. Через несколько дней сотрудники ЦРУ начали допрос. *Я* старался сотрудничать добросовестно и вечерами даже записывал все, что мог вспомнить о КГБ. Допросы длились два месяца и были очень грубы и враждебны. Затем они вообще перестали приходить».

В изоляции Носенко находился с апреля 1964 г. по декабрь 1968 г. Особенно тяжелыми условия заключения были в учебном центре ЦРУ, на так называемой «Ферме», где Носенко содержался с августа 1965 г. по октябрь 1967 г.

Носенко доставили туда в наручниках, с завязанными глазами и поместили в бетонную камеру с решетками на дверях. В камере была только узкая железная кровать с матрацем, а постельное белье отсутствовало. Днем и ночью за ним наблюдали охранники. Чтобы чем-то занять себя, Носенко тайно из ниток разного цвета смастерил шахматы, но во время регулярно проводившегося обыска они были конфискованы.

Только спустя год с лишним ему разрешили 30-минутные прогулки на свежем воздухе в огороженном бетонным забором дворике и занятия физическими упражнениями.

Все это время Носенко интенсивно допрашивали, зачастую с применением все того же детектора лжи. Надо сказать, что все допросы ничего, кроме ничтожных деталей, не добавляли нового к уже сказанному.

Руководство ЦРУ между тем требовало от Энглтона окончательного разрешения сложившейся ситуации.

В 1967 г. новый директор ЦРУ Ричард Хелмс поручил сотруднику управления безопасности Брюсу Соли вернуться к рассмотрению вопроса о причинах ухода Носенко на Запад.

В то же время Энглтон дал поручение своим подчиненным представить план решения проблемы.

Пит Бегли — сотрудник, специализировавшийся на операциях против СССР и принимавший непосредственное участие в судьбе Носенко, к тому же разделявший точку зрения Энглтона, что данный перебежчик не что иное, как подстава КГБ, не замедлил с ответом. В своем письме Энглтону он изложил свое видение возможных путей разрешения проблемы.

Так, пунктом 5-м в перечне возможных акций значилась *«ликвидация перебежчика»;* 6-м — *«сделать его неспособным связно излагать свои мысли»* (для этого предлагался набор психотропных препаратов); 7-м — *«помещение в дом для душевнобольных, не ввергая его самого в беспамятство».*

Победила точка зрения Брюса Соли. В октябре 1968 г. он представил директору ЦРУ доклад, в котором оправдывал Носенко. Доклад был тут же подвергнут острейшей критике со стороны Энглтона и приверженцев его точки зрения.

Однако заместитель директора ЦРУ Руфус Тейлор согласился с выводами Соли: «Я убежден теперь, что нет никаких оснований считать Носенко не тем человеком, за которого он себя выдает».

Ричард Хелмс положил конец спорам (и страданиям перебежчика), наградив Соли медалью за работу по реабилитации Носенко и предоставив последнему двухнедельный отпуск во Флориде, но… под охраной двух гориллоподобных сотрудников ФБР.

По возвращении из Флориды Носенко получил документы на новое имя, его зачислили в штат ЦРУ на должность консультанта и выплатили компенсацию за вынужденный прогул (!) в размере 137 052 долларов.

В должности консультанта Носенко проработал до конца 1980-х гг., и все это время ему, как считали его хозяева в Лэнгли, грозила смертельная опасность, но уже со стороны КГБ, якобы

занесшего его в список предателей, подлежащих ликвидации.

Помилуйте, господа хорошие! На дворе — конец XX века, «сталинские эскадроны смерти» давно упразднены ввиду избыточного числа перебежчиков — сотрудников спецслужб Советского Союза и Российской Федерации, оказавшихся на Западе в 1980-2000-х гг., поэтому о какой ликвидации Носенко, бежавшего в начале 1960-х, может идти речь?!

Глава седьмая
«ГОЛУБОЙ» КАНДИДАТ В ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Нормально, «Григорий», отлично, «Оскар Уайльд»!

12 апреля 1956 г. необычно ранний телефонный звонок разбудил резидента КГБ в Англии Николая Борисовича Родина. Подняв трубку, генерал услышал условную фразу. Агент «Оскар Уайльд» вызывал своего оператора на экстренную встречу.

Офицер резидентуры, он же личный шофер, взял Родина на борт служебного «ягуара» у его дома на Холланд Парк и, сделав проверочный «круг почета», высадил на Баркли-сквер.

Неспешной походкой столичного аристократа, проделывающего утренний променад, генерал двинулся вдоль книжных магазинов, то останавливаясь у витрин, то заходя внутрь якобы для ознакомления с новинками печатной продукции. Наконец он вошел в самый известный в Лондоне букинистический магазин и затерялся среди стеллажей. Место, со всех точек зрения удобное для проведения моментальных конспиративных встреч с агентом: можно, не привлекая внимания, стоя по разные стороны книжной полки, перебросить парой фраз, понятных только посвященным, принять сообщение или в книге передать инструкции.

Взволнованный вид «Уайльда» свидетельствовал, что произошло нечто запредельное…

* * *

«Оскар Уайльд», в миру — Уильям Джон Кристофер Вассал родился в Англии в семье священника. Окончив в 1941 г. частную школу в Хэрроу, он некоторое время служил в банке, затем работал в Адмиралтействе — так в Англии именуется министерство военно-морских сил, откуда в 1954 г. был направлен в посольство Великобритании в Москве. Несмотря на скромную должность, Вассал имел неограниченный доступ к секретным документам всего военно-морского атташата.

В условиях холодной войны, боязни подвохов со стороны КГБ жизнь одинокого холостяка в Москве была такой же пресной, как и всех других иностранцев, пока он не попал в поле зрения

Комитета госбезопасности. Выйти на Вассала сотрудникам английского отдела Второго главка, занимавшимся дипломатами, помог некто Феликс, советский гражданин, предоставленный посольству Управлением по обслуживанию дипкорпуса и работавший на технической должности. Выполняя наше задание по изучению вновь прибывших в посольство сотрудников, Феликс подружился с Вассалом и тут же распознал в нем пассивного гомосексуалиста, ибо сам нередко вносил разнообразие в свой досуг порочными забавами с малолетними извращенцами.

Через некоторое время Феликс вывел англичанина в свет, приобщил к изысканной кухне московских ресторанов «Арагви» и «Армения», познакомил со своим другом Натаном, активным гомосексуалистом.

С Натаном жизнь Джона приобрела особую пикантность, которой ему так не хватало все время пребывания в чужом городе.

Друзья шиковали в ресторанах, гуляли на квартирах у заматеревших «голубых», где менялись партнерами также легко, как опорожняли ящики шампанского — все было оплачено и освящено высшим руководством советской контрразведки, более того, все снималось фотокамерами. Вокруг медоносного цветка вился рой ненасытных шмелей — секретных помощников КГБ, наполняя соты — файлы ведомства информацией, которую предполагалось использовать в час «Ч», когда будет отыгран первый акт. И час пробил, но…

Совершенно непредвиденное противодействие привлечению иностранца к негласному сотрудничеству руководство английского отдела Второго Главка встретило в лице… новоиспеченного главы КГБ генерал-полковника Серова.

Рубака-фронтовик, к тому же бытовой алкоголик, Иван Серов в 1954 г. стал первым председателем Комитета госбезопасности благодаря дружбе с восходящей звездой на советском политическом небосклоне Никитой Хрущевым. Последний на опыте своего бывшего друга и соратника Лаврентия Берия знал, какая мощь сосредоточена в руках одного человека, по должности отвечающего за государственную безопасность. И не важно, что его ментальные возможности сродни сержанту-сверхсрочнику, главное — свой в доску!

Потребовалось несколько месяцев титанических усилий, чтобы убедить Серова в целесообразности установления агентурных отношений с Вассалом ввиду его неограниченных возможностей по добыванию оперативно значимой информации. Генерал буквально впадал в истерику при одном упоминании о гомосексуалистах, которых в те времена называли не так

романтично, как сегодня. Первый и последний аргумент сановного держиморды звучал так: «Мне только пидоров не хватает в моем ведомстве!»

Одним из первых своих циркуляров в должности председателя Серов категорически запретил привлекать женщин для оперативной работы в КГБ. Их разрешалось использовать в качестве приманки и лишь иногда для вербовки других женщин. Но не более того. Можно представить, каково было его предубеждение против «голубых», если даже женщин он рассматривал как ущербную материю!

Пытаясь склонить Серова к принятию их точки зрения, его подчиненные, поднаторевшие в вербовочных делах, сослались на исторические примеры.

Вспомнили действовавшего под руководством разведки Генерального штаба царской армии секретаря российского посольства в Лондоне С. А. Козелл-Поклевского. Именно благодаря его усилиям и интимной дружбе с английским королем Эдуардом VII состоялось заключение англо-российского соглашения в августе 1907 г., нормализовавшее все связи между двумя державами. До подписания договора отношения России с Англией были довольно натянутыми, если не сказать враждебными…

Не забыли упомянуть и полковника Редля, в течение ряда лет передававшего России сверхсекретные сведения о военных приготовлениях Австро-Венгерской империи, и авантюриста международного масштаба Манасевича-Мануйлова, причастного к формированию нашей агентурной сети в ряде стран Западной Европы, и многих-многих других…

Даже ссылки на последние открытия ученых-естествоиспытателей, свидетельствовавшие, что гомосексуалистами, как и левшами, люди рождаются, а не становятся вследствие империалистического образа жизни, на Серова не действовали.

Ситуацию удалось переломить лишь после того, как разработчики намекнули председателю о возможном назначении англичанина в штат разведывательного управления министерства военно-морских сил Великобритании по возвращении на родину…

* * *

Вербовку «в лоб» проводил лично начальник Второго главка КГБ (центрального контрразведывательного органа СССР)

генерал-лейтенант Олег Грибанов. Волкодав контрразведки исполнил свою партию в стремительном темпе. Не тратя времени на увертюру, он сразу показал Вассалу фотографии, на которых тот был запечатлен со своими партнерами, мягко выражаясь, в неожиданных ракурсах. Предупредил, что все материалы могут быть переданы английской службе безопасности. Но и это еще не все. Фото могут случайно оказаться в почтовом ящике матери и его друзей, если Джон не согласится сотрудничать с самой гуманной в мире организацией, чьи сотрудники известны чистотой своих рук, горячими сердцами и холодными головами…

Режиссеры-постановщики вербовочного спектакля несколько переборщили в своих стараниях подавить волю эстетствующего педераста: после беседы Вассал был настолько морально раздавлен, что чуть не пустил себе пулю в лоб из табельного оружия. Вторым после самоубийства им рассматривался вариант явки с повинной к послу…

Вот тут-то и появился на авансцене отошедший было в тень Феликс. Выслушав приятеля, он посоветовал не драматизировать ситуацию, ибо жизнь прекрасна, а самое плохое в ней то, что она проходит. Ничего страшного не случится, если Вассал войдет в контакт с органами, разумеется, не для того, чтобы заниматься шпионажем, да еще и против горячо любимой Великобритании. К тому же ему скоро уезжать, зачем омрачать последние месяцы!

Вскоре в кабинете Вассала раздался звонок, и знакомый голос предложил встретиться за бутылкой вина, поболтать о жизни. Иностранец приглашение принял.

На последовавших после первой встречах вербовщики умело сняли горький осадок, оставшийся от первой конфронтации, сыграли на самолюбии, внушив Вассалу мысль, что его мнение по вопросам международной политики может представлять большую ценность, нежели мнение военного атташе или даже посла. Рюмка за рюмкой, мнение за мнением — и новые знакомые становились все приятнее и ближе. Надо же, как был прав Феликс, говоря о том, что жизнь прекрасна! Появились мелкие подарки, потом более крупные, затем денежная помощь.

От видения глобальных политических проблем перешли к конкретным характеристикам на сослуживцев Вассала, затем к обсуждению рабочих документов, ложившихся на стол англичанина…

В сентябре 1955 г., за полгода до убытия в Англию Вассал приступил к откровенной передаче секретных документов на явочных квартирах КГБ.

По возвращении в Лондон Джон Вассал, ставший к тому времени «Оскаром Уайльдом», действительно получил

распределение в разведуправление ВМС Великобритании.

Вслед за этим он был принят на личную связь нашим резидентом в Англии генералом Николаем Родиным, что само по себе свидетельствовало о значении, которое придавалось работе с англичанином. Никчемный мелкий клерк имел неограниченный доступ к сведениям, представлявшим не то что военную — государственную тайну!

Жизнь Вассала превратилась в нескончаемый праздник. Эх, если бы еще не надо было передавать «Григорию» — рабочий псевдоним Родина — секретные сведения! Но с другой стороны, на какие деньги тогда содержать роскошную квартиру в фешенебельном районе Лондона на Дофин-сквер и два авто, заказывать костюмы у самых модных портных, посещать дорогие рестораны и, конечно же, оплачивать великосветских порочных партнеров, которых Вассалл ангажировал на вечер или арендовал за умопомрачительные суммы на уик-энд. Особо понравившихся он брал с собой в заграничные турне, покидая задымленный Лондон на время отпуска…

…Первую встречу с агентом «Григорий» провел в Лондоне на станции метро «Финчли Роуд» вконце марта 1956 г. Вторая встреча была запланирована через месяц, но чрезвычайные обстоятельства заставили «Уайльда» дать о себе знать много раньше…

Премьер-непоседа

Как засидевшаяся в девках дурнушка бросается в загул — так Никита Хрущев, ощутив под ногами твердь единоличной власти, пустился в заграничные вояжи.

Антони Иден, министр иностранных дел, а затем премьер-министр Великобритании, как-то пророчески заметил: чем хуже идут дела у лидера внутри государства, тем настойчивее он рвется на международный простор, становясь фактическим главой внешнеполитического ведомства.

За восемь лет бесконтрольного правления Хрущев побывал в 32 странах всех, кроме Австралии и Антарктиды, континентов. В некоторых — дважды, трижды. 64 рабочих, дружеских, официальных и государственных визита. Конвейер. Прибавьте к этому ответные визиты в СССР иностранных государственных деятелей — станет ясно, что наш лидер не щадил себя, работая на износ во имя международной солидарности трудящихся. Когда уж думать о благосостоянии собственного народа — дай Бог успеть сменить носки перед свиданием с принцессой датской…

Никогда еще главам иностранных государств не доводилось принимать столь многолюдных делегаций, как те, что прибывали с советским лидером. В поездках Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета министров СССР сопровождали члены правительства, многочисленная челядь, охрана, журналисты, советники, консультанты и… родственники. Причем количество последних, как правило, соответствовало числу официальных членов делегаций.

Знай наших, господа империалисты!

В страны идеологических и военных противников он прибывал на военных кораблях или на построенных специально под него и свиту яхтах. Нетрадиционный способ передвижения имел свою предысторию.

В 1953 г. американцы обнаружили в кабинете посла Соединенных Штатов в Москве уникальной конструкции микрофон, который в течение восьми лет исправно поставлял нам сверхсекретную информацию.

Опасаясь, что за время, прошедшее с момента разоблачения чудо-микрофона, западным спецслужбам удалось не только сделать с него копии, но и внедрить их в здания наших заграничных дипломатических представительств, Хрущев принял решение никогда там не останавливаться, проводя совещания с послами и ночуя на плаву…

И вот теперь, за два дня до прибытия Хрущева в Англию на борту крейсера «Орджоникидзе», наш резидент принял сообщение, что по заданию Сикрет интеллидженс сервис под военный корабль для совершения каких-то манипуляций должен нырнуть ас диверсионных операций майор Лайонел Крэбб с группой разведчиков-подводников.

Надо сказать, что в те годы «Орджоникидзе» был самой современной боевой единицей, бороздившей воды Мирового океана. Он был оснащен новейшим противолодочным и противоминным оборудованием. Возможно, оно-то и заинтересовало англичан. Как бы там ни было, председатель КГБ Иван Серов, получив информацию от Родина, не преминул шепнуть Хрущеву, что на него готовится покушение. Благо, основания для такого заявления имелись: 29 октября 1955 г. был взорван и пошел ко дну со всем экипажем линкор «Новороссийск». Одной из наиболее серьезных версий, обсуждавшихся в Кремле, была версия о мести итальянских диверсантов. Линкор, известный во время войны как «Джулио Чезаре», находился на вооружении ВМС Италии и нам достался в счет репараций.

Сигнал, поступивший от «Уайльда», немедленно был взят в

работу. В Портсмут из Мурманска на подводной лодке доставили отряд «Барракуда» — диверсантов-подводников экстра-класса, которым предстояло нести круглосуточное дежурство по периметру крейсера.

Неизвестно, чем закончилась боевая вахта наших подводников, но Крэбб и его боевики на берег Англии никогда более не ступили.

В итоге мы заявили решительный протест, Хрущев спешно прервал визит, выставив англичан на весь мир негостеприимными хозяевами, а премьер-министру Англии пришлось приносить публичные извинения в палате общин…

* * *

Коль скоро сигнал нашего «крота» в системе военно-морского министерства нашел подтверждение, встал вопрос о награждении всех сопричастных. Серов, Родин и «барракуды» получили ордена. Вопрос о поощрении первоисточника — Джона Вассала — оставили решать лично Никите Сергеевичу.

Со словами: «Благодаря ему мы умыли, нет, мы уели этих лицемеров англичан!» — Хрущев, импульсивно щедрый на раздачу высших наград СССР иностранцам (накануне он лично вручил Золотую Звезду Энверу Ходже, лидеру Албании), распорядился о присвоении звания Героя Советского Союза Джону Вассалу.

Серов вкрадчиво заметил, что «даже Ким Филби еще не удостоен этой чести, да и вообще, Никита Сергеевич, болен он, этот Джон»…

— Что за болезнь?

— Хроническая педерастия, Никита Сергеевич…

— Ну, тогда поощрить деньгами — пусть лечится…

* * *

На протяжении почти четырех лет Вассал передал «Григорию» тысячи совершенно секретных документов о военно-морской политике Англии, НАТО и разработке новейших систем подводного оружия.

Английская контрразведка (МИ5) взяла Вассала в разработку после того, как полковник спецслужбы Польши Голеневский, в 1961 г. сбежавший на Запад, сообщил, что в Адмиралтействе есть некий гомосексуалист, который работает в пользу СССР.

Следователи МИ-5, сопоставив имевшуюся информацию, вышли на след Вассала, и 12 октября 1961 г. он был арестован.

На допросах и суде Вассал ничего не утаивал. Однако чистосердечное признание, как говорится, облегчает душу, но удлиняет срок — за работу на СССР Джон получил 18 лет тюрьмы. Там он времени зря не терял и написал книгу мемуаров, в которой, как это ни покажется парадоксальным, винил во всех своих бедах чопорных и холодных английских дипломатов, изгнавших его из своей среды и буквально толкнувших в объятия «голубых»…

Глава восьмая
ВАМ МАТ, МИСТЕР ТОЛКАЧЕВ!

Из докладных записок московского резидента директору ЦРУ

I.

В конце января 1983 г. состоялась очередная явка с Толкачевым. Ее провел Джон Якли, разведчик «глубокого прикрытия», выступавший под прикрытием бухгалтера посольства. Толкачев передал три миникамеры с экспонированной пленкой и 16 страниц рукописного текста с ответами на ранее поставленные разведывательные вопросы. Якли снабдил его тремя новыми миникамерами, вручил письменное разведывательное задание, схему новых мест постановки сигналов, а также 100 тысяч рублей и три книги на русском языке, которые агент ранее заказывал.

Толкачев сообщил, что в его отделе все спокойно и сразу же спросил, где обещанный ему 35-мм фотоаппарат. Когда оператор объяснил, почему он не может передать его Толкачеву, тот ответил, что огорчен, но тем не менее подчиняется любому решению, исходящему от руководства ЦРУ. На вопрос оператора о его здоровье агент посетовал на постоянную зубную боль, которая, по мнению врачей, вызвана перманентным нервным напряжением. На встрече Толкачев также представил длинный список заказов, включавших лекарства, перевод на русский язык официальных заявлений советских руководителей, о которых ему стало известно из передач радиостанции «Голос Америки», мягкие чертежные карандаши для сына, а также некоторые материалы (письменные и на кассетах) для сына и его подруги. Сказал, что, понимая трудность выполнения этих просьб, он готов оплатить все расходы из своих депонированных сумм. При прощании Толкачев предложил провести следующую встречу в июне, что в итоге будет соответствовать трем встречам в год.

В ходе явки Толкачев рассказал оператору, как он фотографирует документы. Спрятав документы во внутренние карманы пиджака, он несет их в туалет административного здания института, смежное со зданием, где располагается его отдел. В этом туалете окно большее, чем в других отхожих местах, поэтому там дневного света вполне достаточно для фотосъемки. Обычно весь процесс занимает 20–25 минут. Он

всегда заранее придумывает предлог для посещения этого здания, если вдруг кто-либо из его коллег поинтересуется целью его пребывания в административном корпусе.

К сожалению, фотопленку, переданную Толкачевым на январской встрече, прочесть было невозможно, так как документы он фотографировал в пасмурный день. Узнав об этом, «Сфиэ» очень огорчился, потому что он переснимал «очень важные документы о советских атакующих истребителях 90-х гг.».

Джон Якли отметил, что на январской встрече в поведении Толкачева отсутствовали какие-либо признаки беспокойства. Он вел себя так же спокойно, как и на предыдущих встречах. Представленная им письменная информация была такой же качественной и значительной по объему, как и прежде. Что касается приемов наружного наблюдения КГБ, выставлявшегося за оперативным сотрудником на этот раз, то в них он не отметил никаких изменений.

Из-за того, что «принятые нами от Толкачева на январской встрече снимки «атакующего истребителя» оказались нечитаемыми», было решено вызвать агента на внеочередную встречу. Для этого Джон Якли в начале марта выставил визуальный сигнал вызова на встречу. Однако ответного сигнала о готовности прибыть на встречу Толкачев не поставил.

В середине марта «Сфиэ» подал сигнал о готовности к встрече — с 12 часов 15 минут до 12 часов 30 минут держал открытой одну из фрамуг окна, выходящего на зоопарк. Но на встречу почему-то не вышел. В конце марта резидентурой была предпринята попытка провести еще одну встречу, однако агент не выставил сигнала о готовности к ней. Встреча была отменена. Заботясь о безопасности агента, было решено больше не вызывать его на внеочередную встречу, а провести встречу в июне, согласно утвержденному графику.

II.

Результативность работы Толкачева с июня по октябрь 1983 г. оставляла желать лучшего и свидетельствовала о том, что лучший этап операции «Толкачев — ЦРУ» остался позади. В период между сентябрем и ноябрем 1983 г. пять попыток провести личные встречи с Толкачевым оказались неудачными. В трех случаях агент выставлял сигналы о готовности, но на встречи не выходил. В двух других — агент выставлял сигналы о готовности, но его оператор, находясь под чрезвычайно плотным контролем «наружки», отказывался проводить явку, так как рисковал

расшифровкой мероприятия.

В середине ноября 1983 г. нашему разведчику все же удалось провести явку со «Сфиэ». Агент вел себя непринужденно, с радостью приветствовал возобновление контактов, с его слов «сейчас наши отношения переживают период ренессанса». Передав сообщение на 16 страницах, пояснил, что не имел возможности сфотографировать ни одного документа на рабочем месте. На встрече Толкачеву были переданы: рекомендации по вопросам безопасности, новое задание в письменном виде, две новые миниатюрные фотокамеры с инструкцией, экспонометр, расписание будущих встреч, несколько изделий из золота, соответствующие его требованиям, а также ряд художественных произведений и книг по архитектуре, которые он заказывал. Подводя итог проведенной явке, оператор подчеркнул, что в целом оценивает проделанную работу положительно, хотя агент и не смог сфотографировать ни одного документа.

III.

Из сообщения «Сфиэ», переданного в ноябре, оператор узнал, что в апреле 1983 г. в отделе Толкачева проводилась очень серьезная проверка соблюдения сотрудниками правил режима секретности. Это настолько напугало агента, что он ожидал ареста буквально с минуты на минуту. Как ему показалось, проверка была вызвана утечкой секретной информации о советской авиационной системе распознавания целей, то есть о секретной системе «свой — чужой». Информацию об этой системе Толкачев передал в ЦРУ на предыдущей встрече, поэтому был уверен, что в ходе проверки сотрудники службы безопасности института непременно выйдут на него. Его опасения усилились, когда начальник его отдела получил указание составить список всех сотрудников, имевших доступ к информации по этому вопросу.

На следующее утро Толкачев отпросился с работы и, вскочив в недавно купленный автомобиль «жигули», помчался на дачу. Он прихватил с собой все разведывательные принадлежности, включая аппаратуру коротковолновой связи, 35-мм фотоаппарат Pentax ME, инструкции по тайникам и сигналам, а также все полученные им книги и деньги в банковской упаковке. По его оценке, «барахла было так много, что оно едва уместилось в багажнике». На даче он сжег все, что могло гореть. Металлические детали выбросил в разных местах на обратном пути домой. Со слов агента, «больше всего ему жаль сожженных

420 тысяч рублей, ведь все остальное можно восстановить, но только не сгоревшие деньги».

В своем сообщении в ЦРУ он весьма живописно изложил процесс этого аутодафе: «…Я никогда и представить себе не мог, что уничтожение денежных купюр может стать не только изматывающей душу и нервы, но и весьма продолжительной во времени экзекуцией. Чтобы сжечь 420 000 рублей, то есть 120 банковских упаковок с 25-рублевыми купюрами, 24 — с 50-рублевыми, мне потребовалось более четырех часов.

Костер из дров я разжег в мангале, где обычно жарил шашлыки» Туда же сложил часть упаковок — в общей сложности, два портфеля типа «дипломат». Я думал, что деньги вспыхнут новогодним фейерверком — как бы не так! Сначала они вообще отказывались гореть, и мне пришлось плеснуть в мангал бензина из канистры. Вот тут уж начался костер инквизиции! Только вместо Жанны д Арк в огне корчился барельеф вождя международного пролетариата. Но огонь вскоре стал ослабевать, и мне вновь пришлось плеснуть бензина. Через некоторое время я заметил, что без бензина купюры не горят, а лишь тлеют. Самое скверное во всем этом было то, что акцию по уничтожению денег мне пришлось проводить в деревянной пристройке к дому (на открытом воздухе этого делать было нельзя — за забором недремлющее око соседа!), поэтому я чуть было не задохнулся от ядовитых продуктов горения. Кто бы мог подумать, что деньги — это зло не только в фигуральном, но и в буквальном смысле?! Когда пачки денег начали тлеть, я, вдыхая отравляющий газ, похоже, испытал то, что довелось испытать французским солдатам под Верденом во время Первой мировой войны, когда немцы устроили им газовую атаку. А, может, то же самое чувствовали перед умерщвлением сотни тысяч евреев в Освенциме? Вне сомнений, да! Я, чтобы не отравиться газом от тлеющих купюр, дышал только носом и только через намоченное в воде полотенце. Когда бензин в канистре кончился, я растерялся. Нет, меня охватил ужас! Ибо я понял, что мне не удастся избавиться от оставшихся в багажнике еще двух «дипломатов» — там ведь было порядка 150 банковских упаковок! Как же быть дальше?! — спросил я себя. Отрезвление и способность здраво рассуждать пришли, как ни странно, после того, как я, не закусывая, влил в себя бутылку водки. *Что я делаю?! — был* первый вопрос, который возник в моем сознании при виде корчащегося в огне профиля Ильича на банкнотах. *Зачем я это делаю?!* Ведь, чтобы заработать эти деньги, я испортил декалитры своей собственной крови, изорвал километры нервов, я превратил себя в руину, а теперь превращаю

в прах итог моей работы за пять лет?! В чем же тогда смысл? В самом процессе приобретения денег?! Нет, как бы там ни было, это самоистязание надо немедленно прекратить! *Я* залил водой обуглившиеся купюры в мангале, в изнеможении рухнул на пол и тотчас уснул. Проснулся я затемно и не сразу понял, где нахожусь и что происходит со мной. Было очень холодно. *Я* вошел в дом, вытащил из кухонного шкафа бутылку коньяка и прикончил ее одним махом. Затем расфасовал уцелевшие 150 банковских упаковок[5]в стеклянные банки и закопал их на приусадебном участке. Наконец, уничтожив имевшийся на даче запас коньяка, я улегся спать. Утром, когда я с невероятной поспешностью разбрасывал по участку пепел из мангала, в глазах у меня стояли слезы от злобы на себя и от собственного бессилия что-либо изменить. Затем я завел машину и на огромной скорости, не оглядываясь, устремился прочь. Так, наверное, покидают место преступления…»

…После этого эмоционального кризиса Толкачев постоянно имел при себе ампулу с ядом, которую получил от ЦРУ. Он рассуждал так: наиболее вероятным сценарием ареста будет вызов в кабинет начальника, где его и схватят кагэбэшники. Поэтому в течение нескольких дней каждый раз, когда его вызывали к начальнику, он первым делом клал под язык ампулу с ядом, чтобы раскусить ее сразу же, как только ему объявят об аресте. Толкачев написал, что в настоящее время из-за дрожи в руках не может удерживать в руках фотоаппарат, однако письменную информацию по секретным вопросам он продолжит составлять. После каждой отложенной встречи Толкачев дополнял приготовленное письменное сообщение еще несколькими страницами. И всякий раз делал приписку, в которой выражал уверенность, что выдержит *«шторм»* и найдет в себе силы продолжить работу на ЦРУ. Его оператор отметил, что на встрече 16 ноября по его внешнему виду не было заметно, что он перенес сильнейший стресс — он был абсолютно спокоен.

IV.

В сообщениях московской резидентуры в штаб-квартиру ЦРУ отмечалось, что Толкачев, несмотря на апрельские события, «демонстрирует хладнокровие, подтверждая сложившееся о нем мнение как о человеке, который решил передавать информацию во чтобы то ни стало, вплоть до самого конца, даже если этим концом станет его смерть». В ответном сообщении в Москву было подчеркнуто, что полученная в марте от Толкачева информация

по авиационным системам распознавания целей («свой — чужой») за пределами ЦРУ не использовалась вплоть до июня, поэтому опасения агента о ее утечке безосновательны.

В течение следующих нескольких месяцев в штаб-квартире ЦРУ активно обсуждались вопросы обеспечения безопасности Толкачева при сохранении прежнего ритма поступления от него секретных материалов. Было принято решение в будущем личные встречи свести к минимуму и проводить не более двух явок в год, а взамен увеличить количество сеансов коротковолновой связи. В этой связи планировалось пересмотреть всю систему связи с ним. Большое внимание уделялось вопросу передачи Толкачеву «обязательного гонорара», то есть годичных процентов от депонированной суммы. Речь шла и о способах передачи этой крупной суммы, и о ситуации, при которой возможна его расшифровка, а она ведь может возникнуть, получи он в свое распоряжении такие большие деньги! В итоге было решено подготовить окончательный план вывоза Толкачева из страны и вручить ему на следующей встрече.

Штаб-квартира ЦРУ дала указание резидентуре дополнительно проинструктировать Толкачева по вопросам конспирации при сборе разведывательной информации. Было подчеркнуто, что он не должен брать документы для фотографирования домой. В ЦРУ решили, что ему надо свести к минимуму написание ежедневных сообщений-рефератов по секретным документам, с которыми он знакомился за рабочим столом. Также было принято решение продолжить передачу агенту миниатюрных фотокамер, предупредив его об использовании их лишь в случае полной уверенности в своей безопасности. В апреле 1984 г.

Толкачев вновь выставил сигнал о готовности выйти на личную встречу. На ней он передал две миникамеры с отснятыми кассетами и 39 страниц рукописного сообщения, 26 из которых содержали подробную разведывательную информацию. Он также передал несколько схем советских радарных систем. Все снимки, сделанные камерой, были высокого качества.

На явке Толкачеву были вручены две новые разведывательные фотокамеры, обновленный план по способам связи, письменное задание, лекарства и книги, которые он заказывал, а также свыше 100 тысяч рублей. Он вновь отказался принять план вывоза из Союза, заявив, что не имеет возможности его использовать. На встрече Толкачев вел себя спокойно и уверенно. Пояснил, что в его отделе все успокоилось, дальнейшего развития проверка безопасности не имела. Сказал буквально следующее: «Видимо, за руку меня вел сам Люцифер —

пронесло, а ангелы-опричники в лице офицеров КГБ по режиму ничего не заподозрили!»

В своем сообщении в ЦРУ он признался, что сожалеет об уничтожении шпионских принадлежностей на даче. Заявил, что, по его мнению, встречи вполне безопасно можно проводить даже чаще, чем два раза в год. Просил передать ему несколько миниатюрных фотокамер и восстановить 35-мм фотоаппарат Репсах МЕ. Свой полный оптимизма доклад Толкачев закончил жалобами на здоровье. Он сообщил, что врачи ему поставили диагноз «хронический гастрит», поэтому он просит ЦРУ снабдить его соответствующими лекарствами.

Оператор «Сфиэ», подводя итог встречи, отметил в отчете, что моральное состояние агента дает основание надеяться, что операция «Толкачев — ЦРУ» в дальнейшем *«будет развиваться в нормальном режиме».*

V.

С апреля по октябрь 1984 г. в ЦРУ время от времени возникал вопрос соотношения между продуктивностью агента и безопасностью всей операции. В результате было решено не выдавать Толкачеву 35-мм камеру, так как выносить документы из института и фотографировать их дома было слишком опасно. С агентом было разрешено проводить в год более двух личных встреч, но только если он сочтет это безопасным.

Следующая встреча с Толкачевым состоялась в октябре 1984 г. Он передал две миникамеры с 90 отснятыми кадрами и письменное сообщение на 22 страницах. Ему были вручены три новые миникамеры, различные лекарства, чертежные чернила для сына, а также список разведывательных заданий. Толкачев сообщил, что на работе все спокойно и его здоровье улучшилось. Вновь настаивал выдать ему Репсах МЕ, и когда ему сказали, что это слишком опасно для него, ответил, что выданное ему разведывательное задание сможет выполнить, лишь взяв фотоаппарат на работу. Несмотря на его требование, ЦРУ отказалось выдать ему 35-мм фотоаппарат. Сотрудники резидентуры возразили, что подобный фотоаппарат имеется в свободной продаже, поэтому агент может его купить. С учетом этого было решено на следующей встрече передать Толкачеву несколько миникамер, чтобы предотвратить любые его попытки приобрести 35-мм аппарат. Далее вернулись к обсуждению вопроса о выдаче причитающихся ему денег, которые должны быть выплачены 31 декабря. После подсчетов пришли к

заключению, что с депонированной суммы, составлявшей на 31 декабря 1983 г. свыше двух миллионов долларов, Толкачеву надо будет выдать несколько сотен тысяч рублей…

Глава девятая
ПЛУТНИ КОНТРРАЗВЕДКИ

Приказано «снять»!

Все знают, что такое арест, мало кто знает, что такое «съем» — негласное задержание, когда в силу разных причин объект оперативной разработки должен неожиданно исчезнуть для своих близких, друзей и коллег по работе. Если же «снимаемый» подозревается в связях с иностранной разведкой, его пропажа должна остаться в тайне от его хозяев. Хотя бы на первое время.

«Снимают» и своих, и иностранцев. Для этого стараются подобрать малолюдное место, но случается, что объект приходится выдергивать прямо из толпы.

В бывшем Советском Союзе «съемом» поручено было заниматься специальному подразделению Седьмого управления КГБ СССР, так называемой «Группе А», которая после 1991 г. стала известна как «Альфа».

Физически очень крепкие, в совершенстве владеющие приемами восточных единоборств «альфовцы» с поставленной задачей справлялись мгновенно, без сучка и задоринки. В крайнем случае прохожие могли заметить, как два человека помогают третьему сесть в микроавтобус скорой помощи, потому что он то ли нетрезв, то ли ему стало плохо.

После «съема» объекты оказывались либо на Лубянской площади, либо в Лефортовской тюрьме.

* * *

29 мая начальник отделения «Альфы» подполковник Владимир Зайцев был вызван к начальнику Управления генерал-майору Евгению Расщепову.

Это был первый случай, когда молодой офицер оказался в приемной своего высокого шефа, и поэтому заметно нервничал, лихорадочно восстанавливая в памяти события последней недели в поисках возможных «проколов», за которые можно схлопотать взыскание.

Генерал, однако, встретил своего подчиненного, как старого приятеля. Угостил чаем и сдобой кремлевской выпечки, поинтересовался здоровьем близких и делами в отделении.

Через пять минут светской беседы генерал поднялся с кресла и объявил вконец обескураженному подполковнику, что тому предстоит разработать план «съема» советского гражданина: «И чтобы у него ни один волос с головы не упал, пока он не «расколется»!»

Зайцев понял, что генерал имеет в виду досадный промах — самоубийство Александра Огородника, старшего референта министра иностранных дел Андрея Громыко и по совместительству шпиона ЦРУ по кличке «Тригон».

Задержанный с применением мер строжайшей конспирации Огородник на первом же допросе согласился с предъявленным ему обвинением в шпионаже в пользу США и вызвался собственноручно изложить обстоятельства вербовки и работы на ЦРУ. Попросил стопку бумаги и свою авторучку «Паркер» с золотым пером, отобранную при аресте. Пояснил, что долгие годы пользуется только ею, поэтому другой ручкой ничего путного написать не сумеет.

Не подозревая подвоха, торжествующие оперативники охотно выполнили пожелание — давно не попадались такие покладистые шпионы. Еще бы! После задержания Пеньковского «Тригон» был самой крупной птицей, которая угодила в силки контрразведки Союза! Безоговорочная готовность Огородника помочь следствию стала ясна сразу, как только он заполучил свой «Паркер». Выверенным движением он свинтил колпачок, пососал скрытый кончик ручки и замертво рухнул под стол.

Впоследствии эксперты установили, что шпион отравился сильнейшим растительным ядом из семейства кураreподобных, секрет производства которых хранился в лабораториях только двух спецслужб мира: КГБ и ЦРУ. Убойная сила таких ядов во много раз превосходит цианистый калий. Но главное — они не оставляют никаких следов, которые можно было бы обнаружить в ходе аутопсии. В лучшем случае врачи констатируют наступление смерти в результате острой сердечной недостаточности или вследствие отека легких.

«Установочные данные объекта, — прервал размышления Зайцева генерал, — вам сообщат позже. Сейчас отберите самых надежных бойцов и поезжайте на Успенское шоссе, ознакомьтесь с обстановкой, где будете проводить «съем».

Задержание

Зайцев покинул начальственный кабинет в глубоком раздумье. Упомянутое генералом Успенское шоссе — средоточие

госдач кремлевских небожителей, поэтому первой мыслью подполковника было, что его втягивают в некую рискованную политическую игру, и он должен будет провести «съем» какого-нибудь «шишкаря» из ЦК или Политбюро. Горбачев встал во главе государства и партии только три месяца назад, в верхних эшелонах власти поговаривали о каких-то «реформах», в чем они заключались, никто понятия не имел. А ну как новоиспеченный генсек под реформами подразумевает аресты неугодных ему «бойцов старой гвардии» — членов прежнего Политбюро?!

* * *

Через пару дней Зайцева вновь вызвали к Расщепову. По кабинету уверенной поступью расхаживал незнакомец в дорогом, европейского покроя костюме при итальянском галстуке. Он явно превосходил хозяина кабинета и по званию, и по занимаемому положению. Не обращая внимания на присутствие молодого офицера, незнакомец хорошо поставленным командным баритоном время от времени бросал на ходу пару фраз хозяину кабинета и нарочито небрежно стряхивал пепел с английской сигареты.

Сначала Зайцев принял беспардонного эстета за номенклатурщика со Старой площади, но, услышав профессиональный жаргон, понял что перед ним как минимум заместитель начальника Второго главка КГБ СССР — величина!

Наконец незнакомец удостоил своим вниманием застывшего в дверях Зайцева. Не представившись, вынул из лежащей перед Расщеповым папки черно-белую фотографию.

«Это — агент американской разведки, крупный специалист в области радиоэлектроники… Его пора «снять с дистанции». Субботу и воскресенье он проводит с женой за городом, на своей даче. Пьет не просыхая. Дача находится здесь, — эстет ткнул пальцем в карту. — Через 48 часов я жду план захвата. Анкетные данные объекта узнаете накануне операции!»

Зайцева от последней фразы внутренне передернуло: «Воистину: конспирация должна быть конспиративной»

* * *

«Если наш клиент напивается при каждом посещении дачи, — на следующий день докладывал Зайцев свои соображения генералам, — то в воскресенье вечером, когда

супруги Толкачевы отправятся в Москву, за рулем, скорее всего, будет находиться жена шпиона. Двух «альфовцев», переодетых милиционерами, я выставлю у дороги, ведущей к даче. Один из них сделает вид, что отчитывает водителя грузовика, припаркованного у обочины. Второй сделает знак супругам остановиться. Как только машина Толкачевых остановится, из кузова грузовика выпрыгнут мои бойцы, окружат машину и произведут захват…»

…Все произошло так, как намечал Зайцев. Пока жена соображала, зачем их остановили, а Толкачев вышел из машины, «альфовцы» не только успели надеть наручники ему, но и порезать в клочья его одежду, чтобы удостовериться, что у него при себе нет ампулы с ядом.

Через несколько часов в Лефортово, так и не придя в себя от шока, «Сфиэ» собственноручно написал признание.

Жена Толкачева для установления ее возможной причастности к противоправной деятельности мужа была помещена на трое суток в КПЗ Управления КГБ по Москве и Московской области, где с ней работала бригада следователей и оперработников.

В тот же день, чтобы усыпить бдительность заокеанских хозяев Толкачева, на имя руководства НИИ «Фазотрон» за подписью начальника Управления ГАИ по Московской области было направлено письмо, в котором отмечалось: «9 июня 1985 г. а/м ВАЗ 2101 госномер 96–85 МН, двигаясь по Успенскому шоссе в сторону столицы, стал участником дорожно-транспортного происшествия, в результате которого пострадали супруги Толкачевы. В настоящее время оба в тяжелом состоянии находятся в реанимационном отделении ЦРБ г. Одинцово. О содержании письма просим уведомить родственников пострадавших».

* * *

Последующие четыре дня Толкачева вывозили в те места Москвы, где он оставлял тайные метки для своего оператора, которые призваны были внушить мысль московской резидентуре ЦРУ, что у «Сфиэ» все в порядке.

13 июня 1985 г. офицер КГБ, загримированный под Толкачева, в заранее обусловленном месте заложил тайник. Связник, сотрудник посольской резидентуры ЦРУ, Пол Стоумбаф-младший наблюдал за действиями «Сфиэ» из машины. Американец был схвачен, как только изъял из тайника

предназначавшиеся ему секретные документы. Одновременно другая группа «альфовцев» на глазах у цэрэушника схватила Лжетолкачева и затолкала его в машину скорой помощи.

Захват «Сфиэ» на глазах у его связника был просчитанным ходом. Необходимо было создать впечатление, что Толкачев задержан по вине самого Стоумбафа, который-то и привел за собой «хвост». Делалось это для того, чтобы скрыть истинный источник информации о шпионской деятельности Толкачева, — Эдварда Ли Говарда…

Из докладной записки московского резидента директору ЦРУ

«…5 июня, в день запланированной явки в этом месяце, Толкачев выставил сигнал о готовности выйти на встречу. В указанное время он открыл фрамугу окна, выходящего на зоопарк. Все, казалось, было, как обычно, но наш разведчик «глубокого прикрытия», который должен был выйти на встречу с «Сфиэ», а это был Пол Стоумбаф, действовавший под прикрытием второго секретаря посольства, обнаружив за собой чрезвычайно плотное наружное наблюдение, решил встречу отменить.

13 июня, в день дублирующей, запасной встречи, снова был принят сигнал агента о готовности выйти на встречу. Стоумбаф, тщательно проверившись и не обнаружив за собой наружного наблюдения, прибыл к месту встречи на Кастанаевской улице.

Ровно в 20.00 часов, едва он подошел к будке телефона-автомата — ориентиру места встречи, как к нему внезапно подбежали десять человек, одетые в военный камуфляж, и без церемоний скрутили его. Тут же появились некие мужчины в цивильных костюмах, которые, по мнению Стоумбафа, руководили захватом.

Нашего разведчика заковали в наручники, усадили в автомашину-фургон и доставили в приемную КГБ на Кузнецком мосту, где обыскали. При нем оказались 5 миниатюрных закамуфлированных фотокамер, 4 страницы письменного материала, которые он должен был вернуть Толкачеву, 3 книги по архитектуре, 20 французских и 30 немецких чертежных ручек для сына агента, большое количество лекарств, сборник из 250 газетных и журнальных статей, о которых просил Толкачев и, наконец, пакет с 60 тысячами рублей — аванс из того вознаграждения, которое предназначалось агенту за 1985 г.

Процедура выемки и опроса Стоумбафа снимались видеокамерой в присутствии понятых. Следователь КГБ, не получив ответа на свои вопросы, в конце концов уведомил

посольство США о задержании нашего разведчика. Пол Стоумбаф был освобожден через 24 часа 20 минут.

Арест оперативного сотрудника ЦРУ освещался в прессе Москвы, но не было никаких упоминаний о Толкачеве или его месте работы. Как и ожидалось, сотрудник ЦРУ, объявленный персоной non grata, с семьей был вынужден 15 июня покинуть СССР. Только в сентябре Советы официально *объявили, что Толкачев был арестован в июне*[6]»…

Часть четвертая САГА РОБЕРТА ХАНСЕНА

Глава первая
СГУСТОК ПРОТИВОРЕЧИЙ

Роберт Филипп Хансен родился 18 апреля 1944 г. в Чикаго в семье полицейского и домохозяйки.

В детстве он мечтал пойти по стопам отца, но родители хотели дать ему более престижную профессию. Следуя наставлениям родителей, Боб поступил и в 1966 г. закончил иллинойский Колледж Кнокс по специальности «химия», там же приобрел знания русского языка.

В 1968 г. женился. Жена — Бонни Вок, набожная католичка и член закрытого консервативного религиозного общества Opus Dei («Божий промысел»), по слухам, оказывавшего влияние даже на папу римского Иоанна-Павла II. Хансен, который исповедовал лютеранство, под влиянием жены позже перешел в католичество и стал членом этого общества.

После окончания колледжа Хансен поступил в чикагский Северо-Западный университет, чтобы стать зубным врачом, но вскоре передумал и перешел на факультет учета и бухгалтерского дела, который успешно закончил в 1971 г. По окончании университета получил диплом магистра деловой администрации по специальности «бухгалтерия и информационные системы». Недолго поработав в одной из городских финансовых компаний младшим финансовым консультантом, Хансен, во исполнение своей мечты детства, поступил на работу в департамент полиции Чикаго.

По окончании местной полицейской академии он был назначен на должность следователя по финансовым правонарушениям. Через некоторое время его перевели в элитное спецподразделение С-5, основной задачей которого являлось разоблачение коррумпированных сотрудников полиции. Но даже эта ответственная должность не могла удовлетворить честолюбие Хансена, и через три года он подал рапорт о переводе в Федеральное бюро расследований. Учитывая, что Хансен хорошо владел русским языком, по его рапорту было принято положительное решение.

12 января 1976 г. он был зачислен в штат ФБР и направлен на учебу в академию Бюро в Куантико, штат Индиана. Затем Хансен в течение трех лет работал в отделении Бюро в Чикаго, где специализировался на преступлениях, связанных со взяточничеством и растратами.

В 1979 г. Хансена перевели в нью-йоркское отделение ФБР,

где поручили создать автоматизированную базу данных для выявления и отслеживания сотрудников советской разведки.

В ежегодных аттестациях начальство отмечало, что Хансен — *«отличный специалист в области электронно-вычислительной техники, нестандартно мыслящий сотрудник, стремящийся повысить эффективность деятельности ФБР, но имеющий противоречивый характер, иногда мешающий ему находить общий язык с коллегами».*

Помимо своих основных обязанностей, Хансен охотно помогал сослуживцам при установке техники прослушивания и скрытного видеонаблюдения. А они считали его эдаким чудаковатым «гением». Может быть, еще и потому, что он избегал разговоров о женщинах, о спорте или на другие дежурные темы, которые обычно обсуждаются сотрудниками Бюро в курилках и кафетериях. Вместе с тем он мог бесконечно долго доказывать безбожность коммунистического мировоззрения. Хотя доставалось от него и Америке, которую он часто ругал, называя *«сильным, но умственно отсталым ребенком, поддающимся внушению и поэтому потенциально опасным».* Являясь образцовым католиком, Хансен регулярно с семьей посещал церковь, а такие заведения, как стриптиз-клубы, называл «прибежищем греха».

Никто не видел его в спортзале — этом культовом месте поддержания хорошей физической формы сотрудников ФБР. У Хансена, как и у всех, был свой шкафчик для одежды и спортивных принадлежностей, но он всегда пустовал. В отличие от большинства сотрудников Бюро, Хансен никогда не носил положенного ему огнестрельного оружия.

Все работавшие с ним знали его как умного и способного профессионала, но в то же время он не умел сближаться с людьми. Как всякий интроверт, он держал все в себе. К тому же, Хансен имел мрачный вид, предпочтение отдавал костюмам черного цвета, покроем напоминавшим униформу героев знаменитого голливудского фильма 1950-х гг. «Сотрудник ФБР». За костюмы и отсутствие чувства юмора коллеги за глаза называли его «Гробовщик» или «Доктор Смерть». Однако никто не слышал от него жалоб на весьма скромное по меркам многих жалованье — 46 тысяч долларов в год, — и это притом, что у него на иждивении были шестеро детей и неработающая жена!

Действительно, все близко общавшиеся с Хансеном люди считают, что он меньше всего похож на человека, который мог стать агентом русских разведчиков. Но пройдет совсем немного времени, и он, специальный агент ФБР, станет на шпионскую стезю…

* * *

О сложной натуре Хансена красноречиво свидетельствуют его отношения с некой Присциллой Сью Гейли, танцовщицей стриптиз-клуба, которая была на пятнадцать лет моложе.

Учась в школе, эта взбалмошная девица влюбилась в учителя. Любовный роман закончился абортом, бегством из дому, скоропостижным браком с еще одним великовозрастным обалдуем, выкидышем и таким же быстрым разводом. Оказавшись без средств к существованию, Присцилла начала работать стриптизершей в баре для шоферов-дальнобойщиков. Со временем она добилась такого успеха, что в 1980 г. была признана лучшей стриптизершей родного штата Огайо и получила приглашение работать в престижном клубе «Золотой банан» в Бостоне.

В 1990 г. в свои 32 года Присцилла выглядела на 25, выступала в элитном вашингтонском клубе «Смешливый бегемот», имела полдюжины бой-френдов, массу поклонников и вообще была всем довольна и наслаждалась жизнью. Иногда, правда, она нюхает кокаин и злоупотребляет алкоголем, но это так, чтобы расслабиться. Да и кто у нас сегодня без греха?! И вдруг во время представления она получает записку с прикрепленными к ней 10 долларами от… Хансена.

Да-да, от того самого пуританина, кто принародно называл стриптиз-клубы «прибежищем греха». Что это, седина в бороду — бес в ребро? Оказалось — нет, хотя в записке были такие слова: «Никогда не думал найти такую грациозную и прекрасную женщину в стриптиз-клубе».

За этим следует ланч тет-а-тет, во время которого Хансен настолько очаровал женщину, что она дает ему свой домашний телефон. Но он, к ее изумлению, его не берет!

«Спасибо, я знаю и номер телефона, и адрес, — говорит он и добавляет: — *Я* — специальный агент Бюро, я видел твое досье. Оно чистое. *Я подумал,* ты — тот человек, который может вернуться к нормальной жизни. Мне захотелось помочь тебе в этом».

Хансен не обманул Присциллу. Через несколько дней он вручил ей две тысячи долларов наличными, чтобы она посетила стоматолога и вылечила зубы, а на следующей встрече подарил ей дорогое колье.

Они обедают в дорогих ресторанах, посещают ночные клубы, а также… Национальную галерею, где Хансен показывает Присцилле свои любимые картины испанских и итальянских мастеров.

Они часто обсуждают ее будущее, планируя, чем она займется после того, как бросит ремесло стриптизерши. Самое удивительное для Присциллы было в том, что «Бобби от меня ничего не требовал!».

Лишенная возможности общаться со своими бой-френдами, она вскоре полностью перешла на его содержание, не подозревая, что деньги он тратит не из кассы Бюро, а из собственного кошелька.

Поначалу ей казалось, что Хансен хочет с нею просто дружить, но зачем? Если хозяин клуба не дотрагивался до нее, приберегая для своих друзей и богатых клиентов, под которых он подкладывал ее без всяких колебаний, получая огромные комиссионные, то Бобби даже разговоров о сексе не заводит! В чем же дело?!

В ходе многочасовых бесед Хансен часто повторял Присцилле одну и ту же фразу: *«Я* не хочу с тобой любовных отношений, потому что прелюбодеяние противно Богу, жизнь и мораль человека сильны любовью к Господу, да и вообще, не будем нарушать существующий между нами пафос дистанции. *Я* на правах твоего персонального мессии со временем подберу тебе подходящую, на мой взгляд, работу, чтобы ты покончила со своим богопротивным ремеслом…»

…Как-то в августе 1991 г., после ужина в шикарном мексиканском ресторане «Хаймалито», Бобби сделал Присцилле сказочный подарок: вручил конверт, в котором находились кредитная карточка «Американ экспресс» и ключи от «Мерседеса».

После ареста Хансена ФБР установило, что за «Мерседес» он заплатил $10 тысяч, а общие его расходы на Гейли превысили 100 тысяч долларов. Ее сестра, допрошенная в качестве свидетеля, утверждала, что в то время у Присциллы не было никаких забот: «Стоило возникнуть какой-то пустячной проблеме, надо было лишь поднять телефонную трубку и все тут же, как по мановению волшебной палочки, устраивалось!»

Но ничто не вечно под луной. Черт дернул Присциллу отправиться в родной городок Колумбус, чтобы отметить с родными Рождество и сообщить им, что она уезжает во Францию, где Хансен подыскал ей работу. Тут-то и пришел конец ее счастливой жизни. Встретившись со старыми дружками, она пустилась во все тяжкие, злоупотребляя алкоголем и наркотиками.

Конечно, она не знала, что играет с испепеляющим огнем! Испытательный период наставления заблудшей овцы на путь истинный закончился также неожиданно, как и начался.

Хансен, примчавшись в Огайо и найдя Присциллу в

невменяемом состоянии в наркопритоне, заявил: «Это не пройдет!» — после чего отобрал у нее кредитку и прекратил с нею всяческие отношения.

Дело в том, что, по договоренности с Бобби, Присцилла могла использовать кредитную карту только для обслуживания своего авто. Она же сделала покупки по кредитке, о чем немедленно банк известил владельца «Американ экспресс», то есть Хансена. Когда позднее Присцилла была арестована в связи со злоупотреблением наркотиками и позвонила Хансену, умоляя помочь, он, не произнеся ни слова, бросил трубку.

После осуждения Хансена Присцилла заявила репортерам: «Это был самый милый человек на Земле. *Я* всегда считала, что он — мой ангел-хранитель, спустившийся ко мне с розового облака. *Я* в шоке от того, в чем его обвиняют. Он не похож на человека, который мог бы сделать что-то неправильное».

Глава вторая
СМЕНА ПСЕВДОНИМОВ

Однажды — это было в ноябре 1979 г. — Хансен запросто вошел в офис советской внешнеторговой организации «Амторг», которая использовалась Главным разведывательным управлением (ГРУ) Генштаба ВС СССР в качестве прикрытия, и предложил свои услуги в качестве информатора. А чтобы подтвердить свою готовность к сотрудничеству, он выдал генерал-майора ГРУ Дмитрия Полякова, работавшего на ЦРУ, и список советских дипломатов, подозреваемых ФБР в принадлежности к разведывательным органам СССР.

В 1980 г. Бонни, подозревая супруга в любовной связи на стороне, исподволь стала следить за ним. И однажды ночью, нагрянув в подвал их дома в пригороде Нью-Йорка Скарсдейле, застала его за подготовкой агентурного донесения сотруднику ГРУ. Чтобы убедить жену, что он пишет отнюдь не любовное послание, Хансен признался в сотрудничестве с русскими, однако заверил ее, что водит их за нос, передавая ничего не значащую информацию.

Будучи истовой католичкой, Бонни заставила Боба исповедаться в своем грехе пастору местной церкви, а затем добилась обещания, что он прекратит связь с русскими. В качестве доказательства своей решимости он должен перевести все деньги, полученные от ГРУ, — около 30 000 долларов — на счет церкви. В последующие годы крупные суммы денег, заработанные нелегально, Хансен регулярно переводил известной монахине матери Терезе, активно занимавшейся благотворительной помощью больным детям в бедствующих районах Азии и Африки.

В 1981 г. Хансена перевели в управление разведки центрального аппарата ФБР в Вашингтоне, а вскоре повысили в должности — назначили начальником отделения. Через некоторое время он получил назначение в финансовое управление Бюро, где занимался анализом финансовых поступлений и подготовкой секретных проектов бюджетных ассигнований Конгресса США для ФБР.

В 1983 г. Хансена назначают руководителем специального подразделения Бюро, в задачу которого входит оценка и анализ информации о деятельности советской разведки на территории США. Он также становится членом комитета ФБР, координирующего работу американских спецслужб по

противодействию советской разведке с использованием технических средств. Большая часть информации, к которой имеет доступ Хансен, поступает из ЦРУ.

В сентябре 1985 г. Хансена вновь переводят в Нью-Йорк и повышают в должности. Теперь он — руководитель контрразведывательных операций в нью-йоркском отделении ФБР, что значительно расширяет его доступ к секретной информации. Он отвечает за проведение операций с использованием технических средств в отношении советских сотрудников ООН и консульства.

Через десять дней после назначения на эту должность Хансен, войдя в почтовое отделение Центрального вокзала, направил сотруднику советского посольства Виктору Дегтярю, проживавшему в городке Александрия, штат Вирджиния, запечатанный пакет. В нем находился конверт с надписью: «Не вскрывать! Немедленно передать конверт Черкашину Виктору!»

Хансен отлично знал, кому отправлять пакет с вложенным в него письмом с секретными сведениям и предложением о сотрудничестве.

Дело в том, что Виктор Дегтярь был сотрудником линии КР (внешняя контрразведка) вашингтонской резидентуры ПГУ КГБ и работал под дипломатическим прикрытием.

В тот же день пакет с нераспечатанным письмом Дегтярь привез в посольство и передал полковнику Черкашину, возглавлявшему в вашингтонской резидентуре службу контрразведки.

На конверте не было никаких следов, указывавших на отправителя письма, но не вызывал сомнения тот факт, что его автор был далеко не новичок в мире шпионажа. Он действовал беспроигрышно, используя почтовый канал, так как знал наверняка, что ФБР снижает интенсивность слежки за разведчиками, когда они дома, и тем самым рисковал меньше, чем если бы вступил в прямой контакт с кем-нибудь из оперработников. Кроме того, адресуя письмо полковнику, отправитель демонстрировал свою осведомленность о занимаемом Черкашиным положении в вашингтонской резидентуре. Единственное, чего он не мог предполагать, что этому письму суждено сыграть трагическую роль в судьбе многих мастодонтов американских спецслужб. Но случится это лишь через 16 лет…

…Вскрыв конверт, Виктор Иванович с удивлением обнаружил, что послание адресовано лично ему: «Мистер Черкашин! В самое ближайшее время я отправлю мистеру Дегтярю пакет с документами. Они имеют отношение к

некоторым в высшей степени секретным проектам различных подразделений разведывательного сообщества США. Все они — оригиналы, чтобы упростить доказательство их подлинности.

Должен предупредить о том риске, которому я подвергаюсь и о котором Вы можете не знать. С точки зрения интересов нашего долгосрочного сотрудничества, пожалуйста, имейте в виду, что круг лиц, обладающих такой степенью допуска, какя, крайне ограничен. Поэтому эти документы, собранные вместе, сразу укажут на меня. *Я надеюсь, что* такой опытный сотрудник, как Вы, будет обращаться с ними надлежащим образом. *Я* полагаю, что этих документов достаточно, чтобы оправдать выплату мне 100 000 долларов.

В последнее время Вашу службу постигла серия неудач. Предупреждаю Вас, что мистер Борис Южин (линия ПР, Сан-Франциско), мистер Сергей Моторин (линия ПР, Вашингтон) и мистер Валерий Мартынов (линия «Х», Вашингтон) были рекрутированы нашими специальными службами.

Сообщение о деталях того, как и сколько мне Вы должны будете платить, а также информация относительно наших контактов, будут посланы лично Вам. Мое имя и положение, которое я занимаю в разведывательном сообществе США, должны оставаться неназванными для обеспечения моей безопасности».

В постскриптуме таинственный «доброволец» предложил довольно простой способ проведения тайниковых операций: *«Я* готов рассмотреть Ваши предложения, но я не хочу, чтобы все выглядело уж слишком по-шпионски. *Я добавляю* цифру *«6»* (то есть Вы ее высчитаете от обусловленных дат, месяцев, дней и часов соответствующих мероприятий обеих сторон)».

Далее в письме содержалась информация о сбежавших к американцам советских гражданах. Автор также охарактеризовал несколько операций, которые были проведены на территории США против советской разведки с использованием новых технических средств. Были приведены данные о расходах правительства США на разведывательную деятельность, включая расходы на Агентство национальной безопасности, ЦРУ, ФБР и военную разведку.

Письмо не было подписано.

Волкодав контрразведки полковник Черкашин, до командировки в США руководивший операциями в резидентурах КГБ в Индии и в Ливане, не спешил оценивать важность полученных сведений. Все казалось ему слишком невероятным, чтобы этому можно было поверить. Возникал вопрос: является ли предложение реальным или это провокация американцев, призванная с помощью агента-двойника втянуть вашингтонскую

резидентуру, а если повезет, то и весь Комитет, в заведомо провальное предприятие, а затем и загнать их в ловушку?

Ведь в активе Черкашина уже была апрельская вербовка начальника контрразведывательного подразделения отдела работы против Советского Союза (SE) ЦРУ Олдрича Эймса. Вербовка, которая была более чем достаточным достижением за весь срок службы полковника в разведке.

Получение письма с таким набором сенсационной информации, да еще и от профессионала, выглядело абсолютно неправдоподобно! Может быть, письмо — дело рук самого Эймса, и послано оно в целях самозащиты? Ход его мыслей мог быть таким: если переписка между русскими разведчиками и московским Центром перехватывается ФБР, то получение им «доказательства» в виде письма, что вашингтонская резидентура имеет двух ценных источников, поможет снизить подозрения в отношении него, Эймса. Да, есть от чего закружиться голове!

Черкашин вспомнил, что 1985-й называют «годом шпиона», и махнул рукой — будь что будет!

И действительно, 16 октября, спустя полторы недели после получения Дегтярем письма от анонимного автора, все повторилось снова. Но на этот раз почта доставила Дегтярю увесистый пакет, который он незамедлительно отвез в посольство и передал Черкашину.

Как и было обещано автором посланий, в пакете находилось большое количество секретных документов.

На этот раз новые материалы незнакомца наглядно продемонстрировали полковнику, что он имеет дело с сильным и волевым профессионалом, решившим стать шпионом. Аноним принял все меры, чтобы его личность невозможно было установить. Сделано было это от осознания того, что наибольшую для него опасность представляют «кроты» — агенты ЦРУ и ФБР, действующие внутри советской разведки.

…Кстати, потребовалось целых 16 лет, чтобы Черкашин, да и все руководство Службы внешней разведки России, наконец, узнали имя автора полученного письма.

Да, вот еще что. Ни полковник Черкашин, ни его коллеги из ПГУ не подозревали, что за шесть лет до установления контакта с КГБ, Хансен сотрудничал с ГРУ, подписывая свои донесения псевдонимом «Ramon Garcia».

Как бы там ни было, в вашингтонской резидентуре новому источнику присвоили псевдоним «Karat», однако чаще в документах использовалось слово «Source» — «Источник».

Первым из указанных «Источником» предателей будет нейтрализован агент ФБР «Гоз» — в миру Сергей Моторин. Потом

придет черед Валерия Мартынова. Имя Дмитрия Полякова вновь всплывет лишь в начале 1986 г. во время новой волны разоблачений, инициированной Олдричем Эймсом.

Глава третья
«КОМАНДОВАТЬ ПАРАДОМ БУДУ Я!»

На начальной стадии сотрудничества неожиданным камнем преткновения стало разное видение резидентурой КГБ и Хансеном способов связи.

По выверенной десятилетиями практике советской разведки сотрудники резидентуры всегда сами подбирали места для тайников и сигналов для агентов и, как правило, вели всю подготовительную работу. На этот раз все было ровно наоборот. Резидентуре оставалось лишь закладывать тайники и проставлять сигналы.

Действительно, стоило лишь полковнику Черкашину заикнуться о том, что места для тайниковых операций будут подбираться резидентурой, как новобранец тут же заявил: «Ну уж нет! *Я не* собираюсь в костюме ползать на четвереньках и шарить в грязи».

Таким образом, он давал понять полковнику, что желает иметь железную легенду по каждому своему движению.

Черкашин возразил: «Делайте, так, как скажем мы».

На что Хансен ответил: «Нет, это ВЫ будете делать то, что скажу вам Я!»

На практике же связь осуществлялась так.

Сотрудники резидентуры находили места для закладки тайников, а Хансен одобрял их или отвергал. Первый тайник для Хансена был заложен на противоположной стороне улицы, где находился его дом. Остальные закладки делались на расстоянии нескольких километров от него.

Обычно Хансен сначала ставил сигнал, затем закладывал тайник. Кто-то из сотрудников резидентуры фиксировал сигнал, вынимал вложение, оставляя для агента новую закладку, и уезжал — все делалось «в одно касание». Хансен возвращался, зачищал тайник, ставил об этом сигнал и этим заканчивал свой этап операции.

Таким образом, для резидентуры операция состояла из одного этапа, тогда как Хансену приходилось преодолевать от четырех до пяти: прочитать сигнал, заложить тайник, изъять вложение, уехать, затем на следующий день приехать и проверить сигнал о выемке вложения.

Действительно, такая организация работы минимизирует риск для сотрудников резидентуры и делает его максимальным для агента. Никто в мировой разведывательной практике до этого

так не работал. Такой способ работы придумал Хансен. А уж он-то, как никто другой, знал, как тщательно фиксируется каждый шаг советских разведчиков, в то время как сам он был бесконтролен и свободен в своих передвижениях.

Таким образом, с высоты накопленного опыта в работе с Хансеном, сегодня можно уверенно утверждать: предложенный им способ общения через тайники являлся оптимальным для обеих сторон.

Черкашину, однако, показалось, что новобранец исходит только из личного опыта, в то время как у КГБ — богатые традиции! Поэтому в своем письме Хансену он попытался выяснить, как далеко можно пойти в плане навязывания ему своих условий и правил работы с ним. *И хотя* подобранное Хансеном место тайниковой операции не вызывало возражений, тем не менее для резидентуры оно было новым и неизученным.

В связи с этим Хансену были предложены несколько других мест, которые находились в резерве у резидентуры, ею самой подбирались, а их особенности были хорошо известны сотрудникам.

Кроме того, Черкашин высказался за использование более сложной системы обмена сообщениями, включая применение технических средств, в частности, так называемых «импульсных радиопередатчиков», позволяющих «выстреливать» сигналы короткими и мощными «залпами», которые практически невозможно запеленговать.

В московском Центре внимательно следили за препирательствами сторон. Там о Хансене уже начало складываться ошибочное мнение, что он хочет вести себя, как породистый английский аристократ, свысока взирающий на вульгарно пахнущих деньгами купчиков из советской разведки.

Компромисс был достигнут благодаря выдержке и гибкости Черкашина. Полковник интуитивно почувствовал, что лучший способ обеспечения безопасности потенциального агента состоит в том, чтобы согласиться со всем, что он предлагает. Если он хочет сам определять правила и способы работы с ним, резидентура не будет тому препятствовать. Ее будет интересовать самое главное — получение от него ценной разведывательной информации.

Оставалась нерешенной денежная сторона дела. За свои услуги «Источник» запрашивал 100 000 долларов, что для первого раза было очень большой суммой. Да, он передал первоклассную разведывательную информацию, но в КГБ уже были известны и успешно разрабатывались те шпионы, которых он выдал. И еще одно: рано или поздно — лучше рано — нужно было установить

пределы навязывания резидентуре его условий. Как раз запрашиваемая им сумма и была поводом сделать это безотлагательно!

По согласованию с Центром остановились на половине суммы, в которую оценил свои услуги «Источник». Резидентура сделала тайниковую закладку, агент успешно ее изъял, о чем и поведал в отправленном 8 ноября 1985 г. на адрес Дегтяря письме: «Спасибо за 50 000 долларов. Я также признателен за Ваше мужество и упорство, которые помогли Вам преодолеть общеизвестные бюрократические препоны, характерные для Вашей организации. Я бы не пошел на контакт с Вами, если бы не знал, что Вы пользуетесь уважением в этой организации, которую я изучал много лет. Я ожидал, что Вы предложите свою схему работы со мной. Я пошел на использование почты в рамках неизбежного риска и не намерен больше прибегать к этому каналу связи для передачи ценной информации. Я сделал это только для того, чтобы Вы убедились в серьезности моих намерений, чтобы Вы правильно оценили мою долгосрочную привлекательность для Вашей организации, а также, чтобы сразу установить необходимый уровень безопасности в наших взаимоотношениях».

Письмо Хансена в какой-то степени дало ответ на причины, которые повлияли на принятие им решения о сотрудничестве с КГБ.

«Что касается денег, то мне не требуется больше 100 000 долларов, да я и не знаю, как их использовать. Это только лишняя головная боль для меня, поскольку я не могу эти деньги свободно потратить, спрятать их куда-нибудь в кубышку или легко вложить в какое-нибудь дело без риска их обнаружения с пометкой *«внимание — грязные деньги наркоторговли».* Возможно, в будущем я приобрету немного драгоценных камней для моих детей, а также, возможно, в качестве жеста доброй воли, когда придет время, вы воспользуетесь моими услугами в качестве приглашенного лектора. Ну и напоследок — мне нужен план побега на случай чрезвычайных обстоятельств — ничто не длится вечно».

Письмо не оставляло сомнений в том, что мотивы сотрудничества «Источника» с советской разведкой носят чисто профессиональный характер. Он либо не удовлетворен своей работой, либо она ему смертельно надоела.

Легко распознаваемый менторский тон письма подсказывал, что Хансен считает себя профессионалом высокого класса и не может отказать себе в удовольствии этим покрасоваться.

В письме также присутствовали дополнительные признаки

того, что автор — не просто сотрудник ФБР, а принадлежит именно к контрразведывательной элите Бюро.

Что касается предателей, о которых КГБ в мае текущего года уже известил Эймс: Южина, Моторина и Мартынова, то о них «Источник» сообщил следующее: «Я не могу предоставить документально подтвержденные доказательства, поскольку сейчас это может вызвать подозрения. Тем не менее мои сведения базируются на моем опыте работы и умении обобщать данные, к которым я имею доступ. Имена стали известны мне в рамках моих служебных обязанностей как одному из ограниченного числа сотрудников, которые имеют допуск к информации строго определенной категории. Существуют вполне обоснованные обстоятельства задавать некоторые конкретные вопросы. На этих ребят были потрачены серьезные деньги. Один из них прятал деньги в сумку с двойным дном, когда уезжал в отпуск домой».

В конце письма «Источник» сообщил некоторые подробности новых технических средств для прослушивания советских учреждений, которые были разработаны Агентством национальной безопасности после соответствующего задания ФБР.

Хотя агент отверг все варианты работы с ним, полковник Черкашин и Центр ничего не имели против того, что он сам будет определять правила работы. С этим пришлось смириться, забыв об уязвленной гордости. Главное было в том, что советской разведке, как и в случае с Эймсом, опять повезло, и работу начали вести на самом высоком уровне!

Глава четвертая
«ВАШИНГТОНСКИЙ ТОННЕЛЬ»

Информация, переданная Хансеном за время сотрудничества с нами, оценивается в десятки миллиардов долларов. Комитет госбезопасности СССР, а затем Служба внешней разведки Российской Федерации получили от агента тысячи документов, преобладающее большинство которых было на 27 дискетах, переписанных непосредственно с компьютерных серверов Федерального бюро расследований.

Разведданные, предоставленные Хансеном, помогли нам раскрыть ряд чрезвычайно дорогостоящих и технически совершенных программ Агентства национальной безопасности по перехвату и подслушиванию, из которых самой шокирующей для нас явился тоннель под советским посольством в Вашингтоне, сооруженный АНБ при помощи ФБР.

Опыт показывает, что ведущие англосакские спецслужбы — Центральное разведывательное управление США и Сикрет интеллидженс сервис Англии — имеют традиционное пристрастие к «землеройным операциям». Взять хотя бы операцию «Золото».

Операция «Золото»

Со времен библейского персонажа Раав-блудницы — содержательницы постоялого двора в Иерихоне, которая прятала соглядатаев Иисуса Навина, за что она и ее род были помилованы при уничтожении города, — самую ценную информацию и помощь разведка получала от так называемых *агентов проникновения,* или, выражаясь языком англоговорящих спецслужбистов, — «кротов», которые в силу разных причин работали на противника.

Долгое время явное превосходство в этой области было за советской стороной. Почему?

Во-первых, в начале 1950-х гг. Советский Союз был признанным оплотом коммунизма, способным находить поддержку у многих иностранных граждан, которых привлекали его цели и идеалы. Ничто не заставило бы их предать свою страну в пользу национальных интересов другого государства, но по идейным соображениям они были готовы работать на СССР. У Запада такого преимущества не было.

Во-вторых, Советский Союз с самого его основания был осажденной крепостью. Поэтому, чтобы оградить себя, он должен был развивать такую систему безопасности, которая препятствовала бы тому, чтобы западные разведслужбы могли войти в контакт с теми советскими гражданами, которые захотели бы на них работать.

Столкнувшись с изложенными проблемами в первые годы холодной войны, изобретательные головы западных разведсообществ напряженно обдумывали пути и средства их преодоления. Разумеется, при этом никто не собирался отказываться от традиционных способов добычи информации с помощью человеческого фактора, то есть с помощью агентуры, в том числе и «кротов» в советских спецслужбах, но приоритет тем не менее отдавался техническим средствам.

Операция «Золото», наиболее успешная из всех проведенных ЦРУ «подземных операций», возникла не на пустом месте и имела своих, хотя и менее знаменитых «сестер». Предыстория ее такова.

В СИС одним из поборников технической разведки был некто Питер Ланн, сын сэра Арнольда Ланна, магната туристического бизнеса Великобритании. Как и многие другие интеллектуалы, переведенные на нестроевую службу и не обученные маршировать строем, Ланн пришел в СИС во время войны.

Невысокого роста и хрупкого телосложения, он производил впечатление человека робкого и застенчивого. На самом же деле это был борец, нацеленный только на победу. Недюжинные природные способности, сильная воля и трудолюбие вскоре выдвинули его в первые ряды преуспевающих офицеров разведки, которые быстро продвигались по служебной лестнице. В 1950 г. он был назначен резидентом британской разведки в Вене, где воочию убедился в трудностях проникновения к русским секретам, в частности, в штаб советских Вооруженных сил.

Однажды, вскоре после своего назначения, он, просматривая кипу донесений от своего осведомителя в Австрийской телефонной службе, сделал для себя неожиданное открытие: несколько телефонных кабелей, реквизированных Советской армией и связывающих штаб советских войск в Вене с некоторыми соединениями, аэродромами и другими важными объектами, проходили через английскую и французскую зоны оккупации. Решение созрело мгновенно. Подключившись к этим линиям и записывая разговоры, можно извлечь бесценную информацию! Разумеется, в прослушивании телефонов не было ничего нового, но раньше такие мероприятия проводились в отношении отдельных подозреваемых и в основном в целях безопасности. Прослушивание же целых линий, используемых

иностранными вооруженными силами, было совершенно новым и многообещающим направлением шпионажа.

Детальное изучение кабельной сети и местности, по которой она была проложена, показало, что наиболее удобным пунктом, где можно было устроить пост прослушивания, является здание британской военной полиции, как раз напротив которого, буквально в шести метрах, залегал телефонный кабель, связывающий советский военный штаб в Вене с аэродромом в Швехате.

Согласно разработанному плану, из подвала полицейского участка был прорыт небольшой тоннель, установлено ответвление от кабеля и оборудован «пост прослушки» с необходимой записывающей аппаратурой.

Успех операции превзошел все ожидания и воодушевил инициатора на установку звукозаписывающей техники еще на двух советских линиях связи.

К концу 1952 г. материал, получаемый из этих трех источников, первый из которых имел кодовое название «Конфликт», обеспечил устойчивый приток ценной разведывательной информации.

Еще одна подобная операция, известная под кодом «Сладости», направлялась из здания, занятого английской фирмой бижутерии. Фирма держалась на плаву благодаря финансовым поступлениям от разведки и выполняла роль прикрытия. Столичные модницы, посещавшие магазин, разумеется, понятия не имели, что прямо у них под ногами магнитофоны записывают телефонные разговоры высших военных чинов советского штаба.

Наконец, третья операция, «Лорд», велась из элегантной виллы в одном из фешенебельных предместий Вены, хозяевами которой для окружающих являлась молодая привлекательная супружеская пара англичан-рантье, которые в действительности были офицерами СИС.

Все три операции являлись составными частями одного масштабного технического мероприятия под кодовым названием «Серебро».

Материал, полученный в результате проведения перечисленных операций, со временем достиг такого объема, что среди высших чинов британской разведки быстро распространилась вера во всесилие технических мероприятий и пренебрежение к агентурной разведке, как к какому-то анахронизму и едва ли не пережитку прошлого.

Неудивительно, что очень скоро сотрудники ЦРУ решили взять на вооружение наработки своих английских коллег из СИС.

…Осенью 1953 г. в Лондоне было проведено несколько совещаний представителей ЦРУ и СИС, разработчиков операции по прокладке тоннеля, которая получила кодовое название «Золото». На одном из совещаний присутствовал наш агент «Диомид», он же — кадровый офицер СИС Джордж Блейк, который подробно проинформировал московский Центр о подготовке строительства тоннеля.

В августе 1955 г. ЦРУ и СИС подключились к нашим линиям связи и начали записывать передаваемую по ним секретную информацию.

Всего в ходе операции «Золото» было записано около 500 тысяч секретных переговоров.

ЦРУ получило сведения о советских политических акциях и намерениях, касающихся статуса Берлина, об отношениях СССР с западными оккупационными властями, а также данные о дислокации многих войсковых частей и подразделений. Кроме того, американцам стали известны некоторые аспекты советской атомной программы, так как по прослушиваемым каналам связи передавалась информация о работе сверхсекретного предприятия «Висмут», добывавшего в ГДР урановую руду…

Самый большой урон был нанесен военной разведке. ЦРУ стали известны не только имена и прикрытия, под которыми действовали около 400 офицеров Главного разведывательного управления, но и проводимые ими масштабные агентурные операции на территории Западного Берлина и ФРГ.

В результате операции «Золото» арсеналы главного противника пополнились информацией о разведуправлении Закавказского военного округа и его подразделениях, дислоцированных на границе с Турцией и Ираном. Кроме того, «подземное мероприятие» позволило американским и английским спецслужбам добыть данные о частях связи особого назначения ГРУ, занимавшихся перехватом и расшифровкой радиосообщений западных оккупационных войск в Западном Берлине и ФРГ.

Берлинский тоннель был «случайно» обнаружен в 1956 г. только после того, как агент «Диомид» был переведен в подразделение СИС, не имевшее отношения к операции «Золото». И хотя Кремль пытался использовать «подземные проказы» спецслужб Запада в своих пропагандистских целях, эффект оказался совершенно обратным — западные средства массовой информации раструбили на весь мир о триумфе ЦРУ.

Результаты операции «Золото» воистину можно считать золотыми для ЦРУ и СИС.

…Успехи ЦРУ и СИС на ниве добывания сведений военного и политического характера, составлявших государственную тайну СССР, остаются на совести бывших руководителей Первого главного управления КГБ при СМ СССР. Ради зашифровки агента «Диомида» они скрыли от высшего руководства страны и Министерства обороны представленную им информацию, чем нанесли колоссальный урон нашей обороноспособности и государственным интересам Советского Союза в целом.

Зная подробности истории с операцией «Золото», нельзя быть уверенным, что желание обеспечить безопасность Хансена опять не перевесило необходимость сохранения государственных секретов…

«Вашингтонский тоннель»

«Вашингтонский тоннель» был образцом электронного чуда, напичканным «под завязку» самой совершенной аппаратурой, позволявшей американцам прослушивать разговоры, ведущиеся на территории и в здании посольского комплекса. Для его строительства были использованы специальные конструкционные материалы, хорошо проводящие звук.

Работы по прокладке «вашингтонского тоннеля» начались в конце 1970-х гг. с подбора фирм-подрядчиков. Их искало по всей территории США, а затем оценивало на конкурсной основе специальное подразделение ФБР. Одновременно с тоннелем в районе Висконсин-авеню и Тунло-роуд возводилось и новое здание советского посольства.

Начинался тоннель в одном из жилых домов по соседству с посольским комплексом. Проектная стоимость строительства не превышала 450 миллионов долларов. Но затем, когда подрядчикам пришлось решать не предусмотренные сметой задачи по протечке воды, по скрытному вывозу грунта и т. п., стоимость тоннеля взлетела до небес. По свидетельству всезнающих местных репортеров, общие затраты на реализацию этого проекта обошлись американским налогоплательщикам в *миллиард* долларов!

В 1979 г., только-только наши дипломаты стали обживать кабинеты частично построенного здания посольства, стартовала американская пропагандистская кампания по обвинению СССР в использовании нового посольского комплекса, расположенного в одном из самых высоких мест Вашингтона, для сбора разведывательных данных при помощи радиоэлектронного оборудования.

Более того, Советский Союз обвинили и в установке прослушивающей аппаратуры в новом здании посольства США в Москве.

По устному указанию Михаила Горбачева этот факт в декабре 1991 г. подтвердил Вадим Бакатин, последний председатель КГБ СССР, распорядившийся передать американцам (как выяснилось впоследствии, безвозмездно!) всю документацию о наших «жучках» в их дипмиссии на улице Чайковского.

Эти два обвинения американской стороны, возникшие синхронно, были этапами одной операции, спланированной и проводимой ФБР и ЦРУ, целью которой являлась отсрочка переезда советской дипломатической миссии в новое здание. Действительно, отделочные работы в помещениях корпуса были закончены лишь в 1992 г., аккурат к окончанию монтажных работ и наладки прослушивающей аппаратуры в тоннеле!

На полную мощность подземный электронный монстр заработал в середине 1980-х гг. и функционировал вплоть до 1995 г. Когда сдавали тоннель в эксплуатацию — веселились, подсчитали дивиденды — прослезились. Ведь мало того что на строительство тоннеля был потрачен целый миллиард, в будущем предстояли еще амортизационные потери аппаратуры, ее обслуживание, обходившееся в копеечку (в полновесный цент!), и расходы на содержание штата высококлассных техников-смотрителей, и прочая, прочая, прочая, что также требовало огромных финансовых затрат! Словом, к концу последнего десятилетия XX века в ФБР и ЦРУ поняли, что овчинка выделки не стоит, потому что, как это было вскользь указано в июньском 1994 г. меморандуме ЦРУ, «перехватываемая с помощью тоннеля информация не соответствует действительности».

Столичная газета «Вашингтон пост» была и вовсе безапелляционна: «До середины 1990-х гг. на поддержание дееспособности тоннеля тратились огромные деньги, хотя задолго до этого уже появились подозрения, что перехватываемые с его помощью сведения — сплошь дезинформация русских. Как пояснил нам один высокопоставленный республиканец, *«этот экстраординарный проект попросту накрылся медным тазом».*

«Жучок» в государственном департаменте США

В феврале 1995 г. Хансен получил самое ответственное назначение за все время службы в силовых ведомствах — должность официального представителя ФБР в Государственном департаменте Соединенных Штатов Америки.

Под эгидой Управления иностранных представительств Госдепа он шесть лет занимался вопросами контрразведывательного обеспечения как собственно внешнеполитического ведомства США, так и его посольств за рубежом. В обязанности Хансена входила также организация контроля над передвижением по территории страны сотрудников иностранных разведок, действующих под дипломатическим прикрытием.

В конце 1990-х гг. Хансену удалось установить подслушивающее устройство в конференц-зале Госдепартамента, расположенном вблизи кабинета госсекретаря Мадлен Олбрайт. Таким образом почерпнутые агентом в беседах с дипломатами сведения дополнялись информацией, полученной в ходе технического контроля.

Когда в декабре 1999 г. сотрудники отдела собственной безопасности Госдепа обнаружили это устройство, разразился громкий скандал. Он приобрел характер цунами после того, как у входа в здание Госдепа агентами ФБР был задержан Станислав Гусев, второй секретарь российского посольства в Вашингтоне, который по долгу службы регулярно появлялся в этой синекуре. Подозрение ищеек Бюро он вызвал тем, что умудрился несколько раз запарковать свой автомобиль в «несвойственной дипломатам манере». 9 декабря Гусев был объявлен персоной non grata и в 24 часа выслан из страны.

Несмотря на все усилия, подозрения ФБР об авторстве подслушивающего устройства ничем не удалось подтвердить даже после того, как Бюро через шесть месяцев закончило проверку всех лиц, когда-либо посещавших седьмой этаж Госдепа.

Что касается обнаруженного устройства, то эксперты ФБР пришли к выводу, что ничего подобного в пределах Соединенных Штатов не могло быть произведено, уж слишком замысловатой была «игрушка».

Под подозрение сразу же попали российские разведчики. *И* неспроста. Даже в 1990-е гг. в ФБР хорошо помнили, как в середине 1940-х в результате многоходовой операции в кабинет Аверелла Гарримана, американского посла в Москве, был внедрен «жучок», который 8 лет поставлял нам информацию, да так успешно, что Сталин узнавал о принятых решениях в ходе секретных посольских совещаний раньше американского президента!

Герб США работал на СССР

16 ноября 1933 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и США, и с тех пор советские контрразведчики не прекращали попыток проникнуть в здание американского посольства в Москве. Натиск усиливался с приближением Второй мировой войны.

В 1938 г. очаровательным агентессам 2-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР — в основном из балерин Большого театра — удалось наладить интимно-деловые отношения с рядом американских дипломатов. Одновременно морские пехотинцы, охранявшие здание посольства, постоянно, без физических для себя увечий, «подрывались» на энкавэдэшных секс-бомбах — молодых привлекательных преподавательницах русского языка.

В ходе массированных ударов по сердцам американцев, падких до дармовой «клубнички», «садовникам» из НКВД стало известно, что наиболее охраняемой зоной в посольстве являются верхние этажи, доступ на которые строжайше контролировался. Там размещались кабинеты политического отдела Госдепа, военных разведчиков, шифровальщиков, сотрудников отдела собственной безопасности и, наконец, рабочий кабинет посла.

Попытки НКВД проникнуть в спецзону американского посольства с целью установки там подслушивающих устройств приобрели маниакальный характер вслед за информацией, поступившей в сентябре 1941 г. от агента 5-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР Старшины. Согласно полученным от него данным, американский военно-воздушный атташе в Москве являлся германским агентом. Он передавал немцам разведывательные сведения, получаемые им от своих связей в СССР, и в первую очередь от американских граждан, работавших в советской промышленности.

Как бы ни была оперативно значима информация, поступавшая из кабинетов первых двух этажей посольства США, Сталин по возвращении с Тегеранской конференции поставил перед Берией задачу во что бы то ни стало проникнуть в рабочий кабинет посла — Аверелла Гарримана, так как все секретные совещания, на которых принимались наиболее важные для советской стороны вопросы, проводились именно там.

* * *

17 декабря 1943 г. Берия доложил Хозяину, что микрофон уникальной конструкции создан и успешно прошел испытания. Дело по его внедрению застопорилось из-за неприступности

кабинета посла. Даже организованный накануне с помощью «ласточек» — агентесс-обольстительниц, вхожих в здание посольства, грандиозный пожар не способствовал проникновению туда сотрудников НКВД под видом пожарных. Охрана была непреклонна: «Пусть все сгорит, но вход посторонним именем президента Соединенных Штатов *запрещен!»*

Сталин, выслушав Берия, напомнил собеседнику, что «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Затем, в свойственной ему фамильярно-снисходительной манере, неожиданно спросил: «Лаврентий, ты что-нибудь слыхал о троянском коне?»

Под троянским конем Сталин подразумевал — и Берия это мгновенно понял — изготовление подслушивающего устройства, закамуфлированного под какой-нибудь предмет, который, будучи вручен Гарриману, остался бы в его кабинете.

…Через час в приемную наркома внутренних дел были доставлены десятка два сувениров из дерева, кости и кожи. Особо выделялись большой щит скифского воина, изготовленный из черной ольхи, двухметровые бивни мамонта, телефонный аппарат «Эрикссон» из слоновой кости, подаренный Николаю II шведским королем, а также метровой высоты корзина для бумаг, сделанная из предколенья слоновой ноги. Отлично выдубленная, она выглядела настолько натурально, что возникало непреодолимое желание поискать взглядом самого слона.

Осмотрев экспонаты, Берия вызвал для консультации академиков Акселя Берга и Абрама Иоффе — под чьим руководством группа высочайшей квалификации технарей из оперативно-технического управления НКВД занималась разработкой, производством и испытанием уникального микрофона. Мировая практика создания и использования аппаратов, «снимавших» чужие государственные секреты, ничего подобного не знала.

Это было пассивное подслушивающее устройство: ни элементов питания, ни тока — ровным счетом ничего, что могло быть обнаружено с помощью имевшихся на вооружении специалистов мира того времени технических средств.

Устройство, похожее на головастика с маленьким хвостом, приводилось в действие источником излучения микроволнового сигнала, который заставлял рецепторы головастика резонировать. Голос человека влиял на характер резонансных колебаний устройства, позволяя осуществлять перехват слов. Микрофон мог действовать сколь угодно долго. Микроволновые импульсы подавались головастику чрезвычайно энергоемким генератором с

расстояния до трехсот метров. Прием, расшифровка и запись на магнитную ленту возвращающихся колебаний осуществлялся другим уникальным устройством, расположенным на одной линии с передающим генератором. Чтобы передающиеся и принимаемые импульсы не накладывались, вся геометрическая фигура должна была иметь форму равнобедренного треугольника.

Генератор и аккумулятор микроволн были установлены на верхних этажах жилых зданий слева и справа напротив здания американской дипломатической миссии. Жильцов, разумеется, выселили. Освободившиеся коммунальные квартиры заняли специалисты из оперативно-технического управления НКВД, обслуживающие приемо-передающую аппаратуру. Однако в целях зашифровки на балконах, выходящих на американское посольство, по-прежнему вывешивалось для просушки белье, женщины (сержанты госбезопасности) по воскресеньям вытряхивали коврики и одеяла, в буквальном смысле слова пуская пыль в глаза офицерам безопасности посольства, ответственным за изучение оперативной обстановки в окружении дипломатической миссии США в Москве.

Микрофон носил кодовое название «Златоуст». Следует отметить, что ни руководители-разработчики, ни конкретные изготовители микрофона не знали, против кого он будет работать. Им было лишь известно, что работать он будет на государственную безопасность СССР.

Вызванным академикам предстояло дать заключение, возможно ли вмонтировать «Златоуст» в один из находившихся в кабинете наркома экспонатов. Оба через минуту в один голос заявили, что вмонтировать их детище в предлагаемые сувениры невозможно. Пояснили, что конструктивные особенности микрофона требуют, чтобы сувенир был приспособлен к нему, а не наоборот. Исходя из этого, настояли на монтировании микрофона одновременно с изготовлением подарка. И такой подарок был изготовлен.

Троянский конь в американском стане

4—11 февраля 1945 г. в Ялте проходила Крымская конференция «большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля, — на которой принимались судьбоносные для послевоенной Европы решения. В это же время там решалась и судьба Лаврентия Берия — быть ли ему маршалом. Такова была воля Хозяина. Маршальский жезл уже натер мозоль меж лопаток

наркома, но вождь был непреклонен: «Микрофон — в кабинете посла, маршальские эполеты — на твоих плечах, Лаврентий!»

…Сцену вручения «Златоуста» американскому послу нужно было обставить соответствующими декорациями. Для этого на 9 февраля назначили открытие пионерской здравницы «Артека», празднование двадцатилетия его основания и вручение ему ордена Трудового Красного Знамени.

Накануне, 8 февраля, заместитель председателя Совнаркома нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов в присутствии Сталина вручил Франклину Рузвельту и Уинстону Черчиллю приглашение от детей, приехавших в лагерь, посетить их в день открытия «Артека». Желание пионеров видеть на своем празднике президента и премьера стран-союзниц было выражением их глубокой благодарности за помощь, оказанную детям СССР в годы войны.

Расчет «малой тройки» — Сталина, Молотова и Берия — строился на том, что ни Рузвельт, ни Черчилль при всем их возможном желании не возьмут развлекательный тайм-аут во время и без того затянувшейся Крымской конференции. И хотя Ялту и Артек разделяли всего 18 километров, в годы войны требовалось около двух (!) часов, чтобы преодолеть это расстояние по разбомбленному шоссе.

Знали крючкотворцы из «малой тройки» также и то, что ни Эдвард Стеттиниус, ни сэр Энтони Иден — министры иностранных дел США и Великобритании — также не смогут оставить своих шефов хотя бы на время поездки в пионерлагерь.

Следующими по рангу кандидатами на поездку к детворе могли быть только посол США в Москве Аверелл Гарриман и его коллега из Великобритании — сэр Арчибальд Джон Кларк Керр. Последние были лишены возможности перепоручить выполнение миссии кому-либо из своих заместителей, так как указание навестить русских детей получили из уст Рузвельта и Черчилля.

…Сталин в очередной раз доказал, что является непревзойденным режиссером-постановщиком политических спектаклей со шпионскими мизансценами. В Ялте он сыграл еще одну победную партию (нет-нет, речь идет не о результатах Крымской конференции — они всем известны), в которой он манипулировал президентом Соединенных Штатов и премьер-министром Великобритании, как проходными фигурами.

…Кортеж машин с иностранными гостями, возглавляемый громадным черным «хорьхом» Лаврентия Берии, въехал на территорию Артека и медленно двинулся к дружине «Сталинские соколята», где должна была состояться встреча послов с пионерами. Было много музыки, улыбок и, несмотря на зиму,

свежесрезанных роз, доставленных военным самолетом из Сухуми. Охраняли присутствующих два батальона офицеров НКВД, спешно переодетых пионервожатыми.

Под конец торжественной встречи Аверелл Гарриман передал пионерам подарок правительства Соединенных Штатов — чек на десять тысяч долларов. Сэр Арчибальд Керр — на пять тысяч фунтов стерлингов. В это время оркестр грянул американский гимн «Звездное знамя», и хор настоящих пионеров запел его на английском языке. Гарримана прошибла слеза. В тот же миг четверо пионеров внесли огромный, сверкающий лаком, деревянный… герб Соединенных Штатов Америки. Под бурные аплодисменты директор «Артека» вручил послу паспорт-сертификат герба, подписанный всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининым.

Валентин Бережков, личный переводчик Сталина, переводил иностранцам содержание сертификата: сандал, самшит, секвойя, слоновая пальма, парротия персидская, красное и черное дерево, черная ольха — именно из этих ценнейших пород был выполнен герб.

Потерявший от восторга дар речи Гарриман, едва ли не первый раз в своей коммерческо-дипломатической практике сказал то, что думал: «Куда мне его девать?.. Где держать?.. Я же глаз от него не могу оторвать!»

Бережков, накануне вечером получивший необходимый инструктаж от Лаврентия Берии, будто невзначай, заметил: «Да повесьте у себя в рабочем кабинете… Англичане умрут от зависти», — это уже было сказано вполголоса, чтобы не расслышал сэр Арчибальд Керр.

…Так в феврале 1945 г. «Златоуст», обрамленный гербом Соединенных Штатов, благополучно оказался на сверхсекретном этаже здания американского посольства в Москве.

Операция НКВД под кодовым названием «Исповедь» по прослушиванию совещаний, проводимых послами, началась. Послами? Да! «Златоуст» проработал *восемь* лет, пережив четырех послов.

Примечательно, что каждый вновь назначенный глава американской дипломатической миссии в Москве стремился полностью — от чернильного прибора и пресс-папье до паркета на полу — поменять интерьер доставшегося от предшественника кабинета. Несменяемым в помещении оставался только герб. Его художественное совершенство действовало гипнотически на американских высших дипломатов — даже шторы на окнах и мебель подбирались в тон цветовой гамме герба!

* * *

«Златоуст» продолжает жить своей особой жизнью. После обнаружения его в гербе, американцы и англичане попытались сделать с него копию. Работы по получению аналога советского «жучка» американцами проводились в секретной лаборатории в Нидерландах под кодовым названием «Удобный стул». Одновременно английская контрразведка проводила свои исследования, зашифрованные как «Сатир».

Англичане продвинулись в исследованиях дальше, чем американцы, но так и не сумели до конца разгадать тайну генератора, излучающего микроволны, возбуждающие пластины-резонаторы «Златоуста». Английский микрофон мог функционировать лишь на удалении всего 30 ярдов, в то время как наш — на расстоянии 300 метров.

Соединенные Штаты хранили в тайне унизительное для них открытие — «Златоуста» — в течение семи лет. Но в конце мая 1960 г., после того как мы сбили самолет-шпион U-2 с Гарри Пауэрсом на борту, Вашингтон в попытке противостоять международной критике сделал достоянием гласности факт использования нами подслушивающего устройства, внедренного аж в кабинет американского посла в Москве!

Генри Кэбот Лодж, представитель США в ООН, во время чрезвычайной сессии Организации показал герб, открыл его и продемонстрировал «Златоуста».

В последующем герб и чудо-микрофон были показаны и во время заседания Совета Безопасности. Подготовленный советскими дипломатами представитель Индии в шутку попросил сделать для него копию с микрофона. Лодж смешался, и больше герб с «жучком» как позорная печать американским службам безопасности никогда не выставлялся.

В настоящее время «Златоуст» хранится в музее ЦРУ в Лэнгли.

Глава пятая
БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ АГЕНТ

От тайников — к компьютерной связи

Утечка информации в Москву о сверхсекретной операции по прослушиванию российского посольского комплекса, а через некоторое время обнаружение подслушивающего устройства в здании Госдепа не могли не придать новый импульс усилиям ФБР по поиску «крота» в недрах разведывательного сообщества Соединенных Штатов. Поискам, что велись с конца 1980-х гг.

Обостренное чувство опасности, которым, безусловно, обладал Хансен, подсказало ему, что в разработанной им системе общения с русскими разведчиками через тайники надо что-то срочно менять. И агент выходит в московский Центр с предложением отказаться от тайников и, сохраняя связь безличной, перейти на использование компьютеров. Для этого, считает он, его кураторам необходимо провести апгрейд и перейти на более совершенные органайзеры Palm Pilot VII, которые позволяют поддерживать беспроводную связь.

Если бы это предложение Хансена было принято, то он мог бы пересылать секретные материалы своим связникам напрямую, что избавило бы его от лазания в закоулках парков в поисках тайников, от лишних свидетелей и улик. Однако по неизвестным причинам предложенный агентом способ связи не был одобрен Центром.

Все мы умны задним числом, и сегодня мы успокаиваем себя тем, что, если бы Центр принял предложение Хансена о переходе на компьютерный вариант связи, то с ним не случилось бы того, что случилось в феврале 2001 г., когда агента взяли с поличным на тайнике…

Всеобъемлющее превосходство

Свидетельствует полковник Черкашин: «.. Добровольный бросок Хансена в объятия КГБ, его поразительная, если так можно выразиться, «самовербовка» положили начало периоду его шпионской деятельности, на протяжении которого он выдал больше секретов Федерального бюро расследований, чем кто-либо за всю историю этой синекуры.

Если Эймса американцы называют самым «смертельным шпионом», поскольку он выдал «живую» агентурную сеть ЦРУ и ФБР, из которой преобладающее большинство изменников были расстреляны, то Хансена, передавшего нам информацию общегосударственного значения, можно назвать «технологическим шпионом»

Хансен, сумев получить доступ ко всем материалам общенациональной базы американской контрразведки, имел возможность сообщать нам сведения о проводимых ФБР операциях против сотрудников резидентур КГБ и ГРУ в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско, о системе электронного слежения за иностранными дипломатами, находящимися на территории США. Но самое главное — данные о сверхсекретной компьютерной сети, объединяющей нью-йоркские отделения всех подразделений американского разведывательного сообщества от ЦРУ до военно-морской разведки.

От него были получена информация о национальной программе Соединенных Штатов Masint, позволившая раскрыть секреты технического оснащения американских спутников-шпионов, благодаря чему удалось также понять, как США перехватывают данные со спутников других стран, включая СССР.

Хансен сообщил нам сверхсекретные сведения об организации работы американского правительства в чрезвычайных ситуациях, например, в период возможного ядерного конфликта.

Некоторая часть переданной агентом информации освещала масштабы усилий ФБР по вербовке агентов-двойников. Он снабжал нас документами, которые показывали осведомленность ФБР о вербовочных операциях КГБ против ЦРУ, а также о работе советской разведки по добыче секретов США в области ядерного и другого оружия массового уничтожения. Кроме того, мы получали от Хансена материалы аналитических разработок ЦРУ и ФБР о деятельности КГБ, о бюджетных ассигнованиях Бюро на проведение контрразведывательных операций.

Он передал Комитету госбезопасности так много сведений о работе ЦРУ, что, когда контрразведывательные службы США начали поиск источника утечки информации, первым делом они стали искать его среди сотрудников Управления, а не Бюро.

Хансен позволил аналитикам и экспертам КГБ проникнуть в такие глубины американских спецслужб, что он по праву считается самым выдающимся поставщиком разведывательной информации, по калибру и значению даже выше, чем Олдрич Эймс.

Как правило, шпионы, концентрируя внимание на своих

личных делах, их ставят во главу угла, но отнюдь не политические проблемы. Большинство из них искренне не хотят предавать свою страну и даже не считают себя изменниками. Они просто хотят быстро решить возникшую перед ними проблему и удовлетворить жгущую их изнутри очередную амбицию, а шпионаж представляется им лучшим способом этого добиться. Один из стимулов выбора такого способа решения — деньги. Другой мотив — желание доказать самому себе и собственную значимость, и что он что-то может, и в чем-то может быть хозяином положения, как это было с Робертом Хансеном.

Некоторые считают, что среди причин, побудивших Хансена принять решение предать страну и стать агентом КГБ, было его неистребимое желание прослыть в своем окружении матерым контрразведчиком, активным офицером-практиком, а не кабинетным служащим-аналитиком, каковым его видели коллеги из ФБР».

…В современном мире есть похожая история, правда, дело там обошлось без предательства. Еще один англосакс — Йен (Ян) Ланкастер Флеминг, создатель «бондиады», страдал тем же комплексом, что и Хансен.

Официальная служба Флеминга в военно-морской разведке Великобритании длилась семь лет. Вопреки расхожему мнению, он не имел отношения к разведывательным операциям — был *кабинетным служакой.* Испытывая комплекс невостребован-ности, он, чтобы хоть как-то уравнять себя с сослуживцами-оперативниками, неизменно носил с собой десантный нож и авторучку, заправленную слезоточивым газом…

Ветераны английских и американских спецслужб обоснованно считают, что Флеминг, не имея возможности реализовать свои шпионские амбиции во время войны, реализовал их в своих романах-боевиках. Он, играющий в шпиона литератор, с помощью Джеймса Бонда попытался обрести свою нишу в разведывательном сообществе Старого и Нового Света.

Надо сказать, и Флеминг, и Хансен преуспели, ибо и тот, и другой в файлах спецслужб и в памяти людской задержатся надолго!

Что касается Хансена, то американские СМИ поспешили обвинить его агентом, работавшим на КГБ исключительно ради денежного вознаграждения. Действительно, рядовому американцу, чьему сердцу нет ничего дороже Золотого тельца и доллара-вездехода, трудно поверить в то, что отец шестерых (!) малолетних детей при неработающей жене и годовом окладе чуть более 100 тысяч долларов может предавать национальные интересы Америки ради чего-то другого, кроме денег! Но это не

так, ибо слишком поверхностным является такой вывод касательно Хансена. Ведь у него совсем иная шкала ценностей. Вспомним хотя бы его подопечную стриптизершу Присциллу и его попытки наставить ее на путь истинный.

Контрразведка — это схватка интеллектов, а не глушение рыбы динамитом. И именно сражение умов — вот его стихия, это то, что может его прельстить. А в ней, в контрразведке, он как рыба в воде…

Более денег его увлекала возможность водить за нос начальство, обладать большей, чем оно, информацией, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег. Вообще-то он весьма критично оценивал умственные способности и культурный уровень сотрудников ФБР и их коллег из ЦРУ, независимо от их чина и занимаемого положения в системе координат этих спецслужб.

По утверждениям близко знавших его сотрудников американских спецслужб, да и по его собственным репликам и случайно озвученным умозаключениям, Хансен боялся только кого-нибудь сродни себе.

К обусловливающим его поступки факторам можно также отнести и то обстоятельство, что, будучи интеллектуально на голову выше своих сослуживцев и начальников, Хансен втайне презирал их. Сотрудничая сначала с советской, а затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил этому сладостное подтверждение.

Воистину, мог ли Хансен относиться к ним по-другому, коль скоро знал, что 99 % процентов офицерского состава Бюро никогда не посещало ни театр, ни вашингтонскую Национальную галерею искусств?!

Не следует также забывать, что отношение Хансена к внутренней и внешней политике, проводимой США, было в высшей степени негативным. Достаточно вспомнить его вердикт Америке как «сильному, но умственно отсталому ребенку, который поддается внушению, и поэтому потенциально опасному». Не исключено, что это обстоятельство, хотя и не в числе первых, подтолкнуло Хансена к установлению сотрудничества с КГБ и затем с СВР.

* * *

Хансен был арестован 18 февраля 2001 г. В тот вечер он, вернувшись из церкви, высадил жену и детей, а сам поехал в парк «Фокстон», что в двух шагах от его дома в предместье Вашингтона

— Vienna. Через несколько минут после того, как «Источник» заложил тайник под пешеходным мостиком через ручей с символичным названием Волчий капкан, он был схвачен агентами ФБР. В другом месте фэбээровцы обнаружили тайник с 50 000 долларов, предназначавшихся для него.

Приговоренный к пожизненному заключению без права на помилование Хансен содержится в экстремально суровых условиях: под землей в одиночной камере с круглосуточно включенным электрическим светом, лишенный возможности кого-либо видеть и что-либо читать.

Впрочем, американская Фемида проявила неслыханную благосклонность к жене Хансена — Бонни. Она как вдова получила право на ежегодную пенсию в сумме 38 000 долларов…

Часть пятая
КОМПЛЕКС ГЕРОСТРАТА

Глава первая
КОЛЛЕГИ И СОПЕРНИКИ

Послевоенная Вена — охотничье угодье для «охотников за головами» — вербовщиков — всех разведок мира, за исключением Японии и Китая. Желающих открыть рот на чужие секреты было предостаточно: от набирающей силу БНД — западногерманской секретной службы — до английской СИС, американского ЦРУ и наших КГБ и ГРУ. Секретов на европейском рынке тоже хватало, хотя наиболее высоко котировались советские.

Резиденты ЦРУ и западноевропейских спецслужб сообща занимались шпионским промыслом, негласно, но по-джентльменски проводя разделение труда — кто-то похищал, а кто-то покупал добытую информацию. Кто-то вербовал, а кто-то проверял кандидатов на вербовку на конкретных заданиях. Бывали, разумеется, накладки, были обделенные и призеры, но серьезных конфликтов в этой тайной когорте единомышленников удавалось избегать всегда.

Несколько по-иному — странное дело! — складывались отношения сотрудников ГРУ (военная разведка) и КГБ (разведка политическая).

Их резидентуры располагались в здании советского посольства в Вене. Помещения, в которых сидели чекисты в описываемый период, еще не были экранированы, то есть защищены от прослушивания и подглядывания, — это когда при необходимости врубается дополнительная охранная система: железные листы между стен начинают вибрировать от пропускаемого через них электрического тока, и никакое вражье ухо не расслышит ни одного, даже самого маленького секрета.

Между упомянутыми советскими спецслужбами не существовало — впрочем, не существует и по сей день — коллегиального взаимодействия. Каждый тянет лямку на своем рабочем месте и только в компании коллег из своей «конторы». Да и по жизни «погоны» — КГБ и «сапоги» — ГРУ не особенно ладят между собой, предпочитая общаться исключительно по ведомственному признаку.

Стоит добавить, что «чистые» дипломаты, то есть не связанные со спецслужбами, в массе своей стараются вообще держаться подальше от разведчиков — не ровен час, и на них падет подозрение в шпионаже. А кому охота вылететь из страны пребывания досрочно и со скандалом?!

…Военных разведчиков всегда отличала ничем неистребимая

выправка, вопиюще диссонирующая с их дипломатическим статусом, стрижки «полубокс», стойкий запах дешевого мужского одеколона «Шипр» и говорок, подхваченный за время службы в таежных гарнизонах Забайкалья или в песках Средней Азии.

«Сапоги» в глубине души считали сотрудников КГБ гражданскими «штафирками», которых надо бы строить и стрбжить: «Упал, отжался и ать-два!»

В свою очередь «погоны» величали соседей солдафонами, у которых одно на уме: «сапоги надо чистить с вечера, чтобы с утра надевать их на свежую голову».

Восхищение «погонов» вызывала только одна особенность военных разведчиков: гэрэушники могут перепить любого чекиста из политической разведки, ибо им «что водка, что пулемет — все едино, лишь бы с ног валило».

Парни из КГБ — народ компанейский, поднаторевший в столичной жизни.

Гэрэушники — молчуны, смиренно-философски относящиеся к тому, что завтра, после «загранки», начальство может забросить их в самый дальний медвежий угол.

…«Погоны» всегда с чувством превосходства относились к своим военным коллегам, и это их, конечно, раздражало. Превосходство это имело в своем основании более высокий уровень общей культуры и специальной подготовки, потому что сотрудники внешней разведки КГБ всегда набирались из выпускников гражданских, в большинстве своем престижных столичных вузов, куда непросто попасть из-за высоких конкурсов.

Военные же разведчики, хотя и заканчивают высшие, но все-таки военные учебные заведения, в которые, будем откровенны, стремится не самая способная и хорошо подготовленная часть молодежи.

Но и это еще не все. Прежде чем попасть в Службу внешней разведки, гражданские специалисты проходят жесткий многоступенчатый отбор и всестороннюю проверку, а в Военно-дипломатическую академию офицеров направляют из военных округов по разнарядке, и чтобы поступить туда, совсем не обязательно быть блестящим командиром. Достаточно ладить с начальством или иметь влиятельных покровителей в генеральском корпусе Министерства обороны.

Но все это так — бытовые мелочи. Были (и есть до сих пор!) гораздо более существенные поводы для того, чтобы кагэбэшники и гэрэушники относились друг к другу с предубеждением, поскольку по сей день существует одна деликатная сфера деятельности, являющаяся исключительно прерогативой резидентур КГБ, которая обеспечивает им доминирующее

положение в любой советской колонии за рубежом.

Сфера эта — обеспечение безопасности находящихся в стране пребывания учреждений и граждан, в том числе и военных разведчиков.

Эта ответственная, неблагодарная и чрезвычайно конфликтная по своей сути сторона деятельности закордонных резидентур КГБ всегда была причиной того, что все, кто сам не имел к ней непосредственного отношения, испытывали дискомфорт, а чаще — страх от сознания того, что есть люди, контролирующие каждый сделанный тобой шаг и оценивающие его с точки зрения соответствия интересам Системы. Люди, которые контролируют твое поведение не только с помощью собственных глаз, ушей и аналитических способностей, не только с помощью разветвленной агентурной сети, но — что ужаснее всего — с использованием возможностей контрразведки противника!

Каким могло быть отношение дипломатов и военных разведчиков к сотрудникам КГБ, если последние собирали на них компрометирующий материал и аккуратно накапливали его в своих «досье», от содержания которых зависела и служебная карьера, и семейное благополучие, а возможно и жизнь подконтрольного контингента?!

В то же время военная разведка всегда гордилась тем, что стояла в стороне от сыскных дел. Возможно, поэтому ее авторитет у неискушенных советских обывателей до сих пор котируется выше авторитета КГБ…

* * *

Каждое утро ровно к девяти часам чекисты подтягиваются на работу. Причем и те, кто «сидит под корягой» — работает под дипломатическим прикрытием, и те, кто трудится под «крышей» других организаций. Абсурд? Но так было принято в наших закордонных резидентурах КГБ и ГРУ.

Контрразведка противника всегда знала, кто служивый, а кто «чистый» дипломат. Хотя истории известны случаи, когда заодно с чекистами из страны пребывания выпроваживали и огульно обвиненных в шпионаже чиновников дипломатического ведомства.

Напрашивается вопрос: если противник без труда ориентируется в профессиональной принадлежности сотрудников советской дипломатической миссии, то почему бы не вышвырнуть из страны всех шпионов скопом? На то есть несколько причин.

Во-первых, противника лучше знать в лицо, уже распознав его почерк и повадки, а с новичком, которого пришлют на смену, еще надо разобраться.

Во-вторых, пострадавшая сторона немедленно примет адекватные ответные меры — «око за око, зуб за зуб». И еще неизвестно, кто больше пострадает.

Когда, к примеру, в 1981 г., во время президентства Франсуа Миттерана, из Франции были выдворены 48 наших дипломатов, обвиненных в шпионаже, столько же сотрудников французского посольства в Москве покинули СССР. Деятельность французской дипмиссии надолго была парализована: посол остался наедине с личным поваром и шофером! Ну и кто выиграл этот дипломатический демарш?

* * *

Резидентура, что ГРУ, что КГБ, на профессиональном арго — «подлодка», набита специалистами самого разного профиля, причем их число было больше, чем количество всех остальных сотрудников советских учреждений и организаций в стране пребывания, вместе взятых.

Наиболее халявная работа достается тем, кто перелопачивает местные газеты и журналы: почитывай их в свое удовольствие и лови крупицы информации. Или делай обзоры публикаций, что еще проще. Это — «обработчики», которые звезд с неба, кроме как на погоны, не хватают.

Сложные задачи стоят перед «добытчиками». Их кормят ноги и связи: дипломатические приемы и рауты, презентации, выставки — это их стихия. Кроме того, на них висят «контакты», то есть взаимодействие с уже прикормленными источниками — агентами и осведомителями.

Работу обеих спецслужб возглавляют резиденты, которых на профессиональном жаргоне называют «резаками». Они обладают правом шифрпереписки с Москвой. Причем резиденты вовсе не обязаны ставить в известность посла о сути передаваемых сообщений — это вопрос только их доброй воли и хороших отношений с главой советской дипломатической миссии. В тех посольствах, где дружба не задалась, у главы дипкорпуса всегда имеется повод для тревоги: а вдруг оперативники накопают и передадут в свое ведомство нечто такое, за что МИД врежет так послу — до конца дней своих останешься «невыездным»!

…Представительские расходы в разведке называются оперативными. Без них не обойтись — кто из иностранцев не

любит поесть-попить задарма?

Кстати, бюджеты резидентур КГБ и ГРУ просто несопоставимы с мизерными бюджетами посольства или торгпредства. Кроме того, они в любой момент могли быть пополнены новыми крупными ассигнованиями из государственной казны, если в том возникала реальная потребность. Стоило резиденту лишь запросить энную сумму на подкуп какого-либо влиятельного должностного лица или на приобретение важной секретной информации, как необходимые средства безотлагательно оказывались в распоряжении резидентуры.

Деньги всегда выдает резидент, дотошно расспросив оперработника, где и с кем он собирается встретиться, в какую сумму предполагает уложиться и что намерен «принести в клювике».

После проведенной встречи с объектом заинтересованности, сотрудник, ее проведший, составляет служебный отчет и прикладывает чек того заведения, где проходили оперативные посиделки.

…Зарплата наших чекистов всегда приравнивалась к окладам дипломатов. То есть если оперработник числится первым секретарем посольства, то и платят ему согласно его «крыше».

За выслугу лет, звание, риск и за другие «накрутки» деньги выплачиваются только на Родине, хотя бойцы невидимого фронта в странах с повышенной разведактивностью испытывают значительно больше неудобств, нежели «чистые» дипломаты.

…Прослушка, просветка и «наружка» всегда осложняли жизнь нашим разведчикам и членам их семей. Удалось оторваться от «хвоста»? — Сразу же покорежат машину, чтобы не наглел. Или найдут способ по своим каналам «капнуть» прямо резиденту, что его подчиненный, мол, неумеренно «квасит» по выходным, а в рабочее время шляется с женой по магазинам.

Этими «шуточками» всегда грешили «топтуны» из ФБР, самые капризные филеры из всех закордонных спецслужб. За примерами далеко ходить не надо.

Допустим, известно, что в два-три часа дня у них должна состояться пересмена. И надо дать им это спокойно сделать, ибо уже за час до передачи «эстафеты» другим бригадам наружного наблюдения они пребывают в расслабленном состоянии, когда нет сил и желания за кем-то гнаться, да и вообще напрягаться. Упаси Бог пропасть в этот момент! В лучшем случае, поутру наш разведчик обнаружит разбитые фары у своей машины, в худшем — скрутят крепежный болтик на одном из передних колес, и на скорости в 70–80 км/час ты улетишь в тартарары…

…Только отдельные представители элиты советской разведки за границей предпочитают употреблять виски и прочее иностранное пойло. Да и то чаще всего потому, что «косят» под своих западных коллег.

Рядовой разведчик регулярно пьет за границей виски только ввиду безысходности: спиртные напитки он покупает по дипвыписке, что дешевле, чем в местных магазинах, а водку заказывает по дипкарточке реже и в меньших количествах, чем джин или виски. Приобретенная же в посольской лавке водочка обычно бережно хранится у него дома, дожидаясь визитеров из числа иностранцев, или наступления Рождества, когда принято одаривать, а скорее, *опаивать* нужных и полезных знакомых…

…Ни одна разведка в мире по вполне понятным причинам никогда не одобряла разводов своих сотрудников. И раньше, и сегодня все без исключения чекисты выезжают за границу, только будучи женатыми, хотя жена может и не сопровождать разведчика в краткосрочной командировке. Если планируемое пребывание разведчика за границей превышает шесть месяцев, то присутствие рядом его супруги обязательно. Впрочем, нет правил без исключений, особенно, когда речь идет о стажерах…

Глава вторая
«ЧЕЛОВЕК-АВАРИЯ» В РЕЗИДЕНТУРЕ

Вена. 31 декабря 1952 г. Новогодний прием в советском посольстве.

Передвигаясь по залу между степенными дипломатами и торопливо снующими официантами, стараясь не попасть на глаза резиденту, Петр с ненавистью рассматривал возвышавшиеся на столе горы салатов из крабов, красной и черной икры, ломтей осетрины, лососины и других разносолов.

Седые макушки «московской» терялись в гуще черносургучных головок «киндзмараули», «хванчкары» и «мукузани» — в послевоенные годы считалось хорошим тоном подавать вина, на которых, по замыслу устроителей приемов, был настоян победоносный дар Генералиссимуса.

Изобилием экзотической снеди и грузинских вин советские дипломаты под флагом традиционного русского хлебосольства должны были упоить и укормить коллег из приоритетных государств.

Это был второй дипломатический прием в заграничной жизни сотрудника Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил СССР подполковника Петра Семеновича Попова, прибывшего в венскую резидентуру ГРУ на стажировку. Первый состоялся в ноябре 1952 г. по случаю 35-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда у Попова впервые возникло острое чувство мести в адрес своих преуспевающих коллег.

Сегодня вечером он, наконец, осмыслил глубину пропасти, пролегавшей между ним, экс-фронтовиком, и этими лощеными крысами, отъевшимися в тыловых норах, укрывшись за спинами своих влиятельных папиков…

* * *

С раннего детства Петр был маниакально озлоблен на окружающий его мир, и как всякий хронический неудачник, патологически завистлив.

Новичок в разведке, Попов попал в ГРУ благодаря высокой протекции генерал-полковника Ивана Серова, у которого во время войны состоял порученцем и по совместительству собутыльником.

Он не обладал ни чутьем, ни воображением — качествами, необходимыми оперативному сотруднику. Единственным и последним его достоинством было то, что он уцелел под бомбами и снарядами на фронтах Великой Отечественной.

Неравенство Попова с остальными офицерами резидентуры усиливалось его слабой профессиональной подготовкой, поверхностным знанием немецкого языка, особенностей национальной культуры и психологии граждан страны пребывания, усугублялось отсутствием у него гибкости ума, чувства юмора, завышенной оценкой собственной личности, упрямством, граничащим с твердолобостью.

Речь Попова была косноязычна и безграмотна, манеры жуткие — мог влезть в любой разговор, перебивая беседующих и только что не расталкивая их руками. По телефону обычно орал. Орать вообще любил, ссылаясь на то, что это — «фронтовая привычка». Мгновенно тишал и полностью менялся в присутствии любого начальства.

В каждой критической реплике в свой адрес Попов подозревал намек на свое крестьянское происхождение, маленький рост и невзрачную внешность, недостаток светского лоска, привычного в кругу его сослуживцев.

Неуютно чувствовал себя на людях, будь то оперативные совещания, партийные собрания, а тем более дипломатические рауты.

Попав стажером в венскую резидентуру, Петр с самого начала решил вести себя, как герой-фронтовик, свысока взирающий на не нюхавших пороха и крови сослуживцев, но все перевернуло мини-ЧП, в которое он попал в первый же день появления в резидентуре. Дремлющий в нем комплекс ущербности оголился и стал кровоточащей раной…

* * *

После того как начальник советской военной разведки в Австрии представил его оперативному составу резидентуры, Попов отправился знакомиться со зданием посольства. Пройдя несколько коридоров, он вдруг почувствовал позывы опорожниться.

Первый обнаруженный им туалет был закрыт на ремонт. Стараясь не вскидывать резко ноги, Петр спустился этажом ниже. Вожделенный оазис — туалетные комнаты — были обнаружены со второй попытки. С остекленевшими от напряжения глазами он дернул ручку первой двери. Заперто. Толкнул вторую. Заперто!

Кровь застучала в висках, лоб покрылся испариной. Не отрывая подошвы башмаков от пола, чтобы не оскандалиться в английской шерсти костюм, надетый по случаю вступления в должность, бедняга прошаркал к третьей двери.

Будучи абсолютно уверен, что уж третья кабина свободна, Попов с силой метателя молота рванул на себя ручку заветной двери…

Как известно, в посещаемых советскими служащими туалетах, независимо от того, являются ли они внутрироссийским достоянием или расположены в наших зарубежных представительствах, по загадочной причине сломаны либо вовсе отсутствуют внутренние запоры.

Это отнюдь не значит, что наши граждане разбирают щеколды на сувениры. Как, впрочем, и то, что некие сверхбдительные завхозы-пуритане специально ломают замки в целях воспрепятствовать гомосексуальным контактам в туалетах. Все, разумеется, много проще и объясняется лишь халатным отношением к своим служебным обязанностям хозяйственников. Именно они и повинны в том, что произошло с Поповым…

…Петр рванул на себя ручку двери, и из кабины, забористо матерясь, к его ногам выпал… резидент, который в «позе орла» только что успел угнездиться на пожелтевшем унитазе.

Глава советской военной разведки в Австрии, охраняя свое «священнодейство» от возможного вторжения страждущих посетителей, придерживал дверь за внутреннюю ручку, как вдруг «нечистая сила» в облике его подчиненного заставила его оказаться на кафельном полу сортира.

Путаясь в подтяжках, генерал силился подняться. Попов резко наклонился, чтобы помочь «товарищу по несчастью» — как-никак, начальник!

И тут с Петром приключился приступ «медвежьей болезни». Прощай новенький английской шерсти костюм!

Генерал и подполковник, стоя на корточках, в упор смотрели друг на друга. В глазах одного застыли злоба и недоумение, другого — мольба Муму перед утоплением…

…На три часа отряд военных разведчиков СССР в Австрии был выведен из строя.

Обрастая подробностями и домыслами, ЧП в сортире, вернее, рассказ о нем очевидцев начал кочевать по кабинетам советской дипломатической миссии. Вирус смеха распространялся из кабинета в кабинет с молниеносной быстротой, достигнув, наконец, стана представителей конкурирующей синекуры — разведки КГБ…

С тех пор за подполковником Поповым в среде разведчиков

навсегда закрепилась кличка «человек-авария», а сам он стал «мальчиком для битья» — идеальной фигурой для постоянных насмешек.

Узнав об этом, носитель этих званий еще более замкнулся, а в общении с коллегами держался озлобленным особняком…

Глава третья
«ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ»

Джордж Кайзвальтер походил на крупную лохматую овчарку. Это был самоуверенный человек, не признававший авторитетов, оперативный сотрудник от Бога с острым аналитическим умом.

При всей своей амбициозности Кайзвальтер был начисто лишен карьерной алчности, потому что в глубине души понимал: «клубная» атмосфера, царящая в ЦРУ, не позволит ему выдвинуться на руководящую должность, и он навсегда останется аутсайдером, иностранцем по происхождению, выходцем хоть и из царской, но России.

…Джордж Уильямс Кайзвальтер родился в Санкт-Петербурге в 1910 г. Его отец, интендант царской армии, в 1904 г. был направлен в Вену для наблюдения за производством снарядов, использовавшихся российской армией в войне с Японией. Там он встретил француженку из Дижона, школьную учительницу, которая, вернувшись с ним в Россию, вышла за него замуж. После революции 1917 г. Кайзвальтер-старший вывез жену и сына в Нью-Йорк, где они получили американское гражданство. В 1930 г. Джордж окончил Дартмутский университет со степенью бакалавра, а год спустя защитил степень магистра по прикладной психологии. Вскоре он поступил на службу в армию.

Когда разразилась Вторая мировая война, армейское руководство использовало знание Джорджем немецкого языка, а затем он был послан на Аляску в качестве офицера связи с советскими летчиками, перегонявшими из США в СССР военные самолеты. Теперь он уже применял свои знания русского языка.

…В 1944–1945 гг. Кайзвальтер служил в отделе армейской разведки Соединенных Штатов. Два года совместной работы с плененным генералом Рейнхардом Геленом, во время войны возглавлявшим подразделение под названием «Иностранные армии Востока», — отдел генерального штаба вермахта, осуществлявший сбор разведывательной информации по Советскому Союзу, предопределили дальнейшую судьбу Джорджа. В 1951 г. он стал кадровым офицером ЦРУ, а еще через два года был назначен помощником сразу двух начальников резидентур ведомства в Западном Берлине и Вене в качестве «привлечен-ца», то есть сотрудника, основной задачей которого являлось приобретение агентуры из числа советских офицеров Группы советских войск в ГДР и Австрии.

Приоритетным направлением в агентурной деятельности

американских резидентур в Западном Берлине и Вене была вербовка офицеров советской разведки и контрразведки. Однако до появления Попова в Вене этот приоритет был, скорее, желаемым, чем реально осуществимым планом…

* * *

В начале октября 1952 г. Кайзвальтер получил сигнал от агента «Ганса», австрийца, работавшего садовником в оранжерее советского посольства, что на замену убывшего дипломата прибыл новичок. Оставить сигнал без внимания было нельзя: убывший был идентифицирован как военный разведчик, действовавший под дипломатическим прикрытием. А поскольку русские строго придерживались отработанной схемы: на освободившуюся должность неизменно прибывал другой оперработник с теми же функциями, то прибывшего обязательно надо было «пощупать за вымя»!

…Появление «сменщика» в советской резидентуре — будь то разведка КГБ или ГРУ — всякий раз вызывало в стане американцев оживление. Обновление в рядах противника придавало их оперативным силам и средствам здоровый импульс, реанимировало рутинную работу службы наружного наблюдения и технического контроля. Последние призваны были, нанося легкие уколы в панцирь — прикрытие — испытуемого, представить первичные данные для последующего анализа и определения профессионального уровня вновь прибывшего русского разведчика. А у офицеров-агентуристов, прозванных «охотниками за скальпами» наступал особый период — «время собирать камни». Им предстояло, выявив уязвимые места в характере, поведении и оперативной подготовке нового советского разведчика, ввести в его разработку своих агентов. С их помощью определялась возможность нанесения главного удара — вербовочного подхода к новичку.

Мельчайшие подробности его поведения на улице, в общественном транспорте, в кафе и ресторанах скрупулезно фиксировались скрытыми объективами фото- и кинокамер. Без внимания не оставался ни один жест, ни один взгляд подопечного.

…Первое — особенно это характерно англосаксам — установить отношение изучаемого объекта к деньгам.

Внимание, он вытащил бумажник! Сколько отделений в нем? Много. Раскладывает купюры согласно их достоинству? Значит, аккуратен, дисциплинирован, педантичен, знает цену деньгам и

людям.

Вместо бумажника — женский кошелек? Не иначе — скареда, жмот. За копейку повесится или повесит.

Как?! Не пересчитывая полученную сдачу, засунул банкноты комком в карман?! Все, считай, что имеешь дело с вертопрахом, неряхой, возможно, мотом.

…Походка. Волочит ноги, оставляя их позади корпуса? — Слабый самоконтроль. Не умение или нежелание рассматривать собственные поступки со стороны, или под критическим углом.

Размахивает при ходьбе руками, как ветряная мельница? — Беспечность, неосмотрительность, «а нам все равно!».

Стремительный, ритмичный шаг, неизменяемый на значительных дистанциях? — Достаточность сердечной и легочной функций, хорошая реакция, подвижный тип нервной системы. Не исключено, что постоянно занимается спортом.

Твердая, размеренная поступь? — Мыслит основательно, решения принимает взвешенно, может, не хмелея, много выпить.

Мелкие шаги при высоком росте, семенящая походка? — Не самостоятелен в принятии решений, легко подпадает под чужое влияние, легко внушаем.

Старается не наступать на трещины в асфальте и в брусчатке? — Мнительно осторожен, подвержен немотивированному внутреннему напряжению, чем-то обеспокоен…

…Отношение к алкоголю и к женскому полу. О, эти пристрастия — едва ли не основные векторы в вербовочной разработке. Чрезмерное увлечение любым из этих занятий подрывает личный или семейный бюджет объекта, делает его уязвимым, он легче примет предложение об открытии ему кредитной линии. Главное — умело подать это предложение.

Утром утоляет жажду избыточным количеством пива или прохладительных напитков? Усердствовал с алкоголем накануне или делает это регулярно.

Повстречав миловидную женщину, не может удержаться и оборачивается ей вслед даже в присутствии жены? Неутоленное либидо, используя которое, легко загнать его в «медовую ловушку», подставив ему привлекательную агентессу.

Непосвященному эти выводы могут показаться всплесками чьей-то досужей фантазии. Отнюдь!

Во-первых, незнание, или огульное отрицание знаний другого — не есть аргумент.

Во-вторых, перечисленные детали бессознательного поведения изучаемого заговорят и расскажут многое о его психике, характере и привычках лишь в совокупности с другими

признаками, и только лишь специалисту…

* * *

Просмотрев несколько отснятых на улицах Вены кинобобин и ознакомившись со сводками наружного наблюдения за Поповым, Кайзвальтер, магистр прикладной психологии, констатировал: «Или этот тип — гениальный актер, или интеллектуальный пигмей, которому в театре доверили бы сыграть только тень отца Гамлета! Ну что ж, будем действовать по принципу кайзеровской разведки: «Отбросов нет — есть кадры!»

Джордж имел в виду, разумеется, не традиционные подмостки, а театр оперативного искусства. Ему и в голову не могло прийти, что в разведку можно попасть по протекции. Во всяком случае, таких примеров в собственной практике он тогда не имел.

В итоге Кайзвальтер принял решение: не снимая наружного наблюдения за русским, фиксируя его поведение всеми видами технического контроля во внепосольской обстановке, не тратить время на «пристрелочные выстрелы», а немедленно выпустить в новичка «золотую пулю» — особо ценную агентессу из личной обоймы. Кому, как не ему, «охотнику за головами» экстра-класса, было не знать такого простейшего способа вербовки, как загнать намеченную жертву в «медовую ловушку»?!

* * *

Ознакомившись с личными делами нескольких агентесс, ранее состоявших на связи у Вальтера Шелленберга, главы политической разведки Третьего рейха, Джордж Кайзвальтер остановил свой выбор на Гретхен Рицлер.

За несколько месяцев до появления в русской резидентуре Попова Джордж сумел убедить ее продолжить секретное сотрудничество со спецслужбами, в частности с ЦРУ Таким образом он убил сразу двух зайцев.

Во-первых, заполучил вышколенную и надежную агентессу, которую предполагал использовать при секс-вербовках русских разведчиков.

Во-вторых, Кайзвальтер доказал Гретхен, что, работая на ЦРУ, она сможет вести ту шикарную жизнь, к которой привыкла в годы расцвета Третьего рейха.

А что еще нужно женщине элегантного возраста — уже не

тридцать, но еще не сорок, много любившей и страстно любимой, которая сумела сохранить неутоленный, волчий аппетит к плотским удовольствиям своей юности?

Кайзвальтер не сомневался, что Рицлер, как и всякая женщина бальзаковского возраста, живет как на иголках, в тайном предчувствии, что где-то еще томится по ней сказочный принц, который падет к ее ногам и будет умолять о вечной любви…

* * *

Гретхен Рицлер была известна в великосветских салонах многих европейских столиц под разными именами: Марлен Шральмхаммер, Кристина фон Бюлов, Ева Вернер и, наконец, как Грета Ламсдорф.

Для женщины, которой в течение долгой карьеры секретной сотрудницы стало привычкой менять псевдонимы, мужей, вероисповедание и гражданство, принимать чужую личину было так же естественно, как для женщины мирной профессии ежедневно менять носовые платки в сумочке, отправляясь на работу. Нет ничего удивительного, что и хоронят таких людей, не раскрывая подлинного имени, ибо жизнь их — сплошная ложь, и смерть не бывает исключением…

Глава четвертая
«МЕДОВАЯ ЛОВУШКА»

«Вена — это город-загадка, и прежде чем он откроет вам свои секреты, нужно изрядно потрудиться», — напутственно говорил резидент Попову перед каждым его выходом за пределы посольства.

Досконально изучив карту города, Петр ежедневно проделывал пешие походы по намеченным генералом маршрутам.

«Отрабатывая» площадь Оперного театра — в то время это было место встреч дельцов черного рынка и вообще подозрительных личностей, — Петр обратил внимание на скучающего вида смело одетых девиц с многообещающим призывным взглядом и внушительных размеров сумкой через плечо, куда умещалось все необходимое, чтобы по желанию клиента организовать в любом месте нечто большее, чем просто пикник.

Однажды посетив место сбора всепогодных нимф, Петр каждый свой выход в город непременно заканчивал визитом к бивуаку проституток. Так сидящего на диете тянет заглянуть в меню — если уж нельзя съесть, хоть ознакомлюсь визуально! А диета — полугодовое половое воздержание — давала о себе знать.

…Регулярные набеги русского разведчика на площадь Оперного театра не остались незамеченными Джорджем Кайзваль-тером, и вскоре он не преминул ими воспользоваться…

* * *

В конце января, «зачистив» очередной квартал Вены — проведя плановое мероприятие по ознакомлению с городом для последующего проведения разведакций: встреч с агентами, закладок тайников, вероятного ухода от «хвоста» и т. п., — Петр, по обыкновению, направился к площади Оперного театра, подиуму венских куртизанок.

День был солнечный, но на Будапештштрассе, узенькой безлюдной улочке, стиснутой с обеих сторон настороженными средневековыми домами-дворцами, царил рассеянный полумрак. Тишину и покой нарушал лишь звук шагов русского разведчика.

Неожиданно сзади слева раздался рокот мотора, и мимо подполковника, почти касаясь шинами тротуара, промчалось

такси. Петр заметил, что сидевшая позади водителя женщина стучит в окно и приветственно машет ему рукой.

«Что за черт!» — только и подумал Попов, как из остановившейся в десяти метрах от него машины выпрыгнула высокая темноволосая женщина.

Продолжая призывно помахивать рукой и улыбаться, она двинулась навстречу Петру. Сделав несколько шагов, женщина резко остановилась. Изумленно вскинув брови, округлила глаза и разочарованно покачала головой. Тень разочарования скользнула по ее лицу: обозналась!

Не успел Попов как следует рассмотреть незнакомку, как она, развернувшись к нему спиной, уже шагала прочь.

«Остановись мгновение, ты — прекрасно!» — едва не вскрикнул потрясенный красотой феи из такси Петр и бессознательно ускорил шаг.

«Вот тебе, Петя, и сказки венского леса!» — подполковник не мог прийти в себя от резкой смены поведения незнакомки.

Неожиданно женщина споткнулась и рухнула на колени. Повинуясь импульсу, Петр бросился вперед. Иностранка оперлась на его руку, силясь подняться. Гримаса боли исказила ее красивое лицо. Тогда Попов подхватил женщину под руки, и, резко выпрямившись, поставил ее на ноги.

Какое-то мгновение они стояли обнявшись. Волосы незнакомки касались лица Петра. Ее высокая упругая грудь упиралась в его плечо так плотно, что ему показалось, что он слышит биение ее сердца. А может своего? Глаза иностранки призывно горели, приоткрытый пунцовый рот неотвратимо влек к себе. В следующий миг Петр яростно впился в эти манящие губы. Незнакомка не только не предприняла попытки высвободиться из объятий, но с готовностью, всем телом, прижалась к Петру, закрыла глаза, вверив всю себя во власть звериного порыва…

Импровизированный поцелуй в центре Вены продолжался несколько мгновений, но Петру он показался вечностью. Он вдруг почувствовал сладкое головокружение. На сердце было легко и радостно. Хотелось немедленно свалять дурака, нашкодить, устроить розыгрыш. В общем… Хотелось!

Задыхаясь, Петр прервал поцелуй. Переводя дыхание, осторожно высвободился из объятий, как вдруг заметил, что стоит на цыпочках. Иностранка была на полголовы выше ростом. Их взгляды встретились. Оба разом рассмеялись.

— Данкешон, — как-то неопределенно прошептала она, имея в виду то ли руку помощи, то ли участие в поцелуе.

— Битешон, — автоматически ответил он и зарделся, проклиная свое произношение.

— Вы — иностранец? — не обращая внимания на смущение Петра, спросила фея.

— Яа-яа, — только и выдавил из себя подполковник.

— Русский? — настаивала незнакомка.

«Приплыли!» — подумал Петр и, разозлившись на себя, по-русски выкрикнул:

— Да, я — русский!

— Как йето чудьесно! Моя мама есть русская! Какой тьесный мир! Как тьебя зовут? — перешла на русский фея.

— Петр…

Подполковник не мог поверить собственным ушам и своей удаче: «Она говорит по-русски!» Он уже твердо знал, что нашел то, что искал, и решил развить знакомство, но не знал, как это сделать, так как положиться на свой немецкий не мог.

— А как вас зовут?

— Грета… Грета Ламсдорф, — засмеявшись, она протянула руку.

— А что, если нам зайти куда-нибудь в кафе? — поцеловав протянутую руку, предложил Попов. — Если вы не торопитесь, конечно…

— Да-да, коньешно… я сьегодня свободна, — с готовностью ответила немка.

…Так начался первый и последний любовный роман русского разведчика Петра Попова. Первое посещение аптеки еще не открывает дороги на кладбище, а первое свидание с клевреткой Ордена шпионов? Куда приводит оно?

Глава пятая
«ДЕВОЧКА НАПРОКАТ»

Гретхен Рицлер родилась в 1918 г. в Вене в семье пианиста Отто Рицлера и баронессы Анастасии Больц-Лопушинской.

Вообще-то семья баронессы, бежавшая в 1917 г. из России от большевистского террора, своей целью имела Париж, но в дороге от тифа скончались родители юной Анастасии, а она сама угодила в венский госпиталь для бездомных…

По выздоровлении баронесса буквально была выброшена на улицу: в бреду она, несмотря на то что блестяще владела немецким, английским и французским языками, кричала по-русски. Поэтому ни ссылки на родословную — немцев по линии отца, — ни мольбы о денежной ссуде на билет до Парижа, на главврача госпиталя не произвели ровным счетом никакого впечатления. Он был непреклонен: Россия и Франция находятся в состоянии войны с Австро-Венгрией и Германией, и скажите, баронесса, спасибо, что *враги* вытащили вас с того света!

* * *

С большим трудом Анастасии Больц, — а теперь она представлялась только так, отбрасывая вторую часть своей фамилии, — удалось устроиться билетершей в дешевый мюзикл, похожий на солдатский бордель, в венском предместье, чтобы, скопив денег на билет, уехать, наконец, к друзьям во Францию.

В первый же вечер знакомства с баронессой-билетершей Отто Рицлер, покоренный ее красотой и великосветскими манерами, упал перед ней на колени и со слезами на глазах умолял выйти за него замуж.

Париж был туманной перспективой, а предложение актера и его искренность казались вполне реальными. *И* баронесса выбрала второе, хотя в глубине души лелеяла надежду в недалеком будущем выбраться из ненавистной с детства Австрии в обожаемую Францию…

Однако жизнь внесла в планы Анастасии свои коррективы. Сначала муж потерял работу и запил. Затем родилась Гретхен, и баронесса, скрепя сердце, выбросила из головы мечты о Париже и полностью посвятила себя воспитанию дочери. А вечерами, уложив дочь, выходила на панель, чтобы заработать на хлеб для себя и молоко для малышки…

* * *

О смерти мужа Анастасия узнала из газет — он давно уже не жил в семье, попрошайничая у дорогих кафе и гостиниц. Гретхен к этому времени исполнилось 15 лет, хотя соседи давали ей все 18 — так зрело она выглядела. А ослепительная красота, а поступь, а манеры, а тон! Да это же принцесса, а не недоростка в лохмотьях! Она свободно говорила по-русски, по-французски, по-английски и, конечно, по-немецки. Кроме того, Гретхен прекрасно играла на пианино и гитаре, пела и танцевала — забота и воспитание матери-баронессы не прошли даром. Зерна упали на благодатную почву. Нет-нет, что бы там ни болтали злые языки о ее матери и отце, но у их дочери большое будущее!

Но случилось несчастье. Ослепительной красоты пятнадцатилетнюю Гретхен, доставленную в венскую клинику по поводу гнойного аппендицита, прямо на операционном столе изнасиловал врач-маньяк.

Неудачно проведенный аборт лишил ее способности деторождения.

Суд приговорил вурдалака к пожизненному заключению, но горю матери и репутации пятнадцатилетней Гретхен это помочь не могло.

Вскоре, не вынеся позора, покончила с собой Больц-Лопушинская.

* * *

Рицлер, умопомрачительно красивое юное создание, не могла остаться незамеченной венскими сутенерами, вербовавшими наложниц среди студенток колледжей, официанток, натурщиц и фотомоделей.

Начали с малого: предложили за приличные деньги позировать для порножурналов. Затем пошли съемки в порнофильмах — коготок увяз, всей птичке пропасть.

Один венский журнал поместил ее цветное фото на обложке, и для Гретхен это явилось следующей ступенью по лестнице, ведущей вниз. Ее красивое лицо и соблазнительная фигура обратили на себя внимание людей, рассматривающих такие снимки с коммерческой точки зрения. Она получила предложение от нескольких почтенных венских клубов и приняла самое выгодное из них. За 250 шиллингов в неделю она поступила в кабаре при венской гостинице «Интерконтиненталь». Там же и жила в подсобке.

…В воздушном, украшенном блестками наряде она проделывала на маленькой сцене несколько ритмических движений, после чего по приглашению кого-нибудь из посетителей подсаживалась к его столику.

Однажды обер-кельнер передал ей приглашение от некоего Пауля Мозера. Обычно в таких случаях он говорил Рицлер несколько слов о кредитоспособности приглашающего.

Когда Гретхен ворчливо спросила, что представляет собой этот Пауль, обер-кельнер коротко ответил:

— Я был бы рад получить десятую долю той суммы, на которую он раскошелится, если ты сумеешь ему понравиться.

Обер-кельнер не преувеличивал, хотя и не подозревал, что Мозер совмещает спекулятивные сделки с недвижимостью с работой на германскую политическую разведку.

…Когда Рицлер подошла к его столику, Пауль без долгих околичностей предложил:

— Здесь не место для тебя. Если хочешь, я помогу тебе достигнуть большего. Если ты доверишься мне, я введу тебя в высшие круги венского общества…

Девушка почувствовала, что Пауль сулит ей не воздушные замки, и решила рискнуть. В тот же вечер, отказавшись от ангажемента в кабаре, она, уступив желанию Мозера, переехала к нему на виллу в предместье Вены.

Самым, пожалуй, удивительным в их отношениях было то, что молодой повеса даже не прикоснулся к сказочно красивой студентке колледжа, не сделал ее своей любовницей, хотя Гретхен несколько месяцев жила у него.

Подобно театральному режиссеру, Мозер проходил с ней роль, которую ей предстояло играть на празднествах, устраиваемых им для своих друзей и партнеров по бизнесу. Эта была всего лишь роль девицы легкого поведения, но Рицлер должна была добиться вершин совершенства…

* * *

Во время одного из приемов, которые Пауль устроил у себя дома для друзей из германского посольства, все приглашенные, дипломаты и девушки по вызову нагишом взапуски бегали по саду, изображая Адама и Еву Совокуплялись, не таясь и не стесняясь, тут же на лужайках.

Гретхен, которой хозяином возбранялось принимать участие в подобных игрищах, обнаженная лежала на надувном матрасе в

бассейне, наблюдая за забавами гостей. Она заметила, как Мозер, занятый приготовлениями, связанными с ночной программой, отвелв сторону какого-то джентльмена в смокинге и указал на нее, а затем украдкой сделал ей знак: на эту ночь ты принадлежишь ему.

Ларчик открывался просто: проституируя в среде миллионеров, красавица Рицлер попала в поле зрения «охотника за скальпами» — высокопоставленного офицера-агентуриста германской политической разведки Вальтера Шелленберга, действовавшего под «крышей» первого секретаря германского посольства в Вене. Последний, ознакомившись с ее биографией и установив за ней наружное наблюдение, пришел к выводу, что из девочки можно воспитать агентессу экстра-класса, новую Мату Хари.

…Шелленберг, молодой мужчина с брутальными чертами лица, подошел к краю бассейна и, представившись немецким дипломатом, сделал девушке то же предложение и в тех же выражениях, что полгода назад она услышала из уст Мозера. Разница состояла в том, что незнакомец предлагал ввести ее «в высшее европейское общество».

Гретхен, для которой к тому времени смена покровителей стала так же привычна, как ежедневная смена чулок, немедленно ответила согласием. Ей и в голову не могло прийти, что Вальтер Шелленберг является главой резидентуры германской политической разведки в Вене и по совместительству «оператором» ее содержателя Пауля Мозера.

Не растерявшись, девушка поставила лишь одно условие: оплатить ее обучение в колледже, где она училась на факультете славянской филологии.

«Меня вполне устраивает факультет, на котором вы обучаетесь, поэтому я готов оплатить вашу учебу», — ответил Шелленберг.

Сделка состоялась. В последующем никто из них не пожалел о заключении устного контракта.

Глава шестая
ПОД ПСЕВДОНИМОМ «HERZ»

Шелленберг начал обхаживать Рицлер. Лишенная возможности общаться с богатыми клиентами, она вскоре полностью перешла на его содержание, не подозревая, что деньги он тратил не из собственного бумажника, а из секретной кассы рейха…

Поначалу Гретхен казалось, что Вальтер хочет с нею просто дружить, но зачем? Если Пауль не дотрагивался до нее, приберегая для своих друзей и партнеров, под которых он подкладывал ее без всяких колебаний, получая огромные комиссионные, то этот даже разговоров на эту тему не заводил! В чем же дело?!

В ходе многочасовых бесед Вальтер часто повторял Рицлер одну и ту же фразу: *«Я* не хочу с тобой любовных отношений, потому что мне неуютно с умными женщинами».

…Кардинал от разведки Вальтер Шелленберг по достоинству оценил интригабельный ум Рицлер и богатую фантазию для принятия авантюрных решений. Он сделал ей такое предложение, от которого Гретхен не смогла отказаться, — посулил такую сумму, что она тут же сменила профессию и стала гидом-переводчицей, обслуживающей иностранцев из сопредельных Германии стран.

* * *

После вербовки в обязанности Гретхен входила организация отдыха и развлечений для иностранцев из недружественных рейху государств, но основным ее предназначением было выяснение их отношения к нацизму вообще и к Гитлеру и его политике в частности…

Это был проверочный этап способностей Рицлер добывать оперативно значимую информацию методом выведывания, а также ее умения соблюдать конспирацию.

Когда Шелленберг понял, что Рицлер способна дать сто очков форы легендарной Мате Хари, он помог ей получить немецкое гражданство и эмигрировать в Германию, где в полной мере раскрылись ее шпионские дарования.

Достаточно сказать, что в его ведомстве под Рицлер был создан целый аналитический «цех», в задачу которого входила

обработка и оценка поступавшей только от нее информации.

Виртуальные предположения, добытые ею в постельных играх с депутатами парламентов, политическими деятелями и высокопоставленными военачальниками государств Запада и Востока, после обработки в «цеху» превращались в реальные прогнозы, а последние — в конкретные задания для целой сети секретных сотрудников немецких спецслужб, действовавших по всему миру.

…Вальтер Шелленберг не мог нахвалиться своей секретной сотрудницей, всякий раз подчеркивая, «что если вермахт имеет на вооружении уникальное штурмовое орудие, прозванное «Большой Бертой», то в его арсенале есть не менее эффективное оружие — «Секс-бомба Гретхен».

Но это была лишь шутка. В действительности Рицлер в секретных файлах политической разведки и в ведомостях выплаты денежного вознаграждения проходила под псевдонимом «Herz».

* * *

Бурная жизнь Гретхен Рицлер, наполненная откровенно сексуальными романами, вызывала зависть у самых красивых женщин Старого света.

Вместе с тем многочисленные поклонники красавицы Гретхен отмечали, что знакомства и мимолетные связи со знаменитостями не приносили ей ощущения счастья. Ее томила какая-то ущербность, граничащая с самоуничижением… Может быть, поэтому она, встретив своего будущего куратора Вальтера Шелленберга, вмиг влюбилась в него по уши, как в последующем в свою тайную жизнь шпионки…

…Состоя на службе и иждивении ведомства Вальтера Шелленберга, Рицлер, ставшая примадонной берлинского театра оперетты, обладала особым даром в течение двух-трех часов интенсивных сексуальных экзерсисов подготовить к вербовке любого из намеченных ее шефом кандидатов, будь то блистательный принц, политический деятель, дипломат или банкир. Но особо удачлива она была в работе по офицерам генеральных штабов и сотрудникам военных миссий славянских стран, ибо их сердца распахивались, стоило ей только упомянуть национальность своей матушки…

Глава седьмая
ГЕРБАРИЙ СЕКС-ИДОАОВ

«Торговля телом — зло, его надо прятать…»

Накануне «случайной встречи» с русским разведчиком на Будапештштрассе Рицлер проснулась раньше обычного. В кромешной темноте нащупала выключатель ночника. Подумав мгновение, решила не зажигать свет, а продлить наслаждение, еще и еще раз просматривая картины сновидений прошедшей ночи, в которых ей изобильно виделись ее, казалось бы, забытые любовники…

Впервые за много лет Гретхен благодаря стайке выпорхнувших из подсознания воспоминаний о полной захватывающих приключений молодости, явившихся ей во сне, вновь ощутила вкус чувств, которые ей довелось испытать в пору своей порочной юности…

Чем дольше Рицлер ворошила в памяти счастливые моменты прошлого, тем чаще ее память давала сбои, так и норовя исподтишка высветить какое-нибудь событие, из-за которого она не просто испытывала чувство мимолетного душевного дискомфорта, а готова была биться головой о стену, рвать на себе одежду и волосы…

«Воистину, — мелькнула мысль, — правы те мудрые люди, утверждающие, что Бог проклял человека, наделив его памятью».

…Одним из таких событий, вызывавших у Рицлер острое чувство стыда и протеста одновременно — прогулка по утренней Вене после первой ночи продажной любви в обществе с арабским шейхом, подставленным ей Паулем Мозером.

Было ей тогда всего шестнадцать лет, и постельные экзерсисы с денежными тузами или заезжими знаменитостями воспринимались ею как наполненные негой приключения…

* * *

Мысль о том, что ей удалось «раскрутить» нувориша из аравийских пустынь еще на целых 10 000 шиллингов, помимо тех комиссионных, которые он отдал Мозеру, окрыляла и вдохновляла на новые знакомства, с кем бы они ни состоялись — с арабами, китайцами или даже неграми.

Гретхен пешком отправилась на виллу Мозера. Она с наслаждением вдыхала ароматы весеннего утра и улыбалась каждому встречному прохожему, наивно полагая, что все они должны разделять ее восторг.

Наивное заблуждение!

Шедшие навстречу мужчины и женщины, мельком взглянув на ее вульгарный наряд, измазанное косметикой лицо, провокационное покачивание бедрами, сразу понимали, какую религию она исповедует — религию продажной любви.

Оценив реакцию прохожих, Грета стала вкладывать иной смысл в язык взглядов…

…Рицлер обогнали два оживленно спорящих молодых человека. Встретившись с ней взглядами, парни умолкли, а когда, как им казалось, Гретхен не могла уже их расслышать, один из них громко воскликнул: «Черт побери! Что происходит в Вене?! Никогда бы не подумал, что в этот час город отдан на откуп продажным девкам!»

…Вот еще прохожий. Он очень спешил и окинул Грета беглым взглядом. Но этого мгновения было достаточно, чтобы девушка прочла в глазах незнакомца презрительную иронию: «Что это ты выплясываешь тут в неурочный час? Порядочные девушки не гуляют здесь в это время. Ну а настанет ночь, и ты вновь окажешься в постели с кем-нибудь из нас, самцов… Не исключено, что именно со мной!»

…Один возвращавшийся с ночной смены работяга был безапелляционно откровенен: «Задрать бы тебе твою юбку-носовой-платок, да и всыпать от души, а то, видно, родителям недосуг тобой заниматься!»

…Проходя через скверик, Гретхен обратила внимание на сидящего на лавочке господина преклонных лет. Лучи поднимавшегося за его спиной солнца образовывали вокруг него светящийся нимб. Заметив приближающуюся женскую фигуру, старик вынул пенсне из внутреннего кармана пиджака, проводил Рицлер испепеляющим взглядом и даже погрозил тростью…

Еще две-три такие встречи с ранними прохожими, во взглядах которых явно читался обвинительный вердикт, и Гретхен расплакалась навзрыд.

«Я понимаю, — говорила она себе, — почему вы все меня осуждаете, а осуждая, ненавидите! Все вы бесцельно и безрадостно прожили молодость, у вас не за горами время, когда уже не останется ни надежд, ни желаний, — ваша жизнь утекла сквозь пальцы, а сами вы алчущие, нищие и завистливые! Да-да, вы все мне завидуете! Моей молодости, красоте, беспечности, деньгам, которыми набита моя сумочка… Но если вам когда-либо

приспичит, то идете вы не к маме и сестре — к женщине, чьим телом можно обладать только за деньги! Но на те крохи, что у вас в кармане, вы можете снять шлюху лишь на привокзальной площади. Вы ненавидите меня, потому что я для вас недосягаема!»

Рицлер с остервенением вытерла кулаками слезы и, обретя абсолютное спокойствие и уверенность в своей правоте, остановила такси.

…Когда она рассказала о своих утренних переживаниях Мозеру, тот посоветовал ей возвращаться домой на авто. Пояснил: «С точки зрения обывателя, вступать женщине в интимные отношения с мужчинами за деньги — творить зло. А зло надо прятать… Так что, девочка, как бы мало ты ни заработала за ночь, домой надо добираться на такси, держась подальше от завистливых глаз… А то еще, не дай Бог, сглазят!»

Похотливый скряга

Через некоторое время чередой пошли секс-знакомства со знаменитостями. Общение с ними внушили Гретхен уверенность в правильности избранного пути. Она начала подумывать, что рождена для чего-то возвышенного.

Звезды кино и эстрады, известные не только в Западной Европе, но и за океаном, принимали ее как представительницу избранного общества.

В этом была заслуга не столько самой Рицлер, сколько сначала Мозера, а затем Шелленберга. Они из кожи лезли вон, чтобы подать свою «подопечную» в лучшем виде. Цели у них были разные: Мозер стремился «срубить» побольше деньжат, Шелленберг — добыть ценную информацию и выявить в богемной среде потенциального агента.

…Первым в «секс-гербарии» Рицлер стал Жан Алекси Монкорже, выступавший в музыкальных ревю и опереттах под именем Жана Габена. С ним Гретхен познакомилась в 1934 г. в Вене на съемках фильма «Мари Шапделен», где ей при содействии Мозера дали роль провинциальной нищей красавицы. Габен только начал восхождение к вершине Олимпа славы, но уже мнил себя «гением экрана».

Шестнадцатилетняя девушка с первого же взгляда была покорена непреодолимым личным обаянием Габена. Магическая сила его харизмы сработала безотказно. Сердце и ноги Гретхен распахнулись сами собой навстречу его красноречию…

* * *

Габен привез девушку в гостиницу на окраине Вены. Номер был грязный, с потолка свисали струпья то ли пуха, то ли многомесячной пыли. На полу валялись пустые бутылки из-под «граппы» — дешевой итальянской виноградной водки, по столу деловито сновали тараканы…

«Не гостиница, а ночлежка для нищих!» — гримаса отвращения исказила лицо Гретхен, которая привыкла ублажать знаменитых клиентов в роскошных апартаментах.

Габен, заметив ее реакцию, пояснил, что поселился в этой гостинице, чтобы избегать встреч с надоедливыми поклонницами и репортерами светской хроники, а вообще-то жить здесь вполне сносно, потому что в других номерах расселен персонал, в задачу которого входит техническое обеспечение съемок.

Гретхен поняла, что этим объяснением Габен пытается скрыть свою скаредность, но промолчала и лишь недоуменно пожала плечами, — у каждой знаменитости свои причуды.

Как оказалось, это было только начало.

Из колченогого буфета Габен извлек початую бутылку «граппы», наполнил доверху стакан и подал его Гретхен. Себе же налил рюмку Camus и, развалившись в кресле, предложил выпить на «брудершафт».

Продолжавшая стоять посреди комнаты Гретхен — актер не предложил ей даже присесть — от такой беспардонности чуть было не выплеснула водку в лицо невеже-нарциссу, но вовремя вспомнила наставления Мозера: «клиент всегда прав».

Изобразив на лице улыбку, Гретхен приблизилась к актеру.

— А что ты стоишь, деточка? Садись ко мне на колени! Выпьем, поговорим, а потом займемся любовью…

И Габен стал рассказывать о своих интимных отношениях со знаменитыми актрисами. С Марлен Дитрих, когда она еще выступала под своим настоящим именем — Мария Магдалена фон Лош. С юной Вивьен Ли и Гретой Густафсон, ставшей впоследствии Гретой Гарбо…

…Сделав пару глотков, Габен вдруг умолк, заметив, с каким отвращением слушает его откровения Гретхен.

— Ну да ладно, девочка, оставим в покое иноземный секс — займемся родным… У нас ведь он называется «любовью», не так ли?

* * *

В дальнейшем Гретхен узнала, что была не единственной любовницей Габена во время его короткого пребывания в Вене. Француз был убежден, что уже самим предложением провести с ним ночь он осчастливливал намеченных им к соитию женщин, независимо от их возраста и социального положения.

Рицлер буквально упивалась тайным злорадством, наблюдая, как жертвами гипнотического обаяния, чрезвычайной самоуверенности и душевной наглости Габена становились звезды европейского экрана. В конце концов она поняла, что именно на этих качествах он построил свой имидж беспроигрышного сердцееда.

Вместе с тем Гретхен отметила, что в сравнении с ее последующими любовниками из мира артистической богемы Габен был чрезвычайно скуп — чего стоила одна гостиница, где ей довелось побывать! А уж о деньгах за любовные утехи ему лучше было не говорить. Мозеру он устроил грандиозный скандал, едва тот заикнулся о денежной компенсации за проведенную ночь с его «подопечной». Габен пригрозил отказаться от роли и уехать в Париж, если Мозер посмеет настаивать. Начинающий актер уже тогда мнил себя звездой мирового масштаба, считая, что не он, а любовницы должны платить ему.

— Если за любовь я должен платить, — кричал он, театрально заламывая руки, — то какая ж, к черту, это любовь?!

…Мозер спорить не стал. Он просто отвел в сторону страдающего манией величия лицедея и, показав ему свидетельство о рождении Рицлер, предложил самому решить, что лучше: оказаться в тюрьме за совращение малолетки или заплатить по счету.

Выяснилось, что Габен лишь в кино был мужественным и непоколебимым, а в жизни — трусливым бахвалом. Заплатил даже больше, чем требовал Мозер. Именно тогда сутенер и наставник Рицлер произнес сакраментальную фразу, ставшую впоследствии крылатой:

— Французы придумали слово «любовь», чтобы не платить денег!

«Девочка напрокат» идет под венец

Совсем по-иному вел себя с Гретхен еще один секс-идол женской половины западного мира, знаменитый «певец парижских бульваров» Морис Шевалье. С ним Рицлер познакомилась по заданию Шелленберга, когда шансонье приехал

в 1936 г. на Берлинские Олимпийские игры, и с первого взгляда влюбилась в него.

…Едва Мозер представил Гретхен Шевалье, его глаза наполнились нежностью, и он сразу предложил ехать к нему в гостиницу, несмотря на то что на вилле собралась большая компания берлинских «тузов», чтобы отпраздновать день рождения Пауля.

Гретхен кокетливо согласилась, но попросила подождать ее, пока она предупредит Мозера об уходе. Вернулась с Паулем, который отвел Шевалье в сторону и стал шептать ему на ухо. Шансонье покивал головой, молча вытащил бумажник, швырнул к ногам Пауля пачку банкнот, подхватил Гретхен под руку и умчал ее на своем серебристом «ягуаре» в фешенебельную гостиницу «Бристоль».

…Пробившись сквозь толпу поклонниц и журналистов, они вошли в номер, который занимал почти половину этажа.

Первым делом Морис предложил спутнице выпить своего любимого коньяка Remi Martin.

Они долго говорили о чем-то бессмысленном, но им обоим приятном и важном. Выпили еще и еще раз. Потом долго танцевали под его песни, записанные на дисках, которые он всегда возил с собой…

Ужин заказали в номер. Морис был очень внимательным партнером. За ужином почти не ел — с истинно французской галантностью ухаживал за Гретхен и развлекал ее шутками и анекдотами. Говорили по-французски, чему шансонье был несказанно рад. Пояснил, что его песни и секс не могут заменить речевого общения с понравившейся женщиной, и он впервые встречает партнершу-иностранку, свободно говорящую на его родном языке.

Вдруг они одновременно пришли к мысли, что настал час вкусить плодов любви. А то, что она была обоюдной, Гретхен не сомневалась — в глазах Шевалье вновь вспыхнул огонь страсти и глубокого чувства…

…Гретхен молча сдернула блузку на ковер, до подмышек подняла подол широкой юбки, с остервенением рванула ажурные трусики, явив на свет божий две молочно-белые ляжки, скрепленные наверху черным треугольником, и с едва заметной улыбкой застыла посреди комнаты.

— О, Господи, какая же ты красивая! Как пахнет от тебя чистотой весеннего дождя, горьким медом и… розами!

Шевалье, вмиг захмелевший от предвкушения близости, шагнул к Гретхен, прижал к себе и ощутил под пальцами упругую

бархатную грудь, которая казалась ему огромным персиком.

— Чему ты смеешься? — прошептала она.

— Я счастлив, — еле шевельнулись его губы. Подняв девушку на руки, он тут же опрокинул ее на ковер. Крепко держась за его шею, она прошептала:

— Я люблю тебя, Морис…

Ее губы были закушены, а в уголках глаз метались бесовские искорки. И когда он вошел в нее до упора, она зажмурилась, сладко и глухо замычала.

«Она — моя!» — мелькнула у Шевалье мысль и тут же погасла кометой, потому что он почувствовал, как мука наслаждения перетекает из ее чресел в него, и водоворот нечеловеческой страсти отключил сознание…

* * *

Они провели несколько романтических часов. Шевалье был нежен и деликатен, и несмотря на свой почтенный возраст — ему было около пятидесяти — неутомим и ненасытен.

Гретхен, испытывая к французу доселе неведомое ей чувство искренней любви и нежности, вдруг сказала:

— Морис, ты неугомонный гастролер, перепробовавший женщин всех рас и национальностей. Скажи, верна ли легенда о русской женщине, как о самой сексуальной и в то же время преданной?

— На мой взгляд, — ответил стареющий кумир, — женщины белой расы, а значит и русские, обладают более изощренной сексуальной фантазией. Моя богатая эротическая практика — тому свидетельство. Сдержанные и даже флегматичные с виду шведки, датчанки и немки гораздо более изобретательны в сексе, чем турчанки или ливанки… А о преданности русских женщин мне нечего сказать — у меня нет опыта общения с ними!

Шансонье вдруг умолк, недоверчиво посмотрел на Гретхен, потом резко произнес:

— Или ты морочишь мне голову, Гретхен, или любовь к тебе лишила меня разума! Ты же немка, а почему спрашиваешь о моих впечатлениях о русских женщинах?!

— Считай, дорогой Морис, — Гретхен весело рассмеялась, — что опыт общения с русской женщиной ты уже приобрел! *Я — русская!* По матери… Хочешь, я спою тебе русскую песню? — не дожидаясь ответа, Гретхен запела «На сопках Маньчжурии» — любимый вальс ее матери.

Когда она закончила петь, завороженный Шевалье

прошептал:

— Гретхен, хотя я и не понял ни слова, я покорен… Очень грустная мелодия, но, надеюсь, в моей аранжировке она не будет навевать тоски… Она прозвучит в миноре, будет так же лирична, но станет доступнее слушателям…

Шевалье в чрезвычайном возбуждении нагишом выпрыгнул из постели и закружил по номеру.

— А что если мы ее исполним на два голоса? Это будет фурор! Песня станет гимном нашей любви! Да и вообще, почему бы тебе не выйти за меня замуж? В данный момент я не связан супружескими обязательствами… К тому же я богат, знаменит… Тебя, если ты примешь мое предложение, ожидает красивое будущее! Соглашайся! *Я введу* тебя в мир богемы, и ты тоже станешь знаменитой… Нет! Ты станешь королевой!

Заметив, как недоверчиво смотрит на него Гретхен, Шевалье подошел к кровати и раздельно произнес:

— Пойми, это не бзик вышедшего в тираж повесы… Это — вполне осознанное предложение! Видишь ли, когда-то давно, на заре моей молодости мне, да, приятно было ласкать женские руки, которые рвали на мне одежды, целовать губы и зубы, впивавшиеся в мою плоть… Но сейчас я более ценю женщин, не с которыми хотелось бы переспать, а с которыми хотелось бы *просыпаться'*. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду именно тебя? Мы поженимся здесь и немедленно, и я увезу тебя в Голливуд — американцы предложили мне богатейший контракт. Поездка в Штаты станет нашим свадебным путешествием! Ну, как тебе такая идея?

Ошеломленная натиском Гретхен потеряла дар речи и уже с испугом смотрела на шансонье. Встретив ее взгляд, Шевалье бросил Гретхен блузку и скомандовал:

— Немедленно одевайся, едем куда-нибудь, где можно отпраздновать нашу помолвку, обстоятельно обсудить *наши* проблемы и… твое замужество!

…Благостные и хмельные, они вышли из гостиницы далеко за полночь. И тут Шевалье хватился своего серебристого «ягуара». Снова и снова он возвращался к тому месту, где, как ему казалось, он запарковал авто, но каждый раз находил там не серебристый «ягуар», а красный. Что за черт! Кто посмел подменить машину?!

Секрет превращения «ягуара» из серебристого в красный певцу открыл привратник, на чьих глазах и совершилось это «чудо».

Отчаявшись дождаться своего кумира, поклонницы подходили к его авто и взасос целовали капот, дверцы, багажник

накрашенными губами…

* * *

Официанты роскошного ресторана «Кемпински» на Курфюрстендамм сразу узнали модного шансонье, и на столе мгновенно зажглись свечи, а в качестве холодной закуски был подан глубокий серебряный поднос, наполненный колотым льдом, на поверхности которого были уложены громадные «королевские» устрицы. Разрезанные пополам лимоны, словно лилии, плавали вдоль серебряной кромки в талой воде.

За устрицами, обильно сдобренными «шабли» из лучших французских винных подвалов, последовал паштет из гусиной печенки с трюфелями. Затем был черепаший суп и запеченный в сметане атлантический угорь. Шампанское лилось рекой.

На десерт к столу подкатили двухэтажную пирамиду с восточными сладостями, виноградом, киви, ананасами и множеством сортов мороженого…

Гретхен, впервые видевшая такое великолепие, в восторге беспрестанно хлопала в ладоши и… думала, думала, думала.

Предложение Шевалье задело ее за живое. Она готова была его принять, но перед глазами постоянно возникал образ Шелленберга. Как он отнесется к ее браку с шансонье и отъезду в Штаты? Ведь как бы Вальтер ни был влюблен в нее, он еще ее наставник и куратор! Заданий даст столько, что забудешь о любви к Морису! К тому же, Шевалье на целых тридцать лет старше… А уж ей-то не знать, что такое стареющий повеса, избалованный славой, деньгами и женским вниманием?! Бзики, капризы, ревность, подозрительность… Как же быть?!

«Решено! — сказала себе Рицлер, — сейчас сыграю с Морисом в детскую игру: «да», «нет» — не говорить, «черное» и «белое» — не называть», затем посоветуюсь с Вальтером… А что если он скажет «нет»? Плевать, будь что будет — поступлю, как подскажет сердце!»

Глава восьмая
ГОЛЛИВУДСКИЕ КАНИКУЛЫ

Шпионские напутствия

Шелленберг воспринял предложение Шевалье вступить в брак с Гретхен с восторгом и энтузиазмом.

— Девочка! — воскликнул Вальтер, — мои обещания ввести тебя в высшее общество оказались пророческими, они реализуются у нас на глазах! Полагаю, что это — только начало… Союз с Шевалье не только раздвинет твои личные горизонты, но и послужит во благо Великой Германии… Да-да! Это — не публичная декларация в духе доктора Геббельса, отнюдь! Это говорю тебе я, шеф политической разведки Третьего рейха! Надеюсь, ты мне веришь? Впрочем, это уже риторика, извини, не сдержался…

Шелленберг мгновенно преобразился и стал ласково, но твердо диктовать то, что, по его мнению, должна была бы сделать Гретхен, находясь в Штатах.

«Herz» слушала его с открытым ртом, поражаясь, как в одном человеке могут одновременно мирно уживаться диаметрально противоположные начала: фантазия сказочника и прагматизм разведчика, отчаянный задор юноши и изощренное коварство крючкотворца, богатейшее воображение романтика и холодный расчет циника…

«Боже мой! — подумала Гретхен. — Как надо верить в проповедуемые им идеалы разведки, с какой страстью отдаваться делу, которому он служит! Неужели и меня в будущем ждет то же самое? Нет-нет, шпионаж — это его работа, которой он предан без остатка. Для меня — приключение, знакомства с интересными людьми, секс, роскошь и деньги. Все! Большего мне не нужно… Быть может, кто-то и выполняет задания Вальтера с риском для своей жизни, но только не я! Я делаю все, что он просит, походя, играючи, получая от этого наслаждение…

Как жаль, что моя покойная мамочка в своей жизни не встретила такого человека, как Шелленберг, возможно, ей не пришлось бы выходить на панель, чтобы заработать на кусок хлеба…»

…Минут через двадцать Шелленберг вдруг рассмеялся и прервал свой страстный монолог:

— Послушай, Гретхен, а зачем я тебе все это говорю? Ты ведь

и сотой доли моих наставлений не запомнишь… Стоп! Ограничимся главными целями. Ты должна будешь обзавестись в Штатах максимальным количеством знакомств в среде влиятельных людей: капитанов индустрии, политиков, конгрессменов и сенаторов, функционеров администрации президента, генералов и адмиралов. Особое внимание удели тем, кто имеет дом или ранчо на восточном побережье, в Майями или во Флориде… Постарайся перевести постельные забавы с ними в долгосрочные дружеские отношения. Ты достаточно искушена, как это сделать…

— Но мне же придется иметь дело с голливудской богемой! Причем здесь генералы и адмиралы? Может, вы мне еще прикажете взломать сейф в каком-нибудь штабе?!

— Гретхен, деточка, выслушай меня до конца! Все, кого я тебе перечислил, — непременные гости голливудских тусовок, они постоянно меняют партнерш из числа звезд кино и эстрады. Но все эти звезды им давно уже примелькались, стали вроде домашних тапочек — удобными, но не возбуждающими воображения. Приток же новых див в элитные клубы ограничен, потому как селекцией занимаются не просто знатоки — профессиональные психологи-казановы. Ясно? Ты же с помощью своего мужа попадешь в круг избранных естественным путем — отблески его славы не могут не высветить тебя, остальное доделают твои внешние данные и умение подать себя. Поверь мне на слово, ты одним своим появлением впрыснешь в кровь завсегдатаев голливудских секс-вечеринок такую дозу адреналина, что они будут мчаться к тебе резвее арабских скакунов…

Исходя из сказанного, не ты будешь искать интересующих меня лиц — они сами выйдут на тебя… Тебе лишь придется отделять зерна от плевел. Выбирать из достойных *самых* достойных! Ну, ты понимаешь, что я имею в виду…

— А как же Морис? Он будет ревновать, да еще как! Вы что, Вальтер, не знаете, как может быть ревнив муж, который на *тридцать* лет старше своей жены?!

— Не волнуйся! Мои люди окружат его особым вниманием и подставят таких нимфеток, что иногда он будет забывать, что приехал в Штаты не один…

— Но Вальтер! У нас же с ним настоящая любовь, вы разве не верите в это?!

— Верю! Но и ты поверь мне, я ведь слов на ветер не бросаю, и ты в этом не раз могла убедиться, не так ли? Слово офицера Фатерлянда, что у тебя будет достаточно свободного времени, чтобы укрепить контакты с объектами моей заинтересованности!

А твой муж этого и не заметит…

Кстати, прошу — нет, приказываю! — не поддаваться эмоциям и не устанавливать контакты с понравившимися тебе плейбоями, их там пруд пруди, — это будет очень неосмотрительно с твоей стороны…

Во-первых, они станут препятствием при выполнении моего задания.

Во-вторых, увлекшись каким-либо голливудским секс-символом, ты утратишь бдительность, и вот тогда-то действительно вызовешь ревность Мориса… Ну а о последствиях ты можешь догадаться сама… Такие артистические натуры, как Шевалье, непредсказуемы в своей ревности. Он может прервать свои гастроли и увезти тебя из Америки… И это — в лучшем случае. В худшем, не дай Бог, — развестись…

Не брезгуй вступать в контакт с женами лиц, которых я перечислил. Жены для тебя не соперницы, а средства к достижению цели. Они должны стать твоими подругами — через них ты сначала познакомишься с их мужьями, а затем возьмешь последних на короткий поводок. Ясно?

Да вот еще что… Я подарю тебе фотоаппарат. Впрочем, нет! Мы подарим его в качестве свадебного подарка твоему Морису… Это будет дорогая шикарная «Дейка», которой позавидует любой профессионал! В течение недели тебя научат с нею обращаться… Снимать будешь всех… Не волнуйся, печатать фотографии тебе не придется — пленки будешь отдавать кинооператору по имени Карло Бельграно. Он держит маленькое фотоателье в Голливуде. Пусть тебя не смутит, что не все, отснятое тобой, вернется к тебе. Ну, ты понимаешь… Да и Морис не будет ревновать — тебе же придется фотографировать в основном мужские лица…

— А как я найду Карло?

— Он сам тебя найдет и передаст привет от Отто из Вены. Это — пароль. Ты ответишь: «Спасибо, а откуда вы знаете моего школьного друга?» Запомнила? Он даст тебе свою визитную карточку. Заучишь наизусть номера его телефонов, а визитку уничтожишь. Будешь звонить только в случае крайней необходимости, если у тебя вдруг возникнут какие-то сложности… Кто бы ни поднял трубку, женщина или мужчина, — не смущайся, сразу называй свое имя… Содействие тебе будет оказано мгновенно, ясно?

Своих русских и немецких ветвей в роду светить не стоит. Запомни, ты — француженка из Эльзаса, там немецкая кровь настолько перемешалась с французской, что поди разбери, кто есть кто. Поэтому имя «Гретхен» на твоей визитной карточке и знание немецкого языка вполне объяснимы для тех, кто,

возможно, проявит любопытство к твоему происхождению. Согласна?

Еще раз хочу тебе напомнить об установлении дружеских отношений с людьми, проживающими и имеющими ранчо или виллу на восточном побережье Штатов… Это очень важно для рейха… Ну вот, пожалуй, и все… Впрочем, у нас есть еще время, чтобы обсудить упущенное. Но, в любом случае, с Богом!

Паноптикум уродцев

Едва супруги Шевалье в сопровождении импресарио переступили порог самой фешенебельной гостиницы Голливуда «Оазис грез», как Гретхен бросился в глаза красный плакат с надписью:

«Господа, просим тех, кто вчера подвозил очаровательную блондинку с пикантной родинкой на правой ягодице, вернуть ее джинсы и документы.

Обращаться в администрацию. Вознаграждение и анонимность гарантируются».

— Ну и нравы! — Гретхен обернулась к импресарио. — В Голливуде так принято выставлять напоказ свои пороки?

Импресарио Роже Миньон, американец французского происхождения, лукаво заулыбался:

— Мадам, пусть вас не шокирует это откровение. Американцы — люди не чета нам, выходцам из Старого света. Они более искренни в своих поступках и высказываниях. *Я не* могу сказать, что они напрочь лишены лицемерия, отнюдь! Но в их поведении очень много от детской наивности и непосредственности. Европейцы часто называют эти их качества цинизмом, но это не совсем так… В общем, поживете — узнаете все сами!

— Мы хотели бы отдохнуть с дороги! — прервал рассуждения импресарио Морис.

— Да-да, патрон, конечно же! Сегодня и завтра никаких дел — только развлечения. Вам потребуется дня два-три, чтобы привыкнуть к смене часовых поясов…

— Это я знаю, — Морис откровенно зевал, — а в чем заключается развлекательная программа?

— Мсье, программу я составил с учетом ваших пожеланий, но сегодня у меня для вас есть маленький сюрприз…

— Надеюсь, приятный?

— *Я бы* назвал его сенсационным! — Миньон от удовольствия потер руки.

— Хорошо, а когда и где произойдет эта сенсация?

— Вечером… В греческом зале «Пантеон» гостиничного ресторана… *Я* бы мог заказать столик в китайском, во французском или в итальянском зале, но сегодня сенсация состоится именно в греческом… Поэтому…

— Хорошо, — перебил Миньона Шевалье, — у нас достаточно времени, чтобы выспаться и привести себя в порядок… А в восемь мы будем в фойе. Пойдем, Гретхен! До вечера, мсье Миньон!

— Если я понадоблюсь раньше — телефон моего секретаря записан в дежурной книге у вас в номере! — прокричал им вслед импресарио.

* * *

Несмотря на претенциозное название, «Пантеон» представлял собой один средних размеров зал, где стояло не более двух десятков столов. Кроме них, были еще деревянные кабинки, расположенные вдоль стен.

Ресторан был битком набит клиентами — ни одного свободного кресла. Все говорили разом и по-английски. Лишь иногда в этой разноголосице можно было услышать французскую речь. Между столами передвигались аккордеонист и скрипач. Ненавязчиво звучали попурри из греческих и еврейских песен.

Переступив порог, Гретхен физически ощутила уют маленького православного храма. Даже облако табачного дыма, висевшее под потолком, не заглушало аромата горевших восковых свечей, меда и лаванды. Некоторый диссонанс в домашнюю обстановку зала вносили висевшие на стенах увеличенные фотографии именитых посетителей «Пантеона»: Айседоры Дункан, Греты Гарбо, Марлен Дитрих, Вивьен Ли, Авы Гарднер, Габриэль Шанель, Кирка Дугласа, Уоррена Гардинга, 29-го президента США, прославившегося грандиозными оргиями, которые он устраивал в Голливуде.

На самом видном месте размещался портрет… Мориса Шевалье.

— Миньон, — шансонье повернул голову в сторону импресарио, — это и есть ваш сюрприз-сенсация?

— Прошу прощения, мсье Шевалье, но, во-первых, выставить на показ ваше фото — инициатива хозяина гостиницы…

— А во-вторых?

— Во-вторых, я бы никогда не снизошел до столь вероломного подхалимажа… А сенсация будет после ужина… Прошу, присаживайтесь!

Из облака дыма, как джинн из бутылки, возник метрдотель в сопровождении двух двухметрового роста официантов-негров, единственным одеянием которых были белоснежные набедренные повязки.

— Мсье Шевалье, позвольте поцеловать руку вашей жене и поблагодарить вас за то, что свой выбор вы остановили на моем заведении. — Мэтр поклонился шансонье и обратил свой взор на Гретхен.

— О, Боги! Такая красивая женщина мой зал еще не посещала. Если позволите, мсье Шевалье, мы сделаем один щелчок фотоаппаратом и портрет вашей супруги будет висеть рядом с вашим… Соглашайтесь!

— Нет-нет! Этого делать не надо! — в панике закричала Гретхен.

Заметив недоумение на лицах импресарио и метрдотеля, вызванное ее бурным протестом, она с неимоверным усилием овладела своими эмоциями и уже шутливым тоном добавила:

— Как говорят умные люди: «Незаменимых нет. Есть неповторимые». Мой муж относится к последней категории… *Я* — нет! Так что, мсье, оставьте все, как есть!

Предложение мэтра повергло Гретхен в шок, потому что ее портреты, выставленные в публичных местах, вызывали у нее кошмарные ассоциации. Ведь всегда найдется хоть один посетитель, который вспомнит ее фото в порнографических журналах и участие в порнофильмах. Не хватает только этого конфуза!

…Мэтр хлопнул в ладоши, и на столе возник кувшин с вином и огромное серебряное блюдо с какой-то экзотической закуской.

— Перед вами, мадам и мсье, — торжественно произнес метрдотель, — греческое вино «ретсина» с острова Крит, настоянное не в дубовых, а в сосновых бочках… Поэтому, когда вы будете его пить, у вас возникнет иллюзия, будто вы гуляете в хвойном лесу. Прошу прощения, но по своим вкусовым качествам оно превосходит многие французские вина…

Пикила, — взмах руки в сторону блюда, — ассорти из холодных закусок, где преобладают разные сорта сыров и маслины. Уверен, ничего подобного вам пробовать еще не доводилось, впрочем, как и все остальное, чем сегодня мы собираемся вас попотчевать… Приятного аппетита!

После пикилы последовали салат из даров моря, долма, улитки по-бургундски, фаршированные кальмары. На горячее были поданы гамбасы — шашлыки из только что родившегося ягненка и мусака — жаренные на вертеле баклажаны, сыр, лук и помидоры.

«Ретсина», янтарное «шабли» и «бургундское» цвета спелого граната лились рекой, а тостам, казалось, не будет конца…

В заключение трапезы на столе появилось блюдо с греческим деревенским сыром, который эллины запивают киром — смесью шампанского с красносмородиновым соком свежей выжимки.

Гретхен, наклонившись к мужу, прошептала:

— Какая прелесть, Морис! Нельзя ли взять с собой бутылочку этого напитка?

— Нет, потому что, едва откупорив бутылку шампанского, его надо сразу смешать с только что отжатым соком… Мы можем приготовить кир в номере, надо только попросить у мэтра красной смородины и узнать, в каких пропорциях смешивается сок с шампанским.

…В проеме двери показался крошечный человечек с огромной седой шевелюрой а-ля Альберт Эйнштейн. Он поманил пальцем метрдотеля и стал что-то нашептывать ему на ухо. Миньон быстро утер губы салфеткой, заговорщицки подмигнул молодоженам и, почти касаясь лицом крышки стола, прошептал:

— Начинается… Но сначала два слова, чтобы ввести вас в курс действа, которое нас ожидает… Из исторических романов вы, конечно, знаете, что у одной из жен короля Генриха Восьмого было три груди. Хотя это — не единственный факт ее жизни, позволивший ей войти в мировую историю… Но речь сейчас не о ней — о таких же уродцах, которых один предприимчивый эмигрант из России Эмиль Барановский собрал по всему свету и гастролирует с ними по самым фешенебельным курортам и заведениям Европы. Получив громогласную рекламу, он прибыл со своим аттракционом в Голливуд. Через две недели Барановский убывает в Англию, а пока…

— Он здесь, что ли?

— Ну конечно же! Он и его передвижная кунсткамера сегодня вечером выступают здесь, в греческом зале…

— Он что? Демонстрирует заспиртованных человеческих аномалов? — поморщился Шевалье. — Эка невидаль!

— Да нет же, мсье, его экспонаты — не в колбах и пробирках, а во плоти и крови, за деньги выставляющие себя напоказ всем желающим… Впрочем, и нежелающим — тоже!

Обычно, когда публика в ресторане основательно захмелеет, мистер Ричардсон, хозяин «Оазиса», предоставляет сцену уродцам из труппы Барановского…

Он начинает с демонстрации самой простой патологии: выводит в зал 7 членов какого-то арабского то ли клана, то ли племени, у которых на обеих руках и ногах по шесть пальцев. Поясняет, что члены этого племени, чтобы сохранить свое

отличие от других представителей рода человеческого, женятся только между собой…

Самое интересное, что если в этом шестипалом семействе появляется новорожденный с пятью пальцами на руках и ногах — все! Муж требует развода…

— С чего бы это? — в один голос воскликнули Гретхен и Шевалье.

— Он считает, что жена изменила ему с ненормальным!..

Но это — только начало. Вслед за арабами Барановский, что называется, «достает из рукава козырного туза» — выталкивает на сцену короля уродцев…

Думаю, этот Барановский — отменный психолог: стартует на малых оборотах, потом включает полный газ, а затем шоу уже катится само по себе… Но денег эти монстры собирают с присутствующих в зале целые мешки!

— Что, прямо-таки с протянутой рукой ходят? — улыбнулся Шевалье.

— Да, мсье, представьте себе!.. Посудите сами, ну кто же откажет существу, у которого единственным человеческим признаком является лишь его взгляд, преисполненный мольбы… Некоторые слабонервные клиенты не выдерживают зрелища и, разрыдавшись, уходят… Но после того, как заплатят… А платят всегда! Деньги, которые они дают, что-то вроде отступного…

Да, так вот я начал о короле уродцев… Он — индус, зовут его Коко. Он — гибрид, то есть его мать должна была родить двойню, но в итоге получился один Коко…

Голова у него одна, а вот некоторых органов явно в избытке, природа вынудила его позаимствовать их у своего брата-близнеца. У этого Коко, например, четыре ноги, четыре руки, два комплекта половых органов. На спине он таскает тельце своего безголового братца-близнеца, с которым его связывает только шея…

— Какой ужас! Неужели он в зале появляется обнаженным? — Гретхен обеими руками обхватила лицо.

— Мадам, а для чего бы тогда нужно было затевать весь этот балаган?! Разумеется, на сцену он выходит, в чем мама родила… Иначе он ничего не заработает… Да и не только он — весь зверинец Барановского появляется на публике только нагишом!

— А женщины в этом зверинце есть? — поинтересовался Морис и украдкой взглянул на жену.

— А как же, мсье! Есть одна. Француженка по прозвищу «женщина во фраке».

К ее собственному тазу природа припаяла еще один, рудиментарный, с дополнительными ногами. При ходьбе эта пара

недоразвитых ножек болтается, как фалды фрака, отсюда и прозвище…

Да, вот еще что! У нее в паху растут две рудиментарные груди, которые она дает потрогать всем желающим…

— Что, неужели находятся и такие?! — возмутилась Гретхен.

— Желающих хоть отбавляй… Я уже сказал вам, шоу начинается, когда публика, собравшаяся в зале ресторана, находится в крайней кондиции подпития…

— Мсье Миньон, неужели никто из посетителей не пытался заснять этих уродцев на пленку во время их выступлений? — Гретхен достала «Лейку» из сумочки.

— *Я* вас умоляю, мадам! В «Оазисе» любая кино- и фотосъемка запрещена! Охрана соответственно проинструктирована. Имеются даже специальные собаки, натасканные на обнаружение фото- и кинокамер… Пару месяцев назад репортеры из Newsweek пытались запечатлеть карнавал уродцев да и заснять присутствовавших конгрессменов… Подкупили часть охраны. Начали работать, так едва в живых остались! Впрочем, я отвлекся… Есть у Барановского еще один уникум, прямо-таки ископаемое чудовище, но его он редко выпускает на люди…

— Почему?! — хором воскликнули молодожены, заинтригованные рассказом импресарио.

— Ну, во-первых, общение с ним, что называется, на «любителя», уж больно омерзительное впечатление производит на зрителей его патология. Во-вторых, он, в отличие от своих собратьев, достаточно интеллектуально развит, и для него выйти на сцену — что взойти на Голгофу…

Говорят, что он отпрыск какого-то английского лорда, который отказался и от него, и от жены сразу же, как только увидел, какой чудовищный сюрприз преподнесла ему природа…

Этот парень, Эдвард Мордейк, внешне очень красив, к тому же он — талантливый музыкант, играет на нескольких инструментах. Но при всем этом у него два лица, одно из которых — женское!

— Какой кошмар! — вырвалось у Гретхен. Она уже дрожала всем телом. Морис же оставался на удивление спокойным и с саркастической улыбкой на губах посматривал на сидевших в зале звезд Голливуда.

— Ну да, мадам, именно так о нем мне и рассказывали, потому что сам я его не видел… Его вообще мало кому удается увидеть, так как он часто впадает в депрессию и прячется от людей… Говорят, он уже несколько раз пытался покончить с собой… Думаю, что если для остальных уродцев из балагана

маэстро Барановского выступления и выпрашивание денег — это карнавал, где они забавляются, как дети, то для бедняги Эдварда — это пытка…

— Из-за того, что у него две головы? — спокойно спросил Шевалье.

— Нет, патрон, два лица… Одно, как у всех — спереди, а второе — на затылке… Оно не ест и не говорит, но может вращать глазами и даже плакать и смеяться, представляете!

— Миньон, вы меня убили наповал… Это же настоящий двуликий Янус!

— Да, точно так и есть, мсье… Говорят, он пытался обратиться к врачам, чтобы ему удалили лицо с затылка, но как только Барановский узнал об этом, посадил беднягу на цепь…

— А как же он его перевозит?

— Да так и перевозит… Приковывает к себе наручниками и — вперед! Чтоб, значит, не сбежал, ибо тогда Барановский лишится едва ли не самого высокооплачиваемого экспоната… У него уже один такой умер, некто Паскуаль Пиньон, мексиканец с двумя головами…

— Черт возьми, да сколько же аномалий в природе! — Шевалье ударил кулаком по столу.

Не обратив ни малейшего внимания на восклицание патрона, Миньон увлеченно продолжал:

— Так вот, у того, покойного Пиньона, на лбу росла вторая голова, которая тоже могла беззвучно шевелить губами и вращать глазами. Однако со временем эта меньшая голова утратила все свои «функции» и превратилась в бесформенный нарост. После чего Барановский избавился от экспоната… Да, вот еще что я вспомнил! Последнее время маэстро якобы накачивает Эдварда наркотиками, чтобы тот был покладистым и давал желающим из числа зрителей прикоснуться к своему второму лицу…

— Мне кажется, что и смотреть-то на это не совсем приятно, не то что прикасаться… — беззвучно прошептала Гретхен.

— Вы преувеличиваете, мадам! Сейчас вы услышите еще об одном экспонате. Его Барановский оставляет на десерт… Он — действительный фаворит, жемчужина коллекции эмигранта из Одессы, гвоздь его программы… Речь идет о кубинце по имени Хулио Дос Сантос. Красив, как молодой бог. Ему «посчастливилось» родиться с лишней парой ног и дополнительным… пенисом! Но если дополнительные ноги — просто рудименты, болтающиеся сами по себе, то его второй член, прошу прощения мадам за подробности, как и первый, — всегда на боевом посту! Все, молчу! Уже входят!

В зале разом смолкли голоса, раздались аплодисменты…

Однажды, когда Морис Шевалье записывал очередной диск, Гретхен расположилась напротив студии «Полиграф» на открытой веранде кафе. Неожиданно за ее стол уселся молодой человек приятной внешности. Гретхен приняла его за мексиканца. Маленького роста. Хрупкого телосложения. Смуглый. Волосы иссиня-черные. Глаза необыкновенной синевы.

Обитатели Голливуда относились к латиноамериканцам с нескрываемым пренебрежением, и это было известно Гретхен. Она уже было собралась пересесть за другой столик, как вдруг незнакомец положил свою горячую ладонь на ее руку и тихо произнес:

— Мэм, вы помните меня? *Я* — Фрэнк Синатра… Мы с вами встречались на вечеринке, посвященной памяти моего покойного друга и наставника Рудольфо Валентино… *Я вас* заметил, потому что вы очень азартно аплодировали, когда я исполнил песню «Валентино»… Впрочем, не только поэтому…

— А еще почему?

— Потому, что вы выгодно отличались от остальных женщин…

— Чем же?

— Красотой и естественностью… В вас нет фальши, которая присуща всем голливудским звездам. Они — холодные манекены. Вы — сама кровь и плоть, которая провоцирует на грех…

Вот уже неделю вы приходите ко мне во сне, если, конечно, мне удается заснуть… Но, как правило, я не могу сомкнуть глаз, потому что ваш образ преследует меня… Вы постоянно у меня перед глазами. Вчера из-за вас я чуть было не сбил пешехода… И вообще, целую неделю я каждый день начинаю с поисков вас по всем закоулкам Голливуда…

— Спасибо… Вы, Фрэнк, не только красиво поете, но и умеете говорить красивые слова женщине…

Гретхен умолкла и в упор посмотрела на собеседника. Теперь она не сомневалась, что рядом с ней сидит восходящая звезда Голливуда, певец и неугомонный плейбой по прозвищу Мистер Голубые Глаза.

«И как это я, дуреха, приняла его за мексиканца?! Таких голубых глаз я в жизни не встречала. В них какие-то гипнотические чары. Они околдовывают и манят. В них страсть, призыв и мольба одновременно. Решайся, девочка: сейчас или никогда!»

— Фрэнк, а где ваша машина?

Синатра так резво поднялся из-за стола, будто только и ждал

этого вопроса. Взявшись за руки, они сбежали по ступенькам кафе, впрыгнули в открытый «шевроле».

…Переступив порог виллы, они рухнули на пол и, срывая друг с друга одежды, забились в пароксизме страсти.

Фантастический загул начался. Время остановилось в кафе.

С радостным удивлением Гретхен отметила, что в свои двадцать лет Фрэнк достаточно опытен и искушен в искусстве любовных игр, а его порочная фантазия неистощима.

Взаимным сексуальным амбициям, казалось, не будет конца. Эротические атаки следовали одна за другой, пока, наконец, обоюдная страсть не достигла кульминации и Синатра почувствовал, как женское тело забилось в последних счастливых конвульсиях соития. Тела их замерли. Гретхен, вцепившись ногтями юноше в грудь, испытующе наблюдала за ним, вперив взгляд в его зрачки. Он приподнялся над ней и неожиданно громко рассмеялся, затем в изнеможении откатился в сторону и мгновенно уснул.

Гретхен, никогда не расстававшаяся с «Лейкой», тут же сделала несколько снимков обнаженного Синатры.

Когда через десять минут он открыл глаза, Гретхен скороговоркой произнесла:

— Дорогой, одевайся, мне уже пора!

…Фрэнк гнал машину с бешеной скоростью и говорил, говорил, говорил.

— Ты не поверишь, девочка, но последние два года я не могу работать, думать, радоваться жизни, если за сутки не сменю три-четыре партнерши… Мне кажется, что в Голливуде не осталось ни одной женской постели, в которой я не побывал…

— Поэтому сегодня ты решил овладеть мною на полу?

Синатра повернул голову в сторону Гретхен, его глаза слились в одну щелочку, в которой плясали зловещие искорки. Взгляд был долгим, пауза затягивалась. Наконец плейбой расщепил пересохшие губы и раздельно произнес:

— Да ты не только красива, девочка, но и умна! Да, кстати, ты ведь не американка, не так ли?

— Слава Богу, что я не американка!

Гретхен постаралась вложить в ответ как можно больше сарказма. Певец начал действовать ей на нервы.

«Боже мой, с кем я связалась, — говорила она себе, — с кем я изменила моему любимому Морису?! Этот макаронник-мафиози, этот простолюдин, пытающийся играть роль великосветского сноба, даже не потрудился узнать моего имени! Да ему это просто не нужно! Завтра, если уже не сегодня, он вычеркнет меня из памяти, он просто выбросит меня из головы, как выбрасывают

использованный презерватив! Своего он добился — меня заполучил, а большего ему, видимо, и не требуется… А я-то, дура, поверила, что он не может заснуть из-за меня… Вот от таких случайных связей меня предостерегал Вальтер… Боже, сделай так, чтобы Морис не узнал о моей измене!»

— А почему ты так зла на американцев? Мне кажется, или ты действительно их ненавидишь? Кто же ты по национальности?

— Француженка! — только и успела ответить Гретхен. Синатра так крутанул руль, что машина чуть не влетела на веранду кафе, откуда часом раньше их умчал вихрь страсти.

За одним из столиков сидел Морис. Завидев Гретхен, он радостно замахал обеими руками.

Фрэнк резко затормозил, обежал авто спереди и, делая вид, что не может справиться с дверцей, у которой сидела Гретхен, тихо, но твердо произнес:

— Я — итальянец, девочка… *Я тоже* ненавижу этих самодовольных янки… И еще. Я все понял… Шевалье — твой муж… Или постоянный любовник… Но кем бы он ни был для тебя, знай, что сегодня ты мне сделала такой подарок, которым я буду дорожить всю жизнь… Дорожить и молчать! Спасибо и прощай!

— Но визитную карточку ты все-таки мне оставь, Мистер Голубые Глаза… Мне же надо как-то объяснить Морису нашу прогулку по Голливуду!

Удача приходит к тем, кто ее ищет

«Herz», выполняя задание Шелленберга, старалась изо всех сил найти в своем окружении лиц, которые бы проживали или имели виллу на Восточном побережье Штатов. Увы! Среди участников голливудских тусовок таковые отсутствовали.

Срок контракта Шевалье уже подходил к концу, когда вмешался господин Случай.

В Нью-Йорке Гретхен познакомилась с молодым красавцем по имени Курт Шрагмюллер. Она сразу распознала в нем немца — возможно, дали о себе знать гены, и с первой же минуты общения заговорила с ним по-немецки.

Курт был очень рад встретить в Нью-Йорке соотечественницу. Знакомство он расценил как знак судьбы и сразу предложил Гретхен руку и сердце. В доказательство серьезности намерений он готов был познакомить ее со своей мамой, с которой проживал в курортном местечке Флориды Уэст-Палм-Бич. Гретхен попросила дать ей некоторое время на раздумье, а сама

немедленно позвонила в Голливуд Карло.

Ответ связника был однозначным: «Найди предлог, чтобы посетить поклонника по месту жительства. Не забудь взять «Лейку»! Пленку перешлешь мне».

Как раз в это время Шевалье получил приглашение выступить перед отдыхавшими в Майами американскими толстосумами. Гретхен, сказавшись больной, осталась в гостинице, но вслед за отъездом мужа на концерт умчалась на «кадиллаке» воздыхателя в Уэст-Палм-Бич, что в часе езды от Майами.

…Ранчо, где Курт проживал со своей матерью, престарелой графиней Шрагмюллер, находилось прямо на берегу Атлантического океана. В угодьях, окружавших дом и раскинувшихся на более чем десяти гектарах, был вырыт большой пруд, где Курт удил рыбу и держал яхту. По протоке, соединявшей пруд с Саргассовым морем (часть Атлантики), молодой отпрыск старинного прусского рода выходил в открытый океан и совершал прогулки на Кубу.

Гретхен была на седьмом небе от счастья. Новый поклонник был не просто находкой — это был клад! Она так разволновалась, что чуть было не позвонила Шелленбергу в Берлин, но вовремя спохватилась и прямо из апартаментов Курта набрала номер телефона Карло. Рассказала, где находится, и какие преимущества сулит ей брак с Куртом. Карло отреагировал мгновенно: «Пригласи жениха в Париж для знакомства с «Дядей Шульцем». Под этим псевдонимом выступал Вальтер Шелленберг.

Курту, присутствовавшему при разговоре, Гретхен пояснила, что сама не может принять решение, поэтому советуется со своим дядей-опекуном.

— Ну и что сказал дядя? — в голосе жениха звучало беспокойство.

— Дядя приглашает тебя в Париж… Хочет познакомиться с тобой…

— Когда заканчиваются гастроли твоего мужа в Штатах?

— Через неделю…

— *Я* немедленно отплываю в Европу, чтобы встретиться с твоим дядей! Как мне его найти?

Гретхен подала Курту свою визитную карточку:

— Позвонишь мне, и я организую встречу… А сейчас, дорогой Курт, отвези меня обратно в Майами. Концерт уже закончился, и Морис, не найдя меня в гостинице, уже наверняка присосался к бутылке… Нет, я больше не могу так жить! — в глазах Гретхен блеснули слезы и она припала к груди Курта. — Как хорошо, что судьба послала мне тебя, моего тевтонского рыцаря…

…Гретхен нисколько не преувеличивала. Действительно,

Морис Шевалье за год гастролей в Штатах настолько пристрастился к спиртному, что каждый рабочий день начинал с бутылки своего любимого Яеті Мапіп, им же и заканчивал. На случай, если бы ему захотелось сделать пару глотков ночью, под кроватью он держал «контрольную» бутылку. И это не считая тех коктейлей и виски, что ему приходилось выпивать в ходе богемных тусовок, ежевечерне устраиваемых его импресарио.

В Вашингтоне, где на его концерте должен был присутствовать президент Рузвельт, с Шевалье едва не случился конфуз. Хватив лишку, он заснул в гримерной. Потребовалось полфлакона нашатырного спирта, чтобы привести шансонье в «боевое состояние» и под руки вывести на сцену.

Положение спасла задержка президента, иначе скандал был бы вселенский, ибо вездесущие репортеры уже пронюхали о пристрастии Шевалье к спиртному и только ждали случая, чтобы снять корону с «короля-лягушатника парижских бульваров» — такое прозвище присвоили Шевалье американские папарацци.

…Накачавшись коньяка и виски, Морис становился агрессивным: скандалил с импресарио, с администрацией гостиниц, в присутствии Гретхен вызывал в номер сразу нескольких проституток, настаивая, чтобы она участвовала в оргиях.

Когда однажды Шевалье, изрядно набравшись, поколотил ее, Гретхен поняла, что любви и совместной жизни пришел конец. Она позвонила Карло и, рассказав о своих перипетиях, спросила, как ей быть: уехать в Европу или продолжать играть роль любящей жены?

Связник безапелляционно заявил: «Девочка, ты находишься в служебной командировке, поэтому потерпи до окончания гастролей. Вернешься в Европу, посоветуешься с «Дядей Шульцем», как жить дальше. Я лишь могу сочувствовать, но не принимать решений. Крепись! Я и «Дядя Шульц» очень любим тебя и ценим твое умение преодолевать невзгоды и трудности… Запомни парижский телефон дяди, позвонишь ему по возвращении. Да хранит тебя Господь!»

* * *

Вернувшись в Париж, Гретхен немедленно встретилась с Шелленбергом. Про себя она отметила, что он по-прежнему влюблен в нее, хотя и старается сохранять пафос дистанции. Ничего не поделаешь. Он ведь — «Дядя Шульц», а она всего лишь «его племянница Herz»!

Впрочем, такой характер отношений не вызывал у Рицлер отчуждения от своего оператора. Природный ум подсказывал ей, что у каждого человека в жизни свое место и предназначение. Кто-то рожден быть начальником, кто-то — подчиненным. Однако благодаря такту и деликатности Шелленберга Гретхен подчиненной себя не чувствовала.

…Шелленберг поблагодарил Гретхен за «плодотворную работу во благо Фатерлянда», в установлении «дружеских» связей с американскими банкирами, политиками и воротилами бизнеса.

— Я понимаю, чего тебе это стоило, Гретхен, но работа есть работа… Пройдет совсем немного времени, и Германии пригодятся все твои американские друзья, поверь мне на слово… А сейчас тебе надо бы отдохнуть! Как насчет Лазурного берега? Или ты хочешь покататься на лыжах в швейцарских Альпах? Выбирай!

— Вальтер, а почему вы не спрашиваете о моей супружеской жизни?

— По одной простой причине, — моментально отреагировал Шелленберг, — чтобы не бередить твою рану, девочка… Мне кажется, что Шевалье уже исчерпал себя и как любовник, и как муж, и… как звезда эстрады. Он — законченный алкоголик! С каждым днем тебе будет все труднее с ним… Так что думай и принимай решение сама — я могу лишь советовать…

«Они что? Сговорились с Карло?! Тот может лишь Сочувствовать, этот только Советовать! А решение должна принимать я сама?!»

Будто читая мысли Гретхен, Шелленберг, вложив в интонации максимум теплоты и участия, тихо произнес:

— Вообще-то, мне кажется, что ты уже созрела для следующего замужества, ибо жизнь с Морисом стала для тебя невыносимой… Твой потенциальный жених в Париже?

— Думаю, что да… *Я не стала* дожидаться его звонка, а хотела знать ваше мнение, Вальтер…

— Умница! Твои слова звучат как похвала мне…

— Я что-то не понимаю вас, Вальтер!

— *Я* хотел сказать, что не ошибся в тебе… А что касается Курта, то тебе надо выйти за него замуж и стать гражданкой Соединенных Штатов… Нас с тобой, да и всю Германию, ждут великие дела! Ладно, это — будущее, давай-ка перейдем к настоящему… Как только объявится Курт, назначь ему свидание и сразу же уезжайте либо в Альпы, либо на Лазурный берег…

— А как же встреча с моим дядей? Курт ведь приехал в Париж для того, чтобы просить его благословения…

— Дядя неожиданно попал в больницу и выпишется только

через неделю, ну, две… Как раз к вашему возвращению из свадебного путешествия… Вот тогда-то я с ним и поговорю… Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Понимаю…

— Тогда действуй, mein Herz! *И* постоянно держи меня в курсе. Мой берлинский телефон ты знаешь, позвонишь накануне возвращения в Париж… Да, вот еще что! Сразу выезжать в Штаты не соглашайся. Сошлись на то, что дядя нуждается в уходе… Да и чувства Курта ты хотела бы проверить… В общем, девочка, не мне быть тебе наставником в таких делах!

Шелленберг поднялся и, протягивая Гретхен конверт, щелкнул каблуками.

— Что это?

— Это пятьдесят тысяч франков… на мелкие расходы…

— На мелкие?! Да это же целое состояние, Вальтер!

— Как говорят наши друзья французы: «женщина стоит столько, во сколько обходится». Ты эти деньги заработала кровью и нервами, так что они принадлежат тебе по праву… Кстати, мои люди в Штатах выяснили, что твой Курт — человек далеко не богатый, так что деньги тебе, вернее, вам пригодятся…

— А как же его ранчо, яхта, земля?

— Остатки былой роскоши… Он растранжирил все, что ему оставил в наследство его покойный отец-банкир. Ранчо, угодья и яхта давно заложены. Деньги на поездку в Европу ему дала мать, продав часть фамильных драгоценностей…

Заметив, как при этих словах в глазах Гретхен мелькнула тень разочарования, Шелленберг поспешил добавить:

— Но человек он глубоко порядочный, патриот Германии, настоящий ариец — на него можно положиться… А что касается денег, то это дело наживное… Будет умницей — я помогу ему заработать! Буду с тобой откровенен до конца: из вас двоих я собираюсь создать «оперативный тандем», ведущая роль в котором будет принадлежать тебе, ну а Курт станет твоим подчиненным… Как тебе такая перспектива?

— Хорошо бы, чтобы он стал моим подчиненным не только в оперативном плане… Опыта общения с Морисом мне хватит до конца дней моих…

— Ну, это, дорогая моя, всецело зависит от тебя, а не от меня…

— Так мне придется переселиться в Штаты?

— На какое-то время да! Чтобы приобрести американское гражданство. А потом ты будешь курсировать между Германией и США…

Шелленберг завербовал Курта Шрагмюллера при первой же встрече. На руках у главы политической разведки Германии были главные козыри: безденежье Курта, его патриотизм и любовь к Гретхен, и разведчик сразу пошел с них…

Под псевдонимом «Тристан» Шрагмюллер проработал на Германию до 1944 г. В его обязанности входило выяснение расписания отправки американских судов из порта Нью-Йорка в Европу, а также содержание двух немецких морских офицеров, проживавших на ранчо.

Дело в том, что в 1940 г. на вооружение военно-морского флота фашистской Германии поступили две мини-подлодки, экипаж которых состоял всего лишь ИЗ двух офицеров. Несмотря на свои размеры и малый запас вооружения — всего две торпеды — субмарины представляли собой весьма грозную силу, так как самые совершенные радары военных кораблей не могли их засечь.

Одна из субмарин-дюймовочек действовала у побережья Флориды, а портом ее приписки был… пруд на ранчо Шрагмюллера. В 1941–1943 гг. ею были потоплены около двадцати американских грузовых судов. Сложность состояла в одном — доставке мини-торпед из Германии.

…Три года сотрудники ФБР и контрразведки военно-морских сил США, сбиваясь с ног, разыскивали чудо-подлодку, но тщетно.

Удача пришла тогда, когда офицерам-слухачам из Агентства национальной безопасности (АНБ) удалось сначала запеленговать радиосеансы неизвестной радиостанции, действовавшей в Уэст-Палм-Бич, а затем и расшифровать кодированный текст. Сопоставив даты выхода в эфир передатчика с датами гибели судов в районе нью-йоркского порта, американцы пришли к выводу, что неуловимая подводная лодка должна находиться где-то поблизости. Но где именно?!

Тысячи офицеров ФБР и военно-морской контрразведки США были брошены в Майами на прочесывание складских помещений, доков, ремонтных мастерских и прочих помещений, где могла бы скрываться субмарина. То, что она имеет карликовые размеры, никому и в голову не приходило.

…Второй раз повезло уже офицерам ФБР. Их агенты сообщили, что некий господин поддерживает конспиративные контакты с диспетчерами нью-йоркского порта.

За диспетчерами установили круглосуточное наблюдение, в результате которого удалось выйти на Шрагмюллера. На ранчо был проведен обыск, однако ничего подозрительного обнаружено не было. Тем не менее наблюдение за ранчо и его хозяином

продолжили. Выяснили, что Шрагмюллер регулярно закупает избыточное количество продуктов, явно превышающее его гастрономические потребности. Его мать к тому времени уже отошла в мир иной. Появилось подозрение, что на ранчо объект проживает не один.

При повторном обыске жилища Шрагмюллера контрразведчики обнаружили, что ранее ими обследованный подвал имеет еще и нижний этаж. Когда они попытались спуститься туда, раздались два выстрела — это немецкие офицеры-подводники предпочли смерть пленению…

* * *

Шрагмюллера судили по законам военного времени. И хотя в ходе допросов и судебного разбирательства Курт сообщил даже больше, чем от него ожидали, свой земной путь он закончил на электрическом стуле.

Его жена Рицлер-Шевалье-Шрагмюллер по решению суда была лишена американского гражданства. А по ходатайству главы германской политической разведки награждена Железным крестом 3-й степени. Гретхен стала первой и последней агентессой Третьего рейха, которая удостаивалась такой чести…

Глава девятая
ЯВКИ В ПОСТЕЛИ

В начале 1950-х гг. советские резидентуры КГБ и ГРУ в Берлине только становились на ноги. Большая игра и, соответственно, большие ставки делались в Австрии, поэтому Кайзвальтер, организовав в Вене свою основную резидентуру, считал, что должен иметь под рукой помощника «главного калибра».

Не без труда ему удалось убедить Гретхен в необходимости вернуться из Берлина в Вену. Еще больших усилий потребовалось Джорджу, чтобы привлечь ее к мероприятиям по разработке офицеров советской разведки, ибо Рицлер ненавидела русских — ведь они разрушили ее мир, наполненный головокружительным успехом у отпрысков родовитой европейской знати, роскошью, блеском, сексуальными приключениями. Но и эту ее ненависть Кайзвальтер сумел направить в нужное ему русло, поставив на службу ЦРУ.

Судьба распорядилась так, что открытие Кайзвальтером цэрэушного бюро в Вене совпало с прибытием туда Петра Попова, который сразу угодил в «медовую ловушку», расставленную американцем…

* * *

О том, что на него, неискушенного в амурных делах фронтовика, свалилась Божья благодать во плоти красавицы Гретхен, Попов решил резиденту не докладывать.

Во-первых, он должен был бы как-то объяснять свое отклонение от намеченного маршрута и появление в районе Оперного театра. Не мог же он, в самом деле, заявить генералу, что по причине прогрессирующей спермоинтоксикации он каждый свой выход в город завершает посещением подиума венских шлюх.

Стань этот факт известен резиденту, а от него — секретарю парткома военной резидентуры, Попову на следующий же день вручили бы билет до Москвы с последующим предписанием продолжить службу в каком-нибудь Мухославске, куда даже император Николай I посчитал бы зазорным ссылать декабристов.

Во-вторых, Петр имел к «нерассказанной сказке венского леса» свой личный, плотский интерес. Однако горе-разведчик был

на распутье.

С одной стороны, Грета вскользь сообщила, что работает массажисткой в венском Салоне красоты, посещаемом женами американских дипломатов (а значит, и разведчиков тоже!), поэтому в будущем ее можно будет использовать как источник оперативной информации. Этим своим ходом он сумел бы заработать «очки» и утереть нос сослуживцам.

С другой стороны, жаль было использовать такое богатое тело не по прямому назначению, а в оперативном плане…

«Главное, — решил Петр, — не теряя полученного на Будапештштрассе ускорения, надо побыстрее уложить иностранку в постель, а там, между телом, смотришь, и договоримся о переводе интимных отношений в иную плоскость — в отношения оперативные по добыванию информации об американских дипломатах…»

* * *

Как обманутый собственной невестой жених без оглядки бросается в омут бесшабашного загула, так Попов, сменив вектор внутренней неудовлетворенности собой и своими коллегами, стал посвящать все свободное время Грете. Она для него была больше, чем поглотитель нерастраченной мужской энергии. Ламсдорф стала живительным пластырем на кровоточащей ране его тщеславия, иллюзорным щитом, за которым Петр прятался от собственных комплексов ущербности и мнимой несправедливости со стороны начальника и коллег.

…К началу второго полугодия пребывания подполковника Попова в Вене все более очевидной для начальства становилась его профессиональная непригодность, его неспособность быть оперативным сотрудником.

Глава резидентуры как-то попытался провести с ним беседу по душам, сказал: «Петр Семенович, поймите, если вы не проводите вербовок агентов или не предлагаете каких-то операций, ваша характеристика в лучшем случае будет вежливо-уклончивой и вы не получите повышения по службе. Но если вам все это будет удаваться, о вас сложится мнение, как об активном оперработнике, и вас будет ждать продвижение по служебной лестнице. Действуйте, наступайте, активизируйте работу!»

Однако слова шефа не произвели на Попова впечатления, свои неудачи в работе он по-прежнему относил на счет завышенных требований к нему «резака» и козней коллег.

…Вследствие непрекращающихся неурядиц на службе Петр

утратил ценнейший дар жизни — оптимизм. Просыпаясь среди ночи от тревожного сердцебиения, он силился и не мог отогнать от себя черные мысли. В бессилии, в бешенстве курил папиросу за папиросой, придумывая фантастические планы вербовок и захвата секретов противника, а также кровожадные прожекты мести своим коллегам и генералу-резиденту…

Отчуждение между Поповым и офицерами резидентуры нарастало. Чем дальше он дистанцировался от соотечественников, тем ближе и роднее становилась ему Грета, без которой он теперь не мыслил своего существования. Она для Петра поистине была наркозом от реальности.

А он однажды отведав из чаши греха, стал пить полными глотками, будто торопясь наверстать упущенное…

«Дорогой Питер, я иметь чувство, что я зашла за тобой замуж», — щебетала Ламсдорф, подливая масла в огонь его страсти.

По ее настоянию Попов снял для свиданий роскошную квартиру в старой части Вены, которую технари Джорджа Кайзвальтера тут же превратили в «студию звукозаписи и фотоателье», чтобы записывать и снимать все высказывания разведчика для последующего доклада руководству ЦРУ.

И надо сказать, что сделанные записи впоследствии произвели фурор в Лэнгли…

* * *

Анализируя материалы, собранные в течение двух месяцев общения Попова с Ламсдорф, Кайзвальтер пришел к выводу, что «новобранец» — так в ЦРУ называют оперативных сотрудников КГБ и ГРУ, которых собираются привлечь к негласному сотрудничеству в пользу США, — психологически готов работать против советской Системы.

Свое умозаключение цэрэушник делал на высказываниях Попова, которому во время свиданий Грета подмешивала в спиртные напитки так называемую «сыворотку истины», спецпрепарат, отключающий центры самоконтроля мозга человека.

Приняв дозу «сыворотки истины», Попов начинал слезливо жаловаться возлюбленной, как он одинок в этой жизни в этой стае волков — своих коллег, которых он люто ненавидит. Винился перед любимой, что вначале скрыл от нее свою принадлежность к разведке. Признался, что женат, и на родине, в Твери, его ждут жена и двое малолетних детей. Жаловался на безденежье, которое толкает его похищать мелкие суммы из

оперативной кассы, предназначенной для оплаты осведомителей…

И Кайзвальтер понял, что «плод» созрел, и достаточно небольшой встряски, чтобы он упал в корзину.

* * *

В один прекрасный день Грета сообщила «возлюбленному», что врачи обнаружили у нее внематочную беременность. Требуется срочная хирургическая операция. Промедление ставит под угрозу ее жизнь. При этом она мимоходом назвала сумму, в которую обойдется операция и пребывание в клинике.

Попов поинтересовался, где же она возьмет такие деньги. На что Ламсдорф с улыбкой ответила:

— Майн либе Питер, ты спросить, где брать деньги Л? Почему *Я,* а не *МЫ!* Мы делать детей вместе, а платить должна Грета?!

Скряга по натуре, Попов не мог смириться с потерей названной суммы, равной его полугодовому жалованию. Он долго и вяло сопротивлялся, приводя различные доводы. Под конец, запутавшись в доказательствах собственной непричастности к беременности Греты, неожиданно брякнул, что не уверен, от него ли ребенок.

…Сливообразные глаза Греты стали наполняться слезами, и к концу монолога «возлюбленного» водопад хлынул сквозь ресницы. Наконец, взяв себя в руки, она с немецкой методичностью произнесла:

— Ти есть нехороший русский мужичишка! Ти есть тряпка! Ми идти доктор, делать анализ…

При этих словах до Попова наконец дошло, что если он не найдет выход из создавшейся ситуации, ему, очень даже может быть, придется отвечать по всем пунктам обвинения. И за посещения площади Оперного театра, и за несанкционированную связь с немкой. А теперь еще и за ребенка… Черт побери! Единственный раз в жизни поймал фортуну за подол — встретил красавицу, которая сама бросилась ему в объятия, и надо же, как все скверно обернулось! Нет-нет, надо немедленно придумать, где найти нужную для операции сумму!

— Прости, любимая, я погорячился… Но я действительно не знаю, где взять столько денег… Сразу… Может, в клинике сделают аборт в рассрочку?

На что Грета бесстрастным тоном пояснила ему, что так же, как аборт не делают по частям — так и платить надо сразу.

Менторским тоном прочитала возлюбленному лекцию, суть которой сводилась к тому, что уж если ты собираешься жить не по средствам, то их, как минимум, надо иметь…

— Я все понял! Но где взять деньги?

— Русский разведка — богатый разведка…

— Да ты спятила, девочка! Я что же, попрошу взаймы у резидента?

— Майн либе Питер, — Грета обняла Попова, — мы будем спросить мой старший брат… Он делать бизнес… Хороший бизнес… Он иметь деньги… Большой деньги…

Рицлер выполнила свою миссию по вербовочной разработке сотрудника Главного разведывательного управления Генштаба подполковника Попова и передала его в руки «играющего тренера» Джорджа Уильямса Кайзвальтера.

В последующем Грета и ее незадачливый любовник еще будут встречаться. Реже, чем того хотелось бы Попову. Но Кайзвальтер будет непреклонен в дозировке количества свиданий. Допуск к вожделенному телу станет для Попова своеобразным поощрением и будет зависеть от его успехов на шпионской ниве, в противном случае Джордж будет устраивать русскому разведчику «сексуальный карантин»…

Глава десятая
КОМПЛЕКС ГЕРОСТРАТА

Ничто так не утомляет, как ожидание поезда. Особенно если лежишь головой на рельсах.

После беседы с Гретой прошло три дня, в течение которых Попов мысленно торопил время наступления обусловленной встречи и прикидывал, что бы такое предложить на продажу «старшему брату» возлюбленной. Иллюзий в отношении бизнеса последнего гэрэушник не питал. Догадывался, что ему предстоит встреча с кадровым сотрудником разведки или контрразведки. Не знал, под чьим флагом тот будет выступать, — интересы какой национальной спецслужбы будет представлять.

Но увы! Арсеналы Попова состояли из оружия, которое невозможно было продать. Ему нечего было предложить «брату» Греты. Ведь допуска к материалам, раскрывающим магистральные направления деятельности резидентуры, он не имел. Так же как не был осведомлен о ее планах на будущее и о ценных источниках из числа членов австрийского правительства (о том, что таковые существовали, он слышал на одном оперативном совещании). Попов даже толком не знал, чем занимаются его коллеги. Единственное, о чем он мог бы с уверенностью сообщить «старшему брату», — о штатном расписании резидентуры… Но достаточно ли будет этого? Вряд ли! Впрочем… Есть кое-что! И не «кое-что», а целый козырный туз!

Заулыбавшись, Попов представил себе, как изменится выражение лица его будущего визави, когда тот услышит, какая мина замедленного действия заложена в кабинете посла Соединенных Штатов в Москве.

И неважно, на кого работает «старший брат» Греты — на немцев, англичан или французов. Любая разведка, заполучив эту сенсационную информацию, немедленно продаст ее американцам. А если «старший брат» окажется американцем, то тем быстрее Петр получит достойную оценку своему сообщению в иностранных дензнаках. Достойную? Крестьянский рационализм подсказывал Попову: «Не продешеви, Петя! Торгуйся!»

* * *

К месту явки с «братом» Греты Попов добирался «крысиными

тропами». Согласно инструктажу Ламсдорф, у кафе «Веселый гиппопотам», что на Кантштрассе, багажником к двигающемуся навстречу Попову должен был стоять мышиного цвета «опель». На заднем стекле — наклейка в виде красного треугольника с белым восклицательным знаком посередине. Комбинация цифр номерного знака соответствовала номеру телефона, по которому Петр должен был позвонить из бара «Монарх», что в тридцати шагах от «опеля», на площади дворца Хофбург, бывшей резиденции династии Габсбургов.

…Следуя по намеченному маршруту, Попов имел возможность убедиться, что его путь был детально просчитан профессионалами высокого класса.

Во-первых, разведчик, увяжись за ним «наружка» из отдела собственной безопасности резидентуры, имел возможность сразу ее выявить, а во-вторых, тому, с кем должен был встретиться Петр, легко было вести контрнаблюдение.

Это открытие обрадовало и успокоило кандидата в Герострaты, он понял, что его опекают «профи», на которых можно положиться.

«Халявный заработок близок! — мелькнула мысль у Попова. — Угрызения совести? Да я просто перескажу пьяную болтовню своего начальника и собутыльника, генерал-полковника Ивана Серова, от которого я и слышал о микрофоне в кабинете американского посла… А уж если он там находится, то — гадский папа! — я урою всех этих высокомерных выкормышей, сослуживцев из резидентуры! Стоп! А если никакого микрофона в кабинете посла США в Москве нет? Что тогда? Тогда придется поднапрячься и выполнять задания «старшего брата» Греты… Впрочем, какое это напряжение? Рассказывай все, что знаешь, начиная с подробностей о личном составе венской резидентуры ГРУ и КГБ и кончая дружескими попойками Ивана Серова с Никитой Хрущевым…»

…Тайна чудо-микрофона в кабинете американского посла стала известна Попову, как это обычно случается, вследствие преступной болтовни. В роли «ретрансляторов» выступили носители государственных секретов особой важности…

* * *

В начале 1952 г. у Сталина случился первый инсульт. Берия, чувствуя приближение кончины Хозяина, стал спешно обзаводиться союзниками из числа лиц, наиболее приближенных к вождю, которые могли потенциально стать во главе СССР, хотя

первым претендентом на этот пост он видел себя, и тем не менее…

Берия, авантюрный игрок, поставил на Никиту Хрущева и Георгия Маленкова, обладавших в то время реальной властью. Чтобы убедить Хрущева в своей к нему лояльности, Лаврентий Павлович раскрыл ему тайну чудо-микрофона, установленного в герб США, который висел в кабинете американского посла в Москве.

Никита, в свою очередь, дабы подчеркнуть свою значимость и возвыситься в глазах своего ближайшего соратника Ивана Серова, которого он планировал поставить во главе органов госбезопасности, в случае если сам станет у руля страны Советов, сообщил тому о ставших ему известных от Берия сведениях.

Сделал Хрущев это не без умысла, ибо, как и Берия, тоже затеял свою игру, подыскивая союзников среди прославленных полководцев. Зная о близости Ивана Серова к маршалу Жукову, он и сообщил Другу о микрофоне.

Неизвестно, дошла ли информация о местонахождении «жучка» до маршала, но к Петру Попову попала…

* * *

Вскоре информация о «чудо-жучке» в гербе подтвердится, и Попов получит обильное вознаграждение. Вслед за этим под него, первого «крота» в советских спецслужбах, ЦРУ создаст специальный отдел — *SR-9 (Soviet Russia)*. Возглавит его Кайзвальтер. Со временем он будет курировать и второго «крота» из ГРУ — Олега Пеньковского…

Глава одиннадцатая
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЖАНДАРМ

Иван Александрович Серов свое восхождение к вершинам власти начал в 1939 г., когда он, выпускник Военной академии имени М. В. Фрунзе, попал под так называемый «бериевский призыв». Майор-артиллерист настолько понравился всесильному наркому, что вскоре стал генерал-майором. По личному распоряжению Берии новоиспеченный генерал был назначен заместителем начальника московской рабоче-крестьянской милиции, через две недели — уже ее начальником, а через шесть месяцев — министром внутренних дел Украины и по совместительству заместителем главы НКВД.

Такой головокружительный взлет простого офицера-артиллериста мало кого мог удивить в то время. Шла жесткая чистка кадров Красной армии, вернее, истребление командиров среднего и высшего звена. На смену расстрелянным и сосланным в ГУЛАГ офицерам приходили малоопытные и бездарные, зато беззаветно преданные режиму новобранцы.

На Украине судьба свела Серова с Хрущевым, где тот возглавлял республиканский ЦК. Они подружились, да настолько, что уже в июле 1953 г. Хрущев предложил членам Президиума ЦК генерала Серова для организации ареста Лаврентия Берии. Тогда кандидатура Серова не провала. Зато позднее по распоряжению Хрущева он сменил Игнатьева на посту руководителя МГБ, а затем, опять же с подачи друга Никитушки, стал первым руководителем Комитета государственной безопасности при Совете министров, другими словами — при Никите Хрущеве, так как тот был его председателем.

Свою преданность покровителю Серов демонстрировал всегда, но особо — накануне XX съезда партии в 1956 г., когда руководил операцией по чистке партийных архивных конюшен. Тогда Хрущев пытался «отстирать» свою совесть, стараясь уничтожить материалы, свидетельствовавшие о его инквизиторской деятельности на Украине во время пребывания на посту первого секретаря ЦК.

Под бдительным присмотром Серова в течение шести месяцев, предшествовавших XX съезду КПСС, два военно-транспортных самолета каждую неделю доставляли из Киева в Москву материалы с грифом «совершенно секретно». Документы с одной, по сути, резолюцией: *«Расстрелять! Ликвидировать как врага народа! Уничтожить как гидру контрреволюции!»* А подпись

одна — *Н. Хрущев*…

Впрочем, Иван Серов верноподданно служил своему благодетелю еще по одной причине. Его отец Александр Евсеевич с 1905 по 1917 г. состоял в полицейской страже Вологодской тюрьмы. После революции скрылся, дабы избежать праведной мести революционеров-большевиков, а его сын, чтобы беспрепятственно двигаться по карьерной лестнице, утаил от Партии прошлое своего отца. Хрущеву это было известно, но Иван Серов после смерти Сталина был нужен ему для борьбы с друзьями-соперниками, и он его не трогал…

…Серов был уникальной (с жирным знаком минус!) фигурой в истории советской разведки. Четверть века (!) он стоял у ее руля: сначала на первых ролях в НКВД, затем, став председателем КГБ, и наконец начальником ГРУ Генштаба — военной разведки страны. Дослужился до звания генерала армии, получил звание Героя Советского Союза, стал кавалером едва ли не всех высших в стране наград. Его парадный китель украшали шесть орденов Ленина, ордена Суворова и Кутузова I степени, три ордена Красного Знамени. Однако приобретены были эти награды не в ратном бою с супостатом, нет! Красная армия могла уверенно вести победоносные сражения с гитлеровскими полчищами, не беспокоясь о тыле, — его прикрывали чекисты под руководством Ивана Серова.

А разве легко было по приказу Сталина и Берии организовать переселение более чем миллиона человек — волжских немцев, крымских татар, чеченцев, ингушей и иже с ними в Казахстан и Сибирь, да еще и в условиях военного времени? Но Серов — солдат. И будучи верен присяге и приказу, вступил в решительную борьбу с ними! Однако его сослуживцы то ли от зависти, то ли от малодушия шептались за спиной восходящей на энкавэдэшном небосклоне звезды: «Родись он веком раньше, из него вышел бы отменный жандарм…»

Глава двенадцатая
ВОЗВРАЩЕНИЕ ОПОСТЫЛЕВШЕГО «ЛЮБОВНИКА»

В течение 1953–1954 гг. Петр Попов «сдал» ЦРУ имена и коды более 80 советских офицеров-разведчиков, 4 нелегалов и 17 агентов-иностранцев, действовавших в Австрии и Западной Германии. Кроме того, он передал секретную информацию особой важности о личном составе Главного разведуправления и приоритетных направлениях его работы. Он также сообщил своим американским работодателям важные подробности о советской политике в Австрии.

Компенсацией за усердие на шпионской ниве были не только дензнаки в иностранной валюте, но и свидания с Гретхен, которые предоставлялись Попову соразмерно объему и качеству добытой информации.

Свидания с возлюбленной, кстати, оценивались им много выше материального поощрения.

Вместе с тем у Рицлер с каждой встречей нарастала неприязнь к горе-любовнику, что, впрочем, не было секретом для ее куратора Джорджа Кайзвальтера.

Продолжая контролировать поведение своих агентов на конспиративной квартире с помощью аудио и кино- фототехники, Кайзвальтер все более удивлялся терпимости и выдержке Греты, как и бунтующему невежеству «Грэлспайса» (псевдоним Попова, присвоенный ему Кайзвальтером), который за почти два года общения с Рицлер ни в проблесках интеллекта, ни в приобретении приличных манер поведения не преуспел. Он по-прежнему оставался неотесанным мужланом, медведем, не поддающимся никакой дрессировке, который так и не смирился перед своим укротителем — секс-бомбой Гретхен.

…Речь подполковника поражала своим косноязычием. Манеры были жуткие — находясь в обществе возлюбленной, он мог в любой момент почесать самые неожиданные места своего тела. Особой любовью и заботой пользовалось его причинное место. Беспрестанно цыкал гнилым зубом. По любому поводу перебивал собеседницу, едва не затыкая ей рот ладонью. Орал на Грету в полный голос. Орать вообще любил…

Кайзвальтер, представляя себя на месте Рицлер, легко мог понять, с какой тоской та вспоминает наполненные любовной негой и ароматом утонченных удовольствий свидания с лощеными офицерами генеральных штабов Болгарии и Словакии.

…Как-то, делясь впечатлениями о Попове с Кайзвальтером, Грета с горечью заметила: «Меня так и тянет толкнуть его под локоть, когда он подносит ко рту кусок отварной телятины. Однако самое большое чувство гадливости и омерзения мне внушает одна деталь в поведении моего «подопечного»: ложась в постель, он каждый раз развешивает свои носки на спинке стула, а мундир бросает на сидение того же стула…

А вообще, я боюсь, что он когда-нибудь вырвет с мясом сережки из моих ушей. Мало того, еще и бюстгальтер с чулками снимет, чтобы продать на черном рынке»…

* * *

В апреле 1954 г. Рицлер вздохнула с облегчением: Попова отзывали в Москву. Это было вызвано его дружескими отношениями с сотрудником КГБ Петром Дерябиным, который накануне сбежал в США. Однако никаких подозрений относительно лояльности Полова ни у ГРУ, ни у КГБ не возникло, и летом 1955 г. его направили… в Берлин.

…Вслед за отъездом опостылевшего «любовника», Грета упросила Кайзвальтера вновь перевести ее на работу в Берлин. Свое настойчивое желание она мотивировала неприятными ассоциациями, которые вызывает у нее Вена из-за общения с русским невежей.

Джордж с готовностью откликнулся на ее просьбу, тем более что и сам собирался полностью сосредоточиться на работе в берлинской резидентуре ЦРУ, которая успела перехватить инициативу у Вены, став к тому времени эпицентром по добыче советских стратегических секретов.

* * *

Берлинская резидентура была самым крупным филиалом ЦРУ за рубежом. Причины этого очевидны: западный сектор Берлина представлял собой маленький остров, аванпост Западного мира на коммунистическом пространстве.

Расположенный в самом сердце Германской Демократической Республики, он находился в непосредственной близости от огромного контингента (более 500 тысяч солдат и офицеров, тысячи самолетов, десятки тысяч танков и орудий) советских войск, сотен их штабов и пунктов связи.

Но еще более уникальным было то, что до 1961 г., когда была

возведена берлинская стена, в городе отсутствовала четко установленная граница, отделявшая западный сектор Берлина от восточного. И хотя граница между западной и восточной зонами города действительно пролегала между двумя странами, а по сути между двумя мирами с диаметрально противоположными идеологиями и экономическими системами, можно было без труда попасть из Западного Берлина в Восточный и обратно.

На главных улицах города располагались контрольно-пропускные пункты, которые, впрочем, отнюдь не были помехой для передвижения людей в обоих направлениях. В метро, например, вообще отсутствовала какая-либо проверка документов.

Все это делало Берлин весьма привлекательным местом для всех разведок мира. И он, город, действительно был центром разведактивности планеты. Предоставлявшиеся здесь возможности использовались нашими и противоборствующими спецслужбами по максимуму. Наряду с широкой агентурной сетью американской, английской, французской и советской разведок здесь уже вначалую действовали и «новички» — агенты нарождавшейся западногерманской разведывательной службы — БНД.

Все они — одни на уровне высочайшего профессионализма, другие по-дилетантски — засылали в Восточную Германию бесчисленное множество своих секретных агентов с самыми разными целями и задачами. Если к этому добавить, что агентура, состоявшая на связи советских и восточногерманских спецслужб, по своей активности не только не уступала своим западным соперникам, но, как правило, играла доминирующую роль, то тогда станет ясно, почему в те времена среди берлинцев была расхожей шутка-вопрос: «А кто у нас сегодня неагент?!» Каждый второй взрослый берлинец, независимо от пола, возраста и профессии работал как минимум на одну разведку.

Помимо естественных благоприятных условий для работы разведок, сложившихся в результате специфического положения Берлина, статус США как одной из оккупационных группировок давал ЦРУ неоспоримые финансовые и административные преимущества. Сотрудники Управления действовали в Берлине не под дипломатическим прикрытием, а под «крышей» военнослужащих или членов Контрольной комиссии.

* * *

Вскоре после прибытия Кайзвальтера в Берлин осенью 1955 г.

состоялся целый ряд совещаний и встреч для обсуждения вопроса реорганизации филиала ЦРУ в Германии и перераспределения обязанностей между различными резидентурами.

Главным вопросом, обсуждавшимся на всех совещаниях, являлся вопрос об агентурном проникновении ЦРУ в СССР и другие социалистические страны в условиях быстро меняющейся оперативной обстановки, условиях постсталинской эпохи. Кайзвальтер был назначен координатором группы «привлеченцев» — офицеров-агентуристов, нацеленных на подбор и проведение вербовок советских военнослужащих. Джордж был «играющим тренером», так как помимо функций руководителя подразделения вербовщиков он сам имел на связи нескольких особо ценных агентов, в числе которых самой большой жемчужиной была Секс-бомба Гретхен, теперь уже действовавшая под псевдонимом «Нопеу» («Медовая»).

* * *

Советская оккупационная администрация отдавала себе отчет, какая опасность таится за яркими огнями реклам Западного Берлина, поэтому всячески препятствовала своим гражданам пересекать границу западного сектора, хотя физически и не могла этому воспрепятствовать.

Помимо опасения вызвать нарекания своего начальства, заканчивавшиеся, как правило, досрочной отправкой на Родину, было для совдеповских чиновников и военнослужащих еще одно, весьма значительное препятствие, мешавшее им посещать ночью Западный Берлин. Деньги. Восточная марка имела низкую по сравнению с западной платежеспособность, из-за чего все товары супермаркетов Западного Берлина становились недоступными для русских и восточных немцев…

Американские власти, в свою очередь, не рекомендовали своим соотечественникам посещать Восточный Берлин поодиночке, но только в составе туристских групп.

Что же касается сотрудников разведки, граждан США, имевших допуск к государственным секретам, то им вообще категорически запрещалось не то что посещать — думать о посещении советской зоны.

«Но если им нельзя к нам, а моим согражданам нельзя к ним, то как же работать, как же выбирать нужный контингент?!» — задавался вопросом Кайзвальтер.

В поисках решения этой проблемы ушло много дорогого времени и сил, было перепробовано несколько вариантов, но в

итоге все свелось к тому, что ставку следует делать на общечеловеческие слабости.

…Согласно плану Кайзвальтера, в непосредственной близости от границы западного и восточного секторов был открыт магазин, в котором продавалось все — от зубных щеток до норковых шуб — по бросовым ценам.

Размещенный в роскошной квартире, с улицы он ничем не напоминал магазин, а потенциальных покупателей предстояло привлекать зазывалам, специально нанятым для этого хозяйкой заведения… Гретой Ламсдорф.

Русских интересовали шелковые чулки, женское нижнее белье, часы, ювелирные изделия, фотоаппараты и лекарства. А так как вероятным покупателям из числа советскихи восточногерманских граждан все перечисленное приходилось доставать в своем секторе с большим трудом и огромной переплатой, то ЦРУ решило пойти им навстречу, безусловно, не забывая о своей выгоде.

Идея заключалась в том, что когда какой-нибудь русский польстится на призывы зазывал и войдет в магазин, Грета должна была сделать все возможное, дабы заинтересовать клиента настолько, что он непременно закажет нужный ему товар. Обворожительная хозяйка сумела бы убедить потенциального покупателя, что требуемую ему вещь постараются добыть только для него и по самой низкой цене.

В магазине специально не должно было быть никаких запасов: во-первых, это — гарантия от неприятностей с местной налоговой инспекцией, а во-вторых, что важнее, залог того, что русский придет снова. И не один, а приведет с собой своих друзей и сослуживцев. Наконец, в подходящий момент Ламсдорф могла порекомендовать в качестве поставщика товара своего «старшего брата», который по разработанной легенде имел обширные связи на черном рынке.

Разумеется, под видом «старшего брата» предстояло выступить самому Кайзвальтеру. Но это нисколько его не смущало — он еще не потерял вкус к оперативной работе и к разработке вероятных кандидатов на вербовку из числа советских военнослужащих. Все это ему было крайне интересно, ибо он знал наверняка, что рядовой или даже старшина советских войск, дислоцированных в Восточной Германии, никогда не посмеют сунуться в подобный магазин. Он небезосновательно рассчитывал на «рыбу» покрупнее — от майоров до генералов в компании со своими женами или любовницами, которых советские офицеры называли *ППЖ — походно-полевая жена*…

* * *

Одним из первых клиентов Греты — о, кошмар! — оказался Петр Попов, летом 1955 г. прибывший из Москвы на работу в берлинскую резидентуру ГРУ.

Несмотря на отвращение, которое ей сумел внушить бывший «возлюбленный», у агентессы хватило здравого смысла и самообладания, чтобы задержать свалившегося как снег на голову гэрэушника в магазине и не мешкая вызвать Кайзвальтера…

…Явки с «Грэлспайсом» Джордж Кайзвальтер проводил, как правило, на территории Западного Берлина. Сев в поезд в восточном секторе, где-нибудь на Шпильмаркт, Попов выходил на второй или третьей остановке, находясь уже в западной зоне.

На случай встречи с патрулем у него имелось поддельное удостоверение, которое позволяло ему бывать за «баррикадой».

К семи часам вечера центр города, в те годы еще лежавший в руинах, был совершенно безлюден. Петр неторопливо шел по тротуару мимо домов, от которых остались одни стены, пока рядом с ним не тормозил автомобиль с задернутыми занавесками. Попов нырял в приоткрытую дверь, и Кайзвальтер мчал его к Олимпийскому стадиону на конспиративную квартиру, где их ждал накрытый стол с множеством бутылок со спиртным. А выпить на дармовщину Попов был не дурак…

…Однако появление «Грэлспайса» в магазине Греты потребовало срочной корректировки места проведения явки. Кайзвальтер прибыл немедленно, и в подсобном помещении снял подробный допрос с вконец опешившего горе-любовника.

Не надо было обладать проницательностью дипломированного психолога, коим являлся Кайзвальтер, чтобы понять, что продолжение связи с американской разведкой не входит в планы Попова.

Он этого и не пытался скрыть. Сказал:

— Я «сдал» вам микрофон, другие сведения, чего вы от меня еще хотите?

На это Кайзвальтер, тоном сержанта перед строем новобранцев, ответил:

— Милый, дорогой Петр! У вас, у русских есть прекрасное выражение: «клювик птички попал в мед — всей птичке пропасть». Не думайте, что *ВЫ* решаете свою судьбу. Нет! Ее решаю Я и только Я! Впрочем, — смягчил свой напор Кайзвальтер, — и Грета тоже. Разве вам не хотелось бы вновь держать ее в своих объятиях?

Заметив, что агент при упоминании имени бывшей «любовницы» заерзал на стуле, Кайзвальтер нанес последний

удар:

— Завтра в это же время вы передадите Грете донесение, в котором укажете точное место вашей нынешней работы, планы вашей резидентуры, ее численный состав, ну и все остальное, о чем мы с вами не раз говорили. После этого поедете ужинать в тот ресторан, который укажет вам Грета, а затем останетесь у нее ночевать… Все ясно?!

— Так точно! — вскочив со стула и вытянув руки по швам, отрапортовал Попов, как если бы перед ним сидел не его куратор, а министр Вооруженных сил СССР.

— Ну вот и славно! — потирая руки, произнес Кайзвальтер. — Завтра ночью Грета устроит вам праздник — нет, фейерверк любви… Считайте, что по прошествии года в ваши с ней отношения пришел ренессанс…

— Никак нет, не возражаю! — вновь вскочив на ноги и вытянув руки по швам, гаркнул Попов. — А кто такой этот «ренессанс»?

— Это, мой дорогой друг, ангел любви… Греты к вам!

Кайзвальтер внимательно посмотрел на своего адепта и понял, что тот настолько шокирован встречей с Ламсдорф и с ним, своим куратором, что, скорее всего, усматривает во всем происходящем перст судьбы, от которой не уйти.

По готовности «Грэлспайса» выполнить любое указание Кайзвальтер понял, что русский поверил в неотвратимость продолжения связи с ЦРУ и готов нести свой крест до конца дней своих.

Подобрев от этого умозаключения, Джордж как бы невзначай спросил агента:

— Может быть, у вас есть какие-то просьбы, пожелания? Говорите, не стесняйтесь!

— Нет-нет, вроде все нормально… Хотя вот что! — Попов от волнения вытер тыльной стороной ладони покрывшийся испариной лоб. — Вы не могли бы ссудить мне немного денег на покупку бычка?

Кайзвальтер от неожиданности чуть было не соскользнул из кресла на пол.

— Как вы сказали? Бычка? Но для кого, для чего?!

— Видите ли, у моего брата, колхозника, пала телка… Простудилась, и откинула копыта… Ну, такое случается при нашем, русском, климате… Так вот, я хотел подарить брату телку или бычка… Если вы, конечно, дадите денег…

— Нет проблем! — едва не расхохотавшись, ответил Кайзвальтер, вытаскивая из кармана три тысячи долларов. — Хватит?

— Вполне! — поперхнувшись от волнения, ответил Попов.

«Мой Бог! — мысленно воскликнул Кайзвальтер. — Мне бы твои проблемы… Бычок, телка… А ведь передо мной — разведчик! Черт бы его подрал! Ладно, — успокоил себя Джордж, — отбросов нет — есть кадры! Все, баста!»

Завершая незапланированную встречу, Кайзвальтер, чтобы приободрить агента, пообещал ему увеличить единовременное вознаграждение и содействовать сближению с Гретой. Результаты не заставили себя ждать — от «Грэлспайса» валом пошла сверхсекретная информация о направлениях деятельности ГРУ в Восточной Германии…

* * *

Вернувшись в резидентуру, Кайзвальтер доложил шефу содержание беседы с «Грэлспайсом». Упомянул и о бычке. Резидент, отхохотавшись и утерев слезы, заметил:

— Джордж, я вас поздравляю. Благодаря вашим стараниям сотрудники ЦРУ теперь вместо виски начнут пить парное молоко! Уверен, что ни одна из дружественных нам разведок не может похвастаться наличием собственной коровы в советском колхозе!

Глава тринадцатая
ПОРТЯНКИ — СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

В июне 1958 г. во время очередной явки Попов патетически объявил, что за корову, на которую ему ссудил деньги Кайзвальтер, он в знак благодарности готов отдать «телку» — молодую агентессу-нелегала Таирову, которую ему поручили забросить в Нью-Йорк.

Согласно плану, Таирова должна была проживать в Нью-Йорке по американскому паспорту, принадлежавшему какой-то парикмахерше польского происхождения. Паспорт якобы был ею потерян во время посещения родных в Польше.

Руководство ЦРУ, рискуя поставить под удар свой источник информации — «Грэлспайса» — с большой неохотой предупредило американскую контрразведку, ФБР, о предстоящей засылке в США советской лазутчицы.

…Дальнейшие события подтвердили обоснованность опасений цэрэушников. В искреннем порыве как можно быстрее разоблачить советскую агентессу-нелегала ФБР окружило женщину такой бесцеремонной опекой, что она, почувствовав опасность разоблачения, немедленно воспользовалась запасным путем отхода и вернулась в СССР.

ГРУ тут же отозвало Попова из ГДР в Москву для выяснения причин неудачной заброски Таировой. Не без помощи своего покровителя генерала армии Ивана Серова, успевшего к тому времени с треском вылететь из кресла председателя КГБ и стать во главе Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, Попов сумел оправдаться, обвинив в неудаче саму Таирову.

Формальных оснований для отстранения изменника от работы не было, но по инициативе начальника Второго главного управления КГБ генерал-лейтенанта Грибанова за границу Попова больше не выпустили, предоставили жилье в Твери и установили за ним бессрочное круглосуточное наружное наблюдение. Дабы подсластить пилюлю и убедить Попова, что он по-прежнему пользуется доверием, ему устроили псевдоповышение — присвоили звание полковника и назначили начальником хозяйственного управления ГРУ.

…С тех пор полковник Попов приступил к охране и обновлению особо секретного оружия Советской армии — портянок…

Глава четырнадцатая ВСТРЕЧИ «В ОДНО КАСАНИЕ»

Накануне отъезда Попова из Германии Кайзвальтер, предвидя, что отсутствие агента может затянуться на неопределенное время, познакомил его с сотрудником резидентуры в Москве Расселом Аугустом Ланжелли, который должен будет выполнять обязанности связника во время пребывания «Грэлспайса» в Советском Союзе.

Кроме того, для приема радиосигналов Кайзвальтер вручил Попову приемник и дал прослушать магнитофонную запись сигналов, которые тот должен был принимать, находясь в Союзе. В инструкции говорилось:

«План на тот случай, если вы останетесь в Москве. Пишите тайнописью по адресу: семья Краббе, Шильдов, ул. Франца Шмидта, 28. Отправитель Герхард Шмидт. В этом письме сообщите все данные о вашем положении и дальнейшие планы, а также когда вы будете готовы принимать наши радиопередачи. Радиоплан следующий. Передачи будут по первым и третьим субботам каждого месяца. Время передачи и волна указаны в таблице…»

В ходе знакомства Ланжелли и Попов договорились, что их встречи будут проходить в режиме «моменталки» — агент встречает связника в каком-нибудь многолюдном месте и в одно мгновение передает ему собранные материалы, взамен получая гонорар.

Это, по мнению Ланжелли, воспрепятствует «наружке» зафиксировать контакт — поди разберись, кого агент коснулся в толпе случайно, а кого преднамеренно. Кроме того, после передачи материалов «в одно касание» в людном месте им обоим будет легче затеряться и уйти от возможного «хвоста».

* * *

Первая встреча с «Грэлспайсом» была проведена американцем в фойе гостиницы «Советская». Проведена виртуозно, действительно «в одно касание».

В те годы при входе в гостиницу была установлена массивная крутящаяся дверь-карусель. Поделенная на четыре отсека, в каждом из которых мог уместиться только один человек, она беспрерывно вращалась против часовой стрелки.

…Ровно в 16.00 Попов неторопливо поднялся по ступенькам «Советской» и вошел в один из отсеков «карусели». Как только он оказался в фойе, Ланжелли, поджидавший агента внутри, сделал шаг ему навстречу и принял пакет. Не покидая «карусели», Попов через секунду вновь оказался на улице, и спокойно двинулся к троллейбусной остановке. Со стороны могло показаться, что рассеянный полковник по ошибке заглянул в гостиницу. Полковник? Ну да! Ибо на конспиративные встречи Попов выходил только в военной форме и всегда в обусловленное место добирался на общественном транспорте — сказывался его крестьянский рационализм: плату за проезд с военнослужащих в форме кондуктора не брали…

Когда в одном месте в одно и то же время оказываются два разведчика из противоборствующих спецслужб, «наружка» задается вопросом: а не играют ли они, как два тапера за одним роялем, в четыре руки? Задача же контрразведчиков выяснить, кто заказывал музыку и для кого играют «таперы»…

* * *

Вскоре напротив входов всех московских гостиниц, где были установлены двери-карусели, оперативники устроили стационарные посты наружного наблюдения, оборудованные кино- и фотоаппаратурой. Такие же посты установили и в фойе.

…Через два месяца, ровно в 16.00 Попов был в фойе гостиницы «Центральная», куда пятью минутами ранее вошел прибывший на ярко-красном «бьюике» с дипломатическими номерами мистер Ланжелли.

Все произошло так же, как и в «Советской», с той лишь разницей, что, завидев «Грэлспайса», американец втиснулся к нему в отсек, выхватил у него из рук почтовый конверт, выбежал на улицу и впрыгнул в сорвавшийся с места «бьюик», за рулем которого сидел невесть откуда взявшийся Джордж Пейн Уинтерс-младший, еще один цэрэушник, работавший под прикрытием вице-консула посольства США в Москве.

…Как выяснится позже, причиной, побудившей Ланжелли действовать с прытью ковбоя, была поднятая сотрудниками наружного наблюдения суета, которые на свой страх и риск решили взять с поличным американца и Попова.

С этой целью они в фойе гостиницы развили бурную подготовительную деятельность, не оставшуюся незамеченной Уинтерсом-младшим. Последний во время проведения Расселом Ланжелли операции по связи с «Грэлспайсом» осуществлял

контрнаблюдение, то есть выяснял, есть ли «хвост» за Ланжелли или за агентом.

Обнаружив подозрительно-повышенную активность «обслуживающего персонала» гостиницы в фойе, Уинтерс понял, что готовится ловушка, и в самый последний момент, когда агент уже шагнул в «карусель», подал коллеге сигнал тревоги, а сам опрометью бросился к машине.

Промах, допущенный не в меру ретивыми русскими «топтунами», исправил, как это ни покажется парадоксальным, американец Уинтерс…

Глава пятнадцатая
«ШПИОНСКАЯ ПЫЛЬ»

Джордж Пейн Уинтерс-младший, молодой кадровый офицер ЦРУ «сиделпод корягой» — прикрытием — второго вице-консула посольства Соединенных Штатов в Москве. Он входил в группу так называемых «привлеченцев», основной задачей которых являлось приобретение агентуры из числа советских граждан, представлявших для ЦРУ оперативный интерес.

Внимание нашей контрразведки он привлек нестандартностью поведения, повышенной общительностью и чрезвычайной мобильностью. Чтобы полнее фиксировать радиус перемещения американца и объекты его устремлений, было принято решение применить «шпионскую пыль» — спецпрепарат, незадолго до описываемых событий разработанный в секретных лабораториях КГБ. Горничная, она же по совместительству агентесса Второго главка, получила задание регулярно «опылять» одежду Уинтерса во время уборки его квартиры…

«Шпионская пыль» позволяла нашим контрразведчикам с помощью особых датчиков выявлять связи сотрудников резидентуры ЦРУ, действовавших под прикрытием американского посольства в Москве.

Скажем, подвез американский разведчик своего осведомителя на машине, салон которой обработан «пылью», и микрочастицы химиката осядут на неопределенно продолжительное время на коже и одежде водителя и пассажира, как и на всех предметах, к которым они прикасались.

* * *

Вечером 23 декабря 1958 г. Попов позвонил на квартиру атташе посольства США Р. Ланжелли и условным сигналом вызвал его на личную встречу, которая должна была состояться в воскресенье, 27 декабря, в мужском туалете Центрального детского театра во время первого антракта утреннего спектакля. Однако Ланжелли, пришедший в театр с женой и детьми, напрасно прождал Попова в условленном месте — тот не явился. В ЦРУ были обеспокоены отсутствием Попова в театре и совершили ошибку, стоившую ему жизни.

…Получив из Штатов письмо от Кайзвальтера, адресованное «Грэлспайсу», и неправильно поняв инструкцию, Уинтерс, вместо

того чтобы вручить письмо агенту в руки, отправил его по почте, так как на конверте был указан домашний адрес Попова.

Результаты не заставили себя ждать. Датчики, которыми были снабжены сотрудники наружного наблюдения, следившие за Уинтерсом, не только зафиксировали его приближение к почтовому ящику, но и какие-то манипуляции с ним. Изъятую корреспонденцию проверили с помощью приборов, и участь Попова была предрешена: он оказался «под колпаком у Второго главка». В ходе наблюдения было установлено, что Попов дважды — 4 и 21 января 1959 г. — встречался с Ланжелли, и во время второй встречи получил от американца 15 тысяч рублей. Было принято решение арестовать Попова, и 18 февраля 1959 г. его взяли с поличным у пригородных касс Ленинградского вокзала, куда он прибыл на очередную встречу с Ланжелли.

При обыске у него дома в Твери в тайниках, оборудованных в охотничьем ноже, катушке для спиннинга и помазке для бритья были обнаружены средства тайнописи, радиоплан, шифровальные и дешифровальные блокноты, подробная инструкция пользования шифрами и адресами, по которым он мог известить ЦРУ из СССР о своем положении. Кроме того, в ходе обыска было обнаружено тайнописное донесение, подготовленное для передачи Ланжелли: «Отвечаю на Ваш номер один. Ваши указания принимаю к руководству в работе. На очередную встречу вызову по телефону перед отъездом в Москву. При невозможности встретиться перед отъездом напишу на Краббе. Копирка и таблетки у меня есть, инструкция по радио нужна. Желательно иметь адрес в Москве, но весьма надежный. После моего отъезда постараюсь два-три раза в год выезжать на встречи в Москву…

Сердечно благодарен Вам за заботу о моей безопасности, для меня это жизненно важно. За деньги тоже большое спасибо. Сейчас я имею возможность встречаться с многочисленными знакомыми с целью получения нужной Вам информации. Еще раз большое спасибо».

Попов сразу во всем признался и согласился сотрудничать с Комитетом госбезопасности в игре по дезинформации противника. Однако на первой же встрече Попов предупредил Ланжелли, что находится под контролем КГБ. Накануне он умышленно порезал руку и спрятал под повязкой записку. В туалете ресторана «Арагви» он снял повязку и передал американцу записку, в которой сообщал, что схвачен и находится в тюрьме КГБ. Ланжелли, полагая, что таким образом «Грэлспайс» решил в одностороннем порядке прекратить сотрудничество, назначил ему контрольную встречу. Встреча состоялась 16 сентября в рейсовом автобусе № 12. Попов указал глазами на

магнитофон, закрепленный у него за лацканом пиджака, но было уже поздно. Ланжелли был задержан, но благодаря дипломатическому иммунитету был отпущен. Вскоре он был объявлен персоной non grata и выслан из Союза.

Глава шестнадцатая
ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ

7 января 1960 г. в клубе чекистов им. Ф. Э. Дзержинского под председательством генерал-майора юстиции Виктора Борисоглебского состоялось заседание Военного трибунала, который вынес Попову приговор, который гласил: *«Попова Петра Семеновича признать виновным в измене Родине и на основании ст. I Закона об уголовной ответственности предать смертной казни с конфискацией имущества».*

Изменник был расстрелян, однако по версии еще одного предателя из ГРУ, бежавшего на Запад (в России известен как Виктор Суворов, автор книги «Аквариум»), Попов был заживо сожжен в спецкрематории КГБ. В качестве доказательства Суворов ссылается на короткую публикацию в «Правде», в которой вместо привычных в таких случаях слов *«приговор приведен в исполнение»* было напечатано: *«уничтожен, как бешеный пес».*

…Генерал армии Иван Александрович Серов был смещен с должности председателя КГБ и назначен начальником Главного разведуправления Генштаба ВС СССР.

…Гретхен Рицлер, окончательно ставшая Гретой Ламсдорф, в 70-е гг. прошлого столетия владела фешенебельным публичным домом на Лазурном берегу Франции. По окончании Второй мировой войны во Франции был принят закон № 46/685 («Закон Марты Рише»), запрещавший содержание публичных домов, поэтому заведение Ламсдорф работало под «крышей» мужского ателье мод для очень богатых клиентов.

В «ателье» трудились более трехсот «сотрудниц» разных национальностей, специалисток по самым экзотическим видам секс-услуг.

Однако основной статьей дохода Ламсдорф по-прежнему оставался шпионаж. Опыт добывания секретной информации, приобретенный во время сотрудничества с Джорджем Кайзвальтером, она передала своим секс-сотрудницам, обслуживавшим капитанов индустрии и политических деятелей Запада.

Несмотря на почтенный возраст, Грета и сама была не прочь установить интимные контакты с особо ценными клиентами. Среди ее любовников было около десятка глав правительств западноевропейских стран, но ее особым расположением пользовался Уинстон Черчилль-младший, военный советник

премьер-министра Англии.

Узнав об их интимной связи, Маргарет Тэтчер поспешила заявить, что в ней нет ничего предосудительного, так как она носит чисто личный характер.

Сведения военного, экономического и политического характера Ламсдорф продавала постоянному заказчику — Аднану Хашогги, крупнейшему в мире торговцу оружием. В высшем свете Запада он был известен как «аравийский Рокфеллер». Через два года успешного сотрудничества с Хашогги Ламсдорф вышла за него замуж и стала соучастницей акций аравийского мультимиллионера по созданию или раздувании вооруженных конфликтов в разных регионах мира с целью продажи вооружений.

При этом «сладкая парочка» умудрялась поставлять оружие обеим конфликтующим сторонам одновременно.

…В 1961 г. Джордж Кайзвальтер назвал свою работу с Петром Поповым генеральной репетицией своего триумфального выступления со вторым «кротом» из ГРУ — полковником Олегом Пеньковским, а затем и с третьим — генерал-майором Дмитрием Поляковым…

notes

Примечания

1

«Тригон» — Александр Огородник, старший референт министра иностранных дел СССР, до июля 1977 г. работавший на ЦРУ. Россиянам старшего поколения известен как фигурант романа Юлиана Семенова и одноименного фильма «ТАСС уполномочен заявить» под кличкой «Трианон».

2

Red herring (*англ.* — «красная селедка») на жаргоне американских спецслужб — операция по дезинформации, отвлекающий маневр.

3

АНБ — Агентство национальной безопасности. Самая многочисленная, но и самая секретная американская спецслужба, о которой на Западе давно слагаются легенды. В США шутники расшифровывают аббревиатуру NSA как No Such Agency — то есть «Нет такого агентства», или Never Say Anything! — то есть «Никогда и ничего не говори!». Острословы из Оперативно-технического управления КГБ название АНБ расшифровали как «Агентство «Не болтай».

Штаб-квартира АНБ находится в Форт-Миде, штат Мэриленд, примерно на полпути между Вашингтоном и Балтимором. Оттуда исходит управление всей глобальной прослушивающей сетью АНБ, на вооружении которой спутники, авиация, корабли и наземные станции перехвата. Они полностью контролируют радиоэфир, телефонные линии, компьютерные и модемные системы, а также систематизируют и анализируют излучения факсовых аппаратов и сигналы, исходящие от радаров и установок наведения ракет (!) на всем земном шаре.

В мэрилендских структурах АНБ работает более 20 тысяч человек, что делает эту организацию крупнейшим государственным работодателем. Около 100 тысяч человек — в основном военнослужащие — трудятся на базах и станциях АНБ по всему миру. Всем своим сотрудникам на вопросы, где они работают, администрация АНБ рекомендует отвечать: «в Министерстве обороны».

АНБ имеет дело с невероятно огромным притоком информации. По оценкам экспертов агентства, если исходить из того, что в фондах Библиотеки конгресса США насчитывается около 1 квадриллиона бит информации, то, используя технологии, которыми располагает АНБ, можно каждые три часа полностью заполнять эти фонды.

Хотя АНБ хранит свои достижения в строжайшей тайне, кое-что порой все же просачивается в прессу (впрочем, не исключено, что руководство Агентства намеренно допускает «слив» информации для создания имиджа устрашения). Так, в 1980 г. газета «Вашингтон Пост», ссылаясь на сведения, полученные от анонимного сотрудника АНБ, опубликовала беседу генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева с председателем Совета министров СССР Алексеем Косыгиным, которую они вели по радиотелефону из своих ЗИЛов на пути к правительственным дачам; в 1988 г. — информацию, приведшую к установлению личности ливийцев, причастных к взрыву бомбы в самолете «Пан-

Американ» в небе над Шотландией, в результате чего погибли 270 человек; в 1994 г. — репортаж, как с помощью жучков, установленных техниками Агентства, удалось определить местонахождение колумбийского наркобарона Пабло Эскобара, который затем был убит колумбийской Службой безопасности.

Сегодня с помощью аппаратуры, установленной на крыше посольства США в Москве на Садовом кольце, эксперты АНБ могут прослушивать телефонные переговоры всех членов столичного правительства, которые они ведут со стационарных аппаратов…

— Дмитрий Поляков, генерал-майор ГРУ, завербован в 1961 г. В 1986 г. арестован и расстрелян;

— Олег Гордиевский, полковник ПГУ КГБ, завербован СИС в 1974 г. В 1985 г. нелегально вывезен англичанами из СССР;

— Леонид Полещук, подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1974 г. В 1985 г. арестован и расстрелян;

— Борис Южин, подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 г. В 1986 г. арестован и осужден на 15 лет лишения свободы;

— Владимир Пигузов, полковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 г. В 1985 г. арестован и расстрелян;

— Сергей Бохан, полковник ГРУ, завербован в 1976 г. В 1985 г. бежал в США;

— Владимир Поташев, старший научный сотрудник Института США и Канады, завербован в 1981 г. В 1986 г. арестован и осужден на 13 лет лишения свободы. В 1992 г. освобожден по амнистии, выехал в США;

— Валерий Мартынов, подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1983 г. В 1985 г. арестован и расстрелян;

— Сергей Моторин, майор ПГУ КГБ, завербован в 1983 г. В 1985 г. арестован и расстрелян;

— Геннадий Сметанин, полковник ГРУ, завербован в 1983 г. В 1986 г. арестован и расстрелян;

— Геннадий Вареник, подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1984 г. В 1985 г. арестован и расстрелян;

— Сергей Воронцов, майор КГБ, завербован в 1984 г. В 1985 г. арестован и расстрелян;

— Владимир Васильев, подполковник ГРУ, завербован в 1980-е гг. В 1986 г. арестован и расстрелян;

— Олег Агранянц, сотрудник МИД СССР, попросил политического убежища в США;

— Сергей Илларионов, сотрудник ПГУ КГБ, завербован в 1990 г. В 1991 г. бежал в США;

— Вячеслав Баранов, полковник ГРУ, завербован в 1989 г. В 1992 г. арестован, осужден на 6 лет лишения свободы.

5

9 июня 1985 г. при обыске на квартире Толкачева на антресолях и в платяных шкафах были обнаружены и изъяты семь (!) коробок из-под женских сапог, доверху заполненные банковскими упаковками с купюрами номиналом 25,50 и 100 рублей — в общей сложности 1 328 500 рублей.

6

Суд приговорил Толкачева к расстрелу, и 23 июля 1986 г. приговор был приведен в исполнение. Примечательно, что президент США Рональд Рейган, находясь с официальным визитом в Москве в октябре 1986 г., обратился к Михаилу Горбачеву с просьбой о передаче Толкачева под юрисдикцию Соединенных Штатов, при этом он, как и в случае с Поташевым, озвучил импровизированный афоризм: «Ведь шпионаж — война без трупов, не так ли, господин Горбачев?»

Как и прежде, Горбачев мгновенно понял, что имеет в виду Рейган. Однако на этот раз ему не суждено было порадовать собеседника. Нахмурив брови, генсек тихо произнес: «Поздно… Уже расстреляли…»